



## Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ  
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Союз писателей России  
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд  
славянской письменности  
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор  
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,  
Ю. В. БОНДАРЕВ,  
А. В. ВОРОНЦОВ,  
В. Н. ГАНИЧЕВ,  
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,  
Г. М. ГУСЕВ,  
Т. В. ДОРОНИНА,  
С. Н. ЕСИН,  
Л. Г. ИВАШОВ,  
С. Г. КАРА-МУРЗА,  
В. Н. КРУШИН,  
А. Н. КРУТОВ,  
А. А. ЛИХАНОВ,  
М. П. ЛОБАНОВ,  
Ю. М. ЛОЩИЦ,  
С. А. НЕБОЛЬСИН,  
Ю. М. ПАВЛОВ,  
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,  
В. Д. ПОПОВ,  
В. Г. РАСПУТИН,  
Е. С. САВЧЕНКО,  
А. Ю. СЕГЕНЬ,  
В. В. СОРОКИН,  
С. А. СЫРНЕВА,  
А. Ю. УБОГИЙ,  
Р. М. ХАРИС,  
М. А. ЧВАНОВ

### Проза

|                                   |     |
|-----------------------------------|-----|
| Олег ЖДАН                         |     |
| Гений. Повесть .....              | 11  |
| Раиса БОРОВИКОВА                  |     |
| Метеоритное железо. Рассказ ..... | 38  |
| Георгий МАРЧУК                    |     |
| Давид-Городокские каноны .....    | 48  |
| Сергей ТРАХИМЁНОК                 |     |
| Родная кровинка. Рассказ .....    | 64  |
| Александр ИВАНОВ                  |     |
| Счастливые. Рассказ .....         | 79  |
| Мария РУДОВИЧ                     |     |
| Старый дом. Рассказы .....        | 91  |
| Виктор ГОРДЕЙ                     |     |
| Федора. Рассказ .....             | 99  |
| Виталий ШЕВЦОВ                    |     |
| Любимая книга. Рассказы .....     | 111 |

### Поэзия

|   |     |
|---|-----|
| Михаил ШЕЛЕХОВ                          |     |
| Имена на граните .....                  | 6   |
| Геннадий ПАШКОВ                         |     |
| Заблудись в сиреновом тумане... ..      | 31  |
| Тамара КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО               |     |
| То лесом, то полем .....                | 34  |
| Андрей СКОРИНКИН                        |     |
| Приходит время<br>отвечать за зло... .. | 45  |
| Анатолий АВРУТИН                        |     |
| Но Отчизна<br>ни в чём не повинна... .. | 62  |
| Михаил ПОЗДНЯКОВ                        |     |
| Входя в порядок мировой... ..           | 77  |
| Николай НАМЕСТНИКОВ                     |     |
| Позволь показать тебе Родину... ..      | 86  |
| Микола МЕТЛИЦКИЙ                        |     |
| Целить их души<br>песней и стихом ..... | 89  |
| Олег САЛТУК                             |     |
| Сыновнее слово .....                    | 95  |
| Валентина ПОЛИКАНИНА                    |     |
| А мне бы здесь и жить .....             | 97  |
| Елена БОРИСЕВИЧ                         |     |
| Родина и любовь .....                   | 105 |
| Светлана ЕВСЕЕВА                        |     |
| Самосознание родства .....              | 107 |
| Виктор ВЕРСТАКОВ                        |     |
| Протянем огненные руки .....            | 120 |
| Николай ШИПИЛОВ                         |     |
| Мы великой России одоная... ..          | 125 |

## Редакция

Приемная —  
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —  
зам. главного редактора —  
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —  
зав. отделом прозы —  
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —  
зав. отделом критики,  
отдел поэзии —  
(495) 625-02-81

Отдел публицистики —  
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —  
зав. редакцией —  
(495) 621-48-71,  
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —  
зав. техническим центром —  
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —  
гл. бухгалтер —  
(495) 625-89-95

## Обзоры и публицистика

|  |     |
|--|-----|
| Александр ЛУКАШЕНКО<br>Строить союз на равных .....                                    | 3   |
| Олег ПРОЛЕСКОВСКИЙ,<br>Лев КРИШТАПОВИЧ<br>Импортозамещение идей .....                  | 130 |
| Наталья СОВЕТНАЯ<br>“Горе миру от соблазнов” .....                                     | 135 |
| Алексей ВАСИЛЬЕВ<br>“Слушай голос Ат-Тахрира!” .....                                   | 148 |
| Александр СЕЛИВАНОВ<br>ИНСОР: радикальный либерализм<br>в псевдонаучной оболочке ..... | 160 |
| Владимир ПОПОВ<br>Моя Россия (окончание) .....   | 164 |
| Александр АРЦИБАШЕВ<br>Споткнуться —<br>не значит упасть .....                         | 187 |
| Юлия ЗАРЕЦКАЯ<br>Русский самородок .....   | 195 |
| Виктор БРОНШТЕЙН<br>Бизнес и культура —<br>вещи совместимые .....                      | 205 |

## Память

|   |     |
|---|-----|
| Геннадий ГУСЕВ<br>Дом, который построил Лондон .....              | 212 |
| Олег ПЕРЕВЕРЗЕВ,<br>Сергей СУББОТИН<br>На голой грани бытия ..... | 227 |

## Критика

|  |     |
|--|-----|
| Григорий КАЛЮЖНЫЙ<br>Завещание Ломоносова .....          | 220 |
| Александр РАЗУМИХИН<br>Из лучших побуждений .....        | 247 |
| Виктор БОЧЕНКОВ<br>Из чистого зерна .....                | 262 |
| Владимир ЕГОРЫЧЕВ<br>Война: подвиг и предательство ..... | 267 |

## Полемика

|                     |     |
|---------------------|-----|
| Подвода итоги... .. | 280 |
|---------------------|-----|

|   |     |
|---|-----|
| Содержание журнала<br>за 2011 год ..... | 283 |
|---|-----|

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов  
Операторы: Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова  
Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.  
Подписано в печать 01.12.11. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.  
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,4. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ №5701. Тираж 10500 экз.  
Адрес редакции: Москва, 127994, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: [www.nash-sovremennik.ru](http://www.nash-sovremennik.ru)  
E-mail: [n-sovrem@yandex.ru](mailto:n-sovrem@yandex.ru)  
(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,  
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. [www.redstarph.ru](http://www.redstarph.ru)

*Ничто так не укрепляет взаимопонимание между народами, как прямое общение с руководителем страны. Доброй традицией стали пресс-конференции Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко для российских журналистов, которые ежегодно проходят в Минске. На очередную встречу с белорусским лидером осенью этого года приехали около сотни журналистов со всех уголков России. Традиционно среди них был и представитель "Нашего современника". Общение продолжалось около четырёх часов. Редакция предлагает читателям несколько выдержек из стенограммы этого содержательного разговора.*

Александр Казинцев

**АЛЕКСАНДР ЛУКАШЕНКО**  
*Президент Республики Беларусь*

## СТРОИТЬ СОЮЗ НА РАВНЫХ

### **Об экономической ситуации**

Годы идут, но проблема объективного информирования россиян о ситуации в Беларуси еще остается. Не могу не удивляться, когда вижу порой репортажи из Беларуси: как можно все исказить, а самое главное – зачем это надо. Да, у нас есть проблемы, точно так же, как и в других странах. Мы их не скрывали и не скрываем. Мы их решаем.

Основная проблема, о которой так много писали, – дефицит валюты, это правда.

За последнюю пятилетку мы почти в пять раз получили увеличение цен на энергоносители: сырьё, материалы, металлы и так далее. А Беларусь как была "сборочным цехом Союза", финишным производством, так она и осталась по своей сути сборочным цехом Российской Федерации. Мы, конечно, очень сильно поджались, и у нас не было другого выхода, кроме как обеспечить положительное сальдо во внешней торговле. За последние месяцы мы имеем положительное сальдо около полумиллиарда.

Думаю, в будущем мы сможем нормализовать эту ситуацию, в том числе и по ценам с Россией. Идут сейчас переговоры, и идут довольно успешно. И Россия полна решимости и ответственности за обещанные при формировании ЕЭП равные условия. Что это за единое экономическое пространство, если нет равных условий – Россия готова к этому. Это даст свободу перемещения товаров, услуг, людей и капиталов. Здесь должна быть полная свобода для бизнеса, производства, заводов, фабрик, сельскохозяйственного производства и людей. К этому мы идём.

### **Об отношениях с Россией**

Когда зашла речь о Едином экономическом пространстве, я Дмитрию Анатольевичу сказал: нам не нужны никакие понижающие интеграционные коэффициенты, о которых премьер России сказал, – мы договорились о Едином экономическом пространстве, пошли на тех условиях, которые сформулировали вместе, поэтому хотим, чтобы на этих условиях и работали: если свобода

для России и граждан России в Беларуси, то такая же свобода должна быть в России для граждан Беларуси. Ваши интересы, наши, казахов и так далее — они должны быть соблюдены. Мы должны строить наш союз — а речь идёт о Евразийском союзе в перспективе — мы должны строить его на равных. Мы нигде никого не должны принижать и наклонять. Ибо союза тогда не будет.

У нас были проблемы, которых сейчас нет. Особенность наших отношений с российским руководством заключается в том, что мы, как никто другой — это не характерно ни для Европейского союза, ни для других государств в отношениях с Россией, — открыто, честно и прямо критикуем друг друга, высказываем свое мнение, не прячем за дипломатические формулировки наши настроения, выводы и так далее. Это дорогого стоит. Это только у нас с Россией сложилось. Мы прошли очень большой путь и сумели сохранить все то доброе, что осталось нам от Советского Союза. Это говорит об открытости и близости партнеров.

### **О приватизации**

Ни одна страна не допустила бы, чтобы вся ее собственность оказалась в руках другого государства. Но по числу совместных и приватизированных предприятий в Беларуси рядом с Россией никто не стоит. Так как же мы от Москвы закрываемся? Мы просто смотрим на вещи реально.

У нас в карман никто деньги не кладет, тем более президент, ибо давно уже свернули бы в бараний рог. Я честно прожил свои годы президентские и не собираюсь у народа ничего отнимать и отбирать. Поэтому хотите что-то купить — приходите. Есть цивилизованные нормы. Партнерские отношения на рыночных условиях. Сегодня “Белкалий” хотят купить китайцы, индусы, две западные компании, Катар и россияне. Мы выставим на конкурс — кто лучше условия предложит, кто дороже заплатит, тот и купит часть акций, которые мы захотим продать.

Почему бы нам не с Россией акционировать нефтеперерабатывающие заводы? Труба идёт из России, заводы настроены на переработку российской нефти. Правда, мы научились работать и на азербайджанской, и на венесуэльской, когда вы нам перекрыли задвижку. Мы вынуждены были искать своё счастье далеко от России. Благо, это ушло в прошлое. Мы получаем российскую нефть, её перерабатываем. Почему не акционироваться с источником поступления этой нефти — с Россией? Это было бы правильно. Но мы не готовы на тех условиях, которые нам сегодня предлагают.

### **Об отношениях с Китаем**

Ху Цзиньтао перед прошлыми президентскими выборами приехал к нам, когда нас душили здесь неимоверно, и в открытую заявил: мы Беларусь в обиду не дадим, мы будем поддерживать. И это Китай, который, в общем-то, в драки не лезет. Они нам 15 миллиардов долларов кредита дали — мы даже не выбрали эту кредитную линию. Пожалуйста, давайте проекты, будем строить, помогать технологически — как угодно. 3 миллиарда льготных кредитов, 15 или 17 проектов осуществляют. И кредит не 8%, как нам Кудрин через ЕврАзЭС предложил, а 2–2,5%. Они нам и никаких условий не ставят. Почему нам не опереться сегодня на такое гигантское государство, как Россия, с одной стороны, а с другой стороны — на такой растущий гигант, как Китай? Глупо было бы отказываться. И мы в своей политике опираемся на эту поддержку.

И в то же время мы не отказываемся от поддержки и нормальных отношений с США, с Европейским союзом. Но там нам постоянно условия ставят.

### **О саммите “Восточного партнерства” в Варшаве**

Что они сделали: попытались принять резолюцию, направленную против Беларуси. Но там же такое понаписали! Я столько нового узнал о себе, о Беларуси. Но ни одно государство — ни Молдова, ни Украина, ни Азербайджан, ни Грузия, ни Армения — не поддержали. Особенно грузины и азербайджанцы категорически высказались против: за что вы его избиваете? За что унижаете Беларусь? Ни один не подписал из наших партнёров, которые были приглашены.

Это для них, конечно, было ударом: Евросоюз никогда не думал, что все республики бывшего Союза вместе, единым фронтом выступят в защиту Беларуси. Вообще никогда такого не было.

### **О политической ситуации**

Да, я интересуюсь мнением белорусов обо мне. Но у меня достаточно рычагов и достаточно таких исследователей, которые мне доложат истинную картину.

Если бы я только был уверен и знал, что белорусы на 80% ненавидят Лукашенко, я бы шмотки собрал, положил на стол, сказал: спасибо, братцы белорусы. Я себе на хлеб заработаю. Я первый президент страны, и, уходя, я должен оставить страну такой, чтобы другому стыдно было бы после меня работать хуже.

### **О социальных условиях**

Зарплата должна быть такая, чтобы человек комфортно жил и мог накормить своих детей и свою семью. Как-то я белорусам сказал, которые говорят, что вот на Западе получают 2000 долларов (а у нас тогда было в эквиваленте 500 долларов): хорошо, я согласен на такой уровень зарплат, но за все будете платить, как на Западе.

А сколько стоит там образование? А сколько стоит детский садик? Мы видим это по нашим балтийским странам — там уже и детских садов не осталось, потому что за такие деньги родители не могут в детский сад ребёнка водить. А то, что мы бесплатно всех школьников кормим? Это же здоровье, это будущее нации. Мною было принято решение: как бы ни было тяжело, в школе кормить всех. Чтобы ребёнок полноценный обед получил. Если в продлёнке малыш, он три раза полноценно питается в школе. И мы их кормим. Давайте это всё посчитаем — и сколько получится? А квартплата, так называемые коммунальные услуги? Вы 85% от себестоимости услуг в среднем берете с россиянина. А знаете, сколько в Беларуси платит население? 20,7%. Давайте все это посчитаем, и тогда увидим реальную помощь населению. А сколько мы платим за первого ребёнка, за второго, за третьего? А сколько мы льготных кредитов на жильё выдали?

### **О трудовых мигрантах**

Должен быть порядок: приехал, отработал — спасибо, вот тебе деньги, поехал. Приехали учиться — у нас, наверное, тысяч пять студентов, наше образование очень высоко ценится — мы знаем каждого, где они живут, чем занимаются.

Если мы принимаем в белорусское гражданство порядка 3–5 тысяч в год, а выезжают около 600 — кто замуж, кто куда, — то этот человек определен, знает, где он будет работать. У нас нет такого, чтобы люди потом жили по подвалам по 20–30 человек и работали, как мы видим иногда в Москве, Петербурге и так далее. У нас нет такого.

### **О женщинах в политике**

У нас больше 30% в парламенте женщин. Мы это делали целенаправленно, под моим жестким давлением. Я доверяю женщинам всегда больше, чем мужикам — они более ответственны, менее авантюристичны и менее коррумпированы. Я даже не помню, чтобы мы женщину осудили за коррупцию. Это ответственные, добросовестные, порядочные люди. Женщина — это самое красивое создание природы.

Но женщине я бы президентское кресло не уступил только по одной причине — это тяжелое дело. А во-вторых, у меня и у российского президента полномочия Верховного главнокомандующего. Ну как женщина в юбке появится перед строем где-то на учениях? В Евросоюзе функции президента, наверное, может исполнять женщина, но у них полномочия другие — представительские функции. У нас же надо вкалывать, бегать, широко шагать, чтобы штаны не порвать. Не женское это дело.

МИХАИЛ ШЕЛЕХОВ



## ИМЕНА НА ГРАНИТЕ

### БРОНЗОВЫЙ СИРОТА

Здесь армии прошли. И отдымались вёрсты.  
Не злитса вороньё на санитаров строй.  
Трава стоит — жива, где положили роты  
Сто тысяч лет своих — в песок земли чужой.

Холмы сырой земли черней смертельной раны.  
И водка для живых, как смерть сама, крепка.  
А земляничный дух не выбитой поляны  
Амброзией летит к героям в облака.

Примяли русский чуб чужой песок и гравий.  
В чужое небо взвод три залпа вбил, как клин,  
И поспешил вперёд, как феникс многоглавый,  
А на земле чужой остался русский сын.

Холмы земли свежей, чем кровь геройской раны.  
И прячется звезда в тени скорбящих лип.  
Но птицы, что летят в апостольские страны,  
Садятся, чтобы взять щепоть святой земли.

---

*ШЕЛЕХОВ Михаил Михайлович родился в 1954 г. в деревне Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончил Белорусский государственный университет, Высшие курсы сценаристов и режиссёров при Госкино СССР и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. М. Горького. Поэт, прозаик, переводчик, публицист, сценарист. Лауреат нескольких творческих премий. Автор ряда книг поэзии, а также повестей и романов. Живёт в Минске.*

Тут юный спит герой. Как сказочная птица.  
Прибалтики герой, не нужный нынче ей.  
Так плачь и не молчи, небесная станица!  
И Богу говори про всех его детей.

## ИМЕНА

На высотах отчизны трава не трава —  
Шрамы белые лютой войны.  
То ли славы солдатской простые слова,  
То ли слёзы ночной тишины.  
Как влюблённые пальцы в пожатье одном,  
На граните сплелись имена.  
Полстраны заболит, чуть заденешь крылом,  
И во всех отзовется война.

Долго в шрамах траве зеленеть и желтеть.  
Но оденутся в снег имена.  
Долго птице стесняться печали, как смерть,  
Но наплачется вдоволь она.  
И, читая фамилии в камне живых,  
Будет до веку птица кружить  
И считать, и считать, и считать для глухих,  
Только мёртвым без просыпу жить.

Но однажды забьёт барабан под землёй,  
И очнутся в могилах полки.  
Соберутся весной мужики над сохой  
И затеют клепать сошники.  
И распашут отчизну навстречу корням,  
И железное жито взойдёт.  
Чтобы крепко стоять на камнях именам  
Через все небеса напролёт.

## ПОСЛЕДНИЙ СМОТР

Во тьму — товарняки на огненной метле.  
Во тьму — фронтовики по тающей земле.  
Прозрачнее мечты, багрянее любви.  
Их тёмные черты — объял закат в крови.

А кровь моя стоит — не в силах удержать.  
А кровь моя бежит — не в силах добежать.  
Как факелы в руке немеркнувшей земли,  
Уходят налегке — босые, как пришли.

Давно ушёл их вождь и генеральный штаб  
На тот загробный смотр, на праздничный корабль.  
Одна гроза на всех, один на всех приказ.  
И генеральный смех, и блеск верховных глаз.

И всё прозрачней тень от уходящих спин  
На мой весёлый день бросает тихий клин.  
Трезвонят ордена на вековом ветру.  
И дальняя война — на призрачном смотре.

## НОЧНЫЕ ПОЛКИ

Полнолуние. Жуки не слышны.  
По лопаткам ползут сквозняки.  
На деревьях одежду войны  
Шевелят батальонов штыки.

Вот проходят, чеканя шаги,  
Как туман, не сминая травы,  
Молодые в века старики,  
Что навек перед Богом правы.

Молчаливые тени полков  
Прошивает полуночный дождь.  
И моя обмирает любовь...  
Ты зачем за полками идёшь?

Прошивают их фары машин  
И врубаются ветром в ряды.  
Но прощают солдаты живым  
И не ждут табака и воды.

На тяжёлой весенней земле,  
На победном посмертном смотру  
Я повинен в одном волшебстве —  
Видеть старых солдат на ветру.

Как они, не сминая цветов,  
Я хотел бы однажды пройти —  
За спиною ночных стариков,  
Что моложе своих двадцати.

## ПОБЕДА

Дело было на седьмое ноября.  
Почему-то не хотелось больше жить.  
А на город, как чума, ползла заря  
И готовилась под флагами ходить.

Надевала шаровары свои Русь,  
Надевала свою юбочку Москва.  
Мы прошли такой большой и сложный путь,  
И могучи у брандспойтов рукава.

Как волнуется в пикетах молодёжь!  
И куда её потащат старики.  
У раскрашенной речугами пивной  
Коротались незабвенные деньки.

Эта пена и горька, и солона.  
Но под залпами салюта подшофе  
Не забыть бы, как раздетая страна  
Танцевала в 45-м в галифе.

И не брал её озноб или загул,  
И была её головушка светла.  
И никто её в участок не тянул,  
Потому что она трезвою была.

Так была она, родимая, трезва,  
Эта резаная, колотая кровь  
От победы ни жива ни мертва.  
Упаси Господь увидеть это вновь.

Я гляжу-гляжу на бедную страну  
И на синие под глазом фонари.  
Полюбить тебя? А если обману?  
Разлюбить? Так не разлюбишь, хоть умри.

Шелковистая и бедная юдоль,  
И копейку не спросишь — зашибут.  
И куда тебя твоя потащит боль,  
И куда тебя родные поведут?

Распечатали мы на трое коней  
Эту горечь, эту синюю крутель  
И бредём, стучась башкой до лучших дней,  
То в кремлёвскую, то в мурманскую ель.

Потому как нам на свете повезло.  
Даже некому на кладбище сказать,  
Как от трезвости дороги занесло,  
Как от пьянства душит сердце благодать.

#### ЧЕТВЁРТАЯ ЗВЕЗДА

*Памяти каждого четвёртого  
белоруса, погибшего во время  
Великой Отечественной войны*

За околицей три столба.  
Три дороги, как три судьбы.  
И четвёртая есть судьба,  
Но дороги нет до звезды.

Ветер носится к трём звездам,  
А к четвёртой — не кошен путь.  
Та звезда, будто Аз воздам! —  
Ей попробуй в глаза взглянуть.

Те глаза — точно пули свист,  
Те глаза, точно дым печей.  
Поглядят — облетает лист.  
В очи глянут — и ты ничей.

Но попробуй её найти,  
Ту, четвёртую, в облаках —  
Только месяцем ночь глядит  
Да железная тьма в руках.

Ах, как плачет в ночи звезда  
Тьмою умерших голосов!  
Разрывается голова,  
Крепнет ненавистью любовь.

Три дороги — моя любовь.  
На четвёртой — моя печаль.  
Я не стал бы самим собой  
Без печали той по ночам.

Без разлуки той — на крови  
И без плача — не дай вам Бог.  
Бранный род мой, поклон прими.  
Землю спас ты и в землю лёг.

За околицей — три столба.  
Три столба — зелены дубки.  
И четвёртая есть судьба.  
Звёзды павшие — земляки.

## НА ВОЙНЕ И... ПОСЛЕ

Подставка — ящик. Мальчик у станка,  
Его отец — боец, стрелок на фронте,  
И вся его надежда на сына...  
У всех вот так, чью душу ни затроньте.

А на мальчишке дом, и мать больна...  
А здесь бои, бои, и надо выжить...  
А за спиной Москва уже видна,  
И танки прут, чтоб из траншей нас выжать.

Я политрук. Мне слышать не впервой  
Из писем строки, что в мороз прогреют.  
Запомнилось: “Как трудно быть вдовой,  
Поберегись и побеждай скорее”...

Мы вспоминаем, каждый о своём,  
А при затишье даже юмор старый.  
Но горек смех товарища с письмом,  
Чья “половинка” стала сталеваром.

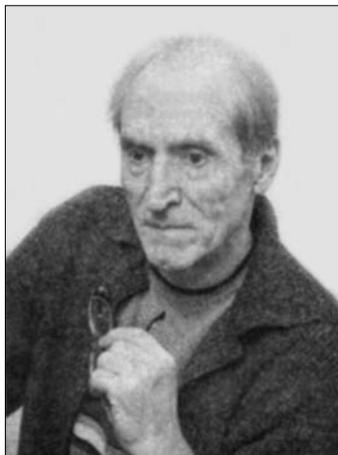
Казалось, горю нет уже конца.  
Как им хватало и души, и силы...  
У женщин, у детей того отца,  
У них бы, уцелевших, вы спросили.

Но день пришёл, и после назовут  
Его предвестником Победы нашей,  
Когда впервые: “Гитлеру капут!” —  
Сказал фашист матёрый, в плен попавший.

Про Сталинград, про Курск и про Орёл  
Заговорили в мире все корпункты.  
И в траурный сплетались ореол  
Все сказанные Гитлеру “капуты”.

Фронты на запад к “логову” ведут,  
А на восток, почти что без охраны,  
Полки из тех, что “Гитлеру капут”...  
И кто-то наш кричит им вслед: “Зер гут!  
Отвоевались, драные бараны...”

ОЛЕГ ЖДАН



## ГЕНИЙ

ПОВЕСТЬ

Этот апрельский день начался для него так же отвратительно, как все другие. Во-первых, в автобусе какой-то дружелюбный мужичок раза в два старше уступил место: “Садись, дед”, а когда протолкался перед остановкой ближе к двери, кто-то пихнул в спину: “Эй, пацан, сходишь ты или нет?..” Во-вторых, вахтерша на проходной так долго изучала пропуск, сверяя фотокарточку с натурой, поглядывая на его козлиную бородку, что он не выдержал, поднял руки, как копытца, и заблеял, подтверждая сходство. В-третьих... Чтоб добраться до завода к половине восьмого, нужно подняться в шесть, и он в самом деле чувствовал себя кем угодно, только не человеком.

Месяц назад завком поручил ему написать портреты передовиков для Аллеи трудовой славы. Работа простая, если — с фотокарточек, как было заведено до сих пор. Но в том-то и дело, что он не мог без отвращения глядеть на такие портреты, где слесари, грузчики, фрезеровщики запечатлевались “на века” надутыми и важными, как члены правительства. В конце концов, если серьезно, каждый из них стал “передовиком” не из-за обезьяньей любви к труду. У каждого на то своя причина. Один от жадности, другой от молодости и избытка силы, третий от стремления угодить начальству, четвертый от врожденной старательности, пятый... Нет загадок в этом мире, все можно объяснить.

Он ходил по участкам, приглядываясь, делал эскизы, пробы, сверяя, как та вахтерша в проходной, натуру и фотографию. И вот работа закончена, сегодня — сдача. Вынес портреты из мастерской — комнатки, которую ему

---

*ЖДАН Олег Алексеевич родился в 1938 году в Смоленске. Окончил историко-географический факультет Могилевского пединститута, Литературный институт им. А.М. Горького, Высшие курсы сценаристов и режиссеров. Автор многих книг. Член Союза писателей СССР, член Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.*

выкроили в красном уголке, расставил вдоль стен, еще раз рассмотрел их и остался, в общем, доволен. В лицах были и смысл, и правда, а все вместе они — вполне бессмысленная человеческая жизнь.

Хотите — осмысленную? Тогда вы ошиблись адресом. Каждый настоящий художник пишет такую, какой живет сам. Бессмысленная ведь не значит — без содержания. И это в человеке главное, за что его можно уважать или презирать.

Непростая задача стояла перед ним, но он справился с ней. Как? Этого он не знает.

Здесь же, в красном уголке, находилась библиотека, и Лена, библиотекаряша, девочка, только что закончившая училище, была первая, кто увидел его работу.

— Ой, Тришенька, — сказала она, — ты — гений.

Он улыбнулся: это было так, и он знал об этом с рождения.

— Хочешь, напишу тебя?

Однако Лена покачала головой — задумчиво, с сомнением.

Тоже понятно: он узнает о ней нечто такое, чего не знает или не хочет знать сама. А зря. Люди не видят себя со стороны, стремятся соответствовать некоему придуманному или чужому облику — тут и возникает напряжение, которое мешает жить. Понимает она себя как хорошенькое, умненькое, нужное всем и каждому, смеленькое существо... А увидит незначительного человечка, испуганного своим явлением на белый свет, согласного прожить без счастья, довольствуясь зернышком, росинкой, — только бы не улопокали, толпой не гнали. Для таких и придумали фотографию: острый носик, нежный взгляд — вот и утешение на всю жизнь. Или — смелый, умный, целомудренный. Или — смелый, умный, развратный. Печальный. Неприступный. Влекущий. Многого можно выразить, если приготовиться и собраться. Все доступно на один раз.

И самая дорогая фотокарточка — где тень ресничек запечатлелась на юной щеке.

Выражения эти она будет тщательно копить, совершенствовать и аккуратно складывать в альбом — гербарий ее девичьей жизни. Там они будут храниться долго, никому не нужные, кроме самого собирателя. Вот какая я была. Только с остреньким носиком ничего поделать нельзя — замерзающая синичка притаилась в окне.

Лена уже испуганно глядела на него.

— Ты что, Триша, ты что?..

Скрылась в своей библиотеке, забила, как мышка, меж книг. Но — поздно. Это мгновение и остановит он. Наколет, как насекомое, на булавку. Ничего люди не хотят знать о себе, ничего.

До комиссии оставалось два часа. Как раз хватит, чтобы расправиться с ней, ничтожной и жалкой. Не так безобидны эти испуг и скромность. Пройдет время — из самозащиты превратятся в оружие. Сколько он повидал таких, с приметамы былой скромности на лице.

“Ты, разумеется, гений, Трифон, — говорил, к примеру, скромный человек, который предал его впервые десять лет назад и с того времени предавал всегда, постоянно. — Но все, что ты делаешь, отвратительно, мерзко. Мир, как ты его понимаешь, не мог бы существовать. У Босха был Христос, а у тебя?” — “У меня — я”, — отвечал Тришка.

Легко и быстро ложился линии на бумагу. Не заметил, как утекли два часа, и комиссия вошла в красный уголок.

Этот дар или несчастье, вывих, а может, и тайная болезнь появились у него не в первом классе, когда учительница, вдруг засуетившись, спросила: а кошку можешь нарисовать? А собаку? А елочку? И не в детском саду, когда воспитательница с недоумением разглядывала его мазню, а мать стояла рядом и стыдливо кивала головой: что тут сделаешь, кое-как объясняла, он с этим вывихом родился, а правильнее — зародился. Она, как только забеременела им, Тришенькой, сразу почувствовала неладное, некую непонятную жадность к цвету, к краскам, как другие женщины к огурцам. Часами

могла глядеть на синее небо, на восход-закат, а то и на собственную кровь — уколёт палец иголкой и смотрит. Главное, чтоб был чистый цвет. Но это она, кажется, не воспитательнице говорила и не учительнице, а доктору в известной клинике, где исследовали всяческие особенности, и не художества Тришеньки были тому причиною, совсем иное: если просили нарисовать кошку, изображал собаку, если собаку — кота. Что касается художеств — тут ничего не сделаешь, все от нее, матери, передалось. Или ей от него?.. Знаете эту трубку калейдоскопическую, повернешь и — новый узор? Неделями, месяцами глядел в нее. Как же, отнимешь. До посинения вопил.

Учился? Учился неважно. Спасибо учителям, вошли в положение матери, переводили из класса в класс. Во-первых, неинтересно ему там было, все ж таки не обыкновенный мальчик, может, и гениальный, а во-вторых, лупили его там все кому не лень. Чтоб выпроводить в школу, много чего надо было выкричать. Сперва через день ходил, потом раз в неделю, потом... За что лупили? Но ведь надо же кого-то. Как без этого? Ну, а Триша и ростом не вышел, и силы не накопил. Что тут поделаешь, поздний ребенок.

Многие говорили — с ума сошла, сорок лет. Ну, а как мне было жить без него?

Да и не могла не родить. Он жил во мне давно, лет уже... не знаю, всегда. Знала, какой он, как ест-пьет, на горшке сидит... Все знала. Оставалось выпустить на Божий свет. Это ведь я преступление совершила б, если бы... Не перед людьми, нет, им все равно, перед Богом.

Отец? Какой отец? А-а... Да был тут один... это... такой... Не хочу. При чем тут он? Я бы и без него... Что?

Однако это уже не доктору, а брату своему, усатому дядьке из Салехарда, что приехал на два дня и подарил пачку денег. Никогда еще не видел он мать такой обрадованной, благодарной. Весь вечер подходила к шкафу потрогать деньги и, счастливая, возвращалась к столу. На следующий день дядька без повода отодрал его, Тришку, считая, что художества — от отсутствия мужской руки. Ночью он решил перерубить кадыкастое дядькино горло кухонной сечкой, однако не смог ее отыскать в потемках. Опять же, бесперспективно: не узнает дядька, что будет дальше, не сможет покаяться перед ним. Пусть живет. И только деньги достал из-под белья в шкафу, засунул перед отъездом в его чемодан.

В десятом классе и вовсе перестал ходить в школу. К экзаменам на аттестат зрелости не допустили, выдали справку, дескать, прослушал курсы. И когда одноклассники готовились к экзаменам, алгебру-физику повторяли, он Ганди читал, лежа на диване. Или разглядывал альбомы репродукций, их у него целый шкаф. Знаете, сколько стоит один альбом?.. С другой стороны, как не дать денег? Может, окупится, как вы думаете? Мальчик-то гениальный, это само собой. Вот, например, через год сдал экзамены на аттестат зрелости экстерном — разве не гениальность?

А это кому говорила? Продавцу в гастрономе, почтальону, приемщице химчистки? Такая вот у него мать. Каждому, кто пожелает, расскажет всю жизнь от беременности до нынешних дней. А вот как жила до беременности — нет, будто тогда и началась ее жизнь. “Иногда кажется, что я недостойна такого ребенка. В самом деле, за что?..” Была она тощая, суетливая, работала почасовиком в технологическом институте, пыталась даже защититься — не вышло, и каждый год тряслась, что “не укомплектуют”, не возьмут.

“Мама, у тебя вата из пальто лезет!” — “Вата?.. Что поделаешь, старое пальто”. Это был ее ответ миру, любимое присловье, принцип. Опять не дали квартиру? Что поделаешь. И жили в закутье, в цокольном этаже, где солнце можно увидеть, если положить голову на подоконник, а стены источают сладкий канализационный аромат. Не продлили больничный? Что поделаешь, если организм не дает высокой температуры? Ручка портфеля оторвалась? Свяжем проволочкой. Что поделаешь, пора.

Самые ненавистные слова.

Иной раз закрадывалось сомнение. Уж слишком охотно рассказывала, как ходила беременная, какие муки претерпела во время родов, что испытала, когда ее мальчик подал голос... Она ли его родила?

С трудом переносил ее присутствие в комнате, постоянную беготню на двенадцати метрах, улыбку, с которой вносила щи со свиной головизной, словно суп-жюльен. Конечно, иногда и жалел ее, а когда-нибудь и любил: когда работал и чувствовал — удается. Но в такие минуты он любил даже своих врагов, хотя бы за то, что они — современники, а следовательно, станут свидетелями своего ничтожества и его торжества.

Приемка портретов комиссией длилась недолго. Походили взад-вперед, перекинулись парой слов. В самом деле, о чем говорить?.. “Это кто, Романцов или нет?” — “Он. Ну и рожа. А это Ядищева. Ничего баба, а?” — “А вот и Гарбузенок”. — “Мишка? Ах-ха-ха-ха!..” И так далее. Через три минуты потеряли интерес.

— Заберем после обеда, — сказал один из них.

Почувствовал Тришка, однако, что портреты не слишком понравились. Не беда. Таких ценителей... Даже не вышел к ним из мастерской.

Один из портретов удался ему больше других — Матвея Селиха. Удалось передать и независимость этого незнакомого доселе человека, и тайную обиду в подрагивающих губах. Отчего копилась эта обида? На кого или на что была обращена? На людей или на судьбу?.. Не столь уж редка обида в лицах, и отличало Селиха лишь только ее сочетание с независимостью, на первый взгляд казавшееся дурной злобой. Вставало за штрихами сангины большее, нежели исправный работник сорока пяти—сорока шести лет, — человек, очень надевшийся на счастье, а проживший свои годы в тяжелом труде и, наверно, печальном быту. Есть и сейчас надежда в его пристальном, как у битой собаки, взгляде, — поздно.

Чтобы подчеркнуть завершенность облика и судьбы, он написал его старше — лет на пять-шесть.

Удалась, пожалуй, и Ядищева — еще молодая, еще красивая, но недавняя беззаботность в ее нагловатых, навькате, глазах уже уступала место печали. Женщины ему всегда удавались с трудом. Мешало представление об их независимости, покое, недостижимом для мужчин совершенстве. А может, то, что до сих пор он их, женщин, не знал. “Мальчик, — спросила Ядищева, когда он с карандашом и блоком остановился около нее, — почему у тебя белая борода?” Заглянула в глаза и рассеялась, будто увидела, что не знает он еще ничего. Мальчик! Вряд ли ей самой было больше чем тридцать лет.

А вот портрет Мити Брусова не получился, хотя он с охотой позировал во время обеденного перерыва и приходил продолжить сеанс в мастерской. Здоров и счастлив — единственное, что можно прочесть в лице.

В детстве Тришка страдал затыжными насморками, приучился шмыгать носом, даже если здоров. Позже мерзкая привычка исчезла и возвращалась только когда работал.

“Сочувствовать надо, а ты издеваешься над людьми”, — говорил ему приятель-предатель. Издевался? Нисколько. Просто показывал, что нельзя скрыть тайные намерения и страсти. Сторожкие уши выдадут истинное назначение доверчивых глаз, нос перечеркнет ласковую улыбку, щедрый блеск зубов выдаст корысть и алчность.

“Человек заслуживает уважения и сочувствия”.

Тришка расхохотался. Человек заслуживает? История это не подтвердила. Не говоря уже о том, что не подтвердила его, Тришкина, личная жизнь. Чем — заслуживает? Тем, что изо дня в день, сытый и голодный, в злобе и по привычке, душит себе подобных? Или тем, что для выживания использует все, от слезных желез до кулаков и зубов? За что его, Тришку, травили в школе, забивали в армии? За зло? Нет, за малый рост, узкие плечи. За вечный насморк, кривые зубы, прыщи на носу, за то, что уши оттопырены больше, чем у других. Уважения? Ха-ха.

“Ну и потом... что это за подпись?”

Подписывался он довольно разборчиво: Тришка. Но никому не удавалось тотчас уразуметь коротенькое словцо. Разбирали по буквам: Т-р-и... Тришка? Полное недоумение. Уж не издеваются ли над нами? Нет такой традиции.

— Вот именно, — отвечал. — Потому. Мать моя — подкидыш, я — незаконнорожденный. Нет у меня настоящего корня, нет и традиции. Тришка я.

Все. А вы, сударь, считаете, что имеете право на фамилию? Дед-прадед не переворачиваются в гробах?

Мир уже давным-давно идет не туда и не так. Жаждет не того, добивается ничтожного. Ликует от ненависти, наслаждается унижением, радуется от злобы.

Стало трудно работать по памяти, и он попросил Лену постоять у окна десять минут. Она вошла с опаскою, остановилась на пороге, как курица, подергала головой. Увидела набросок и замерла. Вот чего ему не хватало! Куриный взгляд и наклон головы. Разрешите, я постою на одной ноге, посмотрю одним глазом, лизну кончиком языка. Присяду на одну ягодицу, поношаю одной ноздрей.

Вот что: всемирная посредственность будет ее портрет.

Поднял голову и увидел в маленьких глазах слезы.

— Что я тебе сделала, Триша?

Кинулась вон на каблучках, будто овечка на тонких копытцах. И еще: незаметная слеза должна стоять в чистых глазах. Почувствовал благодарность к Лене. Дурочка. Подумала, что он рисует ее портрет.

В обед он, как всегда, пошел в блинную. Нет, не любовь к блинам с маслом или сметаной влекла его туда, иная, столь же простая тяга — Уля-блинница, что стояла у раскаленной плиты или на раздаче в белом грязноватом халатике, наброшенном на голое тело.

Вопреки всем представлениям о женской красоте притягивала его Уля. Если бы пришлось делать ее портрет, не за что было бы зацепиться, не на чем задержать взгляд: сонное лицо, чуть подсиненные серые глазки, реденькие реснички... Что же влекло? Голые руки и ноги, приголенные от жары груди? Нет, все девчата блинной одевались и выглядели одинаково. Что же?

Все несовершенство ее красоты были перед глазами: прижатые белой шапочкой толстые уши, плохо покрашенные белесые брови, нос уточкой... Улыбалась, ни на кого не обращая внимания, будто улыбка постоянно блуждала под розовой толстой кожей, как самописец показывая благополучие и покой в организме. В этом, наверно, и крылась тайна.

Когда подошла его очередь, он молчал — то была единственная возможность встретить подсиненные глаза. Другие раздатчицы сердились на зазевавшихся, Уля — нет, некуда торопиться, жизнь только начинается, — подняла реденькие ресницы.

— ...с маслом, — сказал он.

Все, больше она не посмотрит. Равнодушно отхлебнул чаю. Напаял кепочку-блин.

Походка у него была смешная, слишком широкие для своего роста делал шаги.

Всякий раз, вернувшись из блинной, он пытался набросать ее портрет. Похожести добивался быстро, но не удавалось передать вот это выражение спелости, равновесия в желаниях и образе жизни. Интересно, спала ли она с мужчиной? Наверно, нет.

И вдруг понял, почему не удается и что. Энергии не хватало в ее движениях, а в лице — чувства. Схватил карандаш, набросал ее голой, с гримасой страсти, в том положении, в котором единственно и хотел видеть ее. Захихикал от собственного унижения — так все оказалось понятно и просто.

— Гляньте-ка, — услышал голос над ухом. — Блядей рисует. Ах ты, сукин кот.

Он оглянулся и увидел за спиной Синкевича, председателя цехкома, а в двери толпу людей. Он уже давно слышал голоса в красном уголке, но не обращал внимания, всегда к концу перерыва здесь собирались люди.

— Иди, художник, отчитывайся.

Селих с трясущейся от негодования головой стоял перед своим портретом.

— ...мазило! Тебе быков рисовать, а не людей... Дармоед! Руки тебе обломать, зараза! Не берись, если не умеешь. Не позорь людей и сам не позорься...

Сорвал портрет с доски, рванул пополам, бросил под ноги. Пошел к выходу.

— Что ж ты человека изуродовал? — спросил Синкевич. Изуродовал?

Скоро он остался один в красном уголке. Только за дверью кто-то все еще гудел и кто-то заходил от смеха.

— Триша... Тришенька... — послышался в углу, в сумраке, голос. — Хочешь, я чай поставлю? У меня кипятыльник есть... Я два пирожка купила... Ты не бери к сердцу, Триша. Этот портрет гениальный. Ты сам не знаешь, какой это был портрет...

Кто это? Ах да, птичка с острым клювиком. Уронит кто-либо крошку — тук-тук, съела, взмахнут рукой — покорно отлетит.

— Отстань, — сказал он.

Никак не удавалось происшедшее уразуметь.

— Я подклею его, Триша. Они ничего не понимают в искусстве. Они... С ненавистью поглядел на нее. Так захотелось пихнуть ее локтем, чтоб выкатилась в коридор.

— У меня один пирожок с капустой, один с творогом. Тебе какой?

— Отстань! — закричал он.

Лена все ж таки вскипятила чай, и он с неожиданной жадностью выпил стакан, отворачиваясь от нее, не в силах терпеть умильный взгляд, и локтем сбросил пирожок, что она подсовывала ему. Лена пирожок подняла, почистила, стала есть. Почти как преданная жена. На редкость жалкий и ничтожный человек.

А после чая опять появился Синкевич — с Ядищевой, Брусовым, Гарбузенком, Ковальчуком... Все озадаченно стояли перед своими портретами, хихикали у чужих.

— Эх, мальчик, — сказала Ядищева. — Разве я такая старая?

Только Брусов был удовлетворен, да Гарбузенок никак не мог принять решения: ему и нравилось и... С одной стороны, конечно... Но с другой...

Впрочем, все уже было ясно. Люди не выносят о себе правды, особенно, если эта правда — для всех. Не терпят о себе чужого суждения. Они хотят казаться моложе, красивее, удачливее, веселее, глупее, чем они есть.

— Ну, Тришка, — радостно сказал Синкевич, — будем тебя увольнять.

После школы он пытался поступить в художественное училище, но провалился с треском и загремел в стройбат. Уж как они там поплясали на нем. Только ненависть помогла выжить. Демобилизовавшись, устроился на завод и сначала работал обрубщиком, потом формовщиком, подсобником, грузчиком... От пневматического молотка у него через неделю отнялись пальцы, от стука формовочных машин мозги к концу смены превращались в болезненное тесто. Когда поставили подсобником, едва не попал под болванки, когда перевели в грузчики, завез и свалил ящик редукторов не в тот цех. В конце концов начальство тоненько намекнуло, чтобы убирался с завода: “Обрыдло на тебя глядеть”. Уйти? Но куда? Тут стало известно — рисует. Обработались: лучше платить дармоеду зарплату дежурного слесаря, чем рисковать жизнью своей или его. Он согласился. Надо же было кормиться: мать в конце концов выставили из института.

Между прочим, получив отворот и в панике пробежав неделю по другим институтам и даже школам, она успокоилась, присмирела, заткнула свой вечный фонтан, перестала хлопать носом. Улыбка заиграла на сухих губах: “Тришенька, а у нас денег нет”. Теперь она мечтала приобрести “Буковину”. Некая знакомая, кандидат, умница и красавица, купила такую, имеет существенную прибавку к зарплате. Главное, приобрести хорошую книгу по вязанию, а клиентура появится. И еще она мечтала съездить к брату.

Чтобы купить “Буковину” и поехать в Салехард, нужны деньги. Где взять? Есть способы. Хотя бы попросить или занять у... “Не смей”, — сказал он.

Брат ее приезжал еще раз, в минувшем году, ночевал в гостинице, поскольку у них негде: шкаф теперь стоял там, где можно было приткнуться раскладушку. Денег, между прочим, не оставил. Долго рассматривал его картины и наконец спросил: “Думаешь на этих уродах зарабатывать?”

Дело не в нем, дураков на земле много, если не большинство, а в том, что она, мать, замерла с кастрюлей в руках. А вскоре после отъезда брата и сказала — вроде бы легкомысленно, вроде глупо, наивно, дескать, что хо-

теть от меня, старой женщины: “Тришенька, а почему бы тебе не написать что-нибудь простое и... хорошее?” Вот тогда он — впервые — и плюнул ей в лицо. Она и не поняла, что плюнул, утерлась, продолжила: “...пишут же другие, неталантливые, и получается... Заработаешь немножко, а потом...” Тогда он плюнул второй раз. Заплакала, пошла на кухню.

“Прости меня, Тришенька...” — просила ночью.

Но разве можно простить предательство?

Он не просился на свет. Она его родила и потому не имеет права жаловаться на судьбу. Вместе с ним она должна принимать эту муку.

А вы думали — радость?

Христос — на муку, а вы — на удовольствие?

Все на муку, кроме глушцов и тиранов.

Оглушенный случившимся, он забрал пропуск и пошел к проходной. Плевать он хотел на этот и на любой другой завод, на этих и на тех судей. На жалкую зарплату, на Синкевича, Селиха, Гарбузенка, на всех диких передовиков и ручных ударников — равно как и на самого себя. Завтрашний день несколько его не волновал. Он, завтрашний, может и вовсе не приходиться.

Однако у турникета остановился и повернул к блинной.

Обеденный перерыв заканчивался, в зальчике было пусто. Девчата собрались у столика под окном, постукивали ножами и вилками.

— Еще одного черт принес, — сказала Уля.

Поднялась, пошла на раздачу.

— Что тебе?

— Приходи к “Колосу” после работы, — сказал он.

Выражая неодобрение Тришке, она стояла боком, так что видны ему были только спелая щека да ухо, но тут дрогнули реденькие реснички, хоть на градус, а повернулась головка на гладкой шее.

— Что я там не видела?

— Посидим.

— Чего это я с тобой сидеть буду? — спросила сварливо, но еще на градус повернула голову, и он увидел ее опасливый подсиненный глаз.

Девчата за столом, услышав такой разговор, разом перестали жевать, во все глаза уставились на Тришку.

— Нравиться ты мне, — объяснил он. — Сдобная булка.

— А ты стручок гороховый.

Девчата тотчас рассмеялись.

— Сходи, Уля, — подала голос одна из них. — Хороший ресторан, потанцуете.

— Чего это я с ним танцевать буду? — еще сварливее произнесла, снова измерила Тришку взглядом и снова разочаровалась. Но разочарование на этот раз было сочувственное. — У тебя борода противная.

Никакого стыда Тришка сегодня не ощущал. Все они были одинаковые на этом заводе, и стыд — слишком роскошно для них.

— Где ты работаешь, хлопчик? — спросили из зала.

— Нигде. Уволили сегодня с завода. Проститься хочу с Улькой.

— Какой-то ты дурной, — сказала она. — Будешь есть или нет?

— Нет, — ответил Тришка. — Придешь?

А вообще-то ему было все равно, придет она или нет.

Оказавшись за проходной, он вдруг увидел, что — весна, солнце, хлопает снег, текут ручьи по асфальту. Радость почувствовал, освобождение. Хорошо бы он, завод, сейчас бурно поднялся на воздух и медленно оседался. Что-то подобное он уже испытывал. Когда? В восьмом классе, когда решил не ходить в школу? В десятом, когда она, ненавистная, осталась позади? Или когда понял, что, проглотив упаковку таблеток, которые мать принимала на ночь, можно спокойно и навсегда уснуть?.. Подвела собственная неосмотрительность: бросил коробочку на пол, и мать поняла, вызвала “скорую”. Или, наоборот, когда понял, что будет жить?

В общем, почувствовал, что ему хорошо.

Денег при расчете дадут рублей шестьдесят, немало. Если по рублю в день, хватит на двоих на месяц. Тридцать дней свободы. Ну, а потом... Ничего. Бог даст день, Бог даст и пищу.

Он шагал в легкой капроновой курточке, в которой проходил и осень, и зиму, кособочась от дождя и ветра, а теперь, в апреле, она была в самый раз. Ботинки, напротив, были тяжелые, зимние, на меху — мать купила осенью, сдав в скупку свой единственный, девичий еще, золотой перстенок. Шагал, не разбирая дороги, по лужам, и скоро ботинки отяжелели, набрякли, хорошо бы и обсушиться где-нибудь.

И тут обнаружил, что стоит у дощатого забора, за которым громоздились глыбы гранита, гудрона, валялись на спинах мощные спортсмены, вожжи, воины, трудящиеся, торчали бронзовые носы и руки, вздымались каменные груди и медные лбы. Расставленные в разных городах и поселках, в парках и на площадях, они, как все предельно бездарное, могли быть привычны и незаметны, но на одном дворе, за забором, походили на останки странной, погибшей цивилизации. Здесь же стоял длинный деревянный дом — мастерские художественного комбината скульпторов, оформителей, графиков, живописцев. В этом доме получил комнатку и приятель-предатель, двенадцать квадратов с видом на оставленную ветку узкоколейки, былки прошлогодней польны, вековым мусором под окном.

Десять лет назад, еще в школе, у него возникла страсть рисовать экзотических животных. Принес 1 сентября альбом благородных леопардов, тигров, жирафов, слонов. Улучив момент, Тришка каждому из них прицепил по гигантскому фаллосу — учительница впала в истерику, ну а приятель впервые предал его.

Тоже когда-то был скромный, молчаливый, испуганный. Но чем чаще предавал, тем больше и увереннее говорил. “История отдельного человека, если пренебречь масштабом, — история человечества. История художника — история культуры. Кто не знает, какие ускорения набирает творчество, выпарававшись к сознательному? Почему культура прошла путь от и до? А потому, что не было альтернативы у человечества: либо вырождение, либо... А если так, то почему не допустить, что есть шанс и у тебя, и у меня?” — “Спасибо за компанию, — ответил Тришка. — Обойдусь”. Ничего глупее он не слышал.

“Тебе придется мириться с жизнью. У тебя нет программы. Непонятно, с кем воюешь и ради чего”. Он явно не понимал главного: только чувство — программа гения, доверие, которое он испытывает к самому себе.

Говорить с ним не о чем, но обсушиться можно. Не грех и занять десять-двадцать рублей.

Постучал.

— Ты? — И досада, и удовольствие отразились на лице. Однако стоял в двери, будто размышляя, впустить или нет. — Хорош. Снимай лапти.

Стоял рядом и с любопытством глядел на грязные и влажные пальцы ног. Брезгливо пододвинул тапки. Принудил вымыть под краном ноги, сполоснуть носки и только тогда спросил:

— Ну?

— Погнали с завода.

— Понятно. Что будешь делать?

— Поживем — увидим.

— А чего явился?

— Обсушиться. Чаю попить.

Хмыкнул: середина дня, время работы. Беспокойно поглядел на мольберт у окна.

— Можно глянуть?

Двинул головой на длинной и тощей шее, дескать, взгляни, если пришел.

— Ох, какая сладкая женщина, — сказал Тришка. — Можно, я ее оближу?

— Оближи, если голодный.

И Тришка лизнул, сладострастно всхлипнул.

— Одного не понимаю, чего я тебя терплю?

— Как это не понимаешь? Понимаешь. Знаешь, кто ты и кто я. — Приятель-предатель захотал.

— Ну и гусь!

И еще стояли два мольберта с незаконченными работами. Маэстро многогостаночник. Висели картины и на стенах, стояли в углу.

Из всех человеческих чувств два вели его особенно явно: жажда красоты и любви. Впрочем, это одно и то же чувство, две его обязательные стороны.

В каждой работе отрекался от сиюминутной жизни, доказывал приверженность к вечной красоте. Особенно любил женщин за стремление быть красивыми, покорно смирялся перед совершеннейшими из мужчин. Странно, что не добился до сих пор успеха у глазющей публики. Впрочем, эта комната-мастерская — первый знак.

— Как точно рассчитано, — сказал Тришка. — В самом деле, нет человека, которому доставало бы красоты и любви. Самая неутолимая жажда. Однако — старая песня.

— Вечная, — поправил тот. — Все притязания проходят и забываются, кроме красоты и любви. Это главное, к чему стремится человечество.

— Челуха, — заявил Тришка. — Человечество стремится к наслаждениям. А красота — лишь только путь к ним, предложение и зов. Предмет обмена и торга. Скоро тебе будет плохо.

— Когда? — полюбопытствовал равнодушно.

— Как только кончится базарный день. Поразмышлял.

— Удивительно, — сказал он. — И этот человек собирается пить со мной чай. Понимаешь, что говоришь?

— Разумеется, понимаю. У меня есть опыт. Две жизни, по крайней мере, я уже проиграл. И ты проиграешь.

— Это как?

— Как большинство.

— Не понимаю.

— Само собой.

В том, что живет не первый раз, у Тришки сомнений не было. Который — этого не знал, но, по меньшей мере, третий, а может, и четвертый, пятый. Воспоминания не вмещались ни в две, ни в три жизни. Помнил, например, как гнали его соплеменники по горам, кидали вслед камни: идол, которого он сотворил из гранита, не приносил добычи. Видно, один из камней достиг цели, потому что новое воспоминание относилось уже к другому времени, иной стране: тащили на веревках к водопаду за то, что решился воспроизвести человеческое лицо. Потом — уже здесь, в России, пытали спицами, волокли за конем. Потом... Все жизни заканчивались обвинениями в богохульстве, предательстве, злодеянии. Однако на самом деле вина его была иная и единственная — трусость: знал, каким должен быть идол, приносящий добычу, но — не решился, высек пустого, бессильного, из дешевого серого гранита, а не из могущественного базальта. Воспроизвел лицо, но то не было лицо Бога, а — жалкого, настороженного человека. Только здесь, в России, казнили его за иное: взялся за Троицу — не имел еще, неученый и бесталаный, права братья за нее.

И все же опять и опять получал право на новую жизнь: видно, имелось в его душе маковое зерно, с которым Создатель окончательно проститься не мог. Ныне — последний шанс.

— Не беспокойся, — сказал Тришка. — Тебе эта мука не угрожает. Ты проживешь единственную, но долгую и вполне бессмысленную жизнь.

В ответ тот схватил чайник и шваркнул заварку в раковину.

— Катись отсюда, гений, — сказал. — Надел. Ты отнял у меня слишком много времени.

— А зачем оно тебе? Солить?

Стоит и трясется, как отбойный молоток, еще чуть-чуть — и Кондрат. Ладно, пускай живет. В конце концов, нужны и такие, всю долгую жизнь фиксирующие красоту. Да, был и у него, как у всех, шанс, но ведь вышел, и теперь его смерть — сегодня ли, завтра или через сто лет — не изменит

ничего. Поздно! Пошли ему, Тришке, Господи, короткую жизнь, дай сказать и умереть после Слова, не дай вымолвить то, которое унизит его. Не дай дожить до часа своего падения, дай низвергнуться самому, ринуться к земле, как птица, забравшаяся слишком высоко.

Жаль только — не перехватил червонец, все ж таки — в ресторан.

Посреди заводской площади на огромном пьедестале стоял маленький памятник Ленину — шаг вперед, с простертой к городу рукой. По слухам, пробовали ориентировать памятник и на завод, и на город, на запад и на восток. Дураки сами себе ставят неразрешимые задачи: и так нехорошо, и так плохо. В то время как разгадка была проста: не нужен здесь памятник. То же и соотношение с пьедесталом: пожалели рублей на основательный — отлили не вождя, а пигмея, решили выйти из кислого положения за счет постаменты — получилась марионетка.

Он стоял перед памятником, задрал белую бороденку, и думал о том, кем мог быть Ленин в прошлых жизнях и кем в будущих. Нет, ничего не приходило на ум. С Марксом, например, все ясно: мог жить крупным торговцем, еще раньше менялой, еще — звездочетом. Впрочем, звездочетом мог быть и Ленин. Ну и, конечно, апостолом во времена Христа, проповедником типа антиохского Златоуста. В будущем мог оказаться учителем, доктором. На большее у Тришки фантазии не хватало.

Их, живших второй, третий раз, Тришка знал немало. У каждого жившего был, а у каждого живущего есть шанс еще раз прийти на землю. Думать о том, кто кем был в предыдущих жизнях и кем будет в следующих, с некоего дня стало любимым занятием — с того, как догадался, что мать когда-то была крестьянкой, имела девять дочек и сыновей. “Трудно тебе пришлось с таким выводком?” — спросил он. “Трудно, — ответила. — А ведь еще трех я схоронила. Мальчик умер от золотухи, а две девочки...” — и замерла над плитой, испуганно поглядела на него. Человек может многое вспомнить, если застать врасплох. Вовсе не так называемые великие получают право на новую жизнь, эти, напротив, редко. Особенно — политики, госдеятели, полководцы. Так много чужих жизней вбирают они в свою, что — хватит, все ясно с первой попытки. Может, потому так велика энергия некоторых из них, что чувствуют: эта жизнь единственная, надо взять от нее, то есть от людей, все, что они могут дать. А то, чего не могут, отобрать. Потому и ненавидел их — левых, правых, сегодняшних и вчерашних — всех равно.

А Уля? Можно ли представить ее в прошлой жизни? Чтобы понять, надо понаблюдать.

Блинная работала до семи, значит, она должна появиться с минуты на минуту. Он стоял, выглядывая из-за памятника, и, конечно, выглядел по-дурацки. Совсем не был уверен, что жаждет встречи, и намеревался, увидев ее, спрятаться, уйти незамеченным.

Увидел обновленное к Маю кумачовое полотнище над проходной, и совсем стало противно. В это мгновение Уля и появилась. Никогда не видел он ее в платье, всегда в белом халате с наколкой — так, казалось, и выйдет с завода. В блинной двигалась лениво, нехотя — казалось, так же поплывет за проходной, на воле. Но здесь она шла быстро, озабоченно, толстые ляжки уверенно вздрагивали под платьем, груди, поднятые лифом, оказались высокими, мощными, освобожденные волосы — обильными, рыжими.

Ничего не было в ней такого, что могло бы особенно нравиться, ни вместе, ни по отдельности, все было далеко от красоты, воспетой легионами и вагонами художников, но Тришка почувствовал, что вот пройдет она, не заметив, и жизнь его будет уже позади. Можно создать и разрушить мир, заставить людей признать свое ничтожество перед ним, Тришкой, а Ули у него не будет.

Он вдруг забыл ее имя.

— Ты! — крикнул, когда поравнялась и шагнула мимо. — Эй! — Не отозвалась, похоже, и не услышала его осипший голос.

— Подожди!

Уля, наконец, поняла, что истошные призывы относятся к ней, и огля-

нулась, приостановилась. Увидела Тришку, и некое воспоминание замерцало на идеально круглом, поросычем лице.

Постыдную и позорную зависимость чувствовал Тришка, когда приближался к ней. То, что всего больше презирал в отношениях между людьми.

— Ну что, пойдём?

Опять трудное воспоминание проклюнулось в куриных мозгах.

Вылупилось.

— А, — произнесла с сожалением. — Пряма не знаю.

Глядела на Тришку в упор, взвешивая за и против. Впрочем, здесь, за проходной, без контроля подруг, синенькие глаза косили меньше, а выражение было более согласительным: не так часто приглашают в рестораны, чтобы отказываться.

— Ладно, — сказала и посмотрела на часики. — Часа два у меня есть.

Название “Колос”, видимо, подразумевало изобилие или, по меньшей мере, достаток, категория “ресторан” — некоторую роскошь. Оказалось — большая столовая с грязной дорожкой, а в меню — гуляш с рисом и водка. Впрочем, такому меню Тришка даже обрадовался: нужно уложиться в десять рублей.

Видно, Уля была здесь впервые — с любопытством оглядывалась. “Хороший ресторан”, — заметила с удовольствием. Но дело, конечно, не в ресторане, а в том, что первый акт купли-продажи, столь свойственный миру вообще, а женщинам в частности, состоялся. Отношения мужчин и женщин — тот же аукцион: кто больше даст, тот раньше успеет. Отличие лишь в том, что товар живой, покупателя выбирает сам и учитывает не только платежеспособность.

Говорить им было не о чем, слава богу, официантка тотчас принесла гуляш и двести граммов. “За что пьём?” — Вид рюмочки и графинчика возбуждал Улю, она улыбалась. Улыбка у нее была хорошая, доверчивая, и только поросычье ушко настороженно топырилось, раздвинув поток волос. “За любовь”, — сказал он. Опять улыбнулась и подняла рюмочку: кто ж откажется выпить за любовь?

Тотчас плотные щеки порозовели, а глазки уютно потептели.

— Ты правда художник?

— Правда.

— И картину можешь нарисовать? У меня в общежитии есть картина, “Девушка с ягненком” называется.

Вот как. Уля интересуется Рафаэлем.

— А человека можешь?

Тришка взял салфетку из грубой оберточной бумаги, достал фломастер и, секунду поразмыслив, положил несколько линий: крахмальная накладка, нежная щечка, глазок. Уля обрадованно рассмеялась: “Возьму на память”. Спрятала в сумочку. Ах, как нравятся людям, когда на нежной скрипочке или печальной арфе исполняют их общий облик. Самое привлекательное во мне и есть главное. Но вот — на первый случай — еще одно выражение: маленькое несоответствие между доверчивым глазком и толстым настороженным ушком. И ничтожная морщинка — пока лишь только украшение — меж реденьких бровей. А если хотите — вот вам облик на будущее, на ближайшие пять или, скажем, десять лет.

Уля испуганно глядела на новый рисунок.

— Неправда, — сказала враждебно. — Не похожа. Разве у меня такое ухо?

Да нет, конечно же, не такое. И глаз не такой, и ухо, и рот, и общей суровости пока нет. Все это один из вариантов возможного, побочная тема в общечеловеческой симфонии, напоминание, исполненное альтовой группой, о том, что поджидает человека, если... Если пойдет след в след за толпами иных людей. Если будет желать и поступать, как желает и поступает непобедимое большинство.

Опыт человеческий говорит, что спасенья нет. Этот незаметный, случайный росточек все равно изуродует безобидный и стройный саженец, алчно

выгнется, разрастется, станет оплетать иные мысли и чувства и, наконец, погибнет с отвращением ко всему живому и самому себе.

Настроение у нее упало, она печально и скучно глядела, как на маленькой площадке скачет подвыпивший народ.

— Может, и мы поскачем? — предложил Тришка.

— Не хочу.

Вот теперь глянула сущность: печальная женщина, которая догадывается, что счастья нет. Теперь бы и писать ее портрет, но не здесь, на салфетках, а дома, думая о ней сегодняшней и о той жизни, что ей предстоит.

— Пойдем, — сказала она.

На улице было темно. Мерзкие запахи весны заполняли заводской поселок, ползли из дворов, подъездов. Однако в предвкушении ожидаемых удовольствий люди вздыхают: о весна, лето! — не думая, что сопутствует и грядет за тем и другим.

Он уже мечтал остаться один. Но когда подошли к подъезду общежития и оставалось только проститься, увидел нетерпение тоже и на ее бледном от фонарей лице и испугался, что все это — запахи перекишенной капусты, жареного сала, молодая женщина рядом — единственный и последний раз. Вдруг захотелось забыть, что грядет за весной и летом, стать таким, как она, другие, не гением, которому все ясно и ничего не суждено, а ничтожеством, рядовой тварью, которой ничего не ясно, но суждено все.

— Ну? — униженно хихикнул он. — Не понравилось?

Угождай людям, если хочешь иметь удовольствия, найди в человеке самое привлекательное и запечатлей на радость вожделеющим поколениям, чем проще условия, тем увлекательнее игра. Мужчина — женщина — что может быть проще?

И он неожиданно для себя ущипнул ее за грудь, за сосок.

Если откровенно, по правде, только это было ему нужно от нее.

Уля вздрогнула и удивленно поглядела на него.

— Одурел? — спросила. Он рассмеялся.

— От тебя одуреешь, — и ущипнул за другую грудь.

Не сразу понял, что произошло. А произошло то, что она крепкой крестьянской рукой залепила ему оглушительную оплеуху, потом другую, третью, ударила в колено ногой.

— Козел паршивый! — крикнула, отскочив к подъезду. — Иди вон, позорник!

Иметь женщину — стало для него в последний год навязчивой идеей. Стыдно было признаться: в свои двадцать пять лет он еще не знаком с этой стороной жизни. Впрочем, и признаваться некому: не было ни женщины, ни товарища. Так же страстно и навязчиво хотел когда-то иметь друга, пока не понял, что друзей не бывает. Могут быть приятели, то есть попутчики, а друзей — нет. Стоило это понять — стало легче. Возможно, так же будет, когда поймет, что обладание женщинами не для него. Для таких, как он, нужны дома терпимости, отдал свои — двадцать, тридцать? сколько это может стоить? — и опять свободен. Можно купить женщину и сейчас, но где добыть денег?

Месяц назад, когда получал зарплату, на него пристально посмотрела кассирша Шурочка, и он дождался ее, купил бутылку крепленого вина. Она жила здесь, в поселке, в маленьком деревянном домике с кухней и комнаткой, на стене висела “Виноградница” с четьрьмя — по углам — бабочками, под кружевной салфеткой громоздился цветной телевизор, огромная кровать с периной и пуховыми подушками высилась, как торжественный катафалк. Шурочка растапливала печь, а он сидел за столом, тупо глядя на экран телевизора, и стучал зубами от холода и волнения. И хотя комнатка согрелась быстро и Шурочка преданно глядела в глаза, поглаживала его белую бородавку, он все не решался, не знал — пора или не пора. “Ты меня ничем не заразишь? — спросила она ласково, когда допили бутылку. — Я тебе глаза выцарапаю, если что”.

Непреодолимое отвращение чувствовал к ней Тришка. Такое, что когда Шурочка начала раздеваться, он держал ее за руки, мешая расстегивать пу-

говицы, спасаясь уже от иного позора, от немощи, бессмысленно гладил ее по спине и отворачивался, чтобы она не целовала его.

“Ты меня не любишь, ты меня не любишь!..” — твердила она, бодая пахнущей нашатырем головой. Господи, какая любовь?.. О чем она?

Что-то яростное прокричала вслед, когда уходил, чувствуя отращение к жизни вообще.

А минувшим летом попал на какую-то свадьбу на окраине города и оказался рядом с девушкой, которую звали Жужу. Пили с ней, целовались прилюдно и в сарае, куда он завел ее во время второго застолья, и, казалось, все будет, свершится, но дурочка устроила крик, как девственница, повалились откуда-то дрова, ведра, грабли, а потом со свистом и улюлюканьем гнала его по улицам та бешеная пьяная свадьба, и он спасся, залетев в уборную на чьем-то дворе.

Мать-таки уехала в Салехард. У брата родился внук, требовалась няня — прислал на дорогу сто рублей. Ох, как суетилась, собираясь, обещала вернуться через месяц, виновато глядела и радовалась. “Да поезжай ты скорей! — хотелось крикнуть Тришке. — Прекрасно обойдусь без тебя!” Однако знал: скажи нечто подобное — останется. Терпеливо, мученически молчал.

У поезда тоже металась, порываясь остаться, а когда наконец состав лягнул, кинулась в тамбур и зарыдала, будто видятся в последний раз. Огромное облегчение испытал, увидев красные огни последнего вагона, и счастье, когда вернулся домой и не нашел ее здесь — шмыгающую, бегающую, безмолвно вопрошающую. Свобода, одиночество, тишина. И это же облегчение утром: нет ее, нет, нет. Один! И вечером не будет, и следующим утром.

Только так и должен жить художник. Племя, семья или государство — объединения слабых. Сбиваются в стаи из страха: ты мне поможешь, я тебе. Вдвоем в два раза больше шансов спастись, втроем — в три. Потому в конце концов и образовалось человечество и не образовался человек. Спасись! — иной задачи не было. Будто человек может спастись.

Была надежда, что человек все же образуется, когда родился Бог. Но тут же возопили о вечной жизни, о спасении если не тела, то хотя бы души — ее-то впопыхах и растрясли. А когда и эта вера начала меркнуть, придумали светлое будущее — хоть немного, а поживем властью.

Дни стояли долгие, он работал допоздна и не замечал ни звона трамваев, ни рева грузовиков — по улице шел транспортный грузопоток. Не было денег, но много ему и не надо: собрал банки, бутылки, сдал, купил хлеба и чаю. В конце концов сытость — самое бессмысленное и безнадежное состояние. Человек должен быть голоден и физически, и душевно. Голоден не значит беден. Бедность и есть богатство, богатство — позорная нищета. Потребности нужно свести к минимуму, если нельзя к нулю. Он, например, когда потеплело, отказался от обуви, куда приятнее ходить босиком. Народ удивляется? Не так давно удивлялся, когда кто-то появлялся в обуви, а не босиком.

Вдруг сообразил, что ни разу не рисовал мать. Быстро, не задумываясь, сделал углем набросок. Рассмеялся: интересно, как она отнеслась бы к нему. В лице, как у старой зайчихи, вечный испуг, как у собаки — готовность служить. Лицо, однако, не передавало сущность. Нужна ее тощая фигура, длинные руки и ноги, сутулые плечи. Но и этого мало. Вот что: сковородку ей в руки и — посреди двери. Я не помешаю тебе, Тришенька? Съешь картошечки, голубчик. Знает, что помешала, что есть не станет, что Тришка заслуженно обругает, а все ж стоит. Как же надоела она, и как хорошо, что ее нет. Нет ничего более постылого, чем назойливая любовь. Да и любовь ли? Не страх ли потерять единственный спасательный круг?

Как надоела она со своим вечным хлопаньем или, к примеру, с ее предельным по простоте отношением к так называемым естественным процессам и отправлениям: никогда не запирала дверь в туалете, откроешь — здравствуйте, сидит. Как пищеварение?.. Или выскочит на порог испуганная: у тебя понос, Тришенька? Газы в туалете такие ядовитые...

Все, все, все. Один, один.

Не то на пятый, не то на десятый день его счастливой одинокой жизни, то ли вечером, то ли утром в дверь позвонили, и на пороге возникла Лена, библиотекаряша.

— Что случилось? Как ты нашла меня?

Поскуливала и попискивала от радости, как щенок, вновь обретший потерявшегося хозяина, и глядела так же восторженно, как обычно глядела мать.

Впрочем, понятно: в отделе кадров есть адрес. Но почему?

Она не отвечала, а все поскуливала и попискивала, оглядывалась.

— Ой, Тришенька, как мне у тебя нравится!.. Ты один здесь живешь? Ой, как здорово...

Голосок тоненький, на грани восприятия, еще чуть-чуть и — ультразвук.

Интересно, что ей уж так сильно нравилось? Окно с форточкой на уровне тротуара? Облупленные стены? Две ржавые кровати, что мать заполучила в общежитии института, списанные за ненадобностью?

— А грязно у тебя как! Разве так можно, Триша?.. Где у тебя веник, тряпка? Что это за халат? Мамин? У тебя есть мама?

И новая порция щедрой радости. Казалось, все чувства ее замыкаются на восторге.

Халат оказался в самый раз и по росту, и по всем неповторимым изгибам, что отличают людей. Он подумал, что старой она будет как две капли воды похожа на его несчастную мать.

Раздражало даже то, с каким почтением вглядывалась в новую его работу, перебирала другие, сваленные в углу.

— У тебя великое будущее, Триша. Ты сам не понимаешь, какое, ты...

— Перестань, — сказал он.

Уж в чем не нуждался, так в дешевых хвалах.

— Нет, в самом деле. Я таких работ не видела никогда. Да, совсем забыла: Синкевич сказал, чтоб приходил на работу. Селиха надо рисовать.

“Синкевич сказал”. Кто ему, Тришке, вправе что-либо “сказать”?

— Пускай Синкевич сам рисует кого хочет.

Лене это показалось смешным, захихикала. Через час уборка была закончена.

— Может, что-нибудь простирнуть?

— Только этого не хватало.

— Тогда будем с тобой пировать!

И начала вынимать из сумки свертки, банки, а главное, две бутылки вина.

Тришка обрадовался: хоть какой-то смысл получит бездарное времяпрепровождение.

— За что пьем? — мечтательно спросила Лена.

— За любовь, — буркнул он.

— Согласна! За любовь!

И выпила до дна полстакана.

Выпил и Тришка.

А через минуту почувствовал, что не так уж ему противна эта девушка, а если взглянуть иначе, не с птичьего полета, а в узкую щелочку ее жалкой судьбы, то и привлекательна. Никому не принесет зла, обид, никого не заставит сожалеть о встрече с ней.

Однако радости тоже не принесет.

Руки у нее были красивые, даже совершенные, будто долетело эхо давней породы, чьей-то красоты, погибшей в неравной борьбе. Она поднимала их, потряхивая кистями, как колокольчиками, бросала на колени, задерживала на весу — показывала ему и любовалась сама.

Он почувствовал неясную близость к ней.

Может быть, жило когда-то племя талантливых и племя совершенных физически. И те и другие были сотворены Богом, и смысл творения заключался в том, чтобы они встретились. Однако совершенное хрупко — побеждены, рассеяны, растворены иными племенами, родившимися не от Бога, а от одной из аминокислот.

Скоро, скоро руки ее зарубеют от мытья полов, стирок, чистки картошки, станут корявыми, как у его матери. Красивые руки становятся особо уродливыми. Захотелось потрогать их — такие ли, как у матери? — и он накрыл ее ладонь. Лена тотчас вцепилась в его пальцы, до боли сжала, выкрутила.

— Какой ты добрый, Тришенька, какой добрый!.. — бормотала она и вдруг начала целовать его ладонь.

Добрый? Никогда не знал за собой такого, так же как за другими. Доброта — тоже выражение тайной корысти, слабости, неспособности противостоять другим. Добр одичавший пес, что в драке ложится на спину, подставляя победителю брюхо и шею? Добр человек, поднявший руки в бою? Добр приятель-предатель, когда угощает чаем? Добра мать, что сбежала на край земли?

— Эй-эй! — вырвал руку. — Давай-ка выпьем. Я такого отродясь за собой не знал.

Смахнула со щеки две слезинки.

— Ой, Тришенька, ничего ты о себе не знаешь, ничего!

Доброты на земле нет, есть — сочувствие, как признание угрозы и для твоей жизни, тайной опасности, что кроется в каждом грядущем дне. Есть надежда отомниться от рока, посочувствовав тому, кого он уже настиг.

Кто был добр к нему, Тришке? Ну, а для сочувствия он, слава богу, повода не давал и не даст. Скорее простится с жизнью, чем позволит себе сочувствовать. Также и сам — сочувствовать никому не станет.

Как, однако, блеснули ее птичьи глазки. Вот самый привлекательный облик: девушка в слезах. Чем чаще станет плакать, тем большим будет пользоваться успехом, — пока не выцветут от слез глаза. Равно и безобразной станет, когда выцветут, оголят положенный от природы объем соленой воды.

Она стала трезветь и задумываться. Или выговорила все, что чувствовала, с чем пришла? Очень задумчивы люди, когда нечего сказать. Тем не менее задумчивость была ей к лицу. Нечто сущее, женское выявляла она. Такое, что, опять же, взывало к сочувствию, приглашало к сопереживанию, единению, к такому же лирическому молчанию или, по крайней мере, замене словесной речи неким иным общением, более значительным.

Он положил руку на ее плечо, и она тотчас потерялась щекой: да, ты правильно понял, именно это нужно мне сейчас и всегда — твоя рука. Я слабая, я боюсь борьбы и жажду ласки, я не способна распоряжаться ни собой, ни другими и могу лишь только подчиняться и торопливо выполнять твои желания, я не понимаю, каков мир и какова я сама, мне никогда не приходило в голову изменить его и измениться, построить или разрушить, но я ни при какой погоде, ни днем, ни ночью, ни сегодня, ни завтра, ни во веки веков не изменю тебе, не...

Странное было выражение на лице, когда он валил ее на постель, рвал пуговицы и резинки, с таким выражением, верно, падают в ущелье, вдруг потеряв твердь, и летят, летят, не в силах управлять собой, пока не вырвется из горла крик. Крик этот — не мольба о помощи, не страх или отчаяние, он — известие, что все уже позади.

Кровь она вытирала хрустящими старыми газетами, что месяцами складывала мать под кровать, потом сползла с постели и косолапо зашлепала в уборную, он глядел на ее тощую спину, на плоские ягодицы с омерзением, а когда вернулась, он уже спал, отвернувшись к стене, вбившись в угол между кроватью и обшарпанной стенкой, не видел ее лица с дрожащей улыбочкой.

Проснулся оттого, что кто-то перебирал его волосы. Кажется, было светло и поздно. Кто это? Вспомнил. Рука, словно почувствовав, что проснулся, стала еще ласковее, настойчивее. Вот я, сторожу и охраняю твой покой. Будто бы сторожу и охраняю, а на самом деле жду решения своей участи, терпеливо, но настойчиво. Готова и нападать, и защищаться, и плакать. Как же, ого! Я отдала тебе все.

Не много же у тебя было, красотка. Из-за твоего жалкого богатства я должен потерять свободу?

— Сними руку, — сказал в подушку.

— Что? Что ты сказал? — тотчас наклонилась с полной готовностью: назви любое твоё желание. Вот я, давно уже стою на задних лапках. И взгляд мой, голос — слаще меда и крепленого вина.

— Руку сними, — внятно повторил он.

Однако слабые так легко не сдаются. Что-что, а терпение у них есть. Мы будем ждать до гробовой доски. Им не приходит в голову, что верно и пожизненно ждут люди, которым ничего больше не остается и которые ни на что, кроме как на тупое ожидание, не способны.

— Отодвинься, мне жарко.

Сейчас станет обмахивать его платочком.

Нет, слава богу, отодвинулась, замолчала. Ждет.

Проснувшись второй раз, Тришка опять вспомнил и прислушался. Было тихо. Значит, лежит на самом краешке, на ребре кровати. Вот какая я незаметная, легкая, послушная. Даже дыхания моего не слышать. Тебе со мной будет хорошо.

Открыл один глаз и увидел, что кровать пуста. Второй — не было Лены и в комнате. Значит, на кухне? Вот тебе и завтрак готов. Путь к сердцу мужчины лежит через желудок — кто из женщин не употреблял эти слова? Что ты предпочитаешь — омлет или глазунью? Что тебе готовит по утрам мать?

Но и на кухне не слышно никакого движения.

Он поднялся, заглянул на кухню и в туалет. Лены не было.

Тут на столе увидел записку: “Тришенька, прости меня”.

Долго вглядывался в единственную строчку, не понимая, что она обещает, без мыслей и чувств.

Пришло письмо от матери. Равнодушно повертел конверт, бросил на подоконник. Что она могла написать? Пустые слова вызовут лишь только раздражение, а ему надо хранить покой — работать. Прочитает позже, когда выработает, израсходует энергию, что накопила за ночь душа.

Уже неделю он просыпался рано, как всегда, когда посещала подходящая мысль, а с ней и тревога, что не сможет ее осуществить. Поначалу она показалась такой необъятной и важной, что испугался, схватил веник и подметел полы, потом долго стирал под умывальником грязные носки и носовые платки и все оглядывался: что сделать еще, чем отвлечься? Не верил в сокрушительные идеи, к самому себе относился с подозрением, если приходило такое в голову.

Наскреб полтинник и пошел пить кофе в булочную, и там, за стойкой, прихлебывая и нетерпеливо обжигаясь, уразумел, что идея не так уж грандиозна, сильна. Однако возбуждение не проходило: есть разные уровни приближения к истине, и он чувствовал, что — приближается. Теперь главное не торопиться, приготовить душу к работе, чтобы не надеялась на легкий успех, а знала: будет ее трепать, мучить, пользоваться много дней. Случаются идеи, которые осуществляются просто, будто собственной силой привлекая нужные запасы в душе, за них легко браться, весело работать. Нынешняя обещала трудную жизнь. Потому и откладывал начало, завершая старые работы, знал, что праздник приуготовления рассеется на тысячу знаков, и надо будет собирать их, заново одушевлять. Откладывать начало надолго тоже опасно: душа меняется быстрее, чем кажется, и однажды, проснувшись, можно почувствовать себя другим. Этим и объясняется несовпадение замысла и конечного результата у всех художников, кроме трех-четырех имен за последние пятьсот лет.

Картина будет о них, гениях в новой жизни, о тех, у кого снова не совпали замысел и результат. Гении — не исключение, их много, только люди не знают об этом. Гениальность может выявляться через профессию — художника, философа, математика, — но вообще к профессии отношения не имеет. Профессия — это усердие, способности, талант. Разве не гениальна его бездарная мать?.. Тришка их, гениев, определял с первого взгляда: каждое измученное лицо — гений. Гений не сила, а слабость, он совершенен, а потому не может бороться с толпой. У них, гениев, особая, сквозная судь-

ба и доля: не исчезать окончательно, а умирать и снова возрождаться. Много лиц, что попадались на улицах, он уже встречал в предыдущих жизнях, и они тоже порой вглядывались в его лицо, пытаясь вспомнить то, что когда-то объединяло их.

Вот идея: измученные гении валят мимо памятника Ленину из проходной.

С вечера решил — начинать. Проснулся еще раньше обычного, попил горького чаю с хлебом, закрыл форточку, чтоб не гремела улица, присел на ребро кровати.

И вдруг обнаружил себя праздно размышляющим о том, что опять потягивает картошкой из соседней квартиры, что шестьдесят рублей еще не получены, что почерк у Лены похож на старательный почерк матери, если судить по той строке.

Интересно, если предстоит возродиться снова, эта ли будет у него мать?

Между прочим, Лена забыла — или оставила нарочно? — хозяйственную сумку, с которой пришла в тот день, и, значит, имеет предлог явиться опять. Возможно, эта сумка и мешала работать. Выставил ее за дверь.

Вот уж кому не возродиться, так это ей, Лене. Простимся в этой жизни навсегда.

Ниша за окном заложена решеткой и жестью — поминутно гроыхала от шагов.

Не надо было дергать Улю за сиськи, мог получиться иной разговор.

Нет, не работалось. Что же, пуста идея?

Разорвал конверт, прочитал письмо. Как ожидал — восторги от долгой дороги, встречи, брата и внука, три страницы взахлеб. Ну, а в самом конце подарочек: "...пришли мне зеленую кофточку, шерстяные чулки, лифчик и бутылочку корвалола, здесь его в продаже нет". Вечно забудет самое необходимое; очень его рассердило это письмо. Решил, что ничего посылать не станет, обойдется, лето, а не зима впереди. Заглянул в шкаф — кофточка висела на самом видном месте, будто приготовленная к отправке, с раздражением захлопнул дверь. Даже за тысячи километров достает, мешает работать. Что за недоразумение природы его мать?

А может, не идея пуста, а душа? Такая вероятность даже обрадовала. Бог с ней, с душой, сердцем, желудком и пищеварением, все ничтожно рядом с работой и все имеет смысл только в ней.

Однако день явно пропал. Решил пойти на завод и получить, наконец, свои деньги. И сразу понял, что не сумка у порога мешает работать, не мать из Салехарда, не гроыхание шагов за окном.

По дороге заглянул в аптеку, с облегчением узнал, что корвалола нет.

Огромный город, в котором он жил, был, в сущности, маленький. И не сравнительно там с Москвой или Лос-Анджелесом — с ними как раз соизмерим, а сравнительно с этим заводом на окраине. Завод, в свою очередь, вполне соизмерим с иными заводами — меньшими, большими, но никак не с собственной проходной: тайная озабоченность возникала в лицах перед сверкающими турникетами, будто люди сомневались: пропустит? выпустит? — и явное облегчение — за, в какую бы сторону ни направлялся поток. Две равновеликие силы здесь взаимодействовали, и люди покорно отдавали свои жизни то одной, то другой.

Но сегодня третья сила влекла его на завод. Вся энергетическая мощь города ничего не стоила рядом с ней.

Он простоял у блинной четверть часа и не решился, несмотря на ту силу; пошел к проходной, но от проходной снова вернулся. "Уля! — раздался радостный крик, как только вошел, будто давно и с нетерпением ждали. — Твой пришел!" И тотчас все блинницы с надеждой кинулись к раздаточному столу, чтобы увидеть знаменитого, разглядеть прославленного, насладиться позорием нелепого кавалера. А не увидев ничего особенного, лишь только растерянного человечка с козьей бородкой, чтоб возместить разочарование, начали хохотать. "Блин ему со сметаной на голову!" Уже и за столиками прекратили жевать, пялясь на Тришку, и тоже — на всякий случай, чтоб не прозевать удовольствие, не оказаться в убытке, — смеялись. И Уля смея-

лась — с выражением гордым, заслуженным: она подарила всем это маленькое торжество.

Тришка вышел. И когда шаркал к проходной в потоке безразличных шаркающих людей, понял, почему ему не удавалась картина: ненависти не было в ней. Он хотел примириться с миром, а мир мириться с ним не хотел. Он намеревался показать, какими они, люди, были и какими могли бы стать, а их удовлетворяло то, какие есть. Хотел показать путь к новой, а может, и вечной жизни, но она, вечная, им не нужна, — только нынешняя минута, удовольствие, всеобщий и поглощающий оргазм. Что ж, надо показать толпе, что ожидает ее.

Представил их возмущение, когда закончит работу, негодование — почувствовал, что воинственные клики толпы воодушевляют его. Почувствовал, что с этой Работой он проживет еще одну, быть может, самую лучшую свою, удачную и содержательную жизнь. И, может быть, получит право на еще одну.

— Тришенька! — услышал счастливый голос и увидел сияющие птичьи глаза. — Я знала, что ты придешь! Я знала!

Лена стояла перед ним.

— Я каждый день хожу мимо твоего окна!

Кажется, она не понимала, сейчас ли кинуться на шею или немного погоды.

— Я тебя так ждала!

— Уйди с глаз, — сказал он. — Отвали.

А поскольку она не двигалась, заступив дорогу с выпученными, грязно подкрашенными глазками, отстранил рукой.

Порой он удивлялся тому, что существуют большие города. Почему люди сбиваются в новые племена, как могут жить, завидуя и ненавидя? А впрочем, — то же: в сонмищах больше зла, но больше и удовольствий. Равное наслаждение приносит и грех в оправе праведности, и праведность, оконтуренная грехом. В сонмище больше надежды перемешать эти понятия, а получив свое, запутать мерзкий след. Он, Тришка, счастливым чувствовал себя только наедине с собой. И что ему до всех них вместе и каждого в отдельности — до этой серенькой курочки, что забежала вперед и маячит на углу, в том числе?

Плачет и улыбается, вот я, на всю мою несчастную жизнь — твоя.

Что ж, пусть получит то, что заслуживает. Он направился к ней, кивнул в сторону своего дома.

— Пошли.

Слезы в бесцветных глазах — единственное, что примирило с ней.

Работа была закончена. Обыкновенно он не испытывал никакого желания показывать свои картины кому бы то ни было, давно миновало время, когда казалось важным мнение людей. Работал отнюдь не ради известности и вовсе не для того, чтобы удовлетворять чувства других. Творчество начинается там и тогда, когда художник удовлетворяет свое чувство, и кончается там, где в расчет берется хотя бы один человек.

Закончив картину, он повернул ее к стене. Работа получилась такая, что и сам он не имел права все взглядывать на нее. Уходил из дому, чтобы не оставаться наедине с ней, не думать, не вспоминать, но постоянно чувствовал, что и она ждет встречи с ним. Возвращаясь, робел и страшился: так-ва ли, как ему кажется? Не изменилась за час расставанья? Не разочарует, не изменит, не предаст?

Нет, оставалась верна. Снова поворачивал к стене, чтобы не развращаться зрелищем совершенного и не развращать ее слишком сильной привязанностью.

От той, первой идеи он отступил. В конце концов — верно: человек достоин сочувствия. Не одни свои — тысячелетние грехи наследует он и несет на плечах.

Он заложил в картину не только ненависть, но и добро. Мрачные лица наделил не свойственной им надеждой, легкомысленные — сомнением, к ко-

тому не располагало строение лица, бодрые и вечно веселые — печалью. Нет, не природу поправлял, а судьбу. Показывал людям, что они делают с человеком, и человеку — что тот делает с самим собой.

В один из этих дней вошла Лена и произнесла обычное, наскучившее: “Гениально, Тришенька, гениально”. Он вытолкнул ее в шею, потому что не имела права хвалить немощным голосом, а должна опуститься на колени и молчать.

Однако пришел день, когда захотелось показать ее, — так счастливые молодожены идут к людям, чтобы потом любить друг друга еще сильнее.

Но кому? Где тот, хотя бы отчасти достойный человек?

Мать — вот кому хотелось показать. Но она, судя по письмам, не собиралась возвращаться и только назойливо требовала кофточку и корвалол. Пусть торчит в Салехарде, если брат дороже, чем сын. Разве написал бы он эту картину, будь она рядом, здесь?

И вдруг понял, что должен сделать. Завтра открывается молодежная выставка, и он обрушит свою работу.

Конечно, правильнее было бы не осквернять ее распутным зрелищем и торжищем, представить их липучим глазам не Картину, а, к примеру, фигурку одичавшей от похоти Ули, но — надо взорвать их праздник. Пора заявить, что Он — пришел.

Выставки вошли в моду, публики было много. Много и знакомых лиц — Тришка отворачивался от них.

Как обычно, некий молодой свадебный генерал с умеренным пафосом произнес речь, перерезал ленточку. Ленточка, видимо, знак чистоты, девственности, встречи с искусством один на один. Но публика повалила в зал, как солдаты в бордель. В этой толпе Тришке ничего не стоило прощестись со своей картиной, забранной в холщовый чехол.

Со стучащим, как копер, сердцем он ворвался одним из первых, остановился в середине огромного зала, сорвал чехол и поставил ее перед собой. Сейчас, сейчас послышатся воинственные клики, начнется побоище, станет ясно, кто Он и кто — остальные, кто истинно, а кто в суете сует. Кто доктор человечеству, а кто парикмахер, кто имеет право на новую жизнь, а кто и эту получил вопреки и случайно. Ну? Подходите. Готовьте ваши старинные яды. Вот она, Работа, что будет жить, даже если Тришкины сердечные сосуды лопнут от торжества.

Публику, что является на открытие выставок, он знал хорошо. В целом она составлялась из двух видов, различавшихся прежде всего инстинктами: у одних плеватьельные, у других глотательные. Первые приходят пожевать и отвергнуть, вторые — пожрать, переварить и забыть.

И те и другие не понимают ничего.

И все они шли мимо него.

Нет, сказать, что вовсе не обращали внимания, нельзя, даже и останавливались на минуту. Склонялись, чтобы прочесть имя автора. “А-а, Тришка”, — будто имя что-то сообщало им.

Равно презирал и тех и других.

Но вот — вот Главный зритель! Вот кто издаст боевой клич. Сразу заметил Тришку, понял, зачем он здесь. Приблизился, остановился. Улыбнулся скромной, покорной улыбкой, которая так располагала людей. “Хорошая работа, — сказал уверенно. — Я тебя поздравляю. Человечество достойно вполне — разве не так?..”

Он говорил еще и еще. Взял под руку, приобнял за плечи. Окликал и подвигал каких-то доброжелательных, основательных людей. И все согласно кивали мудрыми головами: “Да, достойно. Вполне”.

Привлекал и случайных зрителей. “Как вы находите?” — “Интересно, — отвечали, потупившись. Боязно случайному говорить на равных с художниками. Робко поглядывали на Тришку: не добавить ли на рубль-другой еще? — Замечательно. Оригинально”.

Однако Тришка давно не слушал... Понял, что слабость, которую всегда чувствовал в душе, победила. От этой слабости и пытался объединить и примирить ненависть и любовь. А если примирится, то и примирится. И еще понял: не было никакой гениальности. Был маленький невезучий человек,

мечтавший выцарапаться из нищеты и безвестности, спасти свою ничтожную, но единственную жизнь.

Он снял картину с подрамника, аккуратно сложил вдвое, вчетверо и пошел к выходу. В первую же мусорную урну и опустил ее.

В надежной мужской компании, сгруппировавшейся у подвального магазинчика, с одним стаканом на троих он провел конец дня, потом долго пил пиво за неким сарайчиком уже в другой, еще более надежной компании и наконец прирулил домой, возглавляя третью. Долго не попадал ключом в замок и не сразу заметил листочек под дверью. Такие подсовывала Лена, и он пнул его ногой. Снова откуда-то взялись вино и водка, а среди ночи совсем уж никому не известный человек, рыжий, нечесаный и немывтый, с волосами до плеч, принес сумку пива. И никто не был пьян, все было замечательно и дружелюбно, так что даже листок на полу, напоминавший о Лене, не раздражал его. Позже он решил поглядеть, что же она сообщает ему, и поднял листок. “Катя умерла, — прочитал, — похороны в субботу”. Спрятал телеграмму, и никто ничего не заметил.

Тот рыжий, что принес пиво, любовно глядел на Тришку и все порывался что-то сказать.

— Что? — спросил Тришка.

— Я хочу показать тебе решение одной чудесной задачи: “Дама с собачкой”. Можно?

— Валяй.

Рыжий тотчас схватил лист, начал быстро исписывать его формулами.

— Вот, — сказал рыжий. — Здорово? Математический фольклор — моя слабость.

— Ты кто? — спросил Тришка.

— Математик.

— Студент?

— Нет.

Оказалось, не приняли в университет, но — тем лучше. Зачем тратить время на пустые науки? Он работал смотрителем сторожевых собак на заводе, а в свободное время решал задачи.

— Чего ты хочешь?

— Хочу доказать “Большую теорему” Ферма. XVII век.

— Ты гений? — сочувственно спросил Тришка.

— Да.

Когда рассвело, промчался первый трамвай и гости исчезли, он снова прочитал текст телеграммы. Не поверил ни одному слову. Не раздеваясь, лег, засунул голову под подушку.

Ему приснился паршивый фантастический сон: будто умерла мать. Он стоял рядом с ее братом, своим дядькой, и глядел, как ее закапывают в мерзлую землю. “Корвалол привез?” — спросил дядька. “Привез”. — “Молодец, — похвалил тот. — Бросай”. И он бросил две бутылочки в могилу. “Порядок, — сказал дядька. — Теперь твоей вины нет”.

Проснулся оттого, что звонили в дверь. По характеру звонка — она, Лена. Звонила долго, настойчиво. Потом прошуршал и прощелся под дверь листок. Через минуту увидел, что заглядывает в окно. Очень хотелось встать и показать ей кукиш. Отправилась к трамваю на тощих, как у матери, ногах.

Что-то вчера случилось? Вспомнил о телеграмме и тотчас прогнал это воспоминание. Этого не могло быть.

Попил крепкого чаю, завесил окно шторой. Подумал и завесил поверху одеялом. Отключил провода звонка. Закрыв дверь на два оборота ключа.

Так вот и будет жить, пока она не вернется, не шмыгнет на пороге простуженным носом: “Вот и я, Тришенька. Как ты здесь, без меня?”

Тогда и начнет, может быть, снова работать. Напишет что-нибудь действительно простое и хорошее, единственно ради того, чтобы подтвердить ее веру: он — Гений. И еще ради того, чтоб встретиться с ней в новой жизни.

ГЕННАДИЙ ПАШКОВ



ЗАБЛУДИСЬ  
В СИРЕНЕВОМ ТУМАНЕ...

\* \* \*

В снег — белый, как и встарь —  
ступай  
легко и смело.  
Он душу на алтарь  
ведёт,  
ведёт и тело.

В пушистый снег ступай,  
лечи себя озоном.  
А горяшко пускай  
отсеется со звоном.

Держи в своих руках  
Небесное причастье.  
В Крещенья светлых днях —  
мороз,  
огонь  
и счастье.

---

*ПАШКОВ Геннадий Петрович родился в 1948 г. в Чашникском районе Витебской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, переводчик, публицист. Автор многих книг. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Живёт в Минске.*

\* \* \*

Зима, помоги.  
Душу мне заморозь.  
Окутай скорее  
корой ледостава,  
чтоб то, что прожгло  
моё сердце насквозь,  
тиранить однажды меня перестало.

Не нужно так много мне счастья!  
Давно  
я жизни отмерил-прошёл  
половину.  
Зачем так незванно-нежданно оно  
свалилось, как снег,  
на согбенную спину?

Не думал я, дни проводя не спеша,  
Что буду от счастья  
отыскивать средство.  
Горит мотыльком на кострище  
душа...

Зима, помоги!  
Остуди моё сердце!

\* \* \*

Заблудись в сиреневом тумане —  
и услышишь у притихших хат,  
как звенит,  
звенит — не перестанет —  
васильковым звоном саду сад.

Спит притихший и уставший Нёман  
после наводнения —  
в траве.

На земле — испарина-истома  
и туман счастливый в голове.

Как нашествий лютые навалы  
уничтожить душу не смогли?  
Как такие песни сохранили,  
как сердца такие сберегли?

Тут и к предкам близкие дороги.  
Тут пролёт и в будущее путь,  
ибо знает ветер быстроногий  
всех столетий истинную суть.

Тут парнишка, чарами объятый  
с глубиной Нёмана в очах,  
подымает в млечный космос хаты,  
как и все поэты — по ночам.

Соловью жалейка подпевает —  
где хранится музыки исток?  
И внезапной нежностью пронзает  
вытканый на поясе цветок.



ТАМАРА КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО



## ТО ЛЕСОМ, ТО ПОЛЕМ

СЫНУ

Верила, молилась и просила,  
Падая с огромной высоты,  
И за мною вслед — невыносимый,  
Ангельский избыток доброты.

Горе слева заходило, справа,  
А потом ударило в лицо.  
Но любовь, любовь сметала лавой  
Всё. И обручальное кольцо

Сорвалось, пропало под обвалом  
Стылых вёсен и горячих зим,  
Где горело белое на алом,  
Покрывалось чёрное — седым.

И стояла я, и каменела:  
А мой сын, как будто бы во сне,  
Но в каком-то белом, белом-белом,  
Через вечность улыбался мне.

---

*КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара Ивановна родилась в деревне Щепятино Брянской области. Окончила педагогический институт. Автор семи поэтических сборников. Лауреат литературной премии Симеона Полоцкого. Председатель Витебского отделения Союза писателей Беларуси. Живет в Витебске.*



## ТО ЛЕСОМ, ТО ПОЛЕМ...

То лесом, то полем дорожка бежит,  
Судьба то зовёт, то пугает.  
Вот камень-валун на распутье лежит,  
И надпись на камне пылает.

Налево идти мне — тебя потерять,  
Направо — себя потеряю,  
А прямо — так вовсе — двоим пропадать.  
Куда же идти-то? Не знаю...

А сосны шумят, но их шум не понять,  
Никто не поспорит с судьбою.  
Как реки текут — не воротятся вспять,  
Так молодость наша с тобою.

И снова рябины горят в сентябре,  
Но этим огнём не согреться.  
Куда ни пойду — все дороги к тебе  
Приводят опять моё сердце.

Так дай же мне руку, и вместе пойдём,  
Двоим не страшны злые ночи.  
А камень-валун мы с пути уберём,  
Чтоб больше он бед не пророчил!

То лесом, то полем...

\* \* \*

Я тебя никогда не забуду.  
Ну а ты, если сможешь, забудь.  
Лишь мгновение рядом побуду  
И отправлюсь в заснеженный путь.

Захлебнусь от горячей метели,  
Что ударит наотмашь в лицо.  
Не окликнешь — ни громко, ни еле,  
И не выбежишь вслед на крыльцо.

И, спиной ощущая остылость  
Прошлых лет и случайных побед,  
Я ещё буду ждать, словно милость,  
Этот оклик и зов твой вослед.

Ах, как больно ступаю. Дрожащий  
Шаг мой — так не уверен и слаб.  
Он один лишь, весь Мир Предержащий,  
Знает: это спасительный шаг.

Только я ничего ведь не знаю.  
Только я задыхаюсь в снегу.  
И, как свечка, во тьме догораю.  
И забыть ничего не могу.

## МОИ СТИХИ

Мои стихи не могут не меняться.  
Пока дышу я, радуюсь, живу —  
Они растут, мужают и искрятся,  
Резвятся, как кораблик на плаву.

Им всё позволено — жива хозяйка!  
Без страха, вольно пусть себе поют,  
Мороз ударит? Их туда, где жарко,  
Отправлю — в Ялту, там и отдохнут,

Где Богданович, Чехов... В Коктебеле  
Задержатся пусть тоже на часок,  
И памятник Волошину — на теле  
Холма просторного не будет одиноч.

Ему стихи мои поклон — от края  
Озёр и рек прохладных отвезут!  
И зелень сочная взойдёт, играя...  
Мои стихи по волнам поплывут

До горизонта, сквозь шторма и бури,  
И брызгами рассыплется у скал,  
Сверкая там, среди морской лазури,  
Забыв — кто и зачем их написал.

\* \* \*

А вы, забывшие меня,  
Вы, проклинавшие меня,  
И осуждавшие меня,  
И — оболгавшие меня,  
Не раз предавшие меня,  
Не разлюбившие меня,  
И никогда, ни в дождь,  
ни в зной,  
Не забываемые мной,  
Я Вас прощаю в этот снег,  
Я Вас прощаю в эту ночь,  
Я Вам желаю дольше всех  
Прожить на свете, превозмочь,  
Преодолеть, перебороть,  
Перетерпеть... Пусть все не в лад,  
И пусть — пурга, пусть — камнепад,  
Желаю выжить вам, и — быть,  
Ночную боль души изжить!

Вас быть счастливыми молю.  
Прощаю. Всё, про всё!

Люблю.

РАИСА БОРОВИКОВА



## МЕТЕОРИТНОЕ ЖЕЛЕЗО

РАССКАЗ

До сегодняшнего утра, а это был восьмой час одной из августовских пятниц, Ольга Петровна считала себя женщиной довольно-таки преданной одному-единственному мужчине — своему мужу. И сейчас, запихивая продукты — многочисленные свертки, пакеты, банки — в дорожную сумку, не без злорадства (жаль только, что муж не может проникнуть в ее мысли) рассуждала: “А почему я думаю, что все случится именно сегодня, если оно уже произошло значительно раньше. Ну, конечно же, еще тогда, в ноябре, в прошлом году, в поликлинике...”

Место, откровенно говоря, совсем не предназначенное для деликатных знакомств, но ей вышло встретиться с Павлом Николаевичем именно там, в коридоре у двери в кабинет, куда она пришла на прием к невропатологу. Стояла у стены, морщилась от боли, потом, прихрамывая, прохаживалась вдоль коридора, и он, наблюдая за ней, несколько раз порывался встать.

— Да сядьте же вы наконец! Не проще ли было обратиться в “скорую помощь”, чем ожидать приема здесь?

— А какое вам дело, что мне проще, а что не проще?

— Логично, не мое дело. — И, сделав паузу, спросил: — Радикулит?

В больницах и поликлиниках есть только одна категория людей: больные, с той только разницей, насколько больны, поэтому, не смутившись, она ответила:

---

*БОРОВИКОВА Раиса Андреевна родилась в 1947 г. в д. Пешки Берёзовского района Брестской области. Окончила Литературный институт имени М. Горького (Москва). Поэт, прозаик, переводчик, публицист. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Автор многих книг поэзии и прозы. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь, Литературной премии имени А. Кулешова и премии Федерации профсоюзов. Главный редактор журнала “Маладосць”. Живёт в Минске.*

— Грыжа позвонковая. Частник не помог.

Девушка, что сидела рядом с Павлом Николаевичем, поднялась, отошла подальше от них, к окну, и Ольга Петровна села на ее место. Он повернулся к ней, невзначай коснулся плечом ее плеча, и в глазах Ольги Петровны на мгновение застыло смятение. Если бы ей теперь было не сорок девять, а семнадцать лет, она, не исключено, зарумянилась бы.

— Смотри какой частник, — тем временем говорил Павел Николаевич. — Могу дать телефончик одного моего знакомого доктора, сделает пять-шесть инъекций... Мне помогло, думаю, и вам поможет. Если хотите, вот моя визитка. Вечером позвоните, отыщу в записных книжках нужный номер.

Она позвонила вечером. И хотя услугами того доктора так и не воспользовалась, это случайное знакомство с Павлом Николаевичем переросло в отношении затянувшегося флирта, наверное, так сказала бы кокетка. Но Ольга Петровна не была кокеткой. Ей хотелось глубокого чувства, сладкого пьянящего дурмана, пылкости, трепета, что пока в ней только тлело. Но тлело настойчиво и неотступно. И когда после стипендии дочь попросила у нее денег на обед, объяснив, что все до рубля отдала за итальянский лифчик, который вчера приобрела в “Бюстье”, она тут же поинтересовалась, где находится тот магазинчик.

Последнее время Ольга Петровна, кроме итальянского нижнего белья, никакого другого уже для себя и не представляла. В мыслях она все чаще и чаще приближала тот момент, когда Павел Николаевич наконец решится и, чего уж наверняка давно не делал с женой, начнет расстегивать на ней какие-то кнопки, пуговики, крючочки...

Сумка уже была полная, а Ольга Петровна все еще стояла у холодильника и что-то запикивала и запикивала в нее. Оторвалась от этого занятия только тогда, когда в кухню заглянула дочь.

— Ого! — Она попробовала поднять сумку. — И ты это все потянешь на электричке? Я даже на вокзал не смогу тебя подбросить. Вчера поставила машину в гараж к Вадиду, а Вадик появится в городе только к обеду. Куда-то уехал.

— Не объясняй так долго. Я же не прошу, чтобы ты подвезла меня к вокзалу. И вообще, Катенька, сделай одолжение, пойди к себе, не то я еще что-нибудь забуду.

Ольга Петровна действительно боялась что-нибудь забыть. Тот столик на двоих, который она хотела накрыть сегодняшним вечером, должен быть безукоризненным во всех отношениях. Но об этом не расскажешь дочери, пусть себе и взрослой, как и о том, что вчера она позвонила Павлу Николаевичу и пригласила его к себе на усадьбу, в тот райский уголок, как когда-то шутливо называли они с мужем тридцать соток земли с обычной крестьянской хатой, которые приобрели три года назад в небольшой деревеньке, — с десятков хат, не более.

— Гм-м, очень даже заманчиво. — Павел Николаевич что-то в мыслях прикидывал, это она чувствовала по голосу, уже научившись разбираться в его оттенках. — Так, говоришь, километров шестьдесят от Минска? Буду стараться... Правда, загвоздка одна есть, бензин где-то просачивается, нужно будет на СТО заехать. Если зацепил где-то бак, придется заваривать. Сама понимаешь, пока его снимут, просушат... Хорошо, — наконец сказал он, — говори конкретно, куда я должен ехать?

И они договорились, что в девять вечера она будет ждать его на повороте дороги, которая вела к деревне, откуда они уже вместе подъедут к усадьбе, чтобы ему не пришлось искать хату и ни у кого ничего не расспрашивать...

Все! Кажется, сумка упакована! Ольга Петровна решительно подняла ее, и, когда уже была готова покинуть квартиру, из своей комнаты вышел ее муж, спросил:

— Уже едешь?

Ольга Петровна молча кивнула головой.

— Завидую тебе. Я, возможно, тоже поехал бы, но у нас сегодня... Вечера иду, а в холле опять черная рамка...

Она поставила сумку на пол, поинтересовалась:

— И кто же на этот раз у вас помер?

— Кулеш! Ты же знала его. Хотя и давно разбежались мы в разные стороны, а на похороны идти нужно. Двенадцать лет в одном бюро отсидели. И во-от как оно! Конец всегда непредсказуем. Был человек — и нет человека. Помню, тогда, в начале девяностых, он будто с цепи сорвался. Бизнес! Бизнес!

— Ты говорил, у него все хорошо складывается.

— Складывалось! Вначале. А потом оказалось, что не в тот вагон сел. Нужно было в плацкартном ехать и ехать, а ему в мягкий захотелось. Пока едешь в своем — все в норме, а как только пересаживаешься, тут и начинается... Но хватит о Кулеше, земля ему пухом. Ты вот что... Будешь в воскресенье возвращаться, позакрывай все хорошо и грыжу свою не надрывай. Огород — огородам, сотки — сотками, но помни: они — не твой вагон...

Он любил поучать, и она позволяла ему это делать, хотя в конце концов все устраивала по-своему. И уже где-то через час, когда за окнами электрички мелькали леса, деревеньки, картофельные поля да острова уже вызревшей ржи, в мыслях вернулась к этому разговору. А в каком вагоне теперь они? Но имела в виду не плацкартный и не мягкий, в их жизни был и тот, и другой, а совсем иное. В каком бы вагоне им ни случилось ехать, они всегда были вместе. Их места были рядом — локоть к локтю... Но в жизни нет ничего вечного. Эта истина только подтвердилась тем ранним вечером два года назад, когда они сели за праздничный стол, чтобы отметить первую публикацию дочери в студенческой газете “Молодой журналист”. Дочь вскоре оставила их, поехала показать публикацию подруге, а они включили телевизор... Потом он подсел к ней, обнял за плечи, что, как выяснилось через минуту, было исключительно иезуитским жестом, и сказал:

— Знаешь, Олечка, а у нас с тобой проблемы!

— У тебя что-то случилось на работе? — забеспокоилась она.

— Да нет. — Он принялся крутить в руках вилку, будто ему вдруг захотелось что-то проткнуть. — Все гораздо сложнее. Понимаешь... Прости и не задавай никаких вопросов. Девушка, Леночка, практикантка наша, забеременела, — и он забарабанил вилкой по столу.

Она насторожилась и как будто услышала не свой, а чужой голос:

— Хм-м, Америку мне открыл! Они теперь ранние и беременеют, как кошки!

— Олечка, ты не так поняла. Леночка забеременела от меня. Третий месяц, и я не могу ее бросить. Возможно, она родит. Вы уж тут с Катериной без меня... Я регулярно буду приносить деньги.

Он произносил все это без запинки, как актер, который вышел на сцену своего сотового спектакля, а у нее удушающий ком перехватывал дыхание. И все же она смогла произнести:

— Ты из-за этого вилкой начал стучать? Шумовое оформление! И сколько же практикантке Леночке лет?

— Двадцать два. Она только на год старше нашей Кати.

— Ну и когда же ты нас с Катей покинешь?

— Сегодня. — И тут его подвел голос. Он закашлялся, отодвинулся от нее, опустил голову. — Прости, Ольга. Ты пока не будешь приезжать на усадьбу, а-а? Мы с Леночкой с... С месяц проживем там, пока практика не закончится. Она потом поедет к родителям в Витебск. А я... Я тут что-то подыщу. Думаю, снять квартиру проблемы не будет.

У нее самым натуральным образом задрожали руки, и, чтобы не показать этого, она сжала пальцы в кулаки, и какая-то сила подняла ее с кресла. Она стояла перед ним со сжатыми кулаками, и он понял это по-своему.

— Ты что, Ольга? Приди в себя, мы же интеллигентные люди...

— Пошел ты! — Она уже не в силах была сдерживать слезы и выбежала в спальню.

Через полтора месяца муж вернулся. Леночкины родители вмешались в их отношения и с последнего университетского курса перевели дочь на учебу в Витебск. А Ольга Петровна за это время из трепетной, солнечно-улыб-

чивой, доброжелательной женщины превратилась в строгую матрону, которая гневным взглядом сверлила каждую молоденькую девушку, будто она была не матерью взрослой дочери, а старой девой. К возвращению мужа она отнеслась с полным безразличием. Он волновался и, видно, заранее подготовил целую тираду:

— Олечка, ты можешь не прощать меня, но понять-то должна! Будем считать это... Ну... Все, что произошло... Временным разладом. Ты же посмотри... Народы конфликтуют, нация с нацией ужиться не могут, а мы... Мы, утомленные, взвинченные, угнетенные этим земным хаосом! Мы только две песчинки во вселенском масштабе. Прости за выражение, я, видно, должен говорить проще. Ну, давай, давай... Сорви на мне обиду, возьми и влечи мне в харю, я стерплю... Я даже очень хочу этого!

Она как-то непривычно странно, по-новому для него улыбнулась и сказала:

— Васенька, ты же не выписывался из квартиры. Живи. Но никакой общей спальни. Я себе диван купила, сплю в гостиной.

Для чужого глаза ничего в их жизни не изменилось. Они вместе садились за семейный обеденный стол, случалось, вместе что-то покупали, и все же жили скорее как соседи. Даже на усадьбу выезжали порознь. Он — в одни выходные дни, она — в другие. Сейчас была ее очередь, и, сойдя с электрички, Ольга Петровна беспокоилась: хоть бы в хате не было беспорядка! Муж провел на усадьбе прошлые выходные дни и обычно оставлял после себя горы разбросанного по углам хлама. Сумка была непомерно тяжелая, а тащить нужно километра два. Проще было взять частника-таксиста, что она и сделала. И, как только поднялась на крыльцо хаты, мгновенно забыла обо всех жизненных неурядицах: о муже, о практикантке Леночке, о своей городской квартире — в райском уголке о земном не думают. Вот только Павел Николаевич... “Понравится ли ему здесь? — думала она. — Сад не может не понравиться, газоны с клумбами и клумбочками, которые, благодаря Васиным стараниям, всегда аккуратно выкошены”.

Ольга Петровна доставала из сумки пакеты и баночки, укладывала их в холодильник и невольно радовалась: “Паша любит паштет из телячьей печеночки, и вот он как раз здесь! И салат с черносливом приготовлен, и баранина на косточке! Боже, а где маслины? Забыла! Не-ет, вот они. А тут что у нас? Ага-а, палтус, запеченный в тесте. А это — морсик!..” Она восторгалась своими кулинарными способностями, представляла Павла Николаевича и время от времени поглядывала на настенные часы. Ей казалось, что стрелки уж больно медленно двигаются. Потом, когда все продукты были сложены в холодильник, Ольга Петровна обошла все четыре комнаты, собирая разбросанные мужем вещи: старые брюки на диване, из которых сыпалась сухая газонная трава, рубашки, измазанные глиной и цементом, свитер, плащ-дождевик на спинке стула, шорты, майки... И когда уже собралась целая охапка, она решила, что до поры до времени все это нужно убрать в старый сундук, что стоял в клету. Он им достался в наследство от бывших хозяев, навсегда уехавших в город.

Пошла в клетку, подняла крышку, швырнула туда всю одежду и увидела растерзанный сверток, который то ли забыли, то ли просто оставили прежние хозяева. Нужно бы его давно выбросить, но муж не позволил, мол, зачем выбрасывать пусть и чужую, но жизнь. В том свертке действительно была упакована целая жизнь, и, может, даже не одного поколения: письма, открытки, фотографии, телеграммы, разные квитанции, справки... Все это было расколошмачено, разбросано.

“Видно, мыши где-то прогрызли в сундуке дырку, — подумалось ей. — Они уже чувствуют близкую осень, убегают с полей к человеческому жилью. А может, даже крысы?” И Ольга Петровна, отбросив крышку к стене, начала собирать разбросанные бумаги. Взгляд задержался на пожелтевшем листе, который уже кое-где тронуло тление. А вот еще один, такой же. Взяла в руки бумагу, подошла к небольшому окну...

Почерк был мелкий-мелкий, как бисер, да еще и с загогулинами на отдельных буквах, но чернила не поблекли.

Цифры прочитала сразу же, они были крупные, по центру листа: 1841 от Рождества Христова. И ниже, более мелко, но не бисерно: протоиерей Никодим, раб Божий. И еще ниже: Свято-Покровская церковь милостью Божией... Далее строчки были где стертые, где размыты, сохранились только отдельные буквы. Глаза уже привыкли к ним, и на обратной стороне листа она кое-что смогла прочесть, додумывая неразборчивые слова.

“3.3. Из местечка вернулся диакон Осип. Привез два посеребренных каддила и сорок свечей. По моим подсчетам, свечей должно было быть шестьдесят две. Но как могу подумать неблагопристойное о диаконе, если Святым Днем его пожертвование было наибольшим.

15.3. Из Дубенцов привезли крестить дитя. Девочку. Записал, как и надлежало в этот день, именем святой Евфалии. И крестная сделала большие глаза, спросила: “Как же нам теперь называть ее, батюшка? Разве что Фанею?”

19.3. Приходила на исповедь молодая пани из панского имения. Ее глаза — находка для богомаза. Но молодой пан не видит ее глаз. Он видит только ее правую ногу. Хромую. Так же, как видел те сто сорок десятин земли, которые дали за ней. А еще пан видит грудастую Зоньку, что при хлевах у них. У Зоньки легкая рука. Она принимает отелы и первотелок. Пани плакала: у пана воняет сюртук хлевом и, наверное, пусть не слышат меня ангелы, Зонькою. Прости, сто раз прости, Отец наш Всевышний, что доверяю чужую исповедь бумаге.

23.3. Местные люди говорят, что кара небесная низринулась, а на деле — природное явление. Вчера после утренней службы, когда прихожане покидали храм Божий, с неба упал метеорит. Размерами небольшой, но беды наделал много. Сгорели хлевы панские, он как раз туда угодил, и много пристроек к дому панскому. А сам дом уцелел, только одна колонна треснула. Взрыв большой был, много соломенных крыш вокруг разметало. А в саду панском деревья из земли повыворачивало. Но самое страшное, что в хлевах сгорел молодой пан, а еще конюх панский, и Зонька сгорела — досмотрщица за скотиной панской. И много скота погорело. Теперь на месте одного из хлевов — яма. Посмотреть на нее люди ученые аж из самого Менска приезжают.

26.3. На исповедь приходила молодая пани. Услышанное сильно впечатлило меня. Только в себе ли она? Печаль большая. Веди руку мою, Отче, а когда не желательно Тебе, то останови ее. Молодая пани тем страшным днем стояла у окна, видела, как молодой пан с Зонькою заходили в хлев. Зонька развязывала пояс на юбке, а пан расстегивал сюртук. Тут и скажи молодая пани: “Чтобы на вас камень с неба упал!” И в одно мгновение все так и случилось. Просила она снять грех с души ее, а я считаю, с умом у молодой пани не все в порядке. Большое горе мутит его.

30.3. Отпел покойника в Рогочах. Приехали за мной на повозке, а лучше бы на лодке приплыли. Паводок большой. От ямы на панском подворье жаром до этого времени отдаст”.

Ольга Петровна услышала, как звякнул засов, заскрипела входная дверь. Она быстренько сунула этот пожелтевший лист бумаги, что трепетал у нее в руках, в сундук, будто ее застали за чем-то нехорошим. Опустила крышку и вышла в сени, где увидела соседку Веру, которая уже открывала дверь в переднюю комнату.

— Петровна, вы что-то сегодня рано? Василий Антонович говорил, что сегодня можете приехать. А у нас тут в среду гроза была. Взглянула я через забор, а у вас помидоры погнуло. Я три кустика перевязала. А может, не нужно было? По чужому огороду ходила.

— Почему же не нужно? Спасибо, Вера. Я вам перец-горошек черный, как и просили, привезла...

Соседка задержалась у нее недолго. И как только она ушла, Ольга Петровна начала делать, как это она называла, обход усадьбы. И по ходу находила себе работу. Пересохшие кустики давно созревшей фасоли связала в пучки и подвесила на солнечной стороне хаты. Убранный лук занесла на чердак, пусть подсыхает... И между этими, такими уже привычными хозяй-

скими хлопотами время от времени заходила в хату, смотрела на часы: “Хоть бы не опоздать!” А время как будто стояло на месте. Но вот наконец можно все отложить на потом: до приезда Павла Николаевича остался один час. Она минут пятнадцать отдала зеркалу. И уже такая, какой он привык ее видеть, вышла за калитку. Решила идти напрямик через картофельное поле, через лог, поросший густым орешником, за которым уже недалеко был и желанный поворот.

Она пришла в назначенное место ровно в девять. Машины пролетали мимо нее одна за другой... Вглядываясь, она выходила на шоссе навстречу им и только тогда, когда рядом остановилась темно-серая “Мазда” и из приоткрытого окна послышалось: “Вам куда? А то еще заночуете здесь!”, она поняла, что Павел Николаевич не приедет. Все вокруг уже окутали густые сумерки, и близкий лог заплыл туманом, но Ольга Петровна пошла прежним путем. “Проклятый бак! Видно, пришлось все-таки его заваривать, — думала она. — Сколько раз говорила Паше, чтобы не связывался лишь бы с кем, обращался только к профессионалам! А он все чтобы подешевле! К халтурщику какому-то поехал. Сколько там нужно того времени бак заварить! Лучше с умелым потерять, чем с бестолковым сэкономить!” — срывала она всю свою горечь на неизвестном автослесаре. В темноте шла наугад и вышла не к своей калитке, а к крайней хате. Обошла ее и оказалась на узкой гравийке... И в то же мгновение сердце ее взлетело куда-то высоко-высоко: возле их усадьбы стояла машина. Но сердце как взлетело, так и опустилось. Ольга Петровна узнала свою машину. В окнах хаты горел свет. И когда она вошла, увидела за столом дочку. Катя намазывала на булку паштет... Муж стоял у раскрытого холодильника, будто прикидывал, чтобы ему такое достать оттуда.

— Ты у соседней была? — спросила дочка. — А мы тут уже минут пятнадцать. Паштет у тебя вкусный получился. Что на тебя нашло, ма-а? Такой вкуснятины наготовила!

— Это, Катерина, интуиция маму вела, — отозвался муж, захлопывая холодильник. — Она думала, что едет на усадьбу одна, а подсознательно чувствовала, что мы двинемся следом... Вот и наготовила всего. Интуитивно! Даже на грыжу свою махнула рукой, такую сумку тянула.

Ольга Петровна сухо улыбнулась:

— И чего же это вы двинулись следом? Что случилось?

Муж сел за стол рядом с дочкой, отломил кусочек булки, намазал паштетом...

— Понимаешь, страшная штука похороны. В голову всякие мысли полезли о тленности человеческого бытия и все такое... Я даже на поминальный стол не остался. — Откусил булку, пожевал. — Жена Кулеша, точнее, уже вдова, сознание теряла. Хотя, в принципе, и не жена, и не вдова. Говорили, они давно развелись.

Ольга Петровна опять сухо улыбнулась, подошла к окну, задернула гардину.

— Было очень вкусно. — Дочь поднялась из-за стола. — Мне нужно ехать. Целую всех! Провожать будете?

И когда, проводив дочку, они снова вернулись в хату, Ольга Петровна сразу же сказала:

— Я пойду укладываться. За день утомилась. А ты поужинай, если хочешь. Я не буду.

И, зайдя за перегородку в небольшую комнату, где она обычно спала, начала расстилать постель. Подняла подушку и невольно вздрогнула: на простыне лежали три черных камешка, довольно-таки крупные. Круглые и приплюснутые, словно раздавленные шарики из пластилина. “А это еще что такое?” — подумала она.

— Ольга, слышишь? — подал голос из-за перегородки муж. — Мясо на косточке? Это же не свинина!

— Баранина! — звучно отозвалась она. — На Комаровке купила.

С этими словами Ольга Петровна и вышла к мужу, держа подушку в руках. Он ел. Она помолчала и сказала тихо:

— У меня там камни какие-то под подушкой. Откуда они могли появиться там?

— Э-э, это не камни, Олечка. Это — метеоритное железо. Рассказывают, когда-то здесь метеорит упал. На усадьбе кругляшки эти нашел... Ну и положил под подушки. Три — тебе, три — мне... Как говорится, на счастье. Все-таки с неба. Оттуда, — показал рукой вверх. — Подарок небес...

Она задержала на нем долгий взгляд и, ничего не сказав, пошла за перегородку. Бросила подушку на кровать и легла. За перегородкой хлопала дверка холодильника, звенела посуда, из крана лилась вода... Ольга Петровна проваливалась в сон, такой же беспокойный, как теплая, полная таинственных звуков и шорохов августовская ночь. Правда, еще успела подумать: “Нужно будет завтра же выбросить из-под подушки этот мусор!”

Да, мусор...

АНДРЕЙ СКОРИНКИН



## ПРИХОДИТ ВРЕМЯ ОТВЕЧАТЬ ЗА ЗЛО...

ЗИМНИЙ НОЧЛЕГ

1

В метель, при наступленье темноты,  
По воле поэтической стихии  
Я странствовал в глухих местах России,  
Вдали от волокит и суеты.  
Но силы оставляли плоть мою,  
И только я подумал о приюте,  
Как тут же предо мной возникли люди  
И сами предложили мне приют.

2

Я шёл — куда попутчица вела,  
Которая представилась Матрёной,  
Мы подошли к квартире двухвагонной,  
В ней было много света и тепла.  
Ещё там было множество икон,  
Что путника приятно удивило,

---

*СКОРИНКИН Андрей Владимирович родился в 1962 году в Минске. Окончил Белорусский государственный университет и Высшие литературные курсы при Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Автор пятнадцати поэтических книг и трёх музыкальных альбомов. Член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси.*

Ведь столько лет нас партия учила  
Лишь ей самой отвешивать поклон!..  
Чудесным оказался мой покой:  
Меня хозяйка грела и кормила,  
И платы за любезность не просила —  
Ни твёрдой, ни какой-либо другой...  
Я сразу вспомнил “Русский огонёк”,  
Я начал ей рассказывать Рубцова,  
Но понял: для неё всё это ново,  
А почему? — мне было невдомёк...  
Всю ночь я ей рассказывал стихи,  
Всю ночь она их слушала, вздыхая,  
Всю ночь со мной боролась сила злая,  
Толкая на забытые грехи...  
Но вдруг заговорили мы о том,  
Что ожидает в будущем планету?  
Что знал — я ей поведал по секрету,  
Она внимала мне с открытым ртом...  
И многое неясно было ей  
Из моего рассказа неземного —  
Особенно про хищника восьмого,  
Что доведёт до гибели людей...  
Метель же свирепела за окном,  
Бледнел восток — за тучами светало,  
Я сожалел, что времени так мало,  
Два сердца сожалели об одном.

3

Расстались мы в суровые часы,  
Расстались мы в суровую годину,  
Когда метель вонзала стрелы в спину,  
Когда дрались пиковые тузы,  
Когда надежды таяли, как снег,  
Когда весь мир прислуживал Мамоне...  
Расстались мы, но память о Матрёне  
Со мною не расстанется вовек.

\* \* \*

Куда пойти? Куда податься?  
Отчизну-мать терзает зверь...  
Я не рискую с ним сражаться,  
Я не хочу больших потерь.  
— Как нам избавиться от зверя? —  
Я обращаюсь к небесам;  
И слышу:  
— Сила ваша — в вере!  
А зверь себя погубит сам...

\* \* \*

*Вы, жадною толпой стоящие у трона...*  
Лермонтов

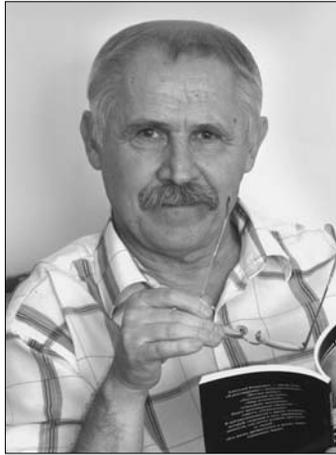
Правители земного мирозданья!  
Точу на вас железное посланье,  
Большую честь оказываю вам,  
Прислушайтесь к сверкающим словам!

С тех пор, как вы мечтали о престоле —  
Намеренно, а может, поневоле, —  
Немало рек кровавых утекло...  
Приходит время отвечать за зло!  
Вы знаете, что судят мир святые?  
Не те, что с вами вина пьют сухие,  
А те, что признают один нектар...  
Готовьтесь отражать судьбы удар!

Вы помните, в часы коронаванья  
Из ваших уст летели обещанья?  
И вот теперь, когда под вами трон,  
Скажите, вас волнует черни стон?..  
Вы лицемеры с самого рожденья,  
Явило вас на свет не Провиденье;  
Отец ваш — дьявол, он вас наделил  
И властью без границ, и бурей сил,  
И всё лишь для одной безумной цели,  
Чтоб самому прийти на Землю в теле  
(В одном из вас) и с Господом в бою  
Излить всю злобу чёрную свою...

Мне жалко вас, слепые лицедеи!  
Вы жертвы химерической затеи;  
Напрасно вы считаете себя  
Монархами земного бытия!  
Не звери вы, и даже не зверюшки,  
А серые, дешёвые игрушки  
В руках судьбы и в лапах сатаны,  
Но это не снимает с вас вины!  
Кто хоть однажды трогал жезл Владыки,  
Уж никогда не будет в райской книге!  
Как вам спастись? Увы, не знаю сам...  
Как ни крути — вы чужды небесам!..

ГЕОРГИЙ МАРЧУК



## ДАВИД-ГОРОДОКСКИЕ КАНОНЫ\*

### Канон Горыни

Река не человек, она злой не бывает. Шумит, бежит вода Горыни, и куда она уносит наши годы? Очевидно, так думает рыбак, который сидит на носу лодки с удочкой в руках и бросает суровый взгляд на ватагу подростков, которые, как жеребята, выбрасывая вперед ноги, с шумом прыгают в воду в двух-трех шагах от лодки. Может, нам только кажется, что рыбак размышляет о быстротечности жизни, а он озадачен житейскими хлопотами: нервничает, как бы неслухи не распугали всю рыбу, которой богата река. А вас никогда не интересовало, о чем думает рыбак, сидящий на берегу? Не хочется верить, что мысли его только о рыбе. Вода, как и огонь, своей изменчивостью наводит на размышления. Дерево статично. Насладившись его красотой, идешь дальше, не задерживаешься, от воды же глаз не оторвать. Рекой не брезгают, но ее и не обожествляют, как это принято в иных краях, просто относятся к ней с уважением, как к старшей сестре. Ее неброскую красоту оценивают в зрелом возрасте, достаточно повидав мир. Сочувствуют хозяину, дом которого стоит у самой реки, — беспокойная жизнь. Живи и всегда думай, измеряя берега, не снесет ли вода дом, не съест ли его?

---

*МАРЧУК Георгий Васильевич родился в 1947 г. в Давид-Городке Брестской области. Окончил Белорусский театрально-художественный институт и Высшие курсы сценаристов и режиссеров в Москве. Прозаик и драматург. Автор многих книг прозы и пьес. Лауреат Государственной премии Республики Беларусь. Секретарь правления Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.*

\* Давид-Городок – местечко в глубине Полесья. Канон (от греческого “норма”) – одна из форм песнопения, являющаяся диалогом между теццом и хором.

В этой вековой борьбе воды и суши чаще побеждает вода. Но об этом не думаешь. Кажется, все неизменно... низенький, пологий бережок, которому ярко-зеленая трава уже который десяток лет помогает сдерживать быстрое течение. А вот песок бессилен, случается, в одну ночь его смоег: глядишь, посреди реки утром выросла ярко-желтая коса. Рыбак, говорят, семью не прокормит, однако городчуки не позволяют себе подтрунивать над рыбаком. Почти каждый в душе рыбак и любит это занятие. Нет такой семьи, в которой бы не любили или не умели варить отменную уху. Она, река, первая и воспитывает, закаляет характер подростка, укрепляя его слабые мышцы летом — купанием, а зимою — катанием на коньках.

Река одаривает настойчивых и терпеливых сотней-другой верховодок. Не всякий, однако, рискнет прыгнуть с перил моста в воду. Страшновато. У реки свой нрав, она показуху и бездумный риск не прощает. Утопленников, случается, находят за три-пять километров от места трагедии.

— Не ходи, родненький, один на берег. Не дай Бог, упадешь в воду.

И все же река добрая. На Маккавеев день, праздник цветов у местичей, женщины бросают с моста один-два цветка из букетика, который только что освятили в церкви. Плывут гладиолусы, бархотки, астры, бессмертники. Тихо принимает дары река. Далеко плывут цветы, не тонут... Это так напоминает Млечный путь на широкой синева-зеленой глади реки. Вербы, лозы, тополя, украшающие ее берега, отражаясь, “озеленяют” бледно-серую воду. Женщины с необычайно просветленными лицами, со светлой печалью в глазах, не уходят, какое-то время стоят на мосту и провожают цветы взглядами, словно расстаются с мечтами и надеждами, не теряя оптимизма в ожидании счастья, полнокровного, как сама река. Лишнего счастья не бывает. Никто из живущих ныне уже не помнит, а река помнит, как из ее льда на Крещение вышпиливали большие кресты, в которые вставляли свечи. Таинственная луна на небе не так привлекала внимание, как эти светящиеся на льду кресты. Зримо ощущалась тогда божественная связь земли и неба...

Умер девяностолетний мастер. Он один умел делать давидгородокские дубы-лодки. Никто его смерти и не заметил, как не замечают ее у очень старых людей. Река заметила. Она без лодок, как огород без цветов. Такое чувство, что моторные лодки ее раздражают, а вот деревянное весло она сама ласкает.

Бежит вода, течет река, куда она уносит мечты? Так сладко лежать на теплом песке и надеяться, что впереди только доброе. И это действительно так. Ведь все человеку дается в радость, а чтобы он осознал цену этой радости, иногда посылается и горе. На реке благодать чувствуется больше всего. Зачерпнул рыбак пригоршней воды, омыл ею лицо. Душно. Птица летит — не слышно.

Только в Городке умеют и удят рыбу женщины.

— Олена поставила на газ бульбу, побежала к реке, наудила рыбы, воротилась, так, поставила, бульба в горшке не успела свариться. Вот уж уродилась вертка, — удивляются городчанки.

Вода теплая. Рыбак окунает свою кепку в реку и надевает мокрую на голову, предусмотрительно выкрутив ее, чтобы вода не текла за воротник. Смешно, право. Воду из реки для питья и на чай не берут: много ила. Давным-давно, когда все вокруг было более чистым, брали. В туманные дни молодежь с замиранием сердца бросает с моста в воду камушки. С таинственной улыбочкой все ждут, когда камень булькнет. Огорчается тот, кто не услышит бульканья своего камушка — верная примета: желания в этом году не исполнятся. Всех, чьи хаты стоят на набережной, зовут рыбаками. Никто не обижается. Детей одних, без присмотра старших, играть в лодки не отпускают. Бранят непоседливую малышку за непослушание и частенько наказывают ремнем. Дети любят, сидя в лодке, опустить в воду босые ноги и болтать ими. Вечером влюбленные близко к воде не подходят... Идут на Церковную гору: оттуда видно, как в воде отражаются звезды. Так тихая хозяйка Городка и живет: как символ вечной жизни, как помощница, как тайна, как райское наслаждение, как “доктор”, который лечит бесплатно, снимает нервный стресс. А еще как гордость: “А у вас нет такой красавицы, как у нас!” Никто на нее не в обиде за то, что она со дня основания местечка

пережила уже девятьсот пятьдесят тысяч жизней городчуков и неизвестно, сколько еще переживет. Садится за тополями солнце. Огромное красное небо. Завтра вновь будет солнечный, теплый день. Дай Боже встретить его всем во здравии и радости. Не дает покоя все та же мысль: о чем может думать слегка сутулый, с заметной сединой на висках рыбак? Он не спешит домой. И напрасно заманивают его к чайной отведать пивка. Он лениво мнет в пальцах левой руки мякиш белого хлеба: на белый лучше клонет и плотва, и язь. Бежит река, шумит вода, о чем-то поет. Не проси ее, не задержится, забереет, унесет и твои года. О, Горынь моя, Горынь!

### Канон Хате

Городчук рождается с мечтою разбогатеть, построить новый дом, поставить на ноги — выучить детей и детям построить новую хату. Городчуки довольны, если работа ладится, если дети не болеют и когда “деньги идут”. О, Боже, как это немного, и как тяжело это дается. Дом должен быть обязательно “как у людей”. Это мерило. С большими окнами, с крыльцом и верандою, на четыре-пять комнат, чтобы в одних окнах солнце входило, а в других — садилось. Чтобы зал выходил на улицу, и чтобы в хате были шкафы, ковры, иконы, ковровые дорожки, вазоны, модный импортный тюль, люстра как минимум на три лампочки, и чтобы умывальник был, и чтобы пол не скрипел, потому как, гласит поверье, если он скрипит — по нему ходят черти. Если вы переступили порог дома городчука, вас обязательно поведут в зал, посадят в мягкое кресло или на диван, снимут передник, вытрут руки и скромно сядут рядом, чтобы выслушать соседа или соседку. Чужих и цыган в зал не приглашают, встречают на крыльце, если не успевают — на пороге, а лучше возле калитки.

Дом... хата... здесь каждая вещь ждет, чтобы к ней прикоснулись. В доме живут до тех пор, пока ветры не распотрошат крышу и не просочится солнечный луч между бревен. Случается, что и пол провалился, и печь не греет, и грубка копит, и плесень на окнах и дверях, и стояк прогнил, не держит скобу... а люди терпят... ведь строительство нового дома, который, случается, возводят рядом со старым, идет медленно, по мере накопления средств. Нет привычки справлять новоселье, если столярка не готова и пол не настлан. Осиротела хата без огня в печи. В конце двадцатого столетия вынесли городчуки свои газовые плиты в летние кухни в угол огородов.

— Мы печь уже не топим до зимы, — иногда с грустью говорит одна соседка другой.

Но вот из ближних деревень несут ягоду чернику. Хочешь вкусных пирогов — затопи печь. За домом ухаживают, как за невестой. Вид с улицы, как куколка. Обшалеван, окрашен. Разве что пьяный или уж совсем неприятный хозяин идет в сапогах на переднюю. Упаси Бог. Жена, толкая в плечи, обругает, обидится на неделю. Летом все силы и время забирает огород, а уж зимою отогревают у грубки и руки, и ноги, и плечи. Глаза слипаются, сон побеждает, а кажется, бесконечно бы слушал и слушал о том, что было. Не упустят случая, напомнят и знаменитую прическу:

— Не живи уныло, не жалея, что было, погадай, что будет, береги, что есть.

Печь да грубка не отпускают, не хочется зимою выбираться в большой мир, да приходится. Нужда гонит, промысел торопит. Надо везти на столичный базар семена цветов. Женщины одна к другой ходят на смотрины: “Что нового купили хозяева в дом?” Все хвалят. Таков ритуал. Нет моды хаять вкус хозяйки. Высшей оценкою служит возглас: “Надо и мне такое купить”. На бегу в доме не пьют и не едят. Только за столом и только тогда, когда все сядут. Кажется, и невелика хата, а свадьбе на сто гостей места хватает. Правда, танцевать уже выходят на улицу. Прошивают молодую. Пусть идет на свой хлеб, а на пироги в родительский дом пусть приходит. В доме свои чудеса. Даже от игры теней, которые посылает, благодаря ветру, лампочка под металлическим абажуром, висящая на столбе перед окнами. Время от времени под полом или на чердаке шуршат мыши, вечные спутники городок-

ской хаты, на крыльце мяукает кошка, просится в дом. Все спят под теплыми одеялами. Идет открывать дверь, впустить кошку, бабушка. Гостю вставать не пристало. И страшно к тому же: кажется, что в окна заглядывают покойники, присматриваются: и какой это человек спит на их кровати? А в солнечный день — ожившая сказка, терем-теремок. В каждом доме много зеркал. Раздолье солнцу! Хочется танцевать. И молодые беспардонно включают магнитофоны. И хотела бы после бессонной ночи вздремнуть бабуля — не дадут. Охая, идет в огород полоть грядки. Молодые, пританцовывая, переходят из одной комнаты в другую, от одного зеркала к другому. Глядят в окно. А вдруг высмотрят того, в кого, кажется, влюблены. Говорят:

— Твой парень.

— Твоя девчонка.

Дом и спасает.

— Люба, а где твой муж? Хотели пригласить в чайную на пиво.

А жена-то его спрятала в хате, приказала молча сидеть и рыпаться, потому как надо съездить на сотки, привезти ботвы, моркови, молодой картошки. И муж тихо сидит, не подходит к окнам. Послушный.

— Нет его с работы.

Липою печь не топят. Душа липы в огне плачет. В ходу осина, березняк, сосна, лоза или брикет. Это у тех, кто уже выстроил себе двухэтажный коттедж с котлом отопления.

В траурные дни дают покойнику переночевать в хате. Ставят гроб в зале. После похорон, когда неутешное горе не отпускает, приходят к вдове или вдовцу родственники и соседи, собираются в передней, где был вчера гроб, и говорят, говорят... Обязательно кто-нибудь из самых близких оцелует нос, поцелует, и не на одну ночь. На стены портреты покойников не принято вешать. Фотографии умершего в гробу, у церкви, на могиле прячут от детей в шкафах под бельем. В доме, где остался вдовец или вдова, роз перед окнами, которые глядят на улицу, не садят. По дому, уничтоженному пожаром (редко случается такое от удара молнии), плачут, как по человеку. На пепелище новую хату не возводят, берут другой пляц, которых уже катастрофически не хватает. И тогда уж строят не из сосны, а из кирпича. Случалось, что дома, срубленные старыми мастерами, наводнение сносило в реку. Дома не рассыпались, не поддавались натиску льда и воды. Каждый дом имеет свой характерный запах, однако в каждой хате пахнет хлебом, семенами, лекарственными травами (зверобоем, ландышем, мятой), сушеными грибами. Из всех яблок запах у антоновки самый устойчивый.

О, хата, любимый отчий дом, маленький Ноев ковчег, колыбель! Говорят, если умирает хозяин — тогда труба покосится направо, а если умирает хозяйка — тогда налево.

Стол располагают посредине зала и обязательно под ажурной скатертью. На нем зеркало, хрустальная ваза без цветов и будильник, который тарахтит, как молотилка на току. Дом не любит тишины. И муха, бывает, бьется о стекло, и бабочка не найдет форточку, и оса залетит, и малярийный комар толчет потолок, и кузнечик заблудится. Яблони и вишни сторожат окна. Даже густой дождь из дома не виден. Его слышат по шуму на крыше. Все уверены, что молния в дом, в котором висят иконы Христа, Божией Матери, Николы-Угодника, не ударит. Похоже, что так. Бьет в стога, в деревья и только раз в десять лет попадает в хату. Тогда говорят: “О, тут, видно, много нагрешили”. Молния, ослепляя, разрывает небо. Где-то совсем рядом страшно гремит, словно в аду, а хозяева тихо-смирненно сидят, повторяя вслед молнии: “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бесмертный, помилуй нас”.

Не обижаются, когда, сидя вечером на берегу реки с бутылками пива, кто-то один вдруг скажет:

— С вами, хлопцы, хорошо, но пойду домой.

В доме корни, начало хозяйского подхода к жизни, вкус, чистота, уют, человеческое тепло, которое так умеет аккумулировать хата и растрачивает до конца, хоть в ней и перебивает за ее век тысяча людей. Нет, не в роддоме режут пуповину — режут по-настоящему в доме. И ничто так не уродует хату, как смерть ее хозяев.

Радуйся, если осталась отцовская хата и есть куда возвращаться. Стократ радуйся, если есть не только куда, но и к кому возвращаться. Радуйся.

### Канон Улице

В стуче по оконному стеклу есть своя музыка: “Тук, тук, тук...”

— Женька, выходи на улицу!

Зимой или летом, осенью или ранней весной — всегда слышится вслед:

— Куда несешься? Оденься потеплее.

Хватаешь блинчик, съедаешь на ходу и айда на улицу. Две сестры-близнецы, которые идут к заутрене, шарахаются в сторону, подальше от окна, из которого вылетает мяч, а за ним и сам футболист. Тут уж нужен глаз да глаз, чтобы кому-нибудь сторяча не разбить окно. Не то и от своих влетит, и потерпевший, если догонит, даст пинка. Лучше перекинуться в карты возле лодки, опрокинутой вверх дном и еще не осмоленной. Учителя по этой не заасфальтированной улице не ходят, даже за водой, хотя и знают, что в этом колодце она самая вкусная, чистая, прозрачная. На улице впервые видишь звезды на небе и, глядя на них, впервые представляешь землю планетой. Надоедают карты — а подросткам все быстро приедается — можно поиграть в цурки, в маянку или просто посидеть на колодах, развлечься плевками: кто дальше плюнет. Но что-то всех волнует, гнетет душу, которая только-только пробуждается. Такое чувство, что все знают какую-то тайну, но чего-то не договаривают. А вот и они... Три подруги. Не идут — плывут в цветастых платьях до колен, усмеваются, проходя мимо, не устаивая мальчишек даже взглядом. У тех же шеи, как на автопилоте, поворачиваются вслед за девушками. Ладони покрываются испариной, и почему-то тот, кто пытается говорить, начинает заикаться. Долго длится пауза. До тех пор, пока не обратят внимания на мать, которая шлепает своего семилетнего сына:

— Зачем убил жабу? А? Не убивай. А если бы тебя так мучили? Вот горе мое, о-ё-ё-й...

Все всё и обо всех знают. У кого что где лежит, какого цвета обои, сколько в саду яблонь и ранних груш.

— Сосед, ты не держи зла на них. Крали до нас, крали мы, и они крадут. Жалко тебе, что ли, горсти вишен? — успокаивают соседи друг друга.

Своя улица, только своя, самая родная. На своей улице своих ровесников не бьют и не обижают. На других улицах или около клуба — там и подраться можно, а здесь братство.

К девкам со своей улицы ходить не позволяют:

— Танцевать можешь, а провожать домой не позволим! — предупреждают, презрительно скривив губы. Пока девушка сама не придет на выручку:

— Иди отсюда, а то матери скажу, что ты ко мне лезешь.

Опеку как рукой снимает. Долго не проходят обида и злость. Уличные прозвища никакими почетными званиями и высокими должностями не вытравить:

— К Матёнку дочь приехала...

— А Батенька вчера огурцы в Минск возил...

Гудит вся улица дважды: когда свадьба и когда проводы в армию. Вынесут на улицу и закуску, и сто граммов нальют.

— Когда твоему в армию?

— Еще через два года.

— Ох, чтоб войны не было...

Умолкли разговоры у колодца, в котором каждый, кто черпал воду, видел свое: и месяц, и солнце, и старую игральную карту, и пробку от шампанского. Теперь почти в каждом дворе свой колодец, из которого электромотор гонит в дом воду. Соседки на лавках у забора собираются предвечерней порой, когда “усё паробілі”. Бывает, ветер с реки неожиданно принесет прохладу, а расходиться очень уж не хочется. Самый разгар беседы. Тогда одна быстро идет в хату, выносит свитер, кофту, телогрейку, жакет, раздаст собеседницам. Нет такой силы, которая могла бы прервать душевные разговоры.

Коровы подоены. Мужчины смотрят по телевизору футбол. Отцветает сирень. Вишня цветет-красуется. Так не хочется расставаться с прожитым днем. Никому не хочется. Несказанно повезло той улице, по которой не ездят машины. Многие улицы уже в послечернобыльские времена залили асфальтом. Мужчины выносят на улицу гладкие, как их лысые головы, самодельные сосновые табуретки. На лавке им сидеть неудобно и жестко. Режутся в карты. Как только кто-нибудь включит единственную лампочку на столбе, расходятся, растирая руками затекшие спины. В еще не случившемся мраке слышится:

— Женька, Женька, иди домой.

Бесполезно. Всех тянет в клуб. Там музыка, по-нынешнему дискотека, там танцы и там те три красавицы, и опять, как назло, в коротеньких юбочках. Поэтому зови мать, не зови, а пока не кончатся танцы — не жди. Хорошо еще, если сразу после танцев, устав, притащится домой. Бывает, не выпив свежего молока, не проглотив ни куска, валяются в постель, чтобы завтра снова на улице. Дома обязанности, а на улице — воля.

Редко бывает, чтобы соседи разругались на веки вечные, хотя мелкие ссоры случаются частенько, да и те под пьяную руку. То, что за забором, на улице, то — ничье. Долго, лениво и неохотно привыкают к тому, что на ничейной территории. Озорные подростки гоняют на велосипедах по чужим улицам, распугивая кур, а по своей едут, не фанфаронясь, неторопливо и важно. Только на твоей улице живет единственный на весь городок художник. Потому, случается, пахнет олифой и красками. Но его не ценят, не умеют гордиться его талантом. Шестидесятилетние с какой-то щемящей грустью вспоминают недавнее прошлое, когда в мартовские дни разлива реки "плавае" весь Городок. В лодках-дубах добирались на базар, к школе, на свидание, в гости и отведки. И был звездный час у сапожников. По две-три пары сапог заказывали для семьи. Вода заливала улицы и огороды надолго, до первого брачного кружканья лягушек. Местный философ не упускал возможности оценить красоту паводка:

— Оливковые сады, тропические пальмы, кактусы в пустыне проигрывают сразу распустившейся в воде нашей иве. Доложу вам, заражаешься любовью к природе, к жизни на годы.

Длинный, длинный день, как подпорка под бобами в огороде. Один, потом другой закурили, чтобы родители не видели. Так хочется, тянет подойти к окну одной из трех красавиц: а вдруг повезет, подсмотришь, увидишь то, от чего кровь кипит. Грудь у каждой налилась за последний год, как наливаются сладкие груши. Однако же все стесняются признаться в этом тайном желании, и потому никто никуда не идет. Вот перед армией можно будет все. Эт-т то-о-очно.

Не торопясь, возвращаются из церкви с вечерни сестры-близнецы. Они в строгих синих платьях с белыми ажурными воротничками. Если наблюдать за их ежедневным ритуалом, то похоже, они весьма набожны и ходят в церковь почти каждый день. Так кажется, время плывет медленно.

— Боже, как мало был на улице! Какой короткий день!

В армию провожают всей улицей. Придут рождественницы Ганна, Олена, Надя, Наталка, Люба, Одарка, Мария. Придут соседи Иван, Грицко, Яков, Володька, Васёк и Коля. Плачут только мама и бабушка.

— Женечка, Женечка, ты же напиши сразу, как только привезут на место. Сынок, родной. Как же мы без тебя, как улица?

Три красавицы тоже пришли проводить. Шагают все под звуки марша "Прощание славянки", который лихо наяривает местный музыкант. А потом все вместе поют ту песню, которую любит слушать или петь новобранец. Три красавицы поют тоже. Но одна поет с затуманенными глазами. Последний ветеран последней великой войны вдруг затянет свою "Катюшу". Тут уж подхватят все. Еще помнят слова.

Все сочувствуют новобранцу, и не потому, что идет в армию — идут, случается, и с радостью: хоть профессию там дадут — а вот дождется ли его одна из трех красавиц, на плечи которой он заботливо набросил свой пиджак? Его друг терпеливо учится играть на школьном баяне. Мать его работает

в школе техничкой. А ее родители — люди обеспеченные. Он не хочет понимать, что он ей не пара. Беден. Учитесь играть. Светится одним окном школа. Пиликает парень на баяне. Что-то уже получается. Он выучит песню, которая нравится ей. Ему хочется победить, быть первым. Ему хочется быть любимым, любить, а может, он уже и так любит. Утратит интерес к своей улице, если скоро тоже покинет ее, подается в свет. До тех пор, пока не вырвут его из города телеграммой на похороны столетнего деда, о котором он, признаться, и забыл. Но это будет потом, а пока он с воодушевлением поет под звуки баяна, который слегка шипит, потому что треснули меха. Он добьется ее внимания, обязан добиться. Пойдет с ней за ландышами. Запишется в тот самый школьный кружок самодеятельности, в который записалась и она. Только бы ходила по его улице, не обминала его хату. Он добьется ее, поскольку не в характере городчука отступать от задуманного. И Женька пишет издалека свое первое письмо не родителям, не друзьям с улицы, а ей.

Шумит, все под ту же знакомую мелодию “Прощание славянки”, свадьба. Жених следит за каждым движением, шагом невесты, крепко держит ее за руку. Все же гололед. На всем пути от церкви, где обвенчались, и от клуба, где подписали гражданский акт, счастливо-настороженная невеста одаривает тех, кто попадается навстречу, а больше сопровождает процессию из сорока-восмидесяти человек, которые идут за молодыми, конфетами. Она их достает из обшитой блестками и бусинами сумочки и бросает то в одну сторону, то в другую. Она хочет, чтобы жизнь ее была безоблачной. Старинный обычай, и никто не пренебрегает этим священным ритуалом. Нагнетается, поднимет конфету, если не поймает на лету.

От церкви до порога родной хаты невесты сопровождают молодых подростки и дети, стараясь набрать конфет как можно больше, распахивая их по карманам. Шоколадные приносят домой, а карамель едят на ходу. Боже праведный, как весело, как вкусно. Повезет тому, кто ловко поймает больше шоколадных. Ими он угостит дома мать, отца, дедушку, бабушку. Все отведают, и все припомнят и свою молодость, и свою свадьбу. К окнам счастливой хаты идут женщины с других улиц “паглядзец на вяселле”<sup>1</sup>. Уж оценят все, будьте уверены: и красоту молодых, и богатую фату, и количество бутылочек да блюд на столах. Заметят, кто из гостей пришел в новом, а кто в старом платье. Потому-то все, чтобы стыдно не было, стараются приходиться на свадьбу в обновлениях.

Сыплет снег, смеркается, и на душе у всех легко и светло. Прощайте каждый день друг другу мелкие грехи, чтобы они не переросли в большие непростительные. Где-то совсем рядом слышны звуки аккордеона: юный ученик музыкальной школы штудирует очередной вальс. Худошавая жена художника несет на базар два пейзажа, нарисованных на брусках березы. Ей очень нужны деньги, очень: в последнее время муж тяжело хворает. Через щели в штакетнике ползет на улицу, к солнцу, не боясь пыли, наступция. Пахнет сосной.

На улице строят новую хату... Нет, не умрет улица — родной сердцу уголок.

## Канон Огороду

Огороды частоколом пространство вокруг дома — вот и будет огород. Работа на нем черная, тяжелая, грязная, но огород городчука кормит. И если бойко идет кушля-продажа, меньше обращают внимания на дом, больше на огород: не затапливается ли водой во время наводнений, добротная ли земля. “Капитал зарыт в огороде”, — не шутя говорят городчуки. Он не только под их неустанным вниманием, но и под контролем властей. Осмотрительные и осторожные, пережившие на своем веку не одну смену власти, городчуки поучают остальных:

— Не трогай власть, пока власть не тронула тебя.

Чудо из чудес. Серые, неприглядные после зимы грядки вокруг дома, готтовые поглотить даже узенькую дорожку от крыльца, эти каких-нибудь пятнадцать соток весной неузнаваемо меняются под лопатой хозяйки, приобретая причудливые формы миниатюрных пирамид, очертания прямоугольников,

треугольников, окружностей. Минет еще две-три недели, и эти геометрические фигуры украсят цветы всех сортов и всех стран, кроме, пожалуй, экзотических. Они так завораживают, что тебя не покидает ощущение присутствия в мини-ботаническом саду, в индийском фильме или в сказке детства.

— Пойду накрою грядки целлофаном, передавали по телевизору — розы будут.

— Пойду поливать огород. Засуха невероятная. Дождей не будет, говорило радио.

— Что делать, ума не приложу. Роза не принялась. Из Риги везла.

— Ой, Аня, отдохни ты уже. А то, не дай Бог, и окочуришься на грядках, — слышится в очереди у хлебного магазина. Почему в очереди? Потому как аккуратные городчуки и городчанки приходят в ту самую минуту, когда подъезжает машина со свежим хлебом. Чего ради приходиться раньше, терять даром время, которого и так не хватает: надо грядки полоть.

И вот тысяча женщин в один и тот же день и час под жарким солнцем — Городок одно из самых теплых местечек Полесья, — в три погубели согнувшись, творят из огорода совершенные полотна, словно ткнут из множества цветов ковры. Семь цветов радуги. Для полноты рисунка надо еще все умножить на семь — боюсь, и этого не хватит, — чтобы представить всю гамму красок. Здесь боишься похвалить какой-нибудь один цветок: не дай Бог, этим обидишь другой. Цветы редко срезают в вазы. Подарят разве что на дорогу уважаемому гостю или срежут на букет школьнику в первый день сентября. А уж как хвастают друг перед другом новыми сортами, словно энциклопедию читают. В огород ходят ежедневно, пока слушаются руки и носят ноги. Сорняками, которые надоедают всю жизнь, находят место:

— Брось кроликам. Или вот... вымости ямки на улице. Машины разби-ли, холера ясна.

Вечером, когда солнце еще не закатилось за речку, утомленная женщина сядет на крыльцо. Наконец-то. Сил разогнуть спину, кажется, уже нет. Может, впервые за день она обратила внимание на красоту своего огорода. Сама по себе побежала слеза по загорелой щеке... Может, женщина вспомнила, как ее мать, бабушка или прабабушка точно так же гнулись в огороде и сидели после каторжной работы на крыльце. Чудный запах поднимает настроение, кружит голову, будит воспоминания. Почему-то приходит на память все горькое. Такая красота вокруг, а на сердце вечная тревога. Муж неизвестно где задерживается, дети из города давно не звонили. Телефон — вот он, рядом. Если бы деды из гробов встали, не поверили бы: бери в руки трубку, иди в огород, на реку, на улицу и звони, куда душе угодно — хоть космонавтам. Недешево стоит роскошь. Но мода диктует свое.

Надо бы борщ разогреть. Да неохота. Не ужинают, ждут мужей. Как много дней в году, а большинство из них живешь в огороде, во имя огорода и для огорода. Ниспослал Господь время, место и судьбу. А если бы воротить все назад... начать все сначала... нет... желания нет и силы уже не те, да и грех... земля кормит. Семена цветов в пакетики, пакетики — на рынки страны, и опять живи надеждой на огород.

— Хорошо бы дочке кушить платье такого цвета, как эта роза. О, Господи, и где на все денег взять?

Старики, умирая, наставляли: “Доглядай человека, детей и хату с огородом”.

— Боже мой, праведный, пальцы месяцами не знают городского маникюра и лака.

Огород — удел женщин, их крест и радость. Женщины встают чуть свет и ложатся спать последними, прося у Бога тихого дождика, чтобы всем сладко спалось. Зимой все отдыхают от огорода и — удивительно — скучают без цветов. На сиротливых грядках — пепел из грубки да рыбы кости. Не верится: неужели земля вновь родит красоту? В огороде работу выдерживает тот, кто не боится одиночества. Кто же его боится, идет работать в магазин, в школу. С цветами не разговаривают, но очень часто прикасаются к ним, гладят. Ведь цветы, как и человек, живут недолго. Глядя на цветы, вспоминают детей, свадьбы и поцелуи. Из огорода цветов на гроб покойному не

рвут. Зачем? Он их сам поливал, ухаживал за ними. Пусть растут. И в роддом цветы не носят: пусть ребенок с детства к живым привыкает. Как трудно себе представить небо без облаков, так невозможно представить Городок без огородов. Городчук не танцует гоже, ежели одёжа непригожа. При цветах стыдно быть неопрятным. В центр города, в чайную, в магазин, в библиотеку, за хлебом городчук не пойдет в будничной одежде, хоть ты ему золотой зуб вырви. Вакса и щетка для обуви всегда под рукой, под лавочкой на крыльчке. Даже цветок, побитый градом, подвязывают, дают еще немного пожить, отмечая, что мальва наиболее живуча.

— Не топчи мне краски, — отчитывает мать ребенка, высунувшись из окна. — Бери велосипед да привези хлеба!

Все дети, надо отметить, ценят труд матери и сызмальства помогают ей. Они любознательны, энергичны и сообразительны. Повези подростка на областную олимпиаду, допусти его к викторине, так он на одном дыхании выпалит весь полесский гербарий: астры, гвоздики, лилии, настурция, пионы, ромашки, флоксы, бархотцы, гладиолусы, душистый горошек, цинния, маттиола, бальзамин, левкой, портулак, львиный зев, мальва, георгины, рутамята, медуница, эшольция, прис, маргаритки, петуния, бессмертники... Просто не верится, что на каких-то пятнадцати сотках — а здесь же стоят еще и теплицы под огурцы, помидоры, перец — может поместиться этакий ботанический сад в миниатюре.

Уход за огородом надоедает до болезни, а попробуй заведи у городчанки грядку, часть гряды — и драться полезет, и в суд потащит. Нельзя ее представить без любви к драникам, налистникам, студню, голубцам, пшенной каше, компоту из вишен, пирогам с яблоками, черникой, корицей, маком. Трудно представить городчанку без золотых сережек, цветастых платков, пальто с каракулевым воротником. И совсем невозможно представить ее без цветов, без любви к ним. Когда городчанка торгует на рынке семенами цветов, она неприступна, как сирень, растущая под окнами милиции.

Вот почему перед сном после ритуальных слов: “Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас”, она добавляет: “Пошли, Господи, дождик, чтобы в огороде краски не сгорели”.

### Канон Школе

Как нелегко первокласснику, взявшись за массивную ручку, впервые открывать тяжелую дверь школы, и как легко, небрежно открывает эту же дверь ногой выпускник, понимая, что поступает некультурно, но бахвальство и апломб берут верх, побеждают этику. Спасаясь от голода, с Востока приехала в школу молодая пара учителей. Их удивляло все: дома, обычаи, нравы людей, их набожность, деловитость. А дети? Дети всюду похожи: озорные, непоседливые, любопытные и добрые. Любопытство переходит в знания, подвижность трансформируется в самодисциплину, непослушание уступает место гордости. Они, эти чужие учителя, вслушивались в местный говор словоохотливых теток и рано полысевших мужиков, не понимали смысла незнакомых слов. Детям на великом и могучем разъясняли суть других слов: “Этнос. Стержень порядочности. Самообразование. Толерантность. Гармония. Духовность”. Некоторые переходят из класса в класс в ожидании новых знаний, некоторые — в ожидании первого поцелуя. И не на людях. Упаси Бог. С закрытыми глазами. В наполовину темном коридоре, потому как в темный класс она боится сделать шаг. Чтобы не заметил классный руководитель 8 “А” и чтобы классная руководительница 8 “Б” не увидела.

Улица выявляет таланты, школа способствует их развитию. На улице свобода кажется всеобъемлющей: хочешь — играй в прятки, хочешь — в войну, хочешь — иди гнуть рогожу по первому тонкому льду. Да так, что прямо сердце заходит от риска: а вдруг лед под ногами треснет, расколется, и тебе не избежать проруби. Ох, как дух захватывает! В школе все по-другому: свобода подчинена дисциплине и обязанностям. Ходить исключительно ради знаний — еще не ходят, не понимают, что знания облегчают жизнь, потому как родители учат, что деньги облегчают жизнь, и только они.

Идут, чтобы быть вместе в классе, на танцах, на уборке бульбы, бураков, кукурузы, чувствовать общность на праздничной демонстрации, на концерте. Родители спокойны, когда дети в школе. “Первая работа, хоть и денег не платят”. Классные не устают повторять: “Научитесь видеть красоту и ценить ее. Любите родину, украшайте ее своими талантами и делами”. В церкви вдохновляют тех, кто пал духом, вернуться на путь добродетели. Городчуки люди не наивные, но сентиментальные. Что есть, то есть. В школе, незаметно взрослея, все время вертятся вокруг привычки к труду и вокруг стержня пристойности. Между собой церковь и школа здесь не соревнуются. Все дети крещеные, дома верят в Бога, а в школе делают вид, что согласны с историком-атеистом:

— Только благодаря атеизму человечество обуздало прогресс.

Пространство замкнуто... Однако душу не удержать, она где-то витает высоко и вольготно, далеко за стенами класса. Над духом, как назойливые мухи, жужжат слова про геометрические фигуры и математические формулы (будь они прокляты), а перед окнами расцвела сирень. Из металлического колокольчика радио со двора машинно-тракторной станции, переименованной в “химико”, доносится мелодия бессмертной песни “Бесаме мучо”. Душе неспокойно. Непонятное томление духа. Тянет неведомо куда. Скорее бы этот последний звонок! Незаметно в обиходе появляются новые слова, они заставляют задавать вопросы, интересоваться их сущностью. На улице главенствовал свой жаргон: “байструк”, “транзистор”, “салага”, “курва”, “засранец”, а здесь другое — “этнос”, “пуховик на синтепоне”, “атомный реактор”, “лазер”, “компьютер”, а на подходе еще новые “черные дыры”, “байкер”, “дефолт”, “приватизация”, “террористы”, “клонирование”. Никто в отличники за уши не тянет. Способные от природы в круглые пятерочки выйдут сами. Когда же в час школьных каникул интересы обращаются к Дому пионеров, там бильярд и танцы в полутемном зальчике, школа с темными окнами вид имеет неприглядный и даже страшноватый. Ничто так ее не уродует, как отсутствие звонков и детских голосов.

У молодой красивой пары классных руководителей родилась вторая дочурка. Ехали на год-два, чтобы перекантоваться, ехали без теплого белья, без зимней шапки. Военное галифе и френч он не снимал с плеч восемь лет. Глядишь, незаметно перебрался из тесной коммуналки в свой дом. Купили велосипед, лодочный мотор “Вихрь” и телевизор. Понемногу пообвыкли, принимая местные ритуалы и обычаи, к которым раньше были холодны. Нынче на “коники” сами учителя одевают маски Черта, Деда, Бабы, Козы, Медведя, Коника, изменяют голоса и ходят в морозную ночь колядовать, слаженно распевая песню “Шчодры вечар”. Идут в дома родителей своих учеников. Никто и не догадывается, откуда ряженые, из какого квартала — Оселицы, Радичей, Мельников, Новоселья? А это восточники, негибаемые атеисты колядуют. И смех, и грех. Физик Ёшка любил переодеваться в костюм цыганки. Знамо дело, для сугрева тела и души не прочь опрокинуть сто грамм беленькой. Да оно и теплее. Пока обойдешь с поздравлениями тридцать-сорок домов, получая подарки в виде колбасы, сала, пирогов да и денег тоже, умаешься, как трактор на пахоте.

— Так. Стоп, — командует старшая, — девчата направо, ребята налево. За сарай — ать-два! Ёшка? А ты куда за девчатами? Забыл, кем родился?

Смех на всю улицу. В метель поздравления с Новым годом звучат еще более сказочно и для ряженых, и для тех, кто ждет их. Больше веры в чудо, в исполнение мечты. К старым одиноким людям в дом не заходят, поздравляют одним куплетом песни под окошком. Играет баян. Кочуют от хаты к хате коники. Новый год наступил!

Зима все же за пять месяцев, хоть и не студеная, но снежная, надоедает, пролетает, как комета. Вот и ласточка под крышей вывела птенцов. Весна! Говорят, Бог с особым вниманием бережет ту школу, под крышей которой гнездятся ласточки и воробьи. Завтра последний звонок.

— Ну, так какой смысл жизни? — спрашивает у выпускника мясных дел мастер, уличный философ.

— А черт его знает. Кредо, идея, смысл жизни, борьба — все перепуталось.

— Послушай, расскажу. Растет дерево. А зачем? На зиму спилили его, нарезали дров, спалили в печи, дрова дали дым, дым пошел в небо и там с другими дымами организовал тучу. Пролился дождь. Из земли из семечка выросло новое дерево, похожее, как две капли воды, на то, которое спилили. И его спелят. И оно даст дым. И так без конца. Дерево растет, чтобы его спилили.

Последний звонок — торжество не только одной школы, а всего Городка. Пришли Олена, Наталка, Татьяна, Люба, Мария. С ними пришли Грицко, Павел, Яков, Иван, Володя и Василь. От последнего звонка до выпускного вечера — один шаг. Царит спокойствие. Не было еще такого случая, чтобы на экзамене кому-нибудь поставили двойку. Переживают больше родители. Некоторые выпускники уже год как ходят парами, а наиболее смелые и отчаянные мечтают по осени обвенчаться.

Встречаются все выпускники на Церковной горе. Тот, кто из семьи побогаче — несет с собой видеокамеру. Боже, сколько раз, кажется, встречали восход солнца с родителями на сенажати, на рыбалке. Почему же сегодня, почему в этот день восход такой особенный? Почему после громкого “ура-а!” вдруг все замолкают? Почему утирает украдкой слезу классный руководитель II “А” и почему классная II “Б” отворачивает голову в сторону? Завтра свобода. Нет, уже сегодня свобода. Вот оно и пришло, первое испытание одиночеством. У кого душа еще не совсем проснулась, тому легче.

Прощай, школа! От чего плакать? Завтра будет институт, техникум, на худой конец, училище, как не очень престижное для городокской молодежи. Школа частично научила быть людьми, потому как научить сразу на всю жизнь невозможно. Не ищите себе новых друзей, лучше школьных все равно не будет. Возвращаются домой классные руководители. Цветы в вазах, в банках, букеты на столе, на табуретках. Устали, переволновались от светло-грустной радости, а спать не хочется.

— Поздравляю тебя, любимая, вот и еще один год.

— А десять не хочешь?

Неужели десять? Не верится.

Давно не вспоминают о своем переезде в область или, на крайний случай, в район. Школа стала своей. В новом учебном году классная идет на повышение: будет завучем. Обещали директорство и классному, виски которого, несмотря на еще молодые годы, тронула седина. Куда ехать? Поздно начинать все сначала. И Городок стал сердцу ближе. Надо здесь детей ставить на ноги. Здесь.

— Спи, любимая. Завтра надо будет наведаться в школу. Наш век двадцатый, а ученикам отдадим двадцать первый.

Жена уже не слышит последних слов мужа, она сладко спит, прижав к груди младшенькую дочурку. Не разбудит их и птица иволга, которая залезает в сад. Пахнут под открытым окном бархотки. Начинается новый день сладкой каторги под названием жизнь. Пой, иволга, залечивай наши душевные раны.

## Канон Ветру

Слаб человек, слаб. Послушаем лучше музыку ветра. В детстве в моем родном местечке он охранял загадки природы, тайны окружающего мира — прежде всего неба, где, как думалось, он и рождается. Впервые он западает в память зимой, среди ночи. Вокруг темень. Луны на небе нет. Глаза отдыхают. Лежишь в холодной постели напряженный, ко всему прислушиваешься. Начинается с еле слышного свиста, потом что-то невидимое (будто бросили горсть песка в окно) касается стекла... И снова свист — уже у другого окна, в кухне. Проходит минута, другая, а шум не исчезает. Начинаешь догадываться, что в соседском дворе заработал во всю мощь игрушечный самолетик на жердочке. Разнообразные звуки побеждают сон. Монотонный, с интервалом в полминуты лязг заглушает шум деревянного самолетика. Сразу

никак не поймешь, откуда этот скрежет. Соображаешь: это ветер рвет старое, заржавевшее кровельное железо на доме соседа, живущего напротив. Еще минута, и свист, так похожий на свист человека, у которого нет передних зубов, гостит возле всех окон. Невидимая рука бросает в них не то снег, не то град, ветер ищет щель, чтобы ворваться в хату.

Встаёт бабушка, задвигает в голландке выюшку, чтобы не выстудило хату. Но поздно. Лицо, волосы, руку, подложенную под щеку, окутывает что-то холодное, неприятное. Звякает щеколда: двери в сенях разошлись, закрываются не плотно, вот их и дергает туда-сюда. В скором времени множество звуков — лязг, свист, шипение — отходят на второй план; заговорила печь или тот, кто живет в печи, а может, дух, присутствующий в хате.

Начинается с трубы. Потом звук на однообразной ноте медленно спускается к шестку, сразу резко рокошет, устрашает густыми переливами, наконец начинает выть, почему-то долго не исчезая и не меняя ритма. Становится страшно. Укрываешься теплым одеялом почти с головой — только один нос торчит. Вспоминаются предания и рассказы деда и бабы про старину. Призраки чертей и прочей нечистой силы блуждают по хате. Что-то упорно заставляет слушать только те звуки, что в печке.

“И что это на нас так покойники обижаются?” — говорит бабушка деду. “Может, уже за мной пришли?” — отвечает тихим голосом дед. При слове “покойники” делается совсем страшно. Такое чувство, что они стоят под окнами и подпевают ветру: “гу-у-у-у”.

Рвет ставни. Скрипит жестяной абажурчик над лампочкой, висящей на столбе возле хаты. Лампочка то загорается, то гаснет. Свет ее не доходит до окон. Море звуков властвует над хатой, кажется, что и сама хата скрипит, ходит ходуном. Ветер проникает сквозь дырки в полу. “Застонала” старая груша: и ее разбудили. Некоторое время у звуков вообще нет перерыва. Царит дивная симфония: завывание, свист, шум, грохот, рокот, писк.

Наконец, постепенно выюга утихает, свист отдаляется, слабеет, но еще не хочет уняться там, в трубе. Тихо, слабо, но все-таки завывает. Под этот вой наконец успокаиваешься и засыпаешь. Снятся белые кони с густыми гривами, бегущие по улице. Утром в хате невероятно холодно. Никто первым не хочет вылезать из теплой постели. Половик у порога белый от снега, снег на окнах, на подушке.

“Слава Богу, перезимовали. Скоро Сретение, — говорит бабушка и легонько толкает деда. — Вставай, принеси дров!”

На Сретение впервые не прячешься от ветра, идешь в школу, смело подставляя ему свое бледное, грустное лицо. Рядом летит ворона. Взмахивает крыльями редко. Холода, колючести в ветре меньше. Во второй половине дня все повернется снова к зиме, но уже не так сурово; невидимая сила поворотила ветер, и теперь он дует в спину. Да так сильно, что даже толкает. Так и хочется развести руки в стороны, чтобы и тебя он понес на волне, как ворону. Пробирает холодок, сквозь одежду добирается до спины. Ищешь затишное место, дерево, чтобы хоть ненадолго спрятаться. Кажется, что в такие минуты благодаря ветру прижмется к тебе одноклассница, которая давно нравится. Еще по-зимнему гонит злой ветер первый мелкий дождик, но напрасно... Уже не напугать — рядом первая любовь, и капли дождя на лицах только в радость. Да и самому ветру долго буйствовать уже не хватает сил. Разве что неприятны сквозняки, его дети, гуляющие возле дома любимой девушки, но и они не помеха любви. Произнесенное с особым волнением “До завтра” хорошо слышно и легко доносится ветром к лицу любимой, стоящей на крыльце хаты и глядящей тебе вслед.

На Пасху ветер не только чувствуешь, но и видишь. Весной он еще не шумит в листве, а играет, забавляется с молодыми листьями, помогает им расти. Няничит. Ранней весной он почти никогда не бывает сильным. Осторожно перелетает с дерева на дерево, тихо качает ветви, распрямляет листочки, помогает им дышать, набираться сил. Чудесно ехать в солнечный теплый день в кузове открытой машины в далекую деревеньку с концертом. Все подставляют лица солнцу, не боясь встречного ветра. А он, озорник, шевелит косы, срывает с голов шапки, платочки, а то и взметает у девочек юбки.

Еще и мыслей нет о смерти, как нет мыслей и о том, что твоя любимая девушка изменит тебе, выйдет замуж за другого... Есть только ветер, который раскручивает твою жажду любви, веселья, жизни. Нет свиста, стремительный ветер беззвучен. Он добрый и теплый. Так хочется, чтобы и твою рубашку он наполнил воздухом, превратил ее в парус. Как хорошо он распушил темно-желтые косы, как приятно они касаются твоего лица! Такое впечатление, что ветер несет одно только слово: “Люби, люби, люби!”

В дни летней жары он — спасение и помощь. Ты после болезни, еще квелый, не выходишь на работу, слабый, одинокий... Любовь исчезла. Мир отвернулся от тебя. Некому открыть форточку. Душно. Так хочется глотка свежего воздуха. Легонько задрожала форточка, и — о, чудо! — вдруг сама открылась. И вот влетел он, ветер. В эту пору он всегда холодный, целебный. Влетел не один. Принес запах жасмина, акации. Исцеляет, исцеляет твою обозленную неудачами, отчаявшуюся душу. Вытягивает тюль через балконную щель на улицу. Приятным холодком обвеваает лицо, грудь. О, вестник свободы, как же отрадны твои целительные волны! Какое наслаждение твоя музыка! Как ненавязчиво, соблазнительно приглашаешь, заставляешь покинуть панельный дом и вырваться на волю, на простор, к воде, в лес. “Твоя женщина так любит лес!” — будто подсказывает он. И уже сопровождает тебя всю дорогу. Ласкает руки, лицо, губы...

Усердный соратник любого движения, он не позволяет, чтобы нам что-нибудь надоело, он все по-своему переделывает, изменяет мир вокруг нас. Гоняет по асфальту газету, пустую бутылку, носит в небе “китайского дракона”, приносит приятный запах костров с картофельного поля, подхватывает желто-серые листья, кружит их на дороге. Отцвело все, отвеселилось, осыпалось.

В эту пору низкого серого неба и частых дождей грусть окутывает твою душу, и печальные мысли о неизбежной смерти не дают покоя. Ветер не радует, раздражает. Он всю нежность и тепло отдал лету. Будто чувствуя свою вину, он прячется на берегах рек, в ивах, в камышах, на откосах в пожухших травах. Его звуки приглушены, скромны, однако же по-прежнему таинственно-привлекательны. Особенно бережно, величественно несет он осенью колокольный звон небольшой церквушки.

Случается, зима приходит и без помощи ветра. Стоят морозные, тихие солнечные дни. Нет эха. Все успокоилось. Но ведь не может быть так, чтобы того, кто рождает движение, это же движение не родило. Ветер только затаился на минуту, он запасается новыми звуками для новых мелодий. Достаточно тебе, а если уж не хватает сил, то твоему внуку, сесть в сани, стать на лыжи и покатиться с горы, и он, ветерок, тут как тут. Подхватит тебя на свои невидимые крылья, быстро пропоеет что-то над твоим ухом, и вы снова вместе. Прислушайся к его музыке, которая обязательно пробудит в душе не только воспоминания, но и надежду на то, что не все лучшее в прошлом, что и ты живешь не напрасно.

### Канон Матери

Я от тебя далеко, в другом городе. Ты даже не знаешь, если бы пришла на несколько минут в свой день ангела оттуда, откуда никто не возвращается, какими бы словами я встретил тебя. Я догадываюсь, чем поинтересовалась бы ты, увидев мои чуть обрюзгшие щеки и глубокие морщины на лбу. “Не болеешь ли, сынок?” Попросила бы показать правнучку, которую называли твоим именем, поинтересовалась бы, “где все наши, как хата?”

Наших не стало ни меньше, ни больше. На место тех, кто пошел за тобой, пришли, слава Богу, новые родичи. Что-то очень давно никто не присылает писем и посылок с яблоками да салом. Подружки-ровесницы твои все умерли, а мои одноклассницы все пошли на пенсию. Хаты нет. На нашем участке чужие люди построили коттедж. Церковь, в которой ты венчалась и в которой тебя отпевали, возродили, отремонтировали заново. Отпраздновали девятисотлетие Городка. Какой же красивый, величественный памятник поставили основателю князю Давыду! Жаль, что стоит он гордо один, без людей, которые с ним приехали. Наши предки. Люди опять боятся голода,

как когда-то, и меньше рождается детей. По-прежнему все торгуют семенами да огурцами. Гонят коров на пастбище да молятся, чтобы был урожайный на бульбу год. Ты сердилась: “Не выдумывай, сынок, говори правду, бить не буду”. А я выдумывал и стал писателем. В своих произведениях рисую твой портрет и пишу твой характер, прости. Как ты и все городчуки, люблю кислое молоко, топленое и “бабку” на сковородке. Старше меня сын твоей сестры Коля и ее дочь Маня. За мной идут дети твоих братьев Таня, Маруся, Лена. Мы все ближе и ближе к вахте, до которой ты не дожила, потому что ушла очень молодой.

Я охотно пишу и о городчуках, частенько их прихорашивая, потому что люди, как и при тебе, встречаются разные: и злые, и недобрые, и завистливые. Как вспомню, что и они умрут, так и не хочу их позорить. Не осуждаю. Слова “да” и “нет” принадлежат Богу, и человеку надлежит употреблять их очень осторожно. Ты привела меня на Божий свет, взяла за руку, показала улицы, церковь, водила на новогоднюю елку и к причастию, привела в школу, на старом-старом церковном дворе показала могилы предков. Я их не запомнил, каюсь. Грешен. Мало времени — тебя уже ангелы торопят. Надо говорить то, с чего начинал. Так вот, я тебя встретил бы словами: “Мама, не было дня, чтобы я не вспоминал тебя”.

Хочу, чтобы положили меня в родной землице на стареньком кладбище, которое молча охраняют предки: расторопный дед, неприхотливая бабуля, ласковая мать, трудолюбивые дяди и сноровистые тети. Хочу, чтобы положили возле церкви, чтобы хоть духом, тенью, а все же быть ближе к стремительной Горыни, Церковной горе, родной улице. Как это приятно — быть среди того, что сформировало характер, закрепило индивидуальность.

Хочу, чтобы мимо спешили в школу дети, чтобы присели на скамейку старые деды, неспешно поговорили. Хочу, чтобы тарыхтела телега по бульварной мостовой и чтобы в праздники, особенно на Пасху, дети бегали вокруг церкви, подбрасывали вверх зажженные шишки... Может, одна из них упадет и на меня. Хочу слышать легкий шум ясеней, лип, растущих за церковью, звон колоколов над головой. Солнце, необыкновенно красиво освещая купола, отраженные от них лучи посылают на окна и крыши хат. В престольные праздники, на Казанскую, придут из соседних местечек и деревень за милостыней нищие, слепые музыканты. О, сколько радости будет от незатейливых звуков гармонии! Хочу, чтобы ласкал, летал надо мною терпко-приятный запах черемухи и густой запах сирени. Хочу слышать, как на колокольне радуется жизни ласточка, как поет скворец и бранятся вороны. Ночью лежать не страшно. Будут возвращаться со свадеб, новоселий, родин, будет подвыпивший хозяин петь, а жена колотить его кулаком в плечи. Хочу слышать их песни, перебранку, плач младенца, которого, как когда-то меня, принесут в храм крестить. На Радуницу, на Покров кто-то обязательно придет, положит на могилу красные яйца, пасху, цветок, поставит чарочку, свечку. Распустится акация. Ребенок, сидя на плечах у отца, потянется к белоснежным цветкам-гроздьям. В субботу и воскресенье, когда молодежь соберется на танцы, будут пронзать простор, возноситься до самого звездного неба мелодии шемяще-грустного танго, игривой польки.

Хочу, чтобы росистым утром в первом августовском тумане гнали на пастбище коров, овец, чтобы лениво лаяла собака, подгоняя их. Только здесь, в родном уголке, тишина не будет пугать, а утешать сладостью и покоем. Как хорошо! Все рядом. Все твое. Родное. Вечно изменчивое и постоянное в неизменности.

Еще хоч..у ...у...

Не хочу... не хочу... умирать не хочу!

В церкви Казанской Божией Матери пел маленький хор местных певчих. Пели, как всегда, хорошо и вдохновенно. Вполсилы певчие не поют. Я стоял, как завороченный, у церковных ворот, и слушал, слушал, слушал... Притихла природа. Прямо к небесам несло: “Господи, да исправится молитва моя...”

АНАТОЛИЙ АВРУТИН



## НО ОТЧИЗНА НИ В ЧЕМ НЕ ПОВИННА...

\* \* \*

*Станиславу Куняеву*

По пыльной Отчизне, где стылые дуют ветра,  
Где вечно забыты суровой судьбы уроки,  
Бредём и бредём мы... И кто-то нам шепчет: “Пора!  
Пора просыпаться... Земные кончаются сроки...”

Алёнушка-мати! Россия... Унижен и мал  
Здесь каждый, кто смеет отравной воды не напиться.  
Иванушка-братец, напившись, козлёночком стал,  
А сколько отравы в других затаилось копытцах?

Здесь сипло и нудно скрежещет забытый ветряк,  
И лица в окошечках будто бы лики с иконы —  
Морщиночки-русла от слёз не просохнут никак,  
И взгляд исподлобья, испуганный, но просветлённый.

Здесь чудится медленным птицы беспечный полёт,  
Светило в протоку стекает тягуче и рдяно.  
Поётся и плачется целую ночь напролёт,  
И запах медвяный... Над росами запах медвяный.

---

*АВРУТИН Анатолий Юрьевич. Родился в 1948 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет. Поэт, переводчик. Автор многих книг поэзии. Член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств и Академии поэзии (Москва). Лауреат нескольких международных литературных премий. Живет в Минске.*

Дорога раскисла, но нужно идти до конца.  
Дойти... Захлебнуться... И снова начать с середины.  
Кончается осень... Кружат золотые сердца...  
И лёт лебединый... Над Родиной лёт лебединый...

\* \* \*

Оступившись на собственной тени,  
Тихо вскрикну... И вновь оступлюсь.  
И целую Отчизну в колени,  
И обидеть при этом боюсь.

Встану... Искрами цвета металла  
Смачно брызнет роса из-под ног.  
Где Отчизна меня целовала,  
Там на теле то шрам, то ожог.

Не стону, не гляжу с укоризной,  
Ничего не прошу, наконец.  
Столько раз поцелован Отчизной,  
Что всё тело — огромный рубец.

Знаю, бьют и не блудного сына —  
Не виновен, а в этом — вина.  
Но Отчизна ни в чём не повинна,  
Потому что Отчизна она.

\* \* \*

Я опять, как всегда, побоялся обидеть природу,  
И костёр затушил, и залил полуночный огонь.  
И своё уронил отражение в звёздную воду,  
И к воде потянулся, ладонь окуная в ладонь.

Золотая вода мне высокое что-то шептала,  
И согласно кивали шептанию в такт камыши.  
Был бескраен простор... Но и этого было мне мало,  
И душой становились умолкшие струны души.

Думал, поздно гадать, разве вычислишь — чёт или нечет,  
Если жизнь — не ромашка, где просто сорвать лепесток...  
Но за дальней сосной то ли кочет стонал, то ли кречет...  
И рыдал ручеёк... И никак нарыдаться не мог.

А куда это все? А куда вы? В какие Стожары?  
Что бывает звучнее, чем тихо кружащийся лист?  
Что бывает печальней, чем лебедь, лишившийся пары,  
И беззвучней гармонии, коль в небо ушёл гармонист?

Чуть светало уже... И, воды со звездую отведав,  
Я ладонь осторожно извлёк из небесной руки.  
Стало больше вопросов... И не было вовсе ответов...  
Сухо щёлкал валежник, как будто взводились курки...

СЕРГЕЙ ТРАХИМЁНОК



## РОДНАЯ КРОВИНКА

РАССКАЗ

Заседание кафедры закончилось поздно, и Галина Ефимовна, или, как её звали студенты, доцент Прошкович, опоздала на службу в Соборе Петра и Павла. Когда она появилась в церкви, прихожане уже разошлись. Она купила свечку, поставила её перед иконой Скорбящей Божьей матери и пошла домой, чувствуя вину за суету, с которой она всё это сделала. Чтобы успокоить себя, дала слово завтра придти пораньше, отстоять службу и помолиться...

Проехав на метро до конечной станции, она долго ждала автобус, понимая, что чем дальше его не будет, тем труднее будет в него втиснуться, и придётся ждать следующего. Но получилось иначе; стайка молодых парней ринулась к открытым средним дверям, и Галину Ефимовну внесло в салон, а потом притиснуло к какому-то мужчине, от которого пахло крепким табаком и только что вышитой водкой.

В своей жизни Галина Ефимовна не раз сталкивалась с таким запахом, но сегодня она почему-то вспомнила, когда почувствовала его впервые. Этот запах исходил от Павлюка, полица из соседнего села...

---

*ТРАХИМЕНОК Сергей Александрович родился в 1950 году в городе Карасук Новосибирской области. Служил в армии, работал на заводе. Окончил факультет правоведения Свердловского юридического института, Высшие курсы КГБ СССР. С 1990 года живет в Минске. Член Союзов писателей России и Белоруссии, секретарь Правления Союза писателей Белоруссии. Автор повестей и романов, не раз публиковался в журнале "Наши современники" и других изданиях.*

В начале войны ей было четыре года, и она не помнила того, что все вокруг называли началом войны, она словно отсутствовала где-то до сорок второго года...

Маленькая Галя смотрит в окно, в котором виден кусочек леса с жёлтыми мелколиственными берёзами и зеленеющими между ними елями.

*Посея-а-ла огиро-о-чки, низко на-а-д водо-о-ю,  
Сама бу-у-ду полы-а-ваты дрибно-у слезою... —*

поёт отец, ловко управляясь шилом и иголкой: он подшивает старые валенки. Пара новых валенок лежит рядом.

Немецкое командование довело до сведения всех жителей приказ об очередной сдаче тёплых вещей и валенок. Отец с матерью решили себе оставить валенки старые, а две пары новых сдать. У отца был хороший полушубок, его, от греха подальше, спрятали на чердаке.

Починив старые валенки, отец идёт на сборный пункт в деревню, где стоит немецкий гарнизон, она в семи километрах от Заболотья. Пока отца нет, мать, подумав, прячет на дно большого сундука ещё одну дорогую в хате вещь — пуховую шаль.

Павлюк появился на следующий день. Одет он был в чёрный бушлат, с серым воротником и обшлагами. Два ряда металлических пуговиц, ремень. За спиной короткая винтовка. Это необычное одеяние придавало ему вид не здешний и, уж конечно, не домашний. Вместе с ним был ещё один полицай, одетый так же, как и Павлюк, но ростом поменьше и помоложе.

Отца в хате не было. И мать встретила Павлюка в штыки.

— Чего явился?

— Службу справляю, — ответил он.

— Яку службу?

— Где полушубок? — прервал он мать, не желая продолжать пустой, по его мнению, разговор.

— Якой полушубок?

— В яком Яхфим прошлую зиму ходил, — сказал Павлюк, передразнивая мать.

— Нету полушубка...

Павлюк снял с плеча карабин, передал его напарнику и полез по лестнице на чердак.

Отец прятал полушубок в расчете на то, что немцы его не найдут. Но там, где можно ввести в заблуждение оккупантов, трудно обмануть местных. Уже через минуту Павлюк спускался по лестнице с полушубком подмышкой.

Мать ухватила за воротник и стала с остервенением вырывать его.

— Отдай, — говорила она. — Ты его шил? Ты его наживал?

Павлюк мотнул мать в одну сторону, а потом в другую и легко вырвал полушубок.

— Тётка Ходора, — сказал он, — будешь обманывать новую власть, дети сиротами останутся.

Он бросил полушубок на плечо напарнику и схватил маленькую Галю подмышки. Мать мгновенно забыла про полушубок и бросилась выручать дочь. Но Павлюк повернулся к матери спиной и подбросил Галю в воздух так, что она едва не ударилась головой о потолок.

Всё произошло очень быстро, и Галя не успела даже испугаться. Она только помнит, как взлетела в воздух и снова попала в крепкие руки Павлюка. Именно в этот момент и ударил ей в нос этот табачно-водочный запах.

Павлюк поставил девочку на пол и сказал матери:

— А Яхфиму передай, что он у меня должник.

Домой на Юго-Запад Минска Галина Ефимовна приехала к девяти часам. Открыв дверь своего подъезда, она пошла к лифту и натолкнулась на парочку, которая целовалась в углу лестничной площадки.

— Хм, — произнесла Галина Ефимовна, но молодежь не обратила на неё внимания, не прервала своего занятия, не смутилась, как это должно было случиться, по мнению Галины Ефимовны.

Кашлянув еще раз для приличия, Прошкович дождалась прихода лифта, чувствуя спиной всё, что происходит на площадке, поднялась на восьмой этаж и позвонила в двери своей однокомнатной квартиры.

— Иду, иду, — раздался за дверью голос Алеськи, внучатой племянницы, которую она готовила к поступлению в вуз.

Алеська повернула ключ, и дверь распахнулась

— Привет, Алесья Александровна, — сказала Галина Ефимовна, — как гранит науки?

— Грызём, тетка Галя, грызём, — в тон ей ответила племянница. Она никогда не называла её бабкой или бабушкой. И Галине Ефимовне это в некоторой степени импонировало.

— После ужина поработаем, — ответила та и стала раздеваться.

Алеська поступала в институт второй раз, в прошлом году не прошла по конкурсу. Наученная горьким опытом, она заранее приехала в Галине и готовилась к экзаменам под руководством строгой родственницы.

Алеська во всём внешне подчинялась требовательной бабке, но Галина Ефимовна чувствовала, что не стремление к знаниям привело в Минск Алеську. Если бы та могла остаться в столице без поступления в вуз, она не преминула бы сделать это. Но её отец поставил перед ней задачу поступить в столичный вуз. Только он, по его мнению, мог быть основой будущего благополучия дочери.

Заболотье называлось селом, хотя в нем было всего три дома. И стояли эти три дома вовсе не за болотом, а рядом с болотом. Но кому-то в голову пришло так назвать этот хутор.

Хата Прошковичей стояла крайней, рядом с ней была хата Ганы Болотки, а за ней, уже с другого края — бабки Тёклы, которую все чаще всего звали Куделихой.

До войны в каждом дворе были корова, поросята, овцы, куры. Ко дворам примыкали огороды. Кроме того, близость с одной стороны болота с его брусничкой и клюквой, а с другой — леса с его ягодами и грибами, давала заболотцам неоспоримые преимущества перед жителями больших сёл и райцентра.

Но прекрасным это место было в мирное время, а у военного времени своя логика. С началом войны Заболотье оказалось между молотом и наковальней; с одной стороны, немцы не без причины подозревали его жителей в связях с партизанами; с другой стороны, партизаны своими посещениями ставили их на грань жизни и смерти.

Словно опасаясь, что там, за пределами дома, детей подстерегает опасность, мать не выпускала маленькую Галию дальше двора, тогда как старшая сестра десятилетняя Наташка и восьмилетний брат Стёпка таких ограничений не имели.

Наташка даже ходила какое-то время в школу, которую открыли немцы. И первые дни ей это нравилось. Но потом учитель отодрал её линейкой, и отец сказал, что Наташка в такую школу больше не пойдёт.

Отец и старшие дети занимались хозяйством: работали в огороде, Стёпка управлялся с коровой, Наташка давала корм курам.

У коровы на лбу было большое белое пятно, и за это она имела кличку Лыска.

Может быть, потому, что мать запрещала одной Гале выходить со двора, жизнь за изгородью казалась девочке таинственной и необычайно интересной.

Особенно ей нравилось бывать в гостях у соседней. Правда, их дворы и дома как две капли воды были похожи на хату Прошковиной. Но внутри них, наряду с печкой, полатами, пристройками к печкам, которые назывались канапами, кроватями-ложками, были вещи, которых не было у Прошковиной.

У Ганы старинное зеркало — люстерка в почерневшем от времени деревянном окладе, узорные абрусы-скатерти и сурветки-салфетки. У Куделихи прялка и пряжа, а также широкие деревянные лопаты, которыми бабка ставила и вынимала хлебы из печи, а также необычного узора половики и постилка на кровати-ложке.

\* \* \*

На одном из болотных островов стоял отряд Бородина. Он был командиром Красной армии, оказался в окружении, а потом возглавил отряд, который входил в партизанскую бригаду “Смерть фашистам”. Когда приходили его ребята, они всегда спрашивали: не заглядывал ли в Заболотье Кондрат.

Кондрат был командиром другого партизанского отряда. И отношение к нему было совершенно иным. За Кондратом тянулся шлейф каких-то мифов, необычных поступков, которые приводили в ужас жителей Заболотья и близлежащих сел, в результате чего имя Кондрата всегда было на языке жителей Заболотья. Поговаривали, что он не нашёл общего языка с командиром партизанской бригады “Смерть фашизму” и ушёл с группой своих бойцов в болота, создав свой отряд. Причём он занял место, которое комбриг берег для так называемого гражданского лагеря. Лагеря, в котором могли жить семьи партизан, которые ушли из своих сел, опасаясь преследования оккупантов за то, что их мужья и сыновья стали воевать с оккупантами.

Вдобавок он был местный, и так же, как и Павлюк, знал всё и вся. Говорили, что он бросил семью и женился на городской женщине, которая была родом из Ленинграда. Говорили, что он после партизанских акций оставляет записку “батька Кондрат”, а также расстрелял двух бежавших из лагеря военнопленных только потому, что подозревал их в том, что их направили к нему немцы. Основанием для таких подозрений было то, что руки этих людей были без мозолей.

А ещё он явился на вечерку со своим адъютантом Васьком и “мобилизовал” к себе в отряд молодых хлопцев, которые оказались там.

Как-то между прочим и между делом, раньше или позже, но всё, что творилось в округе — и немецкие облавы, и партизанские вылазки, — всё становилось известным. Сначала об это говорили родители, потом обсуждали между собой Наташка и Стёпка, и из этих отрывочных суждений у Гали складывалось собственная картина той жизни и тех событий...

\* \* \*

Галина Ефимовна заканчивала ужинать на кухне, когда Алеська завелась петь в комнате.

*Посея-а-ла огиро-о-чки низко на-а-д водо-о-ю,  
Сама бу-у-ду полы-а-ваты дрибно-у слезою.  
Ра-а-сти, р-а-асти, огирочки, в четыре-е-е листочка.  
Не бачила миленького четыре-е-е годо-о-чка.*

Голос у Алеськи ангельский, поёт она “Огирочки” с украинскими интонациями и словами, прямо как когда-то делал это отец Галины. У него был абсолютный слух и, как теперь понимает Галина, способности к языкам.

В детстве он окончил всего несколько классов сельской школы и далее всю жизнь учился сам. Ещё с Первой мировой у него была повреждена кисть левой руки. Однако он лихо управлялся одной рукой и даже валенки подшивал и сучил дратву, помогая себе то большой рукой, то плечом, то зубами. Перед войной он был бригадиром в колхозе. С оккупацией колхоз перестал существовать, и отец нигде не работал.

Обладал он и прекрасной памятью. Знал много песен и сказок. Без акцента мог говорить по-русски и по-украински. Причём сочетание “по-украински” он произносил не на русский манер, а так, как говорят на Украине, с ударением на втором слоге. Песни пел белорусские, но мог исполнить их и по-украински. Так они звучали совершенно иначе, и такое непривычное и необычное звучание переворачивало душу маленькой Гали.

Удивительно, но ни дочери, ни сын Степан не унаследовали его слуха и голоса. А вот в Алеське он словно повторился.

*А на пятый побачи-и-ла, як череду гнала,  
Не посме-ела сказать: “Здравствуй”, бо маты сто-ояла.  
Бо маты-ы стоя-а-ла, да батько дыви-и-вся,  
Як мой ми-и-лый чѣрнобри-и-вый на коня-а-а са-адився.*

Алеська поёт, а у Галины Ефимовны на глаза наворачиваются слёзы, и она понимает, что никаких занятий с Алеськой сегодня не будет.

Она оставляет в раковине немытую посуду и идёт к Алеське, садится на диван, а та обхватывает ее руками за талию.

— Вот видишь, — говорит Галина, — с милым заговорить боялись на глазах батьков, а сейчас...

Она хотела сказать, что сегодняшние молодые тискаются по подъездам, но сдержалась: понимала, что Алеська, опять же внешне согласившись с ней, внутренне будет против, поскольку, по её мнению, это не такой уж большой грех, если не сказать большего: вообще не грех.

\* \* \*

Летом сорок третьего Степка под большим секретом рассказал Гале, что хлопцы Бородин едва не перестрелялись с хлопцами Кондрата, поскольку и те и другие заказывали выпечку хлеба у бабки Куделихи.

И Куделиха, рискуя жизнью, пекла партизанам хлеб. Причём делала она это только ночами, потому что днем мог нагрянуть Павлюк.

— А ещё, — говорил Степка, — в доме у Ганны Болотки была партизанская свадьба, там пели, танцевали и пили самогон.

Самогон гнали все, он был чем-то вроде жидких денег. Такой же разменной монетой была махорка. И то, и другое старались иметь в запасе. От тех же полицейев без самогона не отделаться. Соседка Ганна как-то пошла в райцентр в лавку за махоркой. Сразу же в лавке её поймали.

— Мужа нет, дети малые, значит, махорка для партизан, — сказал ей полицейай и отвёл в какой-то сарайчик, местную тюрьму.

Ганна не особенно огорчалась, — разберутся. Однако один из сокамерников сказал, что полицейаям наплевать на то, кому она покупала махорку. Им надо выслужиться перед немцами и представить тех, кто связан с партизанами.

— Так что, девка, — сказал он, — дела твои плохи. Но ты не голоси, а попросись до ветру, а в уборной две доски отходят, если выберешься незаметно, — тебе повезло.

Ганна так и сделала. Она выбралась из уборной, проползла балкой подале от места своего заключения и, дождавшись темноты, пришла в Заболотье.

— А ещё, — говорил Степка шепотом, потому что отец обратил внимание на их разговор, — ночью приходил сам Бородин. Он с батькой говорил. Потом попросил у матери две тряпки на портянки. Мать стала копать

в сундуке и оттуда выпала Библия, это книга такая про Бога. Бородин посмотрел на неё, полистал и сказал, чтобы она спрятала её подальше, а то ребята на самокрутки изведут.

Отец, словно почувствовав, что до дочери дошло то, чего ей знать ещё рано, говорит:

— Стёпка, геть на двор, корове сена дай.

Потом он подошел к лавке, где сидела Галя, сел рядом и начал рассказывать сказку.

*Каля рэчэчки Дняпра  
Там хадзіла ўдава, там хадзіла ўдава.  
Тай забачыла яна тай на яваре арла...*

И маленькая Галя тут же забыла рассказ Степки и перенеслась туда, где милый друг вдовы сражается с турками:

*Ён з туркамі ваюе  
По каленічкі ў крыві.*

Ужас напал на Галю при этих словах, но дальше было ещё страшнее. И рубашечка на молодце “уся ускипела от крыви”.

И настолько образно Галя представляла себе “вскипевшую” от крови рубашку, что со временем стала бояться крови. И когда у них появилась Лизка, и когда мать впервые назвала её “родной кривинкой”, Галя не могла отделиться от чувства, что это название когда-нибудь принесет Лизке беду.

\* \* \*

— Тётка Галя, — говорит Алеська, — а дед Степан старше тебя?

— Старше.

— А он был партизаном?

— Нет, он тогда был маленький.

— Ты же говоришь, что он старше тебя?

— Но не настолько, чтобы воевать в партизанах.

— А ты видела партизан?

— После войны.

Галину Ефимовну удивляют эти вопросы. Хотя чему удивляться, наверное, для Алеськи бородатый дед Степан жил в те стародавние времена, в какие всё могло случиться.

— А он не носил донесения партизанам?

— Нет, их носила тётка Наталья.

— Тетка Галя, а кого вы боялись больше, партизан или полицаев?

— Вот те на, партизаны были свои, а полицаи служили оккупантам. Кого нам было бояться? — отвечает Галина Ефимовна, чувствуя, что вопрос её покоробил.

— А дед Степан говорил, что партизаны у вас корову увели.

— Это были не партизаны

— А кто?

— Вооруженные люди, бандиты...

— Да, а дед говорил...

— Что мог запомнить дед, он был ребёнком.

— А ты, ты тоже была ребёнком, ты запомнила?

— Да.

— Но ты же была ещё меньше.

— Зато я была впечатлительней. Ну, хватит о грустном, посмотри телевизор, а я помою посуду.

— Я сама помою.

— Ты помоешь завтра, а сегодня это сделаю я. Иногда это занятие отвлекает от ненужных мыслей.

— Ты прям как Агата Кристи.

Галина Ефимовна уходит на кухню, включает воду и начинает механически намывать тарелки, ложки и чашку, слыша, как Алеська переключает каналы “Горизонта”.

\* \* \*

Отец с утра натопил печку, сварил картошки, и вся семейка, за исключением матери, сидит за столом, на котором лежат деревянные ложки, а перед каждым несколько картофелин. Горячая картошка чистится плохо, и Наташка и Стёпка незаметно пытаются отвлечь друг друга, чтобы похитить у соседа чищеную картофелину. Но отец настороже, короткий удар деревянной ложкой по лбу, и всё становится на свои места: стол не место для игр и шуток. Правда, отец таким образом чаще всего наказывает Стёпку или Наташку, младшую дочь он милует, хотя она тоже участвует в этих шалостях. Тут ничего не поделаешь, если у тебя украли бульбочку, нужно воровать у соседей, иначе те облаглют и будут это делать постоянно.

Галя чистит очередную картофелину и вспоминает вкус конфет, которыми её угощал немец по имени Ганс.

Ганс приходил к ним несколько раз. Был он высокий, тощий и, несмотря на тёплую погоду, ходил в шинели. Он долго бродил по двору, заглядывал во все углы хозяйственных построек, о чём-то говорил с отцом по-немецки. Из всех детей он почему-то выделял Галю. Брал на руки, давал круглые конфеты, говорил:

— Ин фатерлянд драй киндер. (“У меня на родине трое детей”.)

После ухода немца отец усадил Наташку на табурет и, выпроводив всех из дому, сделал ей городскую причёску, накрутив косу на голове. Потом отправил с узелком к дальним родственникам в село-вёску, что находилась в одиннадцати километрах.

Вернувшись обратно, Наташка рассказала, что спокойно прошла немецкие посты, и её никто не остановил, потому что останавливали и проверяли только взрослых тёток и дядек. В селе ей расплели причёску, извлекли записку, опять накрутили косу и отправили обратно.

Но, посмотрев на себя в зеркало, Наташка расстроилась. Оказывается, Яхфим одной рукой смог заплести её лучше, чем дядька из вески двумя.

Потом оказалось, что немцы проводили какую-то операцию, но кто-то предупредил жителей, и они ушли в лес.

Сразу же после этого пришёл Павлюк с двумя немцами и каким-то гражданским типом. Тип стал допрашивать отца:

— Что тут делал Ганс?

— Приходил менять свечи на яйца, — ответил отец.

— Покажи свечи, — потребовал следователь.

Отец достал из шкафчика несколько свечей, завёрнутых в тряпицу.

Следователь задал еще несколько вопросов и ушёл.

В доме несколько дней было напряженно, но потом всё как-то успокоилось. Всё обошлось, если не считать того, что Павлюк и его напарник вернулись и забрали последних курочек.

— А кто будет платить? — спросил отец, наблюдавший, как молодой напарник Павлюка сноровисто запихивает кур в мешок.

— А никто, — ответил Павлюк, — ты, Яхфим, у меня с прошлого года в должниках.

\* \* \*

“Кто это так непривычно пищит? — думает Галя, просыпаясь. — На Надьку не похоже. У той голос значительно грубее”.

Свесившись с печки, Галя видит, что мать сидит на лежанке и держит на руках свёрток, который пищит и извивается, как червяк. Галя начинает

понимать — это младенец или, как говорили в селе, немовляти. Мать даёт ему грудь. Писк на какое-то время прекращается.

Стёпка рассказывает Гале, что ночью приходил Кондрат с двумя партизанами и маленькой девочкой. Он сказал отцу:

— Или забираем корову, или возьмёшь девочку.

Девчонку звали Лизкой, и было ей от роду несколько недель.

— Как жену зовут? — спросила мать Кондрата перед уходом.

— Тебе, тётка, какое дело?

— Время тяжёлое, вдруг не придёте за ней?

— Елизавета Кондратьевна она, — невпопад ответил Кондрат, но уже на выходе добавил: — А мать её зовут Ксения.

Адъютант Кондрата Василёк приходил несколько раз посмотреть, как мы обходимся с Лизкой, а потом перестал ходить.

Девочка была маленькой и слабенькой. На головке редкие волосенки и короста. Галя с Наташкой стали рассматривать её, но мать сказала, что на маленьких детей нельзя смотреть так долго.

Мать кормила её грудью, делала соски из хлеба с отрубями, мыла её в отваре череды, мазала головку постным маслом, и через какое-то время все болячки Лизки прошли. А мать привыкла к ней и, поскольку Надька уже ползала и даже пыгалась ходить, то на руках у неё чаще всего была Лизка. А уж после того, как Лизка стала агукать и произнесла первое слово “мама”, Ходора назвала её “родная кривинка”.

\* \* \*

Складывалось впечатление, что Павлюк знает всё, что делается в Заболотье. После прихода Кондрата он был тут как тут.

— Яхфим, — сказал он, — война кругом, жрать нечего, а ты детей стругаешь?

— Бог дал, — сказал, отец, — на свалку не выбросишь.

— Кто из бабок роды принимал? — спросил Павлюк.

— Чего бабок беспокоить, я сам и принял, — ответил отец.

— Ну, ну, — сказал на это Павлюк, обошёл все углы хаты, словно хотел найти доказательства того, что отец ему врёт, и остановился, как бы вопрошая:

— Что будем делать?

Отец протянул ему старую торбу, в которой были кусок сала и бутылка самогона.

— А выпить со мной не желаешь? — спросил Павлюк.

— Ты же знаешь, я хворый, — ответил отец, — не пью.

— Ну, ну, — сказал Павлюк, покачался с пяток на носки и ушёл.

И опять, как после визита Ганса, наступили тревожные дни ожидания несчастья. Но и на тот раз всё обошлось. То ли Павлюк поверил тому, что сказал отец, то ли не хотел связываться с Кондратом, поскольку тот был свиреп и не простил бы ему этого.

\* \* \*

А девочка со временем стала своей в семье Прошкевичей. Наташка и Галя по очереди таскали её на руках, и она позволяла это делать. Правда, всегда косила глазами, не далеко ли её несут от матери. А так как чаще всего с ней приходилось сидеть Гале, то она освоила второе слово, и было оно отнюдь не “папа”, а Гая, правда звучало оно как “Гайя”. В остальном её речь напоминала набор звуков, которыми она хотела высказать что-то, её волнующее. И когда до неё доходило, что её не понимают, начинала обижаться и плакать. Ходить она так и не научилась, хотя к маю сорок четвертого ей был уже почти год. На руках у матери она тянулась к Гале и Наташке, но всегда настороженно реагировала на Стёпку и отца. Когда кто-то

из Прошковиной-мужчин пробовал взять её на руки или шевелил пальцами рук, приглашая её, личико Лизки мгновенно сморщивалось, и она начинала плакать. В этот момент мать всегда поворачивала её головкой к себе и успокаивала:

— Ну, ну, — говорила она, — не отдам тебя Стёпке, не отдам, моя, моя...

\* \* \*

Через полгода после появления Лизки Прошковиной лишилась последней живности — коровы Лыски. Было это в начале зимы сорок четвертого. Удивительно, но молока матери хватало и Надьке, и приёмной дочери. Правда, к тому времени Надька уже смело пила коровье, тогда как у Лизки от него всегда начиналось расстройство живота.

В одну из январских ночей Галя почувствовала странную тревогу в доме и проснулась.

— Батяка, — сказала мать, — никак к Лыске кто-то пошёл.

Во дворе слышался хруст снега от чьих-то шагов, а затем раздался тяжёлый вздох, так могла вздыхать только Лыска. Мать бросилась зажигать свет. Но только она чиркнула спичкой, как по окну ударила автоматная очередь, и все, кто был в хате, без всякой команды бросились на пол.

— Не шевелитесь, — сказал отец, — не поднимайте головы.

Но никто и не хотел поднимать голову, все лежали на полу и кожей чувствовали, как от них уводят их кормилицу.

Кто-то подошёл к окну и заглянул внутрь. Затем исчез. Отец заткнул разбитое окно подушкой, обмотав её предварительно покрывалом от ложка.

Чуть рассвело, Стёпка и отец сходили в пуню. Лыски там не было. Всё это было странно. Между хлопцами Бородина и Кондрата было некое соглашение не трогать живность у тех, кто имел много детей. Наверное, это была какая-то случайная банда мародёров.

— А может, её вернут? — спросила Наташка на следующий день. — Шаль ведь вернули.

Ни мать, ни отец на это ничего не ответили. А с шалью действительно приключилась удивительная история. Галя как-то простудилась, и мать, напоив её кипятком, настоянном на сухой малине, закутала шалью и уложила спать на печку. А ночью у них ночевали два хлопца из отряда Бородина. Они ушли под утро, долго копались, одеваясь, не зажигая лампы или свечи. А утром мать с удивлением обнаружила, что куда-то исчезла шаль.

Но потом шаль принесли. Правда, это были другие парни. Впоследствии до Прошковиной дошли слухи, что об этом узнал Бородин и хотел расстрелять хлопца за мародёрство, но тот сказал, что взял шаль временно с согласия хозяев и обязательно вернёт им.

Почему Галина Ефимовна помнит лучше всего сорок четвертый? Может быть, потому, что он богат на печальные события, а может, потому, что ей тогда было уже семь лет.

Мать всё больше привязывалась к Лизке, впрочем, как и та к матери. Ходора, пытаясь укрепить ей ножки, часто держала её на руках, и та прыгала, упираясь в колени матери.

— Лиза, Лиза, Лизавета, — развесёлая кобета, — повторяла мать одну и ту же строчку какой-то песни.

Приближалось лето сорок четвёртого. Все понимали, что скоро оккупации придёт конец. Стали готовиться к тому, чтобы уйти в лес на время отхода немцев, так как боялись, чтобы они перед отступлением не отыгрались на местных за своё поражение.

Мать, словно предчувствуя скорое расставание с Лизкой, начала говорить о том, что Кондрат человек рискованный, он до конца войны не доживёт, и тогда Лизка останется у нас.

— А Ксения? — спрашивал отец.

— А что Ксения, — говорила мать и логика её была настоящей женской, — она баба молодая, ей замуж надо будет выходить за городского, а кому она нужна с ребёнком...

Но в одну из ночей мая пришёл Васёк и сказал, что у Кондрата появилась возможность отправить Лизку и Ксению самолётом на Большую землю, но мать не отдала ребенка, и Васёк ушел ни с чем. На следующую ночь явился сам Кондрат.

— Оставь ребенка, — говорила мать, — кончится война, тогда и придёшь.

— Всё, тетка Ходора, — сказал суровый командир, — мои приказы обсуждению не подлежат.

Мать начала суетливо собирать Лизку в дорогу. А та, словно почувствовав расставание, начала пищать. Тогда мать зашла за печку и стала кормить её грудью, приговаривая:

— Всё хорошо, ну, ну... моя, моя... — Но Лизка никак не могла успокоиться, наверное, тревога матери передавалась ей.

— Заворачивай её, Ходора, — потребовал Кондрат.

Мать запеленала Лизку и укутала сверху пуховой шалью.

— Ночью в болотах сыро, — сказала она, — не простудите её.

И казалось, что всё закончится благополучно, но в последний момент мать как с ума сошла. Первый это понял отец, он бросился к ней, обхватил руками и придавил спиной к печке, иначе она выпарапала бы Кондрату глаза. Кондрат же направился к дверям, а Васёк, как настоящий адъютант, прикрывал его отход, пятясь задом за своим командиром, выставив вперёд “шмайссер”.

Слухи о дальнейшей судьбе Лизки были противоречивы. Говорили, что её удалось отправить самолётом в Москву, а потом говорили, что самолет не прилетел, и её передали родственникам Кондрата, которые после освобождения почему-то сразу же отправили её в Ленинград.

Чуть позже узнали, что в том же мае погибла Ксения. А Кондрат уехал в столицу и в наши места не приезжал ни разу.

Наташка к пятидесятым годам стала уже взрослой, и на постоянные приставания матери написать в Ленинград и разыскать Лизку сказала однажды, что Лизка живёт в Ленинграде и пошла в школу, поскольку она развиваясь, и её приняли с шести лет.

Мать тут же стала вспоминать о том, как быстро Лизка училась говорить и, конечно, была умненькой.

— Вот Надька, — говорила мать, — научилась говорить в два года, — а Лизка, она бы... А ты откуда это знаешь?

— Однокурсник по техникуму в Ленинграде справки наводил, — ответила, не моргнув глазом, Наталья.

С той поры всё и началось. “Однокурсник” Натальи стал время от времени сообщать о житей-бытьё Лизки. А мать долго жила каждой новостью, повторяла её, комментировала каждое Лизкино действие.

Эта ложь во спасение потянула за собой серию других. Так постепенно Лизка росла, часто болела, лежала в каких-то детских больницах, но с честью справлялась с болезнями.

— Голодное детство, — говорила мать, — вот если бы её свозить на юг...

Через год Лизка “стала ездить на юг”, и ей “стало лучше”. Но эти “поездки” породили другую опасность. Мать стала интересоваться: каким поездом Лизка ездит на юг?

— И что бы ей не заехать к нам в гости? — говорила она. — Ведь не чужие же мы ей. Вот ты, Галя, её на руках таскала, хотя сама была до печки вершок...

Но Лизка так и не заехала к матери. А потом и вообще закрутилась: поступила в институт, окончила его с отличием, стала работать в каком-то важном учреждении. Потом вышла замуж. Но детей у нее так и не появилось. Наталья, ожегшись на “поездах Лизки на юг”, интуитивно понимала, что мать может пожелать увидеть Лизкиных ребятешек, может попросить связаться с Лизкой, то есть Елизаветой Кондратьевной, и попросить её привезти детишек на лето.

Потом с Натальей случилось несчастье. Она с мужем возвращалась домой, и машина врезалась в грузовик, который выехал к ним на встречную полосу.

Когда горечь утраты по дочери немного утихла, мать опять стала вспоминать о Лизке. И тогда эстафета рассказов о жизни в Ленинграде Елизаветы Кондратьевны перешла к Галине. И Галина стала делать это так же, как и Наталья, с той разницей, что осознавала греховность этого: в одну из ночей ей вдруг пришло озарение: а не наказал ли Всевышний Наталью за эту ложь?.. Но остановиться было уже невозможно. Галина понимала, что мать этого не вынесет.

Рассказы о Лизкиной жизни Ходора принимала с гордостью и ревностью одновременно. И только однажды высказала ту мысль, которую предполагала когда-то Наталья.

— А вот родятся у Лизки дети, и будут ездить ко мне на лето. А что, у нас тут хорошо, лес, болота, грибы, ягоды.

Но Лизка “все время отдавала работе”, и ей было не до детей. И тогда мать стала её осуждать за то, что она не думает о детях.

— Наверное, ходит в пальто с горжеткой, — говорила она, — живёт в многоэтажном доме рядом с Таврическим садом. А кто о ней позаботится, когда она станет старой?

Про Таврический сад мать знала из книжки, которая была у внука Сашки, сына Натальи.

И вот уже и дочь Сашки поступает в институт. Быстро летит время.

Мать переживала отсутствие детей у Лизки, не замечая, что семейная жизнь её родной дочери Гали не складывается, что она разошлась с мужем и детей у неё, скорее всего, уже не будет.

\* \* \*

Вчера опять был страшный день, о котором вспоминать не хочется. Во двор пришли какие-то странно одетые солдаты.

— Французы, — сказал отец.

На ломаном русском они попросили накрыть на стол. Отец поставил на скатерть стаканы, самогон, тарелку с квашеной капустой и большую миску с картофелем.

Увидев все это, гости разозлились.

— Партизан — большой картошка, нам — маленький, — кричал один из них отцу.

И тут случилось то, чего Галя не могла понять.

— Мы для своих детей готовили, а не для вас, — сказал отец, а потом добавил что-то на каком-то языке, похожем на воркование голубей.

Французы выскочили из-за стола и бросились к нему. А Галя, спрыгнув с печки, вцепилась отцу в ноги, боясь, что французы его заберут. Так и стояла она, закрыв глаза, слыша, как кричит мать и как о чём-то говорят французы, понемногу понимая, что интонации их речи не несут ничего страшного. Уже после войны Галя узнала, что в Первую мировую отец был в плену и там научился говорить по-немецки и знал несколько фраз на французском.

При всём том, что рацион семьи Прошковиной был небогатым, дети ели и не были сыты, то большого голода не испытывали.

Из крапивы и щавеля варили суп, заготавливали грибы, даже подорожник и цветочки клевера-конюшины собирались, сушились, толклись в ступе и служили приправами и добавками к супам, борщам, болтушкам из муки и затиркам.

Но желание наесться от пуза присутствовало постоянно.

Со временем мать стала отпускать Галю в лес с Наташкой, а чаще всего со Стёпкой. Вот и сегодня Степка лазает по березам и собирает вороньи и сорочьи яйца.

Иногда он пытается поймать сороку, но в круглых сорочьих гнёздах два входа, и если ты всунешь руку в один, то хитрая сорока мгновенно выскочит из другого. С вороньими гнёздами проще, они полностью открыты. Стёп-

ка держит в зубах за завязки шапку, в которую он складывает голубовато-зелёные в крапинку яйца.

Вот он спускается вниз. Галя рассматривает добычу, радуется, что тонкие скорлупки не повредились. Стёпка разводит костер и в его золе печёт яйца. Делать это нужно осторожно, чтобы они сразу не потрескались, не вытекли, не смешались с золой. Но все равно яйца всегда подгорают с одной стороны. Стёпка по-братски отдаёт Гале несколько штук из своей доли, а потом, откусывая принесенные из дому вареную картошку и хлеб, Галя с братом поедают добычу.

— Матери не говори, — предупреждает брат, когда они возвращаются домой, — что мы сорочьи яйца пекли.

— Ладно, — отвечает Галя.

Впрочем, ей и в голову не пришло бы рассказать об этом матери.

Стёпка кажется ей большим и серьёзным парнем, который всегда защитит её от опасностей, и подводить Стёпку она не будет, хотя Галя до конца не понимает, что плохого в том, что они пекли и ели сорочьи яйца.

Стёпка шагает впереди, а Галя плетётся за ним. И ей не страшно в лесу, потому что с ней её старший брат, который, однако, совсем недавно чуть было не подвёл всю семью.

Уже с первых месяцев оккупации у жителей села сложилось негласная договоренность в случае опасности всем находиться дома или в одном месте.

— Если уж случится что, так всем один конец, — повторяли родители.

Стёпка был у соседей, когда услышал звук мотоциклетных моторов. Он выскочил из хаты Ганы Болотки и бросился домой.

Увидев бегущего мальчишку, немцы окружили хату Прошковичей, обыскали все углы, чердак, запечье, испороли все подушки. Они подумали, что Стёпа бежит предупредить прячущихся в хате партизан.

\* \* \*

Уже став преподавателем истфака, Галина Ефимовна пыталась в архивах найти упоминание об отряде Кондрата, его личном составе. В книгах о партизанском движении бригад с названием “Смерть фашистам” было несколько десятков. Но Галина Ефимовна разыскала и Бородина, и Кондрата. Кондрат значился командиром отдельной диверсионной группы.

Далее шли сводки и отчеты о деятельности бригады, её отрядов и групп — и ничего больше.

Тогда она стала искать очевидцев. Медленно, по крупицам, она восстановила картину той блокады, в которую попала мае сорок четвертого группа Кондрата.

А после того как восстановила, с ещё большей ревностью стала рассказывать матери о Лизке.

Отец умер в семьдесят пятом, мать пережила его на пятнадцать лет. Со временем она все меньше вспоминала о “родной кровинке”.

— У неё своя жизнь, — как-то философски заметила она и больше никогда не спрашивала дочь, что там слышно о Елизавете Кондратьевне.

И только перед смертью вдруг сказала:

— Умру, наверное, скоро?

— С чего это ты вдруг? — начала было Галина.

— Лизка сегодня приснилась...

После смерти матери у Галины Ефимовны отпала обязанность рассказывать о жизни в Ленинграде её приемной дочери. И о существовании Елизаветы Кондратьевны в семье Прошковичей не вспоминали.

\* \* \*

Май сорок четвертого. Немцы блокировали соседнюю партизанскую бригаду. И по стечению обстоятельств в блокаду попал и отряд Кондрата. Тактика партизан в таких случаях была проста: разбиться на маленькие группы и пытаться прорваться. Но Кондрат не стал дробить свой отряд.

Не имея возможности получить у местных жителей продукты, уклоняясь от поисковых групп противника, отряд пытался нащупать места, где можно было либо пойти на прорыв, либо выскользнуть из окружения незамеченным. Но куда бы они ни выходили, везде были немцы, стояла военная техника, и громкоговорители убеждали партизан сдаться и получить помилование от немецкого командования, помыться в бане и сытно поесть.

Оставалась одна надежда — прорваться на выход у стыка двух лесных массивов, хотя никаких данных, что там нет противника, или противник сосредоточил малые силы, у командира не было. Впереди в пределах видимости были видны спины двух дозорных, остальные же брели одной группой. Бойцы не спали и не ели несколько суток. Недовольство решением Кондрата не разбивать отряд на группы росло и переходило в ропот. Ксения несла на руках Лизку, время от времени давая ей пососать тряпочку, в которую был замотан сухарь. Но это уже не устраивало ребенка, и та стала пищать.

— Оставь её, — сказал Кондрат жене.

Та отрицательно мотнула головой. Кондрат, не привыкший к возражениям, снял с плеча Ваську “шмайссер”.

— Оставь... на кочке.

Ксения, спотыкаясь и оглядываясь на мужа, не передумает ли он, положила пищущий сверток на болотную кочку.

— Иди, — сказал Кондрат ей, указав стволом автомата в сторону, куда двигался отряд.

Васёк увлек Ксению за собой, а Кондрат остался возле болота в ожидании, когда последний из его бойцов скроется за стволами деревьев. Среди множества лесных шумов плач ребенка был хорошо слышен. Но вдруг он прекратился. Лизка, словно почувствовав, что именно от этого зависит её жизнь, замолчала.

Ксения вырвалась из рук Васьки и побежала обратно. Однако плач тут же возобновился, но... последовала короткая автоматная очередь, и Лизка больше не плакала...

В тот же день группа Кондрата прорвалась на стыке двух лесных массивов, потеряв две трети своего состава. Среди погибших была и жена Кондрата Ксения. Те, кто остался жив, говорили, что она искала смерти, и та пришла к ней.

\* \* \*

На следующий день Галина Ефимовна отстояла службу в Соборе Петра и Павла.

Она поздно пришла к Богу. В храм ходит время от времени, плохо разбирается в обрядах и не знает многих молитв. Но каждый год в конце мая всегда посещает Собор Петра и Павла.

Из услышанного во время служб и некоей логики моления она составила свою молитву, в которой просит прощения за ту многолетнюю ложь и... упокоения души Рабы Божьей Елизаветы, на поле боя убиенной.

МИХАИЛ ПОЗДНЯКОВ



## ВХОДЯ В ПОРЯДОК МИРОВОЙ...

### ТРИ СЕСТРЫ

Беларусь, Украина, Россия —  
Величаво звучат имена.  
Три сестры, перед Богом родные,  
Три славянки на все времена.

Неужели нас время разлучит,  
Посмеётся над нашим родством?  
Сладким пряником тайно подкупит,  
На колени поставит кнутом?

Неужели, как в древности, снова  
Мы склонимся пред страшной ордой?  
...Где-то поле моё Куликово?  
Всё шумит и шумит лебедой.

\* \* \*

Я — славянин. Я — белорус.  
Нет в том ни льготы, ни порока.

---

*ПОЗДНЯКОВ Михаил Павлович родился в 1951 году в деревне Забродье Могилёвской области. Окончил филологический факультет Белорусского государственного университета. Поэт. Автор более 30 книг. Работал главным редактором издательства "Юнацтва", журнала "Нёман". Председатель Минского городского отделения Союза писателей Беларуси. Лауреат литературных премий. Живёт в Минске.*

Я рос в отчизне синеокой  
и этим трепетно горжусь.

Но вот мой паспорт не речист:  
Утаена моя порода,  
Название моего народа  
Изъял какой-то “паспортист”.

Зато в нём личный номер мой...  
Теперь, не сознавая сами,  
Мы все живём под номерами,  
Входя в порядок мировой...

\* \* \*

Не обозлись, не потеряйся:  
Мол, впереди уже — ни зги.  
Унынье — тяжкий грех, покайся,  
В душе надежды не сожги.

Ты посмотри: ведь у природы  
Извечно свой круговорот,  
И за зимой весна приходит,  
А не совсем наоборот.  
И сколько есть тоски, печали,  
Есть столько радости, добра!  
И те, что верили и ждали,  
Нам подтверждают, что — не зря.

\* \* \*

Как полиняло покрывало,  
Смотрю — и грустно стало мне.  
То покрывало мама ткала...  
Я кросна вспомнил, как во сне.

На небо звонкое гляжу я,  
Где синь течёт из года в год.  
Наверно, там, в раю, матуля  
Для ангелов полотна ткёт.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВ



## СЧАСТЛИВЫЕ

РАССКАЗ

Мишка изрядно наревелся. От постоянных всхлипываний не может говорить, страшно болит голова. Мишка лежит на деревянной кровати у бабки Гани в ее маленьком домике, добрую треть которого занимает русская печь. К кровати примыкает коричневый несуразный шифоньер с одной широкой дверью. Вдоль стен — две лавки, два стола, две табуретки. Вот и все движимое и недвижимое имущество. Тем не менее она свой домишко величает не иначе, как “мои хоромы”. Бабка хлопочет у печи, гремит посудой и все никак не может успокоиться:

— За что страдаю, за что мне выпала доля лихая? Не было жизни в молодости, нету ее и в старости. Нарожала вот ораву на свою бедную головушку и бегай тут как оглашенная за каждым, угождай...

Это она о Мишкиной мамочке, своей младшей дочери. Ему очень неприятно и больно это слышать. Но молчит, тупо глядит в потолок. Боится: бабка у них строгая и решительная.

А старуха не унимается:

— Говорила же этой дуре, предупреждала: не пара он тебе, не пара — восточный\*, без роду-племени. За красотой погналась. А какая в нем красота? Рожка наглая и бестыжая — вот его красота...

Это уже об отце. И Мишке не менее больно от этих ее слов. Он папу тоже любит. Папа, правда, очень строгий и запросто может перетянуть рем-

---

*ИВАНОВ Александр Николаевич родился в 1956 г. д. Самойловичи Березовского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Автор многочисленных очерков и рассказов. Главный редактор брестской областной газеты “Заря”. Живет в Бресте.*

\*Выходец из России и восточных районов Беларуси.

нем. Но он хоть и редко, но бывает очень ласковым. Особенно Мишке нравится, когда он начинает щекотать своей колючей бородой, когда приносит зайцев хлеб. Зайцев хлеб — это остатки нехитрого обеда, который он берет с собой. Какая ж это вкуснятина! Это ж только с виду — кусочки хлеба, ломтики сала да дольки лука, которые всегда можно найти у нас на столе. Но это ж — зайцев хлеб! Папа так и говорит, когда с работы приходит:

— А вот что мне заяц для вас дал по дороге...

— Ей там, небось, хорошо, в больнице-то. Лежит себе на белых простынях... — не унимается старуха.

Маму с час назад увезла “скорая”.

Мишка с ней пришли к бабке Гане в гости. Мать и дочь меж собой о чем-то мирно беседовали, а он наблюдал за хохлаткой и ее выводком — им бабка отгородила широкой доской небольшой угол своих “хоромов” между печкой и кроватью. Цыплят много. Среди них есть черные, коричневые, белые. Они беспрестанно “тивкают”, клюют пшено и периодически подбегают к блюду с водой и уморительно закидывают вверх головки, когда ее глотают. А курица важно расселась в углу, точно барыня. На каждое Мишкино движение она сердито кричит и квохчет. Хохлатка предупреждает, что в обиду своих деток не даст. Он уже пробовал поймать черненького цыпленка и тут же получил удар в руку острым клювом.

Маме ни с того, ни с сего стало плохо.

— Что-то в правом боку мне режет, — пожаловалась она бабушке.

— Иди-ка, приляг на кровать, — засуетилась та, — глядишь — отпустит.

Не отпускало. Боль все усиливалась. Мамка тихо стонала.

— Ой, девка, как бы худа не было, — засуетилась бабка Ганя. — Тот гляжу, ты вся побелела. Надо бы “скорой” дозваться.

И она вышла из хаты.

Чего уж там: и Мишке страшно стало. Он никогда не видел маму такой больной. Обычно ей никогда нет покоя, она вечно что-то делает: хлопочет по хозяйству, готовит еду, строчит на швейной машинке...

Мишка прижался к мамке, она гладит его голову.

— Сынок, — говорит она не своим голосом. — Ты уж, если что, смотри — бабушку и папу слушай, не проказничай...

Мишке от этих ее слов еще тоскливее становится, и он невольно начинает всхлипать. В эту минуту Мишка готов быть самым лучшим мальчиком на земле, лишь бы маме стало легче.

— Ничего, все уладится, — бодрится мамка и даже улыбается.

Но совсем не такая у нее получается улыбка, как обычно. Обычно от улыбки она вся светится, и мамин старший брат, дядя Андрей, часто ей говорит:

— Ты, сестричка, чаще улыбайся. За одну твою улыбку мужики могут с ума сойти.

Папе такие речи швагера явно не по душе, он ворчит недовольно:

— Нашел мне мадонну, — смеется как все — ни хуже, ни лучше.

Дядя Андрей хитро щурится, незаметно подмигивает маме:

— Ошибаешься, брат: не смеется, а именно — улыбается. Тут большая разница имеется. Вот Дануся Гаврикова — та смеется.

Эта самая Дануся — жена одного ихнего родственника. От смеха, как говорил дядя Андрей, “не просыхает”. Смехом “пересыпает” буквально каждое свое слово. Иногда, когда Гаврик ее по пьяни погоняет, и она рассказывает подробности произошедшего маме, показывая при этом синяки, даже и тогда смеется.

Дядя Андрей любит и жалеет нашу маму. Он понимает, как тяжело ей с хозяйством и пятью детьми. Хотя и у него не меньше. Но больше жалеет оттого, что Мишкин отец часто бывает несправедлив в отношении его сестры, иной раз устраивает в доме скандалы, и дядя Андрей, как узнает об этом, бежит через поле, чтобы защитить сестру. Бывало так, что на этой почве у них завязывалась драка. Дралась отчаянно, с переменным успехом, но после всегда мирились.

Это ж каково было пережить такое бабке Гане.

— Чтоб ему, да чтоб его, — кляла бабуля в таких случаях зятя.

А дядя Андрей ее урезонивал:

— Хороший он мужик, мама, — добрый и правильный.

— Молчи, окаянный, — топала ногами на своего старшего сына старуха. — Добрый, добрый... А зачем руки-то распускать? У самого жизнь искалеченная, так побоялся бы Бога — не калечил ее другим.

— Эх, мама, все никак в толк взять не можешь, — со вздохом отвечал дядя Андрей. — Каково-то было ему пройти всю войну от первого дня до последнего, потерять всех своих родных и близких. Он же один, как перст.

— Это ж почему-то он один? — нервно перечила бабка. — Настрогал вот пятерню, и все один?

— Не все так просто, мать. Я его понимаю...

Но бабка никак не могла согласиться с такими доводами...

Кажется, вечность прошла. И вот на пороге появляется запыхавшаяся бабка Ганя:

— На базу бегала, просила, чтобы в “скорую” позвонили. Обещали, что скоро будет. Ты-то как, доня?

Доня — значит дочка, и это — верх нежности у бабули. У нее ласки не допросишься.

— Не иначе как живот у тебя, донечка. Потерпи, милая, не за Польшей живем: нынче власть другая — помереть не даст, — сыплет нежности бабка Ганя.

Она, по всему видно, очень расстроена, и какими-то уж совсем бесцельными кажутся ее действия. Бабка что-то шарит в столе, потом становится на табурет и ищет на полке, которая расположена над входной дверью и тянется от стены до печки, то ей что-то вдруг понадобилось в шифоньере...

Затем она подходит к углу с иконой, крестится и что-то непонятно бормочет.

— Боже, — говорит она уже громко в сердцах, — ну, где ж та “скорая”? Прости Господи, ее точно на тот свет посылать...

Проходит еще какое-то время, и отчетливо слышится за окном урчание машины. Громко хлопает дверка автомобиля. Еще через минуту-другую в хату вваливается детина в белом халате с родинкой-прыщом на щеке. Это дядя Гриша, известный и всеми уважаемый фельдшер “скорой помощи”.

— Здорово живете! — басит он свое привычное приветствие.

— Здоровее не бывает, — отвечает ему бабка и услужливо ставит табуретку у кровати.

Дядя Гриша садится и с несвойственной для его вида лаской спрашивает у мамы:

— Ну, солнышко мое, на что жалуемся?

Бабка (вот уж характер!) с пылу-жару категорично отвечает:

— Живот у нее — вот что!

— Это мы сейчас посмотрим, — спокойно реагирует дядя Гриша и говорит маме: — Прошу оголить ваш животик.

Он пальцами своих огромных рук давит то в одном, то в другом месте живота и спрашивает одно и то же:

— Тут болит?

Мама со стоном утвердительно кивает головой.

— Все понятно: аппендикс у тебя воспалился, уважаемая.

— А я что говорила — живот! — торжествует старуха.

— Хрен редьки не слаще и больной от того не легче — живот у нее или аппендицит, — озабоченно говорит дядя Гриша. — В больницу надо ее как можно скорее. Ну как — поедем?

Мама морщится, ей совсем неловко:

— Да ведь одета-то я по-домашнему. Не думала, не гадала, что так все случится.

— Вот же народ — бабы! — возмущается дядя Гриша. — Тут, понимаешь, вопрос жизни и смерти, а она — не готова. Мужу твоему сам позвоно, что надо будет — доставит. А сейчас поднимаемся и тихонько идем к машине.

Бабка тоже поддерживает фельдшера:

— Доня, правду говорит Григорий — надо ехать.

Тут уж Мишка никак не может удержаться и дает волю реву. Уж больно ему мамку жалко, да и как без нее-то теперь будет? Его даже не может остановить обидный укор дяди Гриши:

— А я-то думал, что у Макарова настоящий мужик растет, а тут он, оказывается, мокрая курица.

Не удерживается и бабка Ганя и для острастки топает ногой:

— Утихни ж ты, оглашенный, и без тебя тошно!

Заступилась мама:

— Да будет вам на него кричать-то: дите ведь совсем еще несмышленное. Не плачь, сынок! Я недолго в больнице буду. Подлечат меня доктора, и мы снова вместе будем. Помни, что я тебе говорила: слушайся бабушку и папу.

Она, превозмогая боль, наклоняется к Мишке и нежно его целует. Да разве ж тут успокоишься? От маминой нежности становится еще горше: и рев не утихает, и от нахлынувших слез все вокруг покрывается туманом.

— Давайте будем поспешать, — нервничает Григорий, — и тебе, Евдокия, надо к хирургам побыстрее, и у меня еще вызовы имеются.

Он решительно берет маму под руку, и она послушно следует за ним, на ходу просит мать:

— Не надо нас провожать, мама, — не хорошо это. Ты уж за Мишкой присматривай лучше, да старших не забывай.

— То-то уж брошу, старших-то твоих, — обижается бабуля. — Ты гляди там, поправляйся побыстрее, а мы тут с Божьей помощью все уладим.

Бабка решительно хватает Мишку за руку и крепко сжимает его ладошку — не вырвешься. Эта бабкина решительность невольно действует на него успокаивающе.

Массивная дверь “хоромов” бабки Гани со скрипом закрывается. Через какое-то время слышится, как клацает затвор двери темных сеней, а еще чуть позже — заводится “скорая” и с суетливым ворчанием отъезжает.

— Ну, с Богом, — громко вздыхает бабушка и, повернувшись, крестится на угрюмый лик иконы, говорит Мишке:

— Будет реветь-то. Некогда мне с тобой тут церемониться — дел невпроворот. Ложись-ка лучше в постель да сосни часок-другой, а там видно будет.

Бабка Ганя ведет Мишку к кровати, бесцеремонно укладывает и накрывает, а сама отходит к печи и в сердцах начинает тараторить.

А голова не болит — раскаляется. Ее лучше не поворачивать, а держать прямо и смотреть на потолок. Хорошо, что кровать плотно примыкает к стенке с открытым окошком, закрытым изнутри желтоватым куском марли. Это чтобы мухи в “хоромы” не летели. Но они все же каким-то образом находят лазейку. Из окошка несет свежестью, доносится беззаботное стрекотание кузнечиков, и беспрестанно гудят шмельки. В призде бабкиного домика, как раз недалеко от окошка, есть норка. Вот в нее-то и устремляются один за другим шмельки. Дядя Андрей говорил, что там, в норе, где-то под домиком, находится шмелиное гнездо. И если бы туда каким-то образом добраться, то можно было бы попробовать шмелиного медка, который ничуть не хуже пчелиного.

— Я в детстве, когда коров пас, — рассказывал дядя Андрей, — не раз разорял шмелиные гнезда и вкус ихнего меда знаю.

Мишке не то чтобы меда хотелось, ему было интересно, как это шмели могут жить в темноте, как дорогу к своему дому находят и много ли их в нем живет?

— Наверное, много — кто ж их считал? Как дорогу находят? Да так же запросто, как мы с тобой. А что темно — не беда. Главное — безопасно и тепло. Шмель, брат, как человек: ему много не надо — чтобы работа была да в хате спокойно...

Эх, как бы хорошо было, если бы сейчас рядом находился дядя Андрей. С ним легко и интересно. Он столько знает и никогда не отмахивается, если к нему лезешь с вопросами. А еще интереснее бывать у него в столярке, где так свежо пахнет смолистой стружкой, и смотреть, как он красиво работает и подпекает:

Но, увы, дяди Андрея нет и, конечно же, он ничегошеньки не знает, какое горе у Мишки. Иначе он непременно бросил бы все свои дела и сюда примчался. Уж он-то бы нашел, как помочь его горю. И Мишка, всхлипывая, смотрит в потолок, на котором в догонялки играют мухи. В иной ситуации он бы уж точно смеялся, наблюдая, как муха, догнав другую, прыгает ей на спину. Но сейчас — не смешно...

Мишка просыпается от бабкиного крика:

— Стой, черт с рогами, кому говорят — стой!

Это бабка свою козу доит, у которой человеческое имя — Зоя. Зойка вредное существо, так и норовит сзади подкрасться и боднуть. А еще она, если вдруг окажется без присмотра, любит полакомиться георгинами, которые в великом множестве произрастают вокруг бабкиного домика. Георгины — слабость бабки Гани, они поражают своими формами и расцветкой. И когда начинается школа, все соседские дети идут к ней за цветами для букетов своим учителям. Бабка особой щедростью не отличается, но в такие минуты охотно берет нож и оставляет пышные букеты. Она придирчиво оценивает свою работу и очень старается, чтобы один букет непременно отличался от другого.

При этом она суетливо ворчит:

— Это ж понимать надо: не веник вяжем, это — цветы, это ж красотища какая!..

У Мишки уже совсем не болит голова. И времени, наверное, прошло немало, коль солнышко, пока он спал, успело перейти на другую половину неба и теперь смотрит в противоположное окно бабушкиных “хоромов”. Но Мишка не спешит подниматься с постели, как это он обычно делает, когда просыпается. Первое, что приходит ему в голову: это ж мамка в больнице. Каково-то теперь без нее жить?..

В сенях послышались бабкины шаги. Она входит в хату, появляется из-за печи, смотрит на Мишку:

— Ну, проснулся, архаровец? — говорит она ласково. — То-то и оно. А то, видишь, реветь надумал. Думаешь, я из железа склеенная и у меня души нет? Ошибаетесь, однако: есть душа-то, как без нее. Только ведь нельзя мне киснуть. Это, братка, совсем гиблое дело нюни распускать: сильных Господь привлекает, а слабых дьявол утешает. Давай-ка лучше я тебе парного молочка налью: у моей Зойки молочко слаще меда и очень полезительное.

Бабка заходит за печь, слышно, как льется молоко в большую медную кружку, которая ей досталась в память о России, где в первую мировую она вместе с семьей, уже будучи барышней, оказалась в качестве беженки. Бабка очень ценит эту кружку и начищает ее до блеска.

Она подходит к Мишке, садится на постель и подает Зойкин дар. Мишке никак не хочется пить козье молоко. Ну не идет оно в сравнение с тем, какое дает их корова Барбара. Но Мишке не хочется огорчать бабку Ганю, он благодарен ей за эту редкую ласку и беспрекословно выпивает все до дна.

— Ну, вот и молодец, это — по-нашенски! — довольно говорит бабка, и ее морщинистое лицо светится от улыбки. Она нежно гладит ершистую голову внука, прижимает ее к себе и со вздохом говорит:

— Ты не бойся: все у мамки твоей будет хорошо. Там, в больнице, знаешь какие доктора, ученые — враз ее на ноги поставят! Вот Макар-то наш придет — все расскажет.

Бабушка за глаза отца Мишки не иначе, как Макаром величает. По фамилии, значит, хотя его зовут Алексеем. Почему так — поди разберись: у бабки свои причуды.

— Тут вот, когда ты спал, Галя прибежала. За тобой и мамкой, значит, испереживалась. Я ее домой отправила, мол, чего беспокоиться — за домом лучше смотри, да за братом и сестрой приглядывай, — рассказывает бабка Ганя. — Это ж старшой-то твой, Толька, совсем от рук отбился: как пошел с утра, так ищи-свищи ветра в поле. Опять где-нибудь с такими же пройдисветами курит. Ох, я уж на него Макару-то пожалуюсь.

Галя — старшая сестра Мишки. Она, как мамка говорит, ее первая помощница в доме и опора. Галка и в доме приберет, и свиней, если надо, покормит, и Барбару подоит. А то и Тольку, несмотря на то, что старше ее, приструнит. А еще есть Зинка, она на три года старше Мишки. Та больше с подружками в куклы играет, разные фантики от конфет собирает. Их у нее — великое множество, и все аккуратно сложены в сундучке, который стоит под кроватью. Мишка периодически, когда, разумеется, Зинки дома нет, открывает ее схрон и перебирает фантики. И хотя после этого он все аккуратно раскладывает в сундучке по прежним местам, Зинка безошибочно определяет, кто трогал ее богатство. Она давала брату затрепину и непременно шипела:

— Что — опять, противный, лазил в сундук без спросу?

Впрочем, Зинка всегда охотно показывает фантики, если Мишка у нее об этом просит. Ей, похоже, доставляло удовольствие рассказать, где она добыла очередную обертку...

А бабка, между тем, взялась чистить картошку, ни с того ни с сего тихонько затягивает заунывную песню:

*Ой, пьё Чумак, пьё —  
У ёго гро-о-шы е.  
Ой-да знаем, знаем гарэлочку пити,  
Бо вона солодка-а-а...*

А Мишка уже на ногах. Он садится за стол, который дядя Андрей называет алтарем. Тут в углу висит икона с лампадкой, украшенная рушником. Лампадка горит слабым огоньком, и зажигает ее бабка в особых случаях. Сегодня, наверное, и есть тот особый случай. Тут же, на столе, толстенная книга, “Библия” называется, стопка журналов “Крокодил” со смешными картинками. Газеты и журналы бабке Гане доставляет дядя Андрей. Для растопки печи. Но бабка журналы жалеет жечь. Видимо, и ей картинки пришлось по душе. Вот их-то в который раз и смотрит, листая страницы, Мишка.

— Давай-ка мы драников напечем, — предлагает бабка Ганя. — Давненько я за них не бралась.

А кто ж против? Бабкины драники — вкуснейшая вещь: это всем ее внукам известно. Поджаристые и хрустящие они у нее получаются. Их много можно съесть, если макать в сметану или коровье масло. А потом пить чай вприкуску с рафинадом. Чай у нее тоже сила — настоящий на разных душистых травах. А другого она-то и не признает и всякий раз ворчит, если ей предлагают магазинный чай:

— Пристрастились, понимаешь, к басурманскому зелью, греховники! Какая от него польза здоровью? Всего-то, что цвет да запах...

Бабка долго толчет крупные картофелины, затем колдует над полученной кашницей, добавляя туда яйца, муку, соль... Потом идет в сени и разжигает керогаз, который установлен на табуретке. И вот уже доносится приятное шипение драников на сковородке...

Уже туда, ближе к вечеру, в бабкину хату заходят Мишкин папа и дядя Андрей. Они оба веселые и с порога объявляют, что были у мамы, что ей сделали операцию, и чувствует она себя хорошо.

— Слава тебе, Господи! — крестится бабка Ганя. — Отстрадалась, значит, моя донечка. Ну и ладненько, коль все так хорошо складывается. А вот присаживайтесь: сейчас вас кормить драниками буду. Мишку-то я давно покормила.

Мужики не возражают и охотно садятся за кухонный стол. Дядя Андрей рассказывает, как оно было:

— Это хорошо, что мне Алексей про Евдокию сообщил. От нашего завода до больницы, сама знаешь, рукой подать. Приходим мы туда, а нам и говорят, мол, все уже позади, и ваша Евдокия Григорьевна после операции отдыхать изволит. Ну, мы, конечно, к ней в палату. Прикупили, понятное дело, кое-что для передачи. Долго, правда, нам не позволили у нее находиться, но это и не главное. Главное — что все у нее хорошо и пойдет на поправку.

Бабке Гане приятно слушать такую речь, и она суетливо накрывает на стол, то и дело задавая сыну и зятю уточняющие вопросы.

Но мужики не спешат за еду приниматься. Наконец, дядя Андрей не выдерживает:

— Мама, — ласково и вроде даже с какой-то обидой в голосе говорит он, — как-то не по-людски получается в таком случае на сухую за стол садиться. Ты бы открыла свои запасы, чтоб, значит, за все хорошее, за поправку твоей дочери выпить.

— От же змеи окаянные, — совсем без злости отвечает бабка. — А то я не вижу, что вы успели-таки залить себе зенки.

— Ну, чего уж там — было, — признается отец. — Только совсем малость, от радости. А если от радости — никогда не сопьешься.

— Вот именно — с радости, — подчеркивает дядя Андрей. — Тут уж, мама, и сам Бог велит.

Бабка вообще-то против всяких пьянок настроена, и по этой части зятю и сыну от нее достается. Но тут она, можно сказать, беспрекословно сдается и к великой радости мужчин идет в сени.

— Сейчас, — подмигивает дядя Андрей Мишкиному отцу, — по амбарам пометет, по сусекам поскребет и ублажит мамуля наши грешные души.

И точно — вскорости появляется бабка Ганя с бутылкой, закупоренной бумажной пробкой.

— Натё, — ставит ее решительно на стол старуха. — Терзайте дальше, змеюки, мое истрадавшее сердце. Больше от меня этой гадости не дожждетесь.

А мужикам больше и не надо. Они размеренно разливают самогон по стопкам, заносят его по ртам и крикают с удовольствием, смешно шурясь при этом:

— Не самогон, а динамит! — восхищаются они.

— То-то, — довольно подтверждает бабка. — Не для отруты, а для дела варим.

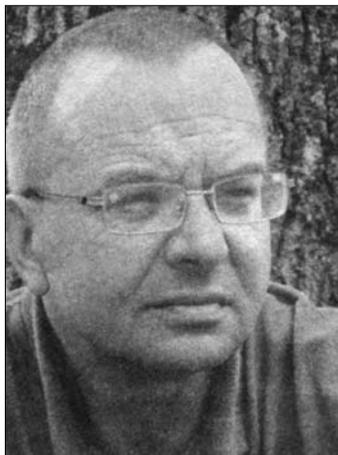
За столом налаживается степенная беседа. Говорят о разном, что больше волнует и ближе каждому. Со стороны если посмотреть — нет роднее на земле людей. Мишка поочередно елозит на коленках то у отца, то у дяди Андрея. А они совсем даже на него не сердятся, не говорят опостылевшие слова: “Не мешай!”...

Давно солнце закатилось за горбинку широкого колхозного поля. С неба, из-за овчинки-облака на землю грустно смотрела луна. За огородами, по узкой тропинке, Мишка с отцом шли домой. Мишке хотелось спать, но он отгонял сон, чтобы продлить эти сладостные минуты.

— Ничего, — говорил ему отец, — выдюжим! Жизнь, Мишка, сложная штука, и на нас, мужиках, держится. Вырастешь — сам узнаешь...

Наверное, в эту минуту не было счастливее на земле людей, чем эти двое.

НИКОЛАЙ НАМЕСТНИКОВ



ПОЗВОЛЬ ПОКАЗАТЬ  
ТЕБЕ РОДИНУ...

\* \* \*

Ночью на неведомой версте.  
Потрескивают угольки в костре.  
Я уголёк достану, прикурю  
и говорю с тобою, говорю...

А где-то у открытого окна  
сидит седеющая женщина одна.  
Тревожится о сыне и не спит.  
И говорит со мною, говорит...

\* \* \*

Возле церкви попросишь —  
и осень подаст.  
Листья стряхнёшь, как минувшие дни подытожишь.  
В баре напротив звучит то ли соул, а то ли джаз.

---

*НАМЕСТНИКОВ Николай Владимирович родился в 1962 г. в Витебске. Окончил Витебский педагогический институт имени П. М. Машерова. Автор поэтических сборников "Забутые небеса", "На распутьях ветров и дорог", "Листопад исповедальный". Почти сорок его стихотворений стали песнями. Живёт в Витебске.*

Вроде знакомое что-то,  
а вспомнить — не можешь.  
Ветер несёт сизарей в золотой небеси,  
точно пускает по кругу прощальную чарку.  
Господи Святой,  
Ты если и вправду — еси,  
дай, чтобы музыка эта подольше звучала!  
Соло листвы, когда всё остальное — не в счёт...  
Блеск паутин и последние тёплые полдни...  
Чтобы голубка присела к тебе на плечо,  
словно о чём-то забытом и важном напомнив.

Дворники выметут город в положенный срок.  
Только однажды —  
и впрямь как залётная радость, —  
в ящик почтовый опустится жёлтый листок,  
где не указан опять отправителя адрес...

\* \* \*

Ты спросишь: “Это сон?”  
Отвечу: “Это осень.  
Наш золотой причал.  
Прощальный горький дым”.  
Янатарным молоком  
набухли груди сосен.  
Ищи меня, сентябрь,  
среди сосновых стигм!

Пергаменты стволов  
слоятся и чернеют.  
Но проступают в их  
пронзительных юсах  
и песни на Илью —  
размеренным хореем,  
и девки на юру  
с кровинкою в устах...

А где-то за спиной —  
дороги и пороги.  
И посполитый люд,  
что, поднабравшись сил,  
заёрзал на печи —  
да вымерли пророки,  
и тут уже ни крест,  
ни водка не спасли.

Но это всё пока  
побасенки, не боле.  
О них скрипит пером  
грядущий Карамзин.  
А ты меня ищи  
по красным каплям боли,  
что разнесут дрозды  
из заводов рябин.

Нам сыплет тишина  
сосновые иголки.  
Сползает по стволам  
полуденная тень.

А мы, как воробьи  
с руки княгини Ольги,  
всё ищем краткий путь  
в родной Искоростень.

\* \* \*

Кружу, как будто неприкаянный,  
по залу с белыми колоннами  
вокруг фигуры бабы каменной  
в музее городка районного.

Лицо безжизненно и глинисто,  
у сжатых губ змеится трещина.  
И сколько ж надо горя вынести,  
чтоб в камень обратилась женщина!

А за окошком — май и жимолость,  
и небо синее над крышами,  
и ощущаю каждой жилкою  
страдание, в глазах застывшее.

Она стоит, ещё не ведая,  
что, руку протянув несмелую,  
я со щеки её обветренной  
смахну слезу окаменелую.

МИКОЛА МЕТЛИЦКИЙ



## ЦЕЛИТЬ ИХ ДУШИ ПЕСНЕЙ И СТИХОМ

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ЗЫКИНОЙ

Была у России певица великая...  
Да в смутные времена,  
Людмила Георгиевна Зыкина,  
Не слышала Вас страна.

Россия слушала безголосых,  
С телеклоунов щерилась,  
На долю великих оставив слёзы,  
Россия в себе разуверилась.

И вот стоит, как в тумане волглom,  
Скорбная новыми вдовами.  
Россия не слышит, как течёт Волга,  
А слышит,  
Как текут доллары.

Да верю — порою, пока безвестной,  
Когда гниль до донца вскрыется,  
Голосом Вашим и Вашей песней  
Россия от грязи отмоется.

---

*МЕТЛИЦКИЙ Николай Михайлович — поэт, секретарь Союза писателей Беларуси, главный редактор журнала “Польмя”, лауреат Государственной премии Республики Беларусь им. Я. Купалы, автор поэтических книг “Обелиск в жите”, “Мой день земной”, “Полесская печаль”, “Бабчин” и др. Живёт в Москве.*

\* \* \*

О, как давно меня тянуло в Устье!  
Ну, вот и холм устьянский предо мной,  
И плещет Свислочь ласковой волной,  
И слышатся в сухом подлеска хрусте  
Шаги поэта из поры иной.

Цветут по склонам дикие гвоздики,  
Стоит дозором сосен медных ряд.  
На солнце комли бронзово горят.  
Тут Колас пролагал свой путь великий,  
Ещё не зная горечи утрат.

Здесь лето пахнет мёдом и малиной,  
Наполнен солнцем воздух боровой.  
И облака плывут над головой.  
Здесь голос Юрки, Коласова сына,  
Ещё звучит, весёлый и живой.

Течёт вода, как жизнь, бесповоротно.  
Речной камыш колышется слегка.  
Устьянский холм... Спокойная река...  
И верится: вот-вот поэт народный  
Покажется с ведёрком из леска.

Сегодня на уду его клевало.  
— Ну, а рыбалка? Что поймал, Якуб?  
Надёргал хоть ершей каких на суп? —  
Шутливо обращается Купала,  
Спиной опёршись о высокий дуб.

И радуются шумно перелого,  
Встречая ходока и рыбака.  
Безжалостного времени река  
Ещё не разлучила их дороги,  
Хоть горькая пора уже близка.

Военная беда девятым валом  
На здешний край нахлынет на года.  
Не явятся из вечности сюда  
Ни Юрка, ни жена, ни друг Купала —  
На давний холм по собственным следам.

И вот стоит поэт, прошедший грозы,  
Отмеривший изгнанья пятый год,  
И на глазах незвано стынут слёзы,  
И холм устьянский встал среди невзгод.

Но всё ж ему на нём хватило силы  
Собраться с духом — и продолжить путь,  
Опять наполнить свежим ветром грудь.  
Умерив в сердце боль сырой могилы,  
Тяжёлый пласт судьбы перевернуть.

На пепелище хаты и отчизны,  
Как на устьянский, сердцу милый, холм,  
Вернулся он, надеждою влеком  
Оправиться на нём от горькой тризны —  
Чтоб лучик света в окна людям брызнул,  
Целить их души песней и стихом.

*Перевод с белорусского Андрея Тявловского*

МАРИЯ РУДОВИЧ

## СТАРЫЙ ДОМ

РАССКАЗ

— Скорее, скорее! — тормозит меня бабушка. — Ну же, с тобой я опять к шапочному разбору приду!

Нет, мне вовсе не хочется вылезать из-под теплого одеяла — еще совсем рано, да и соседский Мишка вот-вот начнет возиться за стеной: вчера кубики так и остались на полу и медвежонок в углу. По длинному коридору шаркает старуха Лакутиевская, в кухне Циля разжигает колченогий примус, на крыльце, внимательно глядя на хозяйку, потягивается черно-белый кот. Хлопают двери, свистят чайники — начинается обычный день. Я зажмуриваю глаза и пытаюсь притвориться спящей, но — “Вставай, вставай, я твои фокусы наскво-о-о-зь вижу!” — бабушка спешит.

С улицы Ленина мы сворачиваем на Ульяновскую, под звон дребезжащих трамваев, вдоль мутно-грязной Свислочи с поросшими осокой и камышом топкими берегами с одной стороны и корпусами третьей клиники с другой добираемся до стадиона “Динамо”, мимо унылых деревянных домов медленно поднимаемся вверх по Белорусской, взбираемся на покрытую паровозной копотью железнодорожную насыпь, торопимся пройти вдоль обшарпанного грязно-зеленого забора, из-за которого по всей округе расплывается невыносимое зловоние — городская бойня! — и оказываемся, наконец, на Червенском рынке.

---

*РУДОВИЧ Мария Максимовна родилась в Минске. Окончила филологический факультет Белорусского государственного университета. В 2010 году награждена почетным знаком “Отличник печати Беларуси”. Печаталась в коллективных сборниках, республиканской периодике. Переводные произведения опубликованы в журналах “Нёман”, “Польмя”, увидели свет отдельными изданиями. Член Союза писателей Беларуси. Живет в Минске.*

Аппетитные круги белого сыра, вязанки лука, кольца колбасы, запах яблок. Гомон и толчея, лошади, лениво жующие овес. Свистульки, глиняные макитры, леденцы на палочке. Особенно оживленно у мясных лотков: покупатели громко торгуются, требуя повернуть понравившийся кусок так и этак, продавцы злятся, на весы звучно шлепаются розовые филеи и грудинки. Бабушка обходит ряды, пробует сметану, недовольно рассматривает пучки редиски, оценивающим взглядом окидывает квохчущих кур, уходит, потом опять возвращается, опять рассматривает, встречается приятельниц, долго разговаривает, потом снова обходит ряды, что-то прикидывает, опять обходит, опять рассматривает... Я принимаюсь ныть.

Дома она растапливает печку — изразцы нагреваются медленно, зато долго хранят тепло. Иногда “голландка” начинает дымить, чадить, в комнату ползет угарный газ.

— Трубочиста надо позвать, — говорит бабушка.

Трубочист является с длинной лестницей и мотком скрученной проволоки, забирается на крышу и чем-то старательно скрежещет в трубе, откуда столбом поднимаются пыль и сажа. Время от времени во двор заходит точильщик ножей, а однажды забрел шарманщик. На веревках полощется бельё, на крылечках судачат старухи, в палисадниках растут турецкая гвоздика и синие “ботики”, из окон несется голос Кристалинской: “Эй, рула-тэрула-ла-ла-ла-ла-ла-ла...”, а на буфетах и комодах красуется предмет особой гордости хозяек — слоники, с которых ежедневно бережно смахивают пыль. Иногда по улице мимо играющих в “классики” детей пробегает тоненькая, улыбающаяся чему-то своему, светловолосая девушка. Много лет спустя, случайно открыв журнал “Работница”, я увидела подборку стихов и фотографию. И подпись — Вера Вярба.

По вечерам бабушка, устроившись на диване, при мягком свете мраморного светильника-“совы” читает “Анну Каренину” или “Воскресение”, “Крейцерову сонату” или “Хождение по мукам”. Иногда я усаживаюсь рядом и слушаю сказку: “Три девицы под окном пряли поздно вечерком...”. Потрескивают половицы, тикают часы, шуршат страницы. “А царица молодая, дела вдаль не отлагая, с первой ночи понесла...”

— А что понесла?

— Не знаю.

— А куда понесла?

— Не знаю.

— А зачем понесла?

— Ты будешь слушать или нет?

“В те поры война была...”

Война неизменно присутствует в нашей жизни, вторгаясь в будни и праздники неотступными разговорами о бомбежках и заложниках, виселицах и военнопленных. “Вот я тебе сейчас задам! — хватает меня за шиворот бабушка, когда я пытаюсь незаметно сплавить подальше недоеденный кусочек хлеба. — Слава Богу, ты не знаешь, что такое голод и свист падающей бомбы! Не смей выбрасывать хлеб!” Именно тогда вошли в мое сознание понятия “оккупация, расстрел, душегубка”, тогда услышала я те подробности о жизни в нашем городе, о которых не пишут в учебниках и которых не забыть мне до смертного часа.

Весной и осенью улицы Лодочная и Октябрьская утопают в раскисшей грязи: ни пройти, ни проехать. В дождливую пору с горки, от здания Белорусской железной дороги, с шумом сбегают ручьи, по которым так весело пускать кораблики, вода скапливается внизу, заливая трамвайные пути, и надолго перекрывает движение. В нашем доме капает с потолка, от стен отстают сырые обои. Порой в кладовке раздается грохот, падают миски, гремят корыта. Мы с Мишкой хорошо знаем, что это не иначе как колдунья, живущая, по нашему глубокому убеждению, на чердаке, отправляемая на бал, но сосед-сапожник, которому в чай, случается, падает отсыревшая штукатурка, имеет иное мнение о природе звуков и, на все лады распекая кота — “Ишь, негодник, только и знает, что днем спать, а всю ночь где-то шляться! Свет такого лодыря не видел!” — ставит мышеловку. С наступле-

нием темноты между дровяными сараями и огромными кучами мусора шныряют подозрительные типы в низко надвинутых на бегающие глаза кепках. Случаются поножовщина и пьяные драки, по ночам доносятся тревожные шорохи и невнятный говор, кто-то неслышно поднимается по ступенькам и вкрадчиво стучит в кухонное стекло, по двору крадутся длинные тени. “Черная кошка”, — шепчутся соседи, — видно, опять появилась “Черная кошка”. Жильцы плотнее прикрывают двери, запирая их на все засовы.

В будни готовят мачанку, жарят блинчики, варят картошку, в погребах держат квашеную капусту и соленые огурцы. Празднуют Троицу, Воскресение, Сретение, Рождество. На Пасху пекут нарядные булки, красят яйца, освящают в церкви хлеб и соль. “Мазурка королевская, мазурка ореховая, мазурка рассыпчатая, — бормочет бабушка, торопясь в кухню и обратно, — поросенок, гусиная шейка...” Потом украшает белую скатерть зелеными веточками дерезы, потом пудрится — в воздухе пляшет розовая пыльца “рашели” и долго висит сладковатый запах “Красной Москвы”. Потом приходят гости.

Я часто вспоминаю ту жизнь, где последним достижением техники был крохотный экран с огромной линзой, где от простуды лечили жженым сахаром, а от испуга — отваром перелета, где свято верили, что завтра будет лучше. На моем столе и сейчас стоит старомодная нелепо-громоздкая “сова” с отбитыми ушами — сегодня вряд ли кому-то придет в голову украсить интерьер подобным “ретро”. Старый дом снесли. Долго еще оставалась серо-коричневая, в пестрых крапинках каменная ступенька. Потом и она исчезла.

## РАЗДУМЬЯ

### РАССКАЗ

Горы краснели.

От вершины до подножия заходящее солнце неумолимо разливало горячую краску, которая тут же превращалась в пурпурную и густо растекалась по кручам, а после становилась сизой и переползала с уступа на уступ, а тогда наливалась жгучим жаром, и, отчаянно цепляясь за острые скалы, срывалась в бездну, а потом скользила в теснины, нестерпимо опалая снег и лед. А потом яркая краска делалась невыносимой и, наконец, налившись в самых глубинах лиловым багрянцем, становилась черной. И грозные исполины — неприступные горы между двумя морями — погружались во мрак. И мрак поднимался к вершинам. И старый пик, покрытый снеговой шапкой, думал свою нелегкую думу.

Он помнил себя от начала времен. Над ним неторопливо плыли столетия, и он молча глядел во мглу веков и видел начало и конец, и дыхание вечности было ему знакомо, и шепот мгновений не ускользал от него, и минувшее не было для него тайной, и грядущее было ему открыто. И ничто не нарушало его покой, и нерушимая тишина царила вокруг.

Отсюда начиналась история людей, и люди шли к нему, и называли его отцом. И он укрывал их, и берег их, и давал им живительную воду и виноградную лозу. И они строили свои дома, и пели свои песни, и кривые дорожки были неведомы им, и весной цвел кизил, и карагач дарил мед. И они доверяли ему сокровенное, и высокое было высоким, а низкое низким. И они шли по угрюмым камням, и он вел их к солнцу. И предки просили за по-

томков, а потомки молились о предках. И он гордился своими сыновьями, и они возвращались к нему с победой, и все дороги благословляли их. И высокое делалось еще выше, а низкое было ненужным.

Старик горестно вздохнул, и дыхание его вырвалось на поверхность, и растопило снег и лед, и ветер пронесся от подножия к вершине, и люди подумали, что это вулкан проснулся.

И вращался круг времени, и великий поэт чужого народа воспел его, а родной сын покрыл позором. Когда это случилось? Может, тогда, когда он позволил сыну постигать науку пришельцев — науку оборотней? И сын стал изворотливым и болтливым, и прямые пути отринули его, и обман шел рядом с ним. А может, тогда, когда он без числа дал сыну от своих недр и долин, и сын не пахал и не сеял, и не пас стада, и не растил детей, и вознесся в мыслях своих выше гор и неба, выше Бога и отца?

И подался к чужим людям, и те люди дали ему приют, и он ел их хлеб, и отплатил им черной неблагодарностью. Он шел их дорогами, но так и не узнал их путей. Он научился произносить чужие слова, но так и не постиг их смысла. Он криво усмехался, и глаза его были подернуты серой пеленой. И ложь была сладка для его языка. И высокое стало низким, а низкое — высоким. И карагач покрылся пылью, и сделался горьким кизил. И грозно молчали предки, и не откликнулись потомки. И однажды чужая женщина засмеялась ему в глаза и плюнула ему вслед, и прокляла его отца.

И у старика перехватило дыхание, потому что извечное утратило смысл, и ясное исказилось, и неподвижное сдвинулось с места, и покатилося вниз, и падало все ниже и ниже, и не остановить было стремительного падения. И похолодело сердце, и не было спасения.

“Прости, чужая дочь”, — шептал старик, хотя знал: не прощается непростительное.

И горячие слезы обожгли его щеки, и холодные водопады превратились в разъяренные потоки и залили все вокруг, но он не чувствовал того нестерпимого жара, а люди думали, что это лава течет по склонам.

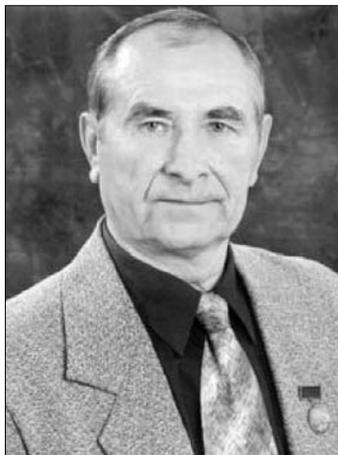
Где-то в глубинах глухо стучало его сердце, и яростный гул поднимался все выше и выше, и разносился от моря до моря, и гнев, великий гнев охватил его душу, и он покачнулся и задрожал, сначала слегка, а потом все сильнее и сильнее, и огромные глыбы исчезали в темных расщелинах, и камни все сыпались и сыпались, и лавины сходили вниз, и люди думали, что это земля разверзлась.

И когда утихло море, старик ниже надвинул снеговую шапку, на которую упал первый солнечный луч.

Светало.

Горы краснели.

ОЛЕГ САЛТУК



## СЫНОВНЕЕ СЛОВО

### ДВЕ ЗАРИ

Закатная с рассветною зарёй  
Лишь где-то на краю небес встречаются,  
А после им назначенной порой  
Загадочно над миром разливаются.

Летят лихие годы, как с горы,  
Проходят вечера, рассветы парами.  
А две зари, как будто две сестры,  
Румяные, сидят за самоварами.

Роскошная закатная заря,  
Хотя красивей кажется рассветная.  
Я голову свою ломаю зря,  
Какую мне считать своей заветною.

С одной я вспоминаю, что сбылось,  
Другая же мечте моей попутчица.  
Хоть знаю, что у них я только гость  
И долго загоститься не получится.

---

*САЛТУК Олег Владимирович родился в 1937 г. в д. Рыженьки Шумилинского района Витебской области. Окончил филологический факультет Могилёвского государственного педагогического университета. Автор ряда книг. Лауреат литературной премии им. Владимира Короткевича и премии Белорусского союза журналистов "Золотое перо". Живёт и работает в Витебске.*

Да с ними я ещё поговорю  
И поделюсь удачами и бедами.  
А под какую сам уйду зарю,  
Так то ни мне, ни им пока неведомо.

### ПАМЯТНИК

Пахнет рутою-мятой,  
Лёгкий шелест стрекоз.  
Медный профиль солдата  
В обрамленьи берёз.

У камней пьедестала  
Мак мерцает во мгле.  
Как же прожито мало  
Им на этой земле!

Взглядом юным и строгим  
Из-под хмурых бровей  
Он глядит на дороги,  
Ищет старых друзей...

### ВОСПОМИНАНИЕ

Ты пила берёзовый тот сок  
Так забавно и по-детски нежно.  
Съехала косынка на висок,  
С ветерком играя безмятежно.

Ручейки не приглушали бег,  
Птичьим звоном лес переполнялся.  
Я косынку поправлял тебе  
И, казалось, к небу прикасался.

### СЫНОВНЕЕ СЛОВО

Даже малый росточек  
Свой приветствует бор.  
Я сплетаю из строчек  
Для Отчизны узор.

Так не в церкви, не в храме,  
А один на один  
Клятву верности маме  
Шепчет любящий сын.

*Перевод с белорусского  
Андрея Тявловского*

ВАЛЕНТИНА ПОЛИКАНИНА



А МНЕ БЫ ЗДЕСЬ И ЖИТЬ

\* \* \*

Брось в начало июля лучами закрученный невод,  
И в него соберётся вся влага мерцающих рос;  
Вся звериная ласка во взгляде на близкое небо;  
Вся звенящая тайна, где лес соловьями пророс;  
Вся вселенская пыль сенокосной неспетой порою,  
Где сиреновой ночью клубится резной костерок;  
Вся мажорная повесть с одним безупречным героем,  
Где листают начало и твой восхищённый мирок.  
Будет знатным улов: запах детства и вкус лимонада,  
Мамин жест, мамин голос, её родовое тепло...  
Только знай, что тебе возвращаться из памяти надо  
С полным неводом слёз оттого, что так быстро прошло...

ВСЁ ЭТО МАМА ВЫШИВАЛА

Открытьем стало воскресенье:  
Ещё один урок мне дан.  
Не зря я в этот день осенний  
Открыла старый чемодан.

---

*ПОЛИКАНИНА Валентина — поэт, журналист, член Союза писателей Беларуси и Союза российских писателей. Родилась в 1958 году в городе Кричеве Могилевской области. Закончила филологический факультет БГУ. Автор восьми поэтических сборников. Лауреат специальной премии Президента Республики Беларусь в номинации “Художественная литература”, первой премии Союза писателей Беларуси “Золотой Купидон”, российской литературной премии им. А.П. Чехова. Живет в Минске.*

Салфетки, скатерть, покрывало —  
Ярчайших красок торжество...  
Всё это мама вышивала  
В минуты счастья своего.

Бутоны роз, соцветья маков,  
Лесные птицы и зверьё...  
О, этот мир не одинаков  
Для тех, кто видит в нём своё!

Букеты васильков, ромашек,  
И поле, и речная гладь...  
Была ты, мама, горя старше.  
Мне слёз твоих не сосчитать.

Но рукотворный миг удачи,  
Как чудо-нити, не стереть:  
Твой лес живёт, и белка скачет,  
И день не думает стареть.

\* \* \*

Мне не воспеть помпезные аллеи.  
Куда мне деться от родных мытарств?  
Избушка деревенская милее,  
Чем все дворцы чужих мне государств.  
Здесь храма моего хоругви, святцы.  
Здесь родина моя в лихом году.  
А мне бы здесь и жить, и состояться,  
Как состоялась яблонька в саду.

ВИКТОР ГОРДЕЙ



## ФЕДОРА

РАССКАЗ\*

Федорина хата с подслеповатыми окошками и вогнутой, как седло, соломенной крышей торчит на отшибе Малого Села, у самого леса. Ничего приметного, за что хотя бы мельком зацепился злодейский глаз, на запущенной усадьбе нет: забор вокруг садика частично сторел в печи, частично лег на межу, а хлев всеми четырьмя углами поехал в землю, и если еще не упал, не рассыпался, то это большое диво. Хозяйка, собираясь в магазин или на колхозное поле, хату не замыкает, потому что всего богатства там — веник, вилы да кочерга. Однако милостивая, худенькая и совсем не старая еще Федора, хотя и надевает в слякотные дни резиновые сапоги на босу ногу, не хочет, чтобы ее считали законченной беднячкой.

Какая бедность, скажите на милость, если в покосившемся хлеву скребет рогами о ворота всегда голодноватая корова, в углу хрюкает досмотренный кабанчик, а у порога хаты каждое утро толчется беспокойный куриный выводок. Нужно немало пота и слез, чтобы накормить всю эту ненасытную живность, но если уж совсем пусто становится в коровьих яслях, ох как выручает лесной Имшечек, что начинается вблизи усадьбы, сразу за негустым березовым перелеском. На исходе зимы, в самую бескормицу, Федора ходит сюда по льду жать рыжую осоку, летом дерет между купин подсохший мох на подстилку кабанчику. И все было так хорошо, так обычно, но этот злы-

---

*ГОРДЕЙ Виктор Константинович родился в 1946 году в деревне Малые Круговичи Ганцевичского района Брестской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Автор многих сборников поэзии, книг прозы. Лауреат литературной премии имени Ивана Мележа. Живет в Минске.*

\* Рассказ “Федора” входит в повествование В. Гордея “Бедна басота”.

день Мартин Полозок, типун ему на язык, увидев соседку с мокрым мешком на плечах, зашлепал губами от удивления и вполне серьезно посоветовал:

— Мох, женщина, не годится на подстилку. Не сушит он мокроту, увидишь, как опять будет каша. Нет соломы, так лучше уж свинье мурашник подостлать.

— Как мурашник? — не поняла Федора. — Или смеешься надо мной? Врешь, сосед!

— Надо мне врать. Сам другой раз, когда приспичит, мурашники в хлев таскаю. Иглица долго держит сухость и грязь хорошо забирает.

Случайная встреча с глазастым соседом припомнилась как раз в начале весны, когда вокруг нечего ни взять, ни срезать, а рыжий лычатый кабанчик на самом деле шлепал в грязи по уши. Благодарная Мартину Полозку за такой разумный совет, Федора в тот же день побежала в лес, на прогреве в ельнике нашла высокий, как стожок, муравейник, распотрошила его и за две ходки перенесла в хлев. С постилкой под мышкой мотнулась еще раз на Имшечек, чтобы забрать остатки сухой трухи, и когда с немалой ношкой возвращалась домой, уже издали услышала на своем дворе невообразимый шум, визг, гвалт. Это благим матом визжал кабанчик, будто его резали, на весь белый свет кудахтали куры, будто им откручивали головы.

От неожиданного испуга Федора припустила бегом, со страхом вскочила в хлев и, глянув в поросячий закуток, ахнула от собственной глупости. Вместе с иглицей, сама того не зная, она натаскала в поросячий закут тьмутьмущую лесных муравьев, которые в тепле ожили и, разъяренные, тут же взобрались на рябого кабанчика, залезали ему в щетину. То ли от укусов, то ли от щекотки тот, словно ошалев, метался по загородке, лез просто на стену и, наконец, не выдержав муравьиного издевательства — разломал слабые жердочки и с обиженным хрюканьем выскочил во двор. Распатланная, потная, разъяренная Федора швырнула постилку с трухой под забор и помчалась к Мартину Полозку на расправу, потому что этому злыдню, конечно, мало и язык вырвать за дурную болтовню.

— Мартин, чтоб на тебя пранцы! Ты сдуру или нарочно ошельмовал старую бабу? Иди глянь! Мураши твои моего кабанчика до крови загрызли!

Надо было видеть, как хохотал обычно молчаливый и спокойный Мартин Полозок — хватался за живот, приседал, разве что не катался по земле. И если бы кто-то со стороны глядел в это время на хохотуна, то скорее всего подумал: с ума сошел человек, сдетинился. Даже Федора, прибежавшая сюда с одной целью — вырвать соседу его никчемный язык, испуганно отступила.

— Ты что, Мартин, белены объелся?

— Ой, не могу! Ой, насмешила! Да я ж, Федора, требую мурашники зимой, когда мураши в землю прячутся.

— Откуда мне знать, что зимой? Наносила полный закут паскудства кусачего, а теперь хоть плачь.

— Не горюй, бабка! В хлев кур загони, мурашек они любят. А завтра, глядишь, лишнее яйцо снесут.

— Опять смеешься, старая шельма? Лучше пойдешь да загородку поправь — рябой всю разломал.

Пожалуй, впервые за свою жизнь упрямый молчун и пересмешник Мартин Полозок послушался женщины: перестал смеяться над человеческой глупостью, взял топор и потопал на Федорин двор, резонно подумав, что его ловкая соседка даже беду умеет повернуть себе в пользу. Через несколько минут в хлеву были прибиты оторванные жердочки, рябого кабанчика вместе загнали в закут, да и то после того, как там, в иглице с муравьями, хорошо попались куры. На бедняцком дворе, таким образом, установились согласие и порядок. Полозков топор возвратился в дровяной сарай, а хозяйка, успокоившись после неожиданной встряски, с нетерпением стала ждать лишнего куриного яйца, о котором со знанием дела намекнул сосед.

Не год и не два, а, наверно, с малых лет, как только взяла в руки серп, Федора жаждет разбогатеть, и над этим странным ее желанием давным-давно посмеиваются люди и в Малом Селе, и в Крутовичах, и Бог знает где еще.

Когда-то, чтобы заработать несколько золотых, она гнула спину в маёнтке па-на Обуховича, всю войну была поденщицей то у одного, то у другого богаченького, теперь вот изо дня в день раком стоит на колхозном поле, но всегда, как только приходит время подсчитывать прибыль, вдруг выясняется, что до сказочного богатства женщине не хватает как раз одного-единственного куриного яйца.

Не пророком оказался и Мартин Полозок, так как на следующий день после неслыханной расправы над мурашами яиц в гнезде лежало ровно столько, сколько было в хозяйстве кур. Федора шпионила на своем дворе, азартно бросалась в кусты, если слышалось там куриное бессмысленное кудахтанье, но напрасно — ничего лишнего нигде не находила. Ленивые куры не оставили хозяйке шанса разбогатеть, зато другая живность утешила печальную вдовину хату. С виду невзрачная, худая коровка оказалась очень удачной, *дойкой* на молоко: хватает и Федориной семье, и в Ганцевичи на базар можно когда-нибудь занести какие-то полкило масла. Рябой кабанчик, забыв про кусачих лесных мурашек, за лето вытянулся на пустой зелени, наел толстую шею: как повернется — трещит тесная загородка.

До поздней осени кабан-кормник жил не горюя, за два глотка опорожнял ведро с помоями, и, конечно, не знал он, не знал он, обжора, что в Москве его рябая шкура оценена очень высоко. Белокаменная столица вообще-то не запрещала Федоре заколоть и съесть своего откормленного кабана, однако распаневшая полешучка не должна забывать об интересах государства, это значит, забоину нужно обязательно облупить, а потом опытные сапожники пошьют замечательные хромовые сапоги если и не самому Сталину, так тоже очень большому начальнику. С таким неслыханным указанием по Малому Селу еще летом шлялся сельсоветский финагент Лакидон, убеждая селян, что “на этапе восстановления разрушенного войной народного хозяйства всем необходимо ужаться и употреблять сало исключительно без шкурки”. Федора знала, какое оно, сало, без хорошо пропеченной шкурки, и с немалым риском для себя обошлась простым выслушиванием сурового приказа, тем более что именно так поступили почти все малосельцы.

Перед самыми колядами Мартин Полозок, человек бывалый, среди ночи втихоря забил соседского кормника, осмолил на острове в Имшечке, чтобы из-за леса не было видно яркого пламени, а свежину Федора уже сама перевезла на саночках к хате. Сала, посоленного с толченым чесноком и кориандром, как раз хватило почти до нового забоя, а вот с мясом было хуже: получилась небольшая кадка, да и то без коптура, то есть без верха. Федора, кажется, не часто и ходила в кладовку, все берегла кусок полендвичи и подвяленного окорока, но как убережешь, если единственная дочка Ядзюня каждый раз сторожит скуповатую мать в двери кладовки:

— Мама, хочу менца!

— Нету менца. Солонины отщипну кусочек.

— Не хочу солонины! Менца дай!

— А моя ж ты Ядзюнька! Не хочешь солонины, то съешь гувна.

— Тогда иди на кирпичню и сама глину таскай.

— Ну, так и быть. Дам тебе менца. Но без спроса, дочушка, в кладовку не лезь, потому что нечего будет кинуть косцам в торбочку, когда поедут на болото.

Шляхетским языком, правда, перекрученным на полешущий лад и вкус, Федора сбилась с толку еще в польские времена, когда служила у помещика Обуховича и переняла чужеземный разговор от панской челяди. Ого, сколько воды уплыло в Кудахе, сколько грозных и кровавых событий произошло на белом свете, а те слова, услышанные в девичестве, почему-то не забываются. Федора и теперь, вспоминая свою службу в богатом поместье, на солнце говорит “слонце”, на мясо — “менца”, а Ядзюню, когда не в духе, называет и совсем обидно — “матолак”. Хорошо хоть дочка не обижается, поскольку не понимает, наверно, что мать обзывает ее обычной дурой. Уважение, если не сказать зависть, к шляхетскому языку не исчезли и с годами, может, потому, что в сознании Федоры этот необычный язык был связан с богатой, сытой жизнью. Две зимы бедная крестьянская девушка была

у Обуховича прислужой и вполне нагляделась, каких откормленных свиней забивают мордатые повара, как вкусно пан и пани едят, аж распирает их, а глядя на блеск и едва не царское убранство чужого поместья, ей тоже захотелось жить припеваючи, ну, не совсем чтобы дуреть от роскоши, но так, чтобы и самой, и детям не давиться всухомытку.

Пан Обухович, сухой и тонкий, как палка, разъезжал по окрестным селам на рессорной коляске, звал крестьян к себе в поместье: женщин нанимал жать рожь и копать бульбу, а мужчин — ремонтировать дом, пилить дрова и строительный лес для продажи за границу. И хотя помещик был очень строг и сердит, мог даже неожиданно перетянуть ремнем лодыря и лежебоку, местные люди шли на поденщину очень охотно — Обухович был не скуп и платил хорошо. Нельзя было сравнить заработки опытной жнеи и прислуги-сморкачки, но еще и сегодня, убираясь в хате, Федора натывается то на драное платье, то на искривившиеся отопки. Она уже и сама забыла, что покупала сама, что давала пани Тереза, что тайно дарил пан Обухович. Когда Ядзюни нет дома, Федора подолгу разглядывает старые транты, и ей, молчаливой и печальной, бывает непритворно стыдно, потому что пани Тереза вряд ли была бы столь легкой на подарки, если бы знала об ухаживаниях сластолюбивого помещика за миловидной и шустрой горничной.

Молоденькую дурочку пан Обухович так приручил, что она и сама уже не могла дожидаться, когда пани Тереза поедет куда-нибудь в гости или на прогулку, и бесстыже бросалась в объятия своего вельможного благодетеля, а после горячей, сладкой ночи осторожно кралась через лес в Малое Село, держа под мышкой то белую кофточку, то цветастый сарафан. Девичьих нарядов, собранных в основном за счет неумолимых панских ласк, было даже слишком много, чтобы с шиком, на манер богатой княжны выйти замуж за тихого, нескладного батрака Левона Чиркуна, опять же всяких платьев, а правильное, обносков с плеча пани Терезы хватило и на первые годы беззаботного замужества, и на беспросветные долгие годы военного лихолетья. По ниточке, по пуговичке, по большой дырке, которую уже зашить невозможно, исчезли те шикарные наряды, и теперь у Федоры от когдатошнего богатства ничего не осталось — только щемящие воспоминания, печаль да эти вот старые транты, что иной раз вытаскишь кочергой из темного угла. Давно нет Обуховича — еще при первых Советах всю панскую семью вывели в Казахстан, давно нет покладистого и доброго Левона — не вернулся с войны; пустое сердце, пустая хата, но есть у женщины высокие литые резиновые сапоги, которым, кажется, век не будет сноса и в которых одинаково удобно шлепать и в осеннюю слякоть, и в зимнюю стужу.

Однако всесезонным Федориным сапогам, измазанным то навозом, то грязью, в Малом Селе, к сожалению, никто не завидует, потому что теперь и молодые, и немолодые сельчане ходят в обуви одного фасона — то, что завезут в магазин, и кроме этих сапог-сорокоходов есть у Федоры очень ценная вещь: разрисованный красными цветами, окантованный белой жестью старинный сундук. Стоит он в светлице у стены, и пускай себе стоит, есть не просит. Поднимет хозяйка выпуклую крышку, молча вздохнет: на дне лежат два или три отреза полотна, домотканое одеяло, — а так красивый, как игрушка, сундук пуст, даже пауки успели заткать углы паутиной. Размалеванная деревянная коробка для шитого и тканого богатства перешла к Федоре, наверно, еще от бабули, но Ядзюня, это рыжеватое и веснушчатое создание, вертит нос, презрительно глядит на когдатошнее матерно приданое. Ей, видите ли, подавай фанерный магазинный шкаф на две створки, где есть и полочки, и вешалки для девичьих нарядов. Ничего плохого, конечно, нет в том, что дочка любит одеваться не хуже подруг и хочет иметь все, что имеют они. Одна беда: где набраться тех грошей, если за каждым рублем надо гоняться, как кот в хлеву гоняется за паршивцем воробьем.

Переборливой, капризной Ядзюне еще повезло, что после войны, когда понадобилось много кирпича, в Круговичах небольшую панскую кирпичню расширили, построили новые печи, раскопали глиняный карьер, и на этом самодельном заводике деревенские девчата могут заработать несколько сотен себе на расходы. Малосельские сезонщицы на кирпичню бегут еще с первыми

лучами солнца, бегут и гуртом, и поодиночке, кто по извилистой лесной дороге, а кто, как Ядзюня, на работу добирается напрямки, через болотистый, мрачный Имшечек. Летом по утрам все окрестности сотрясает зычный, басовитый гудок, установленный где-то на верхотуре красной трубы кирпични. Сперва Федора пугалась неожиданного гудка, потом привыкла, перестала сердиться на заводского крикуна: будит заспавшуюся Ядзюню, и то хорошо. Не сказать, что очень охотно подхватывается Ядзюня с кровати, умывается, одевается, еще минуту выкручивается перед зеркалом и уже на бегу хватает из шкафчика узелок с едой.

— Мама, а менца дала?

— Осталось немного после косцов, то и дала кусочек.

— А Манька Тодорчина еще и яйцо берет на полдник.

— Где ж я возьму яйцо? В воскресенье продала на базаре два десятка да и купила тебе сандалеты, — непритворно вздыхает Федора и, чтобы перехитрить Ядзюню, переводит разговор на другое: — Дочушка, ты б не ходила через лес. Ходи по дороге, где людей много. Еще волки нападут — развелось за войну погани этой.

— Волков, мама, Гаврила Трофимчик давно пострелял. Ледзя его хвалилась, что батька хочет теперь бобра взять — Ледзе на воротник пальто.

— Ишь ты! Когда-то, помню, только пани Тереза ходила в бобровой шубе.

— И я хочу быть такой гжэчнай, как твоя пани Тереза! — будто поддразнивает на пороге Ядзюня и берется за ручку. — Ну, до вечера.

— Иди уже, матолак, и не дури мне голову.

Непредсказуемость поведения дочери, ее странные привычки и совсем не крестьянские, а скорее панские желания все больше начинают тревожить Федору. Ядзюня любит поспать, и разбудить ее может разве что зычный гудок кирпични, Ядзюня кушать лишь бы что не хочет — мясо ей подавай, а нету, так хоть сама мать ложись в кубелец. Рядом с этим явным панством воспоминание о бобровой шубе кажется чистым вымогательством, и здесь уже, если разговор идет о такой дорогой вещи, даже гадать не надо, чья кровь течет в жилах дочери. Если раньше Федора еще сомневалась, и укору совести мучили мало, то теперь она краснеет перед портретом покойной Левона, от которого когда-то вынуждена была утаить тайну рождения Ядзюни. Безусловно, это непростительный грех и, наверно, поэтому великую грешницу обошло стороной счастье, а богатство как ветром сдуло. Поправить жизненные дела можно только одним способом: выгодно отдать Ядзюню замуж. Думать о дочкиной свадьбе пора, потому что из неуклюжего подростка она выкинулась в хорошую девку и подбирается уже к тому опасному возрасту, когда она сама безоглядно, бездумно, потеряв разум, бросилась в горячие, трепетные объятия пана Обуховича.

Незаметно для материнских глаз Ядзюня расцвела, как майская вишня: постройнела, порозовела, налились соком груди, и это еще не все, что должно расцвести в ней, так что больших забот с женихами, похоже, не будет. Только бы не промахнуться, не купить, как говорят, блудливого кота в мешке, да к тому же лодыря и дармоеда. Из немалой гурмы деревенских кавалеров надо выбрать самого лучшего, чтобы и хозяйственный был, и Ядзюню на руках носил, и, конечно, чтобы на тещу не поглядывал искоса. Втайне выбирая себе зятя, Федора вполне принимала разве только Алексея Хомутовича, сына когдатойшей своей приятельницы Алены. Рос парень, считай, на виду: и косы не избегал, и с плутом управлялся исправно, а из армии вернулся и вовсе большим грамотеем, потому и выбрали его сразу председателем малосельского колхоза. Русский, статный и лицом не плох. Хомутович ничего дурного людям не чинит, но и хорошего тоже не делает: гоняет на работу, кричит, если что не так, чуть не до белой горячки, но самое плохое у молодого председателя, что целыми днями гарцует он на вороном коне по Малому Селу как угорелый. Беды в этом, разумеется, нет: со временем Алексей повзрослеет, гонорливость пройдет, а вороной когда-нибудь сдохнет. Иные мысли волнуют Федору: замуж Ядзюне все ж таки рановато, не отгулялась еще девка на своих гульбищах, но ждать, пока нагуляется вволю, то-

же нельзя, такого видного и выгодного кавалера тут же перехватят опытные вертихвостки.

Заполучить в семейные тенета пристойного жениха можно различными чарами и заговоренными травами, но самый надежный способ — если сидит оболтус в красном углу и, смакуя то ветчину, то палендвицу, удивляется необычному радушию и гостеприимству своей будущей тещи. Именно таким способом Федора надеется если не теперь, то следующим летом залучить в хату Алексея Хомутовича и с некоторого времени держит в тесном закуте не одного, а двух поросят. Вечно голодные лычи за версту чуют хозяйку и визжат так, что трещит хлеб. Натопавшись на колхозной работе, Федора без злости кормит прожорливое зверье, рвет для них лебеду или суренку, а когда у свинства слишком мокро, устало бежит с мешком на болотце драть сухой мох. Назад возвращается осторожно, старается кустами обойти соседскую усадьбу, чтобы случайно не встретить въедливого Мартина Полозка. Этот сивоголовый вдовец обязательно спросит, что соседка несет, и будет долго хохотать, вспоминая, как однажды она подослала кабанчику иглицу с живыми мурашами.

В своем сарае Мартин Полозок прячет парничок и медный змеевик — эти весьма ходовые причиндалы у него придется когда-нибудь просить, вот почему хитрая бедолага молчит, ни слова не скажет про дурную насмешку. Захотела баба попасть в рай, но знает, что в рай не входят в лаптях, и еще — просто нутром чует, что бутылка крепкой, обжигающей, как перец, самогонки будущему зятю понравится больше, чем любые чары и заговоренная трава.

*Перевод с белорусского Олега Ждана*

ЕЛЕНА БОРИСЕВИЧ

## РОДИНА И ЛЮБОВЬ

\* \* \*

Любовь прошла. Переходить к проклятьям  
Пора бы. Но нет сил. И в языке  
Для мыслей злых нет пиджаков и платьев,  
Нет даже выкройки в моей пустой руке.

И нитей нет — связать в одно и злобу,  
И горечь, и отчаянье, и гнев.  
Нет соли — всыпать и испортить сдобу,  
И превратить в наичернейший хлеб.

Я всё оставлю так, как есть. Без воли,  
Без боли всё испортить. Перечсть —  
Историю несбывшейся любви?  
Переписать? — Не вздумаю посметь.

### ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Едва проснувшись, утром, в темноте,  
И красными — со сна — моргнув глазами,  
Мне светофоры — но уже не те —  
Сдавали по отечеству экзамен.  
Вели меня по улицам, дождём,  
Как нежностью, залитым, по проспектам,  
Проложенным низринутым вождём  
И сглаженным историей, как ветром.  
Мне небо плакало, уютно и тепло,  
И солью слёз, как соль земли, ведома,  
Я понимала, как мне повезло,  
Что я вернулась, что я здесь, я — дома.

\* \* \*

Я вернулась на родину — здесь я живу,  
На обрывках газет я читаю слова,  
И вдыхаю туман, ветер и синеву,  
И я снова жива, и я снова жива.

Мне чужбина успела перерезать часть вен,  
Пережать часть артерий, часть жизни забрать —  
И я здесь, чтобы выжить, вдохнуть и затем  
Позабыть — и воскреснуть, и жить продолжать.

\* \* \*

По лестнице, которой нет названья,  
По лестнице любви и ожидания,  
Повесив голову, шагаю втихомолку,  
Я — тишина, я — ржавая иголка  
В стогу соломы вечно золотой,  
Иду-бреду дорогой непростой.  
Мне нити не найти вовек, хоть сколько  
Бродить придётся по траве густой.  
Да, счастья нет, есть воля и покой,  
Но грош цена им без любви — и только.

\* \* \*

Перемолов в себе слова и звуки,  
Я перестану наконец искать  
В мирах других изученные руки,  
В другой стране — изученную стать.

Пучины снов отверзну — для дознанья,  
И для незнанья — извлеку на свет  
Любовь и нежность — крошку мирозданья,  
Так измельчив, что скажут — вовсе нет  
Ни теплоты, ни горя ожидания...  
Слова пришли. Но музыки в них нет.

СВЕТЛАНА ЕВСЕЕВА



## САМОСОЗНАНИЕ РОДСТВА

### ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Когда была Алёнушкой-сестрицей,  
Был у меня Иванушка, мой... брат.  
Шли годы... Волга стала заграницей  
Двоюродной — для Немана, Днепра.

...Италия. Австралия. Канада —  
Всё это было. За чертою той.  
Страна Серпа и Молота, однако,  
Была моей эпохой молодой.

Нас лето одевало в ситец платьиц,  
Носили мы без отчеств имена...  
Уже не здесь Иванушка, мой братец,  
А там, где спят былые времена.

О эти судьбоносные ошибки!  
Соль выплавав, глазами я суха.  
Поэт не существует по ошибке,  
Поэт — столица своего Стиха.

---

*ЕВСЕЕВА Светлана Георгиевна родилась в 1932 году в Ташкенте в семье военнослужащего. Окончила Ташкентский педагогический институт и Литинститут. Автор книг "Женщина под яблоней", "Евразия", "Последнее прощание" и др. Живёт в Минске.*

Иванушка, дыша Первопрестольной,  
Был в Колокол Поэзии влюблён,  
И я сама — звон этой Колокольни.  
Вечерний звон.

### ТРИ МОИ ПЕРСТА

Дарил свои хмельные соки  
Мне прошлый виноградный край...  
Злой Рок,  
        за прошлые пороки  
Своей кувалдой не карай!

Здесь подкормлю худую почву  
Золой вчерашнего костра,  
Рассаду заземлю,  
        щепотью  
Сложив  
        три правые перста.

Нет переписки с Небесами.  
Сама прибуду к ним письмом.  
Пишу письмо тремя перстами,  
Владея с детских лет пером.

...Как долго можно быть не хилой?  
Трудиться можно ли до ста?  
И —  
        два перста объединила  
Опорой третьего перста.

Нет Новостройки без изъяна.  
Был в эту спешным переезд.  
Я здесь —  
        не палец безымянный,  
Не одиночка — малый перст.

Не вымерзло в славянской доле  
Самосознание родства.  
Пять пальцев — от одной ладони,  
Не врозь — три родственных перста.

Себя учу:  
        “Жить надо складно.  
В любви руинам не клянись!”

Где обессилена кувалда,  
Там в силе  
        Творческая Кисть.

### СИЛА ПЕСНИ

Если голосу хочется петь,  
Песню надо уже начинать,  
Я прошла азиатскую степь,  
Чтобы корни свои отыскать.

Мне открыли свои имена  
Пашня, ягодник, поле, родник...  
Здесь века, создавая меня,  
Подарили мне русский язык.

Здесь вошла я в сады лучших дней,  
Над садами был звёздный навес,  
В ночь ранеты слетали с ветвей,  
Словно звёздная зрелость с небес.

Зная счастье и зная беду,  
Выхожу на дорогу свою.  
Я не падалица в саду:  
Не срывая свой голос, пою.

...Ум для сердца — товарищ и врач.  
Сердце — путник, ум — проводник.  
Что мне прах всех моих неудач!  
Моё счастье — мой русский язык.

В капитальном ремонте наш Дом,  
Это, верю, для жизни дано.  
Оттого не плутаю в былом,  
Что плохое забыто давно.

Красной Шапочкой к светлым лесам  
Тёмным лесом иду напрямик  
И пою всевозможным волкам:  
“Сила песни — правдивый язык”.

\* \* \*

По весне наши реки в разбеге,  
В океаны плывут наши реки.  
По весне жаждут рук наши руки  
После долгой-предолгой разлуки.

Я бледнею от нежности денно...  
Подо льдом жизнь реки потаенна.  
Я бледнею от нежности ночью...  
Лёд растаял. Течение мощно.  
И плыву к своему нареченному,

Вечной памятью прирученная,  
И на Чудо надеяться вправе,  
Потому что дышала для Яви.  
Явь душой обниму, как руками,  
В Океане, что дышит над нами.

ЕВА

Что такое Любовь?

Сверхъестественный дар.  
И жила, и живу этой верой.  
Подарил мне ребро первозданный Адам.  
Стала я первозданною Евой.

.....  
Ты — Мужчина. Я — Ева, твоё ребро.

Как бы мне доказать эту нежность?..  
Я бы выжгла на коже твоё тавро,  
Чтобы знали мою принадлежность!

Хорошо!

Позаботиться есть мне о ком.  
Хорошо быть для щедрого щедрой!  
Мой Адам силой разума взял и окно  
Прорубил в камне жизни пещерной.

Сам провёл в узел быта водопровод,  
В кухне кормятся газом горелки...  
Всё вокруг первородно из глины растёт:  
Мы, кувшины, плоды и тарелки.

Ты в укрытии редко. С утра на ветру.  
Я — лекарство для случаев грубых:  
В эти солнцепощёчины сливки вотру,  
Умашу мёдом жёсткие губы.

Каблучками я свой увеличила рост,  
Свой цветник на венки обобрала...  
Но... Где розовый цвет, там и колкости роз,  
Где пчела, там пчелиное жало.

Почему виноградника мне не дано?  
— Ты, когда весела, непослушна.  
— О Адам! Я мечтаю о времени том,  
Где Свободы бояться не нужно.

Я

Свободы боюсь!

Жив библейский запрет  
Для послушницы женской природы.  
Пусть для Евы другой созревает Ранет  
Запредельной злодобрый Свободы!

ВИТАЛИЙ ШЕВЦОВ



ЛЮБИМАЯ КНИГА

РАССКАЗ

Мой отец был офицером и служил в ракетных войсках. Перезезды к новому месту службы происходили у нас с завидной регулярностью, раз в два года. Поэтому мама шутливо называла нас военными путешественниками поневоле. Лично мне такие путешествия-перезезды были по душе. Новая школа, новые друзья...

Городской посёлок Слободка в Белоруссии. Военный городок. Вокруг лес. Летом — грибы, ягоды. Зимой — лыжи, санки. Там такие горки и трамплины на старом стрельбище! Семьями ходили туда кататься. А ещё озеро. Небольшое. В самом центре военного городка. Рыбалка отменная. Летом и осенью зеркальные карпы, карасики, плотва ловились прямо на пустой крючок. Зимой — каток. Днём в хоккей играли, а вечером под музыку военного духового оркестра катались на коньках.

Наша школа-восьмилетка располагалась в старинном одноэтажном деревянном здании, построенном в виде большой буквы П. Как потом я узнал, это был дом какого-то польского помещика, который жил в этой местности давным-давно. Таких деревянных школ уже нет. Это точно. Сейчас школы строят из стекла и бетона. Окна и двери из пластика. Полы, если не паркетные, то уж точно — ламинат. Ну, на худой конец, линолеум. Наверное, так и надо. Время сейчас другое. Только мне очень жалко школьную парту. И что бы там ни говорили в Министерстве просвещения об удобстве современной мебели для школьника — с отсутствием парт не соглашусь никогда. В той школьной парте всё было продумано до мелочей. Место для учебников и ручки, наклон для удобства правописания, крышка откидная, сиденье

---

*ШЕВЦОВ Виталий Евгеньевич родился в Риге в 1952 году. Из семьи военнослужащих. После окончания школы работал в Пинском народном театре. С 1986 года живёт в Калининграде. Работает в военном представительстве МО РФ. Член Союза писателей России. Председатель правления Калининградского регионального отделения СП России.*

удобное, для двоих, отполированное за годы учёбы не одним поколением школяров, а ещё спинка — это чтобы сколиоза не было. За такой партой сидеть развалившись было просто невозможно. А сейчас... Заходил я к внуку в школу. Сидят ребята за столами на стульях. Не то в школе они, не то в кафе. Портфели, ранцы на полу стоят. Раздуты от учебников, как сумки хозяйственные. Тут же, рядом — мешки, пакеты со сменной обувью... Чего не хватает? Спальных мешков?... Не так смешно, как грустно.

А наша школа... Я её часто вспоминаю. У нас во всех классах, учебных коридорах, учительской и даже в школьном буфете — можете себе представить? — на окнах были самые настоящие деревянные резные ставни! Те, кто учился во вторую смену, после уроков убрали за собой класс и запирали ставни на ночь изнутри на засов. А ещё в моей школе не было парового отопления, и поэтому в каждом классе стояла печка. До потолка — такая высокая. А потолки у нас в классах в высоту были метра три, это точно. Потому что дом старинный. Раньше так строили. Так вот, печки были облицованы кафелем, и все разные. Все — разного цвета. В нашем классе печка была белая. Ну, просто белоснежная. В соседнем с нами — фиолетовая. Даже чёрная была. А вот в учительской стоял самый настоящий камин. Отопительный сезон в школе начинался с первого октября и заканчивался в середине мая. Топились печки только дровами. И занимался этим ответственным делом школьный дворник, он же по совместительству истопник. Фигура, я вам скажу, загадочная. Судите сами. Независимо от поры года ходил он в одной и той же одежде: старая чёрная телогрейка, военные офицерские брюки-галифе, валенки, подшитые снизу резиной от старой автомобильной камеры, а на голове солдатская шапка-ушанка. “Зима, лето попугай! Зима, лето попугай!” — дразнила его малышня из начальных классов. Но ни я, ни мои друзья ни разу не заметили, чтобы печник, так мы его между собой называли, обиделся на малышей. Он даже улыбался иногда в ответ на их дразнилки. Я сам это не раз видел.

У нас в классе была масса предположений насчёт печника. Кто он такой? Почему работает в школе? В конце концов сошлись на том, что он фронтовик, у которого вся семья погибла во время войны. Правда, была одна очень интересная версия: печник — кладоискатель. Её предложил мой друг Андрияха Рогожников, с которым мы сидели за одной партой. Но от этой версии, как и от многих других, пришлось отказаться. Мы случайно узнали от технички тёти Кати, что печник живёт и работает в школе уже десять лет! За это время любой клад найти можно.

Как это часто бывает, всё тайное становится явным совершенно случайно и как бы само собой. Однажды в пятницу, на перемене после четвёртого урока, к нам в класс зашла наша классная руководительница Фаина Ивановна и объявила, что урока литературы не будет, потому что заболела учительница. Мы все, конечно, обрадовались. Литература была пятым уроком по расписанию, а это значило, что можно будет раньше уйти домой. Но Фаина Ивановна улыбнулась и сказала:

— Вместо литературы у вас сегодня будет урок внеклассного чтения, который проведёт наша заведующая школьной библиотекой Кира Ивановна.

— А что мы будем делать на этом уроке? Ведь мы к нему не готовились! — стал возмущаться Андрей и, толкнув меня локтем в бок, зашептал:

— Ну, чё ты молчишь? Поддерживай. Лучше на каток пойдём. В хоккей поиграем!

— На этом уроке вы, ребята, поговорите о своих любимых книгах, а Кира Ивановна познакомит вас с новыми книгами, которые недавно поступили в нашу библиотеку, — не обращая внимания на Андрея, закончила своё объявление Фаина Ивановна.

— Ну, всё! — вздохнул расстроенный Андрей. — Теперь наша “Энциклопедия” всю душу из нас за сорок пять минут вытащит своими рассказами. “Ах, Наташа Ростова!.. Ах, Чацкий!.. Карету мне, карету! Не опоздать бы мне к обеду!..”

— Рогожников! Прекрати кривляться.

— А я и не кривлюсь, Фаина Ивановна, — как ни в чём ни бывало пожал плечами Андрей. — Я классиков цитирую. Чё, нельзя что ли?

Читать художественную литературу Андрей не любил, а если что и читал, то только журналы: по авиамоделированию, “Технику — молодёжи”, “Науку и жизнь”. Забегая вперёд, скажу, что после окончания школы он поступил в лётное училище и, как и мечтал, стал военным лётчиком. Совсем недавно в интернете на страничке “Одноклассников” я узнал, что мой школьный друг и сосед по парте — военный лётчик первого класса Андрей Михайлович Рогожников — погиб в Афганистане...

А в тот день его “цитирование классиков” в очередной раз вызвало в классе хохот. Ну, умел он хохмить, за это его все и любили.

На огромной, почти на всю стену, географической карте мира, которая висела в нашем классе прямо напротив печки, Афганистан виделся нам в то время одним из многих маленьких государств, о местоположении которых мы знали только благодаря школьной программе. Ровно через двенадцать лет слово “Афганистан” в нашей стране будет знать и стар, и млад... А пока за окном был октябрь 1967 года, и ровно через пять минут должен был начаться тот самый памятный для меня урок внеклассного чтения.

— Жаль, не удалось классную уговорить, а так бы пошли на каток, в хоккей играть, — мечтательно произнёс Андрей. — Тоже мне, друг называется. Трудно было поддержать, что ли?..

Я не успел ему ничего сказать в ответ, потому что одновременно со звонком на урок в класс вошла Кира Ивановна. С первого дня, как я записался в школьную библиотеку, у меня с Кирией Ивановной сложились доверительные читательские отношения. Это когда можно не боясь высказывать своё личное мнение о прочитанной книге, даже если оно не совпадает с мнением “старших товарищей”. Например, лично я не люблю Анну Каренину, а Печорин, я вам скажу, ещё тот герой того времени.

Так вот, Кира Ивановна меня понимала, слушала и даже спорила, как с равным. Невысокого роста, седенькая старушка с удивительно добрыми, по-детски голубыми глазами. Настоящая хранительница книжницы, как говорил некогда Владимир Даль. “Читатель, мой мальчик, не имеет возраста. Перед книгой мы все равны”, — часто любила повторять Кира Ивановна. А “Энциклопедией” её за глаза прозвали ребята в школе за то, что она могла ответить на любой вопрос.

Урок внеклассного чтения уже подходил к концу, и если бы не Кира Ивановна, то мы бы все точно перессорились между собой, стараясь доказать друг другу, чья книга лучше. Андрей, просидевший весь урок надутым на меня, за то что я не поддержал его перед классной, и тот не выдержал и стал всем советовать — обязательно прочесть книгу о Валерии Чкалове. Мы так увлечённо спорили, что даже не обратили внимания на то, что в классе зашёл печник... Если честно признаться, то мы все к нему просто давно привыкли. Ну, ходит человек по классам во время уроков, следит за тем, чтобы нам тепло и уютно было учиться. Значит, так надо. Работа у него такая. “Тут ведь дело вот в чём, — популярно объяснил мне Андрей, когда я с удивлением в первый раз увидел появившегося во время урока в классе печника, — когда дрова в печке полностью перегорят, необходимо вовремя выюшка в дымоходе закрыть. А не то всё тепло в трубу вылетит. Понял?”

— Понял. А что такое выюшка? — чувствуя, что краснею, спросил я.

— Ну, ты и темнота городская! — удивлённо произнёс Андрей. — И чему вас только в городе учат! Выюшка — это такая чугунная заслонка в дымоходе, которую закрывают, чтобы тепло в печке оставалось. Теперь понял?

— Теперь понял, — окончательно покраснев, ответил я. Ну откуда мне было знать все эти печные премудрости. В тех школах, где я раньше учился, было паровое отопление.

— Ребята! Вы меня, признаюсь, удивили своими рассказами о ваших любимых книжках. У нас ещё есть время до конца урока, — Кира Ивановна посмотрела на часы, — и я вот что думаю: вам наверняка будет интересно узнать, а какая книга была самой любимой в детстве у нашего Виктора Ивановича?

В классе все стали удивлённо переглядываться, не понимая, о каком это Викторе Ивановиче говорит нам Кира Ивановна.

— Прошу вас, Виктор Иванович. Мы вас слушаем.

И только тогда, как говорится, дошло до ума, к кому Кира Ивановна об-

рашается по имени и отчеству. К печнику!!!

В классе наступила такая тишина, какая бывает только на контрольной по математике. Никто из нас не ожидал такого поворота событий к концу урока, и теперь всё наше внимание было сосредоточено на человеке, стоявшем у печки. По его лицу было видно, что он сильно волнуется. Оно и понятно, вопрос Киры Ивановны застал его врасплох. Наконец он решился. Сняв с головы шапку-ушанку и откашлявшись в кулак, Виктор Иванович тихо произнёс:

— Моей любимой книгой в детстве, ребята, была книга “О вкусной и здоровой пище”. Потому что...

Хохотал весь класс, и я в том числе. А Андрей — так тот от смеха аж под парту сполз.

— Ой, мамочки! Пирожки вы мои, котлетки любимые. Как же я вас люблю читать да перечитывать, — раздавались из-под парты, веселя весь класс, его причитания.

Все вдруг стали вспоминать разные смешные случаи из своей жизни, которые касались темы еды, и спешили рассказать их друг другу. Вот уж правду говорят: искра в стogu сена. Безудержное веселье захлестнуло класс. На какое-то время мы просто забыли, что находимся на уроке. Забыли о Кире Ивановне, о Викторе Ивановиче...

С материнской нежностью, полными слёз глазами смотрела на нас стоявшая у доски Кира Ивановна. Губы её беззвучно шевелились, и мне вдруг показалось, что я понимаю, о чём она хочет нам сказать: “Война! Война! Война!”.

А Виктор Иванович, прижавшись небритой щекой к белоснежному кафелю печки, просто улыбался, глядя на нас. Улыбался-то он, улыбался, а в глазах были тоже слёзы...

Не раз ещё потом, в моей взрослой жизни, встречались мне такие люди, как Виктор Иванович. С улыбкой на лице и со слезами на глазах. Сегодня даже песня об этих людях есть, и называется она “День Победы”. Хорошая песня о хороших людях. А что мы знаем об этих хороших людях? Так, общие факты из биографии... Родился, учился, работал, воевал... Живут они, кстати, рядом с нами, а не где-то там за тридевять земель. А мы не то что фамилий, имён и отчеств их, к своему стыду, часто не знаем. Они для нас все на одно лицо — ветераны. Нам бы у них, пока не поздно, научиться жизнь любить. Главное, не опоздать! День сегодняшний дороже “вечной памяти” по праздникам...

Прозвенел звонок, но никто из нас, как это бывало обычно после окончания уроков, не сорвался со своего места и не бросился наперегонки в школьный гардероб. Глядя на нас, можно было подумать, что мы вдруг все как один вспомнили главное школьное правило: “Звонок — для учителя, а не для учеников”.

Нет, конечно. Чего уж тут говорить, мы уже не первоклассники, которым палец покажи — и будут смеяться. Не сразу, но поняли, что у нашего печника Виктора Ивановича какая-то жизненная история с этой книгой о вкусной и здоровой пище случилась. А мы, не дослушав её до конца, своим “весельем без повода” обидели человека.

И тут на помощь нам пришла Кира Ивановна.

— Ребята! На этом наш урок закончен. — Тут она сделала небольшую паузу. — Но я вижу по вашим глазам, что вам хотелось бы дослушать до конца историю о любимой книге Виктора Ивановича. Ведь так?

— Так! Да! Хотим! — тут же с благодарностью за её поддержку отозвался весь класс.

Кира Ивановна подошла к печке, где всё ещё стоял Виктор Иванович, и, взяв его за руку, направилась с ним к доске.

— Может быть, как-нибудь в другой раз, Кира Ивановна? Ребятам домой пора, — пытался он возражать. — Да и стоит ли им об этом рассказывать?

— Стоит, Виктор Иванович, поверьте мне, об этом им стоит рассказать.

Об этом... Какое это удивительное русское слово. В нём, пожалуй, скрыта та самая правда нашей жизни, узнав которую, мы взрослеем не по годам и становимся мудрее.

— Моей любимой книгой в детстве была книга “О вкусной и здоровой пище”. Эта книга, ребята... — Виктор Иванович неожиданно закашлялся.

— Может быть, воды? — заботливо предложила Кира Ивановна.

— Нет-нет, — прижав руку к груди и превозмогая кашель, прошептал он. — Сейчас всё пройдёт. Это после ранения бывает так иногда.

“Ранен, ранен. Он был ранен”, — зашептались в классе.

— Ещё хоть слово кто скажет, будет иметь дело со мной, — строго сказал Андрей и в подтверждение серьёзности своих намерений погрозил всем кулаком.

— ...Эта книга спасла мне жизнь, и не один раз, — справился с приступом кашля Виктор Иванович. И стал рассказывать.

— В том году я заканчивал четвёртый класс. До начала каникул оставалась одна неделя, и я очень обрадовался, когда мама сказала, что мы уезжаем с ней к бабушке в Ленинград на всё лето. Помню, я тогда спросил у неё: “А почему папа не едет с нами в Ленинград?”. — “У него на заставе начинаются срочные военные манёвры”, — ответила мама и заплакала. Но я не обратил внимания на её слёзы, скорее побежал на улицу, чтобы сообщить своим друзьям о поездке в Ленинград и о том, что по этой причине в школу я завтра не пойду... На вокзале мама с папой о чём-то говорили, и мама опять плакала. Мне же было не до их прощаний. В это время я думал о том, как бы уговорить маму занять мне верхнюю полку в вагоне. Ведь с верхней полки так здорово, лёжа на животе, смотреть в окно.

Мне было одиннадцать лет, — тяжело вздохнув, произнёс Виктор Иванович, — всего одиннадцать лет, ребята...

Прошлое вдруг так ярко проступило в чертах его лица, что всем в классе без слов стало понятно, о чём он хотел нам сказать. Оглядев притихший класс, Виктор Иванович виновато улыбнулся:

— Что-то я тут не на шутку разговорился. Вам, наверное, это не интересно.

— Рассказывайте, рассказывайте! — зашумел весь класс. — Нам интересно!

Впервые взрослый мужчина разговаривал с нами на равных, доверяя нам, детям, самое дорогое, что было у него, свою семейную историю, которую он все эти годы бережно хранил в своём сердце.

— ...Через неделю началась война. Из Ленинграда мы с мамой и бабушкой никуда не эвакуировались. Почему, не знаю. А потом... потом была блокада. Осенью умерла бабушка. Наступила зима. Было очень холодно. За печку-буржуйку мама отдала свои золотые серёжки, обручальное кольцо и бабушкин перстень. Дров у нас не было, и потому свою печку мы топили мебелью, а потом паркетом. Когда паркет закончился, мы с мамой стали жечь книги из бабушкиной библиотеки. У бабушки была большая библиотека, её нам хватило почти на всю зиму. Тогда-то мне и попала в руки та самая книга — “О вкусной и здоровой пище”. Я не помню её автора. Такая толстая, старинная книга с картинками. Много-много разных картинок, на которых была нарисована еда: колбаса, масло, рыба, пироги, торты, разные фрукты... А самое главное, там был нарисован хлеб, такой настоящий, чёрный и белый... хлеб. Но больше всего я любил картинку, где был большой жареный гусь с яблоками!

Мама работала в военном госпитале санитаркой и приходила поздно, но я всегда её дождался. Она приносила хлеб, а иногда даже суп в банке. Мы садились у нашей печки-буржуйки и устраивали “пир на весь мир” — так любила говорить мама.

“Сегодня едим жареного гуся”, — объявлял я.

“Как, опять гуся? — улыбалась мама. — Ну что же, гуся так гуся. Только, чур, мне шейку и крылышки, а тебе всё остальное, сынок...”

Мы отламывали хлеб маленькими кусочками, клали их себе в рот, смотрели на картинку с жареным гусем и запивали наш ужин крутым кипятком. Так было теплее.

Под Новый год мама ушла за водой на Неву. Я прождал её два дня, но она так и не вернулась. И тогда я принял решение идти на поиски. Одевшись потеплее, я запахал свою любимую книгу за пазуху и отправился ис-

кать маму. Но как только я вышел на улицу, начался артиллерийский обстрел... Очнулся я уже в госпитале. Потом доктор сказал мне, что осколок от снаряда угодил в мою книгу и потому не попал в моё сердце. Так что мне повезло, а вот книге нет. По Дороге жизни через Ладожское озеро меня вместе с такими же мальчишками и девчонками вывезли из блокадного Ленинграда. Вот и вся история о моей любимой книге...

...Вечером на катке собрался весь наш класс. Мы тогда приняли решение взять над Виктором Ивановичем шефство, но только так, чтобы он об этом не догадался и не обиделся на нас. Девочки взяли на себя контроль за чистотой на школьном дворе, ну а мы, мальчишки, решили по очереди помогать Виктору Ивановичу колоть дрова и выносить золу из печек на школьный огород. Ленка Мирошник, дочка нашей “ботанички”, вспомнила, что у них дома есть точно такая же книга: “О вкусной и здоровой пище” — и предложила подарить её Виктору Ивановичу на память. Всё у нас получилось, как мы и задумали. Правда, Виктор Иванович наше шефство раскусил сразу, но виду не подал. Мы просто по-настоящему подружились с ним, а дружба — это большое дело.

Прошло детство. Многие события моей школьной жизни стёрлись из памяти, но никогда не забуду тот урок внеклассного чтения в нашем седьмом “Б” классе. Именно тогда мы поняли, что книга может быть настоящим другом и товарищем на всю жизнь. И ещё: главное в жизни — не опоздать дарить людям добро.

## НЕМЦЫ ПРИЕХАЛИ

### РАССКАЗ

Дмитрич сидел на веранде и смотрел на дождь, который собирался в лужи во дворе. “Надо будет канавку пропахать к дороге”, — подумал он. В свои 80 лет он везде любил порядок. Из комнаты раздался голос жены:

— Ну, ты завтракать будешь или нет?

— А что, твои сериалы уже закончились? — спросил Дмитрич.

— Закончились, закончились. Выходи из своего укрытия, — смеясь, ответила она.

Это началось у них еще с “Рабыни Изауры”, был такой бразильский сериал. Дмитрич так усердно его комментировал, что они даже поссорились с женой по этому поводу. И с тех пор в доме действовало негласное соглашение: утром жена смотрит свои сериалы, а вечером Дмитрич — передачи, которые нравились ему.

Сразу после войны, демобилизовавшись, юные супруги Соболевы приехали в Калининград. Восстанавливали разрушенный город, потом работали в стройтресте, да так и осели здесь навсегда. Сколько им ни предлагали переселиться в новый дом, который трест построил для ветеранов, они так и не захотели оставить этот старенький домик на окраине города. Так много было связано с ним в их жизни. Здесь прошла вся их молодость, родился сын Митя. Отсюда к нему и ходить близко — кладбище совсем рядом с домом.

Митька — сын. Как он мечтал о сыне! Когда Ефросинья родила, вся бригада гуляла у них неделю. Но на работу ходили исправно. Бригадиром он был строгим, за что и ценило начальство. Фронтная косточка — говорили о нём товарищи. Да, солдатом он был хорошим. И наград у него много — медаль “За отвагу”, орден “Красной звезды”, медаль “За победу над Германией”. У Ефросиньи — медалей не меньше, чем у мужа. Тоже воевала. А кому теперь эти ордена нужны?.. Вот сосед-пьянчужка свои продал на рынке, да еще и хвастать стал, мол, не мало ему отстегнул покупатель! Дмитрич за это палкой его отходил. Так тот в милицию нажаловался. Участ-

ковый пришёл, хотел протокол составить, а как узнал, в чём дело, махнул рукой и ушёл.

Митька — сын. Привезли из Афгана цинковый гроб...

— Ты где? Опять витаешь в облаках. Посмотри в окно, вон к Никитиным опять их немцы пожаловали.

— А тебе, что, Фрося, завидно, что ли? Они к себе на Родину приезжают. Ты к себе на Смоленщину вон в прошлом году ездила?

— Ездила! Так у меня там могилка отца и матери, брата Коли. Должна я была перед смертью попрощаться с ними или нет?

— Эх, Фрося! А они к своим могилкам едут. А мы эти могилки сровняли. Парк сделали, дети гуляют и не знают, что на костях аттракционы эти стоят. Вон на Гагарина ресторан поставили у автобазы, а там, говорят, тоже кладбище было. Не по-людски как-то.

— Ну и иди, целуйся с ними, жалостливый ты мой. Или забыл, кто тебе обе ноги прострелил?

Дмитрич резко вскочил из-за стола, кружка с чаем опрокинулась ему на брюки:

— Не смей! Не смей мне указывать. Я на фронте труса не праздновал. Война была.

Он закашлялся, замахал руками, хлопнул дверью и выскочил на двор.

Фрося села на стул, опустила руки на колени:

— Господи, опять поругались, и из-за чего, спрашивается, из-за немцев каких-то... Эх, Митя, сынок, нет тебя с нами. Вот и ругаемся с отцом твоим по-пустому. Был бы ты живой, всё по-другому было бы...

Она встала и открыла дверь в комнату сына. Митя смотрел на неё с фотографии, улыбаясь, военная форма сидела на нём ладно. Мать вспомнила, какой он был счастливый, когда ему досрочно присвоили звание капитана. А через месяц отправили в Афганистан.

Детские крики и визг прервали её воспоминания. Она подошла к окну. По лужам, которые разлил на дороге утренний дождик, носились соседские внуки. "Господи, ведь и у нас такие внучата могли бы быть..." — подумала Ефросинья.

Она вышла во двор. Дмитрич сгонял воду из луж через прокопанную канаву на улицу.

— Ну, не злись, слышишь, — обратилась к нему жена.

— А я не злюсь на тебя, Фрося, — он поднял голову. — Ты видишь, что сорванцы творят, ну, чертенята, влетит им сегодня от бабки.

Фрося присела на порог:

— А я бы их не ругала никогда.

— И я тоже, — ответил он.

Опустив со вздохом голову, незаметно смахнув набежавшие слезы и чувствуя, что жена сейчас заплачет, грубовато, чтоб как-то отвлечь её, сказал:

— Ну, чего ты тут расселась, осень ведь. Заболеть хочешь? — И добавил мягче: — Иди, Фросюшка, в дом, не рви сердце.

Всю ночь шел дождь. Однако утром выглянуло осеннее солнышко. Оно заиграло блестящими зайчиками в лужах и окнах домов.

Старики ещё с вечера решили сходить на кладбище. Фрося вышла в сад. Она аккуратно срезала десять красных астр. Капельки дождя переливались в ярких бутонах цветов.

— Господи, как слезинки, — сказала она. — Яблок сколько нападало. И куда их девать теперь?

Выбрав два самых крупных, не удержалась и присела на скамейку под яблоней. Митина антоновка. Солдатыкам своим любил носить в часть.

— Фрося, ты где, мы идём или нет? — услышала она голос мужа.

— Вот неугомонный, — с нежностью подумала она о нём.

На кладбище стояла особенная тишина, иногда нарушаемая чириканьем птиц или звуками проезжающих автомашин. Заботливо вырвав траву, которая пробилась среди могильных плит, и разложив астры, они долго ещё сидели молча, прижавшись друг к другу на скамеечке, и смотрели на обелиск, мысленно разговаривая с сыном, каждый о своём.

Подходя к дому, они увидели белый “Мерседес” и людей, стоящих у ворот. Навстречу на велосипеде ехал местный пьянчужка Семён.

— Теть Фрося, а к вам немцы приехали, с вас причитается, — заискивающе объявил он им.

— Ну вот, дождался гостей, старый чёрт, иди встречай, — с какой-то обидой вырвалось у Ефросиньи.

— Какие гости, ты что, тут разобраться надо. — Дмитрич растерялся.

Не зная, что делать дальше, они остановились. Но навстречу им уже спешил высокий молодой человек в светлом плаще.

— Здравствуйте! — он пожал руку Дмитричу и попытался поцеловать руку его жене. Она испуганно отдернула её.

К Дмитричу вернулось его спокойствие.

— Слушаю вас, молодой человек, — начал он. Но тот бесцеремонно перебил его.

— Уважаемая семья Соболевых, я представитель туристической фирмы “Европа”, которая осуществляет туры граждан Германии в Калининградскую область. У вас сегодня счастливый день, вы можете, наконец, встретиться с четой Мюллер, бывшими хозяевами этого дома, которые проживали здесь до... — и тут он сбился. Чувствовалось, что он не может подобрать выражение, которое устроило бы обе стороны.

— Вы хотите сказать, до нашей Победы над фашизмом, — перешла в наступление Фрося.

— Ну, как вам сказать, что-то в этом роде, — промямлил турагент.

— Вроде — говоришь... Говнюк ты после этих слов! Да за это “вроде” больше 20 миллионов полегло! — Дмитрич размахнулся палкой, но Фрося схватила его за руку и зашептала:

— Угомонись, люди вокруг.

И правда, из-за заборов выглядывали лица соседей. Перед калиткой, смешно взявшись за руки, стояли два старых человека. Видно было, что они растеряны. И это вернуло самообладание Дмитричу.

— Здравствуйте, господа хорошие, или как там, если мне не изменяет память, — “Гутен таг”, — он открыл калитку и жестом пригласил пройти во двор.

Первой вошла старушка, следом за ней несмело, оглянувшись на Дмитрича, вошёл старик. Они остановились посреди двора.

— Ну, что вы стоите, проходите в дом, — натянутым голосом произнес Дмитрич и захлопнул калитку перед носом турагента: — Без тебя, паразит, обойдёмся.

Старик что-то коротко сказал по-немецки, турагент развёл руками и отступил к машине.

— Что ты, дурья башка, наделал, как будешь с ними говорить без переводчика, — толкнула в бок мужа Фрося.

— Мы с Мартой знаем немного русский язык. Я есть Генрих, — тихим голосом произнёс немец.

— Ну, если так, то мы, значит, Жёня и Фрося, стало быть.

Немец, улыбаясь, протянул руку, и Дмитрич, секунду поколебавшись, протянул свою. Они обменялись крепким рукопожатием.

— Проходите в дом, а то тут вся улица сбежалась на смотрины. Я чай поставлю, там и поговорим, — и Фрося, открыв дверь, первая шагнула через порог.

— Мы можем посмотреть дом? — как бы извиняясь, произнёс Генрих.

— Пожалуйста, смотрите, только не обессудьте, у нас не прибрано, — начала Фрося.

— Цыть, не мельтеши. Не музей. Пускай смотрят, как есть, — остановил её окриком Дмитрич.

Молчавшая до этого времени Марта осторожно, будто боясь что-то раздавить на полу, маленькими шажками подошла к кафельной печке, которая занимала большую часть комнаты и, прижавшись к ней, вдруг тонким голосом заплакала. Генрих быстро подошёл к ней, обнял и стал что-то шептать на ухо, потом повернулся и извиняющимся голосом сказал:

— Прошу извинить, пожалуйста, майне фрау, она немножко вспомнила себя в нашем доме.

Дмитрич, понимая, что надо как-то разрядить эту обстановку, вдруг сказал:

— Вы тут, значит, давайте сами походите, а мы с Фросюшкой в сад за яблоками сходим, жуть сколько за ночь нападало.

Генрих не ожидал встретить в своем доме таких же, как он с Мартой, стариков. По возрасту они были одногодки. Значит, война в их жизни сыграла немалую роль. Что они думают, как поведут себя? Нет, он постарается объяснить этим старикам, что им ничего не надо, они с Мартой просто хотят посмотреть свой дом, в котором были когда-то счастливы...

От этих тягостных размышлений его оторвал голос жены: “Генрих, пойдём в комнату Вилли”.

Они подошли к двери в детскую, и Марта, осторожно открыв ее, вскрикнула:

— Майн готт, Генрих, это их сын, он русский офицер, — но, увидев траурную ленточку на портрете, вопросительно повернулась к мужу.

— Марта, их сын погиб.

Набрав полную корзину яблок, Дмитрич и Фрося вошли в дом. Стояла тишина.

— Дмитрич, они что, уехали? — спросила Фрося.

Дверь в комнату Мити была открыта. На кровати их сына, крепко обнявшись, плакали два пожилых человека. Фрося захлопала носом за спиной Дмитрича. Старики встрепенулись и виновато, как провинившиеся дети, стесняясь, что их застали за чем-то неожиданным, встали. От растерянности оба, мешая немецкие и русские слова, стали извиняться:

— То есть комната наш сын, Вилли. Извините нас, это нервы. Наш мальчик погиб, ему было три года. Налёт британской авиации...

Дмитрич начал что-то искать в карманах, потом обратился к Генриху:

— Пойдём, как там тебя, Генрих, покурим. Женщины, они тут сами поговорят.

Они вышли во двор, Генрих виновато развёл руками:

— Я не курю, сердце.

— А я вот с тех самых пор и курю.

Дмитрич достал пачку “Беломора” и закурил. Неожиданно Генрих взял из рук Дмитрича пачку, ловким щелчком выбил папироску, размял её между пальцев, сделал “козью ножку” и, прикурив, жадно затянулся.

— Вот-те раз, а говорил, не куришь, — усмехнувшись, произнёс Дмитрич.

— С тех самых пор я не курил “Беломор”. Сибирь-матушка, русский мороз-дядюшка, медведь-батюшка, топор — брат родной, — вдруг без акцента, нараспев произнёс Генрих.

— Значит, бывал у нас, коль так шпрехаешь по-нашему. А где, если не секрет? Может, пути-дорожки наши пересекались? — запыхтел папиросой Дмитрич.

— Ленинград—Сибирь...

— Хорошие университеты прошёл, а я вот южнее был. Первый Украинский. Закончил в Будапеште, там меня и зацепило.

Дальше курили молча. Каждый из них думал о своём. И недоверие друг к другу постепенно уходило вместе с дымом папирос. Из дома Фрося позвала пить чай.

Разговор за столом явно не клеился, и гости начали собираться.

Растерянные от этой неожиданной встречи, оказавшиеся в этот вечер по воле судьбы вместе в этом небольшом стареньком домике на бывшей окраине Кёнигсберга, а теперь в центре обступившего дом нового микрорайона Калининграда, стояли они друг перед другом — бывшие когда-то враги, а теперь просто пожилые люди...

**ВИКТОР ВЕРСТАКОВ**



## ПРОТЯНЕМ ОГНЕННЫЕ РУКИ

### МЫ И ОНИ

Боялись атомной войны,  
ракетный щит ковали,  
покуда сукины сыны  
на кухнях завывали.

Шестидесятники, шенки,  
питавшиеся кровью  
насквозь прокушенной руки,  
протянутой с любовью.

Россия им была чужда,  
они другой породы,  
шестиконечная звезда  
манила их сквозь годы.

А мы? Мы слушали их вой  
и утешали даже,  
свои ракеты под Москвой  
еще держа на страже.

---

*ВЕРСТАКОВ Виктор Глебович родился в 1951 г. в семье офицера. Окончил Военно-инженерную академию им. Дзержинского, полковник запаса. Автор нескольких стихотворных книг. Член Союза писателей России. Живет в Москве и тверской деревне Бирюльки.*

Щенки нагтели и росли,  
на нас со злобой глядя,  
одну шестую часть Земли  
гнилой слюной загадя.

И воют по ночам в Кремле,  
грозя нам, что к рассвету  
сгрызут на стартовом столе  
последнюю ракету.

## НЕОФИТ

Полковник бормочет псалмы,  
уныло бренча на гитаре.  
Впервые увиделись мы  
на давней войне, в Кандагаре.

Он был капитаном тогда —  
веселым, красивым, жестоким,  
с боями входя в города  
на Среднем и Ближнем Востоке.

Молитвы не знал ни одной,  
зато знал бойцов поименно,  
был пулей пробит разрывной,  
контужен фугасной волной,  
но не покидал батальона.

В бою матерился, ярься,  
в тылу не терпел междометий,  
вступил с медсестричкою в связь,  
потом со второю и третьей.

Карьеры не сделал, хотя  
в полковники все-таки вышел.  
И вот говорит не шутя,  
что Господа Бога расслышал.

А я говорю, что страну  
напрасно мы сдали без боя,  
что зря на свою седину  
ссылаемся перед судьбою.

А он говорит, что грехи  
замаливать время пробило.  
И снова бормочет стихи,  
бренча на гитаре уныло.

## ВАГАНЬКОВО

*Памяти Юрия Казакова*

К ней не расчищены дорожки.  
Метелями занесена,  
на схеме около сторожки  
не обозначена она.

И пробираясь по сугробам,  
протискиваясь меж оград,  
я думаю с невольной злобой  
о людях, что вдали шумят.

Им и на кладбище кумиры —  
актеры, барды, трепачи,  
на чьи последние квартиры  
дорог протоптаны лучи.

Господь воздаст и тем и этим —  
ушедшим и пришедшим к ним.  
...Он тихо жил на белом свете,  
высоким гением храним.

\* \* \*

Правда не в ненависти и не в силе.  
Пусть вы у цели почти, —  
кости обглоданной вами России  
встанут у вас на пути.

И не помогут оружие и злато  
вам на погостах земли,  
где вас, иуды, спасли мы когда-то  
от европейской петли.

\* \* \*

Окончив суету земную,  
я робко начал жизнь иную —  
без упований и страстей  
и политических вестей.

В деревне с именем Бирюльки  
сбиваю по весне сосульки,  
картошку ем, рублю дрова,  
пишу заветные слова.

Без радио, без интернета,  
без электрического света —  
во тьме живу, хоть провода  
и оживают иногда.

Зато есть озеро и поле,  
а главное — покой и воля,  
о коих говорил поэт  
тому назад две сотни лет.

Его убили на дуэли.  
А я умру в своей постели  
или на озере умру,  
рыбача в лодке поутру.

Ну а пока живу не плохо,  
вот разве что кляню эпоху,  
себя, друзей, однополчан,  
страну отдавших сволочам.

## ТОЛЯСИК

Деревенский дурачок —  
на лице улыбка —  
бросил в озеро крючок,  
чтоб ловилась рыбка.

Ни червя, ни поплавка  
дураку не надо.  
Как улыбка широка!  
Сердце тоже радо.

— Эй, Толястик, как дела?  
— Хорошо. Рыбачу. —  
С ним авария была  
и болезнь впридачу.

Покалечено бедро,  
левый глаз не видит.  
Но зато он весь — добро,  
мухи не обидит.

Правда, может в дом скользнуть,  
если дверь открыта,  
и бутылку умыкнуть:  
зря, мол, не допита.

Вновь на озеро придет,  
удочку забросит,  
весь в улыбке расцветет,  
закурить попросит.

\* \* \*

Сколько снегу навалило  
и печалей намело!  
Сердце начисто забыло  
прошлогоднее тепло.

Выгребаю из сугроба  
отсыревшие дрова,  
чтоб от холода и злобы  
не кружилась голова.

Неужели и природа  
на Руси сошла с ума  
и в другое время года  
перекинулась зима,

и в 2010-м  
зря за стенами Кремля  
дрогнула под супостатом  
раскаленная земля?

## ОДИНОЧЕСТВО

“А у меня умирает собака...”  
Плачущий голос. Далекий. Родной.  
Долго она собиралась, однако,  
поговорить и поплакать со мной.

Что ей скажу? Тишина в телефоне.  
Сколько же лет нашей вечной любви?  
Вот и судьба уже вся на ладони —  
Богу хоть завтра ее предъяви.

Времени нет на высокие страсти,  
низкие страсти давно не к лицу,  
скоро в чистилищной воинской части  
строиться мне на небесном плацу.

А у неё умирает собака!..  
Господи Боже, прости нам грехи.  
Как же она одинока, однако,  
как же дела мои в мире плохи.

\* \* \*

Вечер, всплески Вечного огня,  
шорох листьев, мраморные плиты.  
Есть еще надежда у меня,  
что и мы не будем позабыты.

Дальний наш потомок в некий год,  
девушке назначивший свиданье,  
к лазерным скульптурам подойдет,  
сокращая время ожидания.

Встанем, как живые, перед ним —  
верю в достижения науки! —  
Даже, может быть, заговорим  
и протянем огненные руки.

С чудесами этими знаком,  
он ответит на рукопожатье,  
впрочем, глядя в сторону тайком:  
не мелькнет ли дорогое платье?

Я готов хоть нынче умереть,  
чтоб увидеть их перед собою...  
Но сначала нужно дотерпеть  
до исхода завтрашнего боя.

---

---

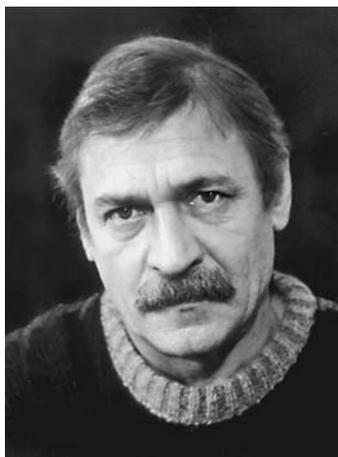
Поздравляем нашего дорогого друга и соратника с 60-летием!

Редакция “Нашего современника”

# ПОЭЗИЯ

К 65-летию со дня рождения

**НИКОЛАЙ ШИПИЛОВ**



## МЫ ВЕЛИКОЙ РОССИИ ОДОНЬЯ...

**ВАНЬКА ЖУКОВ**

*Ивану Овчинникову*

Друг мой, Ванька, Ванька Жуков,  
Мне сегодня грустно, жутко...  
Даже некому не в шутку  
Написать десяток фраз.  
Я не знаю, что случилось —  
Жизнь, как “мессер”, задымилась...  
Сделай Божецкую милость —  
Приезжай ко мне сейчас.

Я куплю крючки и лески,  
Леденцы и в цирк билеты,  
Золочёные орехи  
И зелёный сундучок.  
Мы поедем по железке  
На другой конец планеты,

---

*ШИПИЛОВ Николай Александрович (1946—2009) — автор нескольких книг прозы (“Ночное зрение”, “Пятый ассистент”, “Шарабан”), поэт редкого песенного дарования, автор-исполнитель собственных сочинений, он объездил всю Россию и нашёл последний жизненный и посмертный приют в Беларуси, в Белой Руси... Эту подборку песен журнал публикует в память о нашем друге.*

И на прошлые огрехи  
Плюнем мы через плечо!

Пусть придут из райсобеса  
Секретарь и участковый —  
Где же им понять, повесам,  
Чудакам городовым:  
Пусть я не имею веса,  
Пусть я в жизни бестолковый,  
Но тебя не дам в обиду  
Я ни мёртвым, ни живым!

А пока — писать кончаю,  
До свиданья, друг Ванюшка.  
Я ночую у подружки,  
Ей мешает верхний свет.  
А мне сейчас бы рюмку чаю...  
Или лучше — водки кружку  
И любимую игрушку —  
Пачку крепких сигарет.

*1976 г.*

### КОСИ, КОСА

Я с покоса — и домой.  
Дома — мама, ангел мой.  
Дома ходики с кукушкой  
Накукуют тыщу лет.  
Я бегу — гора крута.  
Гимнастёрка налита  
Алым заревом заката  
Или кровушкой комбата,  
Коль пробит бронезилет.

Коси, коса, пока роса,  
Роса долой — и мы  
Домой...

А наутро, на заре  
Вижу — мама на дворе...  
Батя смотрит исподлобья,  
Словно из-под козырька.  
Отчего так скорбен рот?  
Отчего кругом народ?  
Отчего так воют бабы  
У завешенных зеркал?

Коси, коса, пока роса,  
Роса долой — и мы  
Домой...

Это, милые, покос.  
В низком небе рёв стрекоз.  
Им, наверно, видно сверху:  
Кто на фронте — кто в тылах.  
Нынче снова при делах  
Их таинственный аллах...

Он потери не считает,  
И ложится снег, не тает  
На мальчишеских телах...

Коси, коса, пока роса,  
Роса долой — и мы  
Домой...

## ЗОЛОТАЯ МОЯ

*Тане Дашкевич*

Словно старую книгу листая,  
Вижу строки и знаю — о ком:  
“...Не вернётся вчерашняя стая  
За подбитым своим вожаком...”  
Не вернётся вчерашняя стая,  
Чтобы в прошлое нас унести...  
Золотая моя, золотая:  
Потерпи, потерпи — не грусти.

Наша стая не в раз поредела.  
Кто подбит, кто в тоске изнемог.  
Мы взлетели — нам плёвое дело,  
А Россия ушла из-под ног.  
До Урала уйдём, до Алтая,  
Из России гонимые вон!  
Золотая моя, золотая —  
Потерпи, потерпи... ничего...

Исповедуюсь с именем Бога  
Тихим пажитям, теням Москвы.  
Каюсь: слов произнесено много,  
Но мертвы они — каюсь! — мертвы.  
И осенние дни коротая,  
Мы с тобой, как былинки, сплелись.  
Золотая моя, золотая!  
Помолись же за нас, помолись!..

И огладив сухую ладонью  
Гриф гитары, шепчу я с трудом:  
Мы великой России одонья,  
Промотавшие Бога и дом.  
И пожарищ огнём налитая,  
Ты на шею мне кинешься: “Ах!”  
Золотая моя, золотая,  
Видно, наши давно в небесах...

И давно уже лет не считая,  
Я надеюсь, что новый, иной,  
В одиночный полёт улетаю,  
Повстречается в небе со мной.  
Скажет он, что Россия святая  
Расцвела после новой войны!  
Золотая моя, золотая —  
Это сны, это только лишь сны.

## ИЗ ПЕСЕН О МОСКОВСКОМ ВОССТАНИИ 1993 ГОДА

Там, на улице Народной, старый дом стоял.  
Я на улице Народной перед ним стоял.  
Ни на что уже не годный перед ним стоял.  
От земных забот свободный перед ним стоял.

Там кукушка не кукует — время не бежит.  
Никого не упакует в “дурку” старый жид.  
Не поют “Галину Бланку”, не кричат: буль-буль!  
Но бежал я на Таганку от октябрьских пуль.

По Москве гуляли танки, — а я всё стоял.  
Перед домом на Таганке — всё ещё стоял.  
А когда-то бомжи, панки там, где я стоял,  
Ночевали, врезав ханки или спирт “ройял”.

Но ни Мишки, ни Андрюшки в доме больше нет.  
Нет подушки, нет подружки с пачкой сигарет.  
Одеяло убежало, как сказал поэт.  
Ни привета, ни приюта — где ты, тихий свет?

Спят усталые игрушки — пушки тоже спят.  
Нет ни Мишки, ни Андрюшки — нет уже ребят...  
Но кружу я возле дома, хоть меня убей!  
Всё мне кажется, что здесь — и небо голубей!

И кружу я, и кружу я, хоть меня убей!  
И кружу я, как служу я Родине моей...

### В РАЙОННОЙ ГОСТИНИЦЕ

Зимовать остаются мосты...  
Всё бело за оконными рамами...  
Мужики переходят на “ты”,  
Поделившись остатными граммами.  
Зимовать остаются мосты...  
Не взволнуется кровь телеграммами..  
Мужики похваляются шрамами —  
Кто рубаху сорвёт, кто — порты...

Зимовать остаются кресты  
На погосте, на дальней окраине...  
Мужики уж “выносят святых” —  
Молодые попались да ранние.  
Зимовать только здесь я смогу, —  
В городке со старинными храмами.  
Мужики уже спят,  
Мужики — ни гу-гу,  
В потолки поуставились шрамами.

Если бы в этом городе ты  
Появилась из мрака и стылости!  
Поминальные свечи чисты,  
Ещё столько же роздано милостынь...  
Мне сейчас бы твоей чистоты,  
Твоей слабой улыбки свечения,  
Но зимуют мосты,  
Но зимуют кресты,  
Но зимуют погосты вечерние...

Зимовать... Зимовать вопреки  
Той тревоге, крадущейся тению...  
Громко спят мужики,  
И храпят мужики,  
А меня навещает забвение.

### БАЛАГАН

Скоро, скоро на выборá  
Отправляется наш барак,  
Каждый думает, что пора —  
Ходит в поисках штопора.  
За дебатами бурными,  
За прозрачными урнами,  
Попрощаемся сообща  
С интересами шкурными.

А как солнце закатится  
За гору терриконную,  
Выпьем рюмочку, Катенька,  
За эту власть раззаконную.  
И в постель, как на каторгу,  
Как на смену, как в очередь...  
Только Катенька, Катенька,

Мне не надобно дочери...

Лучше серость шинельная,  
Чем дежурство панельное,  
Лучше морды похмельные,  
Чем рекорды постельные.  
Так что, Катя, родимая  
Раскрасавица ты моя,  
Позабудь свои бредни, как  
Бы родить мне наследника.

Балаган Балаганович —  
Без конца представление,  
А Наган, бишь, Наганович, —  
Он хозяин правления.  
Потребляем под радио  
Макароны без мяса мы  
И следим за нарядными,  
За народными массаами.

Где-то баксы зелёные,  
Где-то слёзы солёные,  
Мужички никудышные  
Хлещут водки палёные.  
Но, не сбросив передника,  
В это месиво, сечево,  
Ты родишь мне наследника.  
Жаль, наследовать нечего...

*2003 г.*

ОЛЕГ ПРОЛЕСКОВСКИЙ, ЛЕВ КРИШТАПОВИЧ

## ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ ИДЕЙ

Важнейшим благоприятным фактором для развития интеграционных процессов является накопленный за многие века опыт интеграции – межэтнического и межгосударственного сотрудничества, преодоления разногласий и конфликтов, поиска взаимоприемлемых компромиссов.

Беларусь и Россия одними из первых государств СНГ осознали необходимость более тесной двусторонней интеграции. Этому способствовали следующие факторы:

1. Историческое и ментальное единство Беларуси и России.
2. Тесные экономические, политические, научные, культурные и человеческие связи, сформированные во времена СССР.
3. Общее геополитическое пространство (транспортная система, система нефте- и газопроводов, единая система обороны на западном направлении).
4. Единая воля народов двух государств.

**8 декабря 1999 г.** – дата подписания **Договора о создании Союзного государства** – войдет в историю белорусско-российских отношений как день важных политических решений. Четырехлетний период активного сотрудничества двух государств завершился обменом ратификационными грамотами и вступлением Договора о создании Союзного государства в силу. В главе 1 Договора о создании Союзного государства отмечается: “Российская Федерация и Республика Беларусь создают Союзное государство, которое знаменует собой новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство”

Союзное государство Беларуси и России объективно усиливает объединительные процессы на постсоветском пространстве. В заявлении съезда славянских народов Беларуси, России, Украины говорится: “Время вновь ставит в число неотложных вопросов объединение славянских народов и в первую очередь украинцев, белорусов и русских, оказавшихся под открытым давлением западной цивилизации. Славяне должны и могут обеспечить своим государствам и народам безопасное будущее и достойное место в современном мире. Для этого необходимо задействовать громадный созидательный потенциал подлинно народной воли, социально-политической активности граждан наших стран”.

---

*ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег Витольдович — министр информации Республики Беларусь. КРИШТАПОВИЧ Лев Евстафьевич — доктор философских наук, заместитель директора Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь.*

Программа действий Республики Беларусь и Российской Федерации по реализации его положений ознаменовала выход наших стран на новый уровень союзных отношений. Беларусь и Россия поставили перед собой задачи создания единого экономического пространства, обеспечивающего свободное перемещение товаров, услуг, капиталов, рабочей силы, равные условия и гарантии для деятельности хозяйствующих субъектов, обеспечения равных прав граждан.

При строительстве Союзного государства Беларуси и России, являющегося в обозримом будущем необходимым условием обеспечения национальной безопасности и национальных интересов обоих государств, следует учитывать, что каждое из этих государств представляет собой цивилизационный организм, имеющий историческое, языковое, духовное и культурное единство. Только проводимое на таких предпосылках союзное строительство может быть процессом, направленным на практическую реализацию национальных интересов двух стран.

Белорусско-российский интеграционный процесс был инициирован в целях обеспечения устойчивого социально-экономического развития, повышения благосостояния, обеспечения безопасности белорусского и российского народов. Этим объясняется стабильная общественная поддержка объединительных инициатив в двух государствах.

Противники союзного строительства неизменно указывают на несоответствие экономических систем двух государств; акцентируют внимание на “невыгодности” для российской экономики равноправного союза с Беларусью. Подобная позиция вуализируется красивым словом “прагматизм”, включенным в политический лексикон отдельными представителями политической элиты в России, на словах заботящимися о соблюдении национальных интересов своей страны, но не усвоившими суть данного понятия, которая заключается в соответствии его содержания реальной практике. Необходимо понять, что всякие попытки рассматривать взаимоотношения Беларуси и России в русле прагматизма являются абсолютно некорректными.

Что такое прагматичная политика? Это политика на основании компромисса. Она базируется на логике *do ut des* (даю, чтобы и ты дал; уступаю, чтобы и ты уступил). К примеру, взаимоотношения между Россией и США, Россией и Германией, Россией и Англией, разумеется, должны строиться на прагматическом подходе.

Но достаточно ли такого подхода при анализе союзного строительства? В том-то и дело, что абсолютно недостаточно. Ибо белорусский интерес и российский интерес – это, по сути, один и тот же национальный интерес. Нам незначает примирять их, поскольку они объективно совпадают. Как мы говорим: хорошо России – хорошо Беларуси. Аналогично и обратное. Неслучайно Президент А. Г. Лукашенко постоянно подчеркивает, что “белорусский народ и русский – один народ”, что “Россия всегда есть и будет нашим традиционным, братским, родным государством”, что “нет более пророссийского человека в Беларуси, чем её Президент”. Эти слова не следует рассматривать как некие дипломатические реверансы, формальные комплименты по отношению к России, это наша ментальная характеристика, вытекающая именно из природы союзности белорусско-российских отношений. Поэтому белорусский Президент вполне резонно сомневается в необходимости прагматизации отношений Беларуси и России: “Кто его знает, нужен ли нам этот подход в наших отношениях между двумя исторически и духовно близкими государствами и народами? Не все, конечно, можно измерить рублем, долларом или, если хотите, кубометрами газа”. На встрече 26 августа 2010 г. с руководителем Курской области Александром Михайловым Президент Беларуси в очередной раз подчеркнул, что “нет такой силы и таких политиков, которые бы могли разорвать нашу дружбу, наше братство”.

Разумеется, те силы, которые активно участвовали в разрушении Советского Союза, стремятся не допустить интеграции постсоветского пространства, пытаются торпедировать процесс союзного строительства. Они бы хотели геополитическую катастрофу XX века трансформировать в геополитическую катастрофу XXI века, то есть разрушение самой России.

Противники Союзного государства применяют два приема противодействия союзному строительству.

Первый прием исходит от определенных антисоюзных групп (экономических, политических, информационных) в России, которые пытаются предста-

вить Беларусь на хлебнице России. Российскому общественному мнению они внушают ложную идею о несостоятельности, обременительности интеграции, поскольку она сводится лишь к ненужным финансовым растратам. Спекулируя на возникающих трениях между высшим политическим руководством России и Беларуси, они прямо заявляют, что “единое государство с Белоруссией” – это миф, и пора, дескать, “развеять этот миф, закрыть мертворожденный проект”. Об этом прямо писал откровенный противник Союзного государства Леонид Радзиховский в правительственной “Российской газете” за 6 июля 2010 г. И что любопытно: антисоюзная позиция определенных сил в России абсолютно совпадает с такой же позицией антироссийских политиков в Беларуси. Так, например, бывший кандидат в президенты Ярослав Романчук, засоривший свою голову банальностями “Экономикса”, резонерствует, что Союзное государство – “это бумажка. Это мертвый проект”. Таким образом, можно вполне сделать вывод, что антисоюзность и русофобия – это одно и то же. Все эти бухгалтерские подсчеты, кто кого кормит, кто кому сколько должен – от лукавого. И речь идет совершенно о другом: не допустить выхода наших стран на созидательную траекторию движения, оставить их в ситуации постоянной геополитической опасности. И тот экономист, политик, журналист в России, который придерживается антисоюзной точки зрения, одновременно является и антироссийским экономистом, политиком и журналистом. Такова диалектика строительства Союзного государства.

Другой прием дискредитации Союзного государства главным образом пропагандируется антисоюзными группами в Беларуси. Чтобы убедить белорусское общественное мнение в негативном характере союзного строительства, они изображают Россию как сугубо криминальное, безнравственное, коррупционное государство, а затем пафосно вопрошают: “Хотите вы с таким государством объединиться?” И определенная часть недумавшей публики заявляет: “Нет, конечно, не хотим!”. Эту же, с позволения сказать, аргументацию использует и часть журналистского сообщества в России, преследуя свою истинную цель – лишить Россию естественных союзников на постсоветском пространстве и навязать ей разрушительный вариант развития 1990-х годов.

Но диалектика постсоветского пространства в том и заключается, что строительство Союзного государства – это и есть процесс экономического, политического, социального и нравственного оздоровления России и Беларуси, всех постсоветских государств, ликвидации тех негативных явлений (коррупция, криминал, межнациональные конфликты, демографический кризис, пауперизация и т. п.), которые были спровоцированы разрушением именно принципа союзности наших республик.

Кстати, мы много говорим об успехе китайских реформ. Но во всех этих разговорах нет главного. Нет понимания того, что проведение экономических реформ в Китае осуществляется на основе национальных ценностей китайского народа. В отличие от постсоветских республик, где под предлогом перехода от плановой к рыночной экономике навязывалась политика перехода от национальной системы ценностей к западной. Отсюда и принципиально различные последствия при проведении, казалось бы, одних и тех же экономических преобразований. В Китае эти реформы на основе собственных национальных ценностей увеличивали благосостояние народа и могущество страны, а на постсоветском пространстве на основе отрицания своих ценностей привели к обнищанию населения и деградации государственности.

Отметим такую закономерность: среди бывших советских философов и экономистов наибольшими антисоветчиками и антикоммунистами оказались те, кто раньше занимался “критикой” западных учений. Именно эти “специалисты” и стали наиболее рьяными адептами рыночных реформ, то есть тех реформ, опровержением которых они лишь и занимались в советское время. Сегодня, требуя замены национальных ценностей и традиций чуждыми идеями, привязки постсоветских республик к западной колеснице, они сбивают наши страны на обочину исторической дороги, на периферию мирового развития.

Здесь возникает ещё один интересный вопрос. Мы сегодня много говорим об импортозамещении иностранной продукции отечественными товарами. И это совершенно правильно. Ибо без развития своего производства нельзя вести речь о сохранении экономической безопасности наших стран. Но если это верно, то должно быть верно и то, что нам уже пора осуществить

своеобразное импортозамещение иностранных идей и ценностей национальными идеями и ценностями. Ибо без этого условия все наши разговоры о национальной идее, об уважении к своему прошлому, о воспитании патриотизма останутся гласом вопиющего в пустыне. Как мудро заметил Конфуций, “исключительное занятие чуждыми учениями может только приносить вред”.

Сегодня ведется много разговоров о модернизации экономики Беларуси и России. Считается, что Беларусь и Россия должны проводить модернизацию через признание европейских ценностей и смену ментальности наших народов. Аргументируют так: дескать, наши народы не инициативны, не предприимчивы, привержены патерналистской психологии, а поэтому, чтобы осуществить модернизацию экономики, надо сменить ментальные характеристики населения, сделать его по-настоящему европейским. И мы вроде бы соглашаемся с такой аргументацией. Но это абсолютно ложный подход! Ибо в основе модернизации и расширения возможностей человека, в том числе и его инициативы, предприимчивости, должно лежать чувство собственного достоинства. Человек, которому постоянно внушают, что он ленился, что у него психология иждивенца, что ему надо поменять свою ментальность, будет всегда чувствовать свою социальную и нравственную ущербность, приниженность. Думать, что такой человек будет способен к некоему инновационному мышлению, а следовательно, и к модернизации экономики – глубочайшее заблуждение. Отказываться от своей ментальности – значит, отказываться от самого себя, от своей идентичности.

Незачем нам искать какую-то обетованную землю за пределами своей восточнославянской цивилизации. Не надо идти ни на Запад, ни на Восток, надо уметь обустроить собственную землю, надо исходить не из ложных геополитических ориентаций и идеологических концепций, а из собственных национальных интересов и уметь продвигать эти интересы на международной арене. Необходимо понять, что только уважение к своим национальным ценностям и традициям, только чувство своего национального достоинства являются основой экономического процветания наших стран.

Важно понимать, что проблему модернизации экономики нельзя экстраполировать на сферу нравственности. Можно говорить о модернизации экономики, но нельзя вести речь о модернизации нравственности. Почему?

Потому что нравственные ценности абсолютны. Нравственность имеет дело не с сиюминутным, а с вечным. Пытаясь сменить ментальность, то есть модернизировать систему ценностей белорусов и русских, мы тем самым лишаем их устойчивости.

К чему, кстати, и сводится деятельность ИНСОРа (Института современного развития) Игоря Юргенса, в недрах которого ведется подрывная работа против самосознания русского народа, против российской истории. Как заявляет Игорь Юргенс, “модернизации России мешают русские – основная масса наших соотечественников живет в прошлом веке и развиваться не хочет”. К сожалению, И. Юргенс не одиночка. Он лишь наиболее осознанно выражает устремления той части информационно-аналитического сообщества в России, которое занимается пропагандой прозападных, антирусских концепций. По сути, это антигосударственная ориентация значительного спектра экспертного сообщества в России, которое объединилось на основе так называемой “диссидентствующей”, “правозащитной” идеологии. Это идеология по существу своему ничего общего не имеет с защитой прав и свобод российских граждан, а своим острием направлена на разрушение российского государства под видом критики “тоталитарного наследия сталинизма”.

Национально-государственные интересы нельзя основывать на сугубо частном интересе. Дело в том, что частный интерес стремится к привилегиям, а общий – к равенству. В этом смысле те политические системы, которые основываются на частном интересе, то есть на принципах либерализма, подменяют общий интерес интересом меньшинства и по сути своей не являются национально-государственными. В этом и заключается несостоятельность западной политической системы, когда правящий класс под видом национально-государственных интересов подсовывает своему обществу интересы олигархических групп.

В международном плане такая политика входит в противоречие не только с интересами западных стран, но и с интересами большинства граждан в самих западных государствах. Ибо подлинно национально-государственные

интересы одних стран не противоречат национально-государственным интересам других стран, поскольку, как общие интересы, они основываются на принципе равенства. Отсюда должно быть понятно, что неолиберальная модель объективно противоречит как интересам мирового сообщества в целом, так и национальным интересам тех стран, которые основывают свою государственную систему на частном интересе.

Природа национально-государственных интересов определяется не только реальным соотношением сил в данный исторический момент, но и накопленными в ходе исторического процесса представлениями о мире, ценностями, образцами поведения. Анализируя национально-государственные интересы, надо учитывать не только социально-экономические интересы и действующие силы, но и устойчивые, нормативные образцы поведения, весь исторический опыт прошлого. Путь формирования национально-государственных интересов России и Беларуси основан на духовных традициях и исторически сложившемся укладе жизни наших народов, на научно обоснованном использовании в первую очередь интеллектуальных ресурсов страны, сильной и эффективной государственной власти.

Поскольку в основе союзного строительства – национальные интересы России и Беларуси, то его стратегической задачей является выработка и проведение единой экономической, социальной, информационной, внешней политики, политики в области укрепления обороноспособности двух стран.

15 марта 2011 г. в Минске были приняты важные интеграционные решения, которые определили дальнейший ход формирования Единого экономического пространства Беларуси, России и Казахстана и строительства Союзного государства Беларуси и России. Касаясь интеграционной политики, Владимир Путин особо подчеркнул роль Президента Александра Лукашенко как последовательного сторонника интеграции на постсоветском пространстве. Он, в частности, отметил: “Это проявляется в том, что мы качественно и в сжатые сроки подготовили и приняли ряд концептуальных документов, касающихся интеграции между Россией, Беларусью и Казахстаном в рамках Таможенного союза и Единого экономического пространства. Считаю, что это очень важные решения, которые, безусловно, будут способствовать стабилизации экономики и решению непростых социально-экономических задач, особенно в условиях продолжающихся кризисных явлений во многих ведущих экономиках мира”.

На состоявшемся заседании союзного Совмина были рассмотрены результаты выполнения антикризисного плана совместных действий и торгово-экономического сотрудничества Беларуси и России в 2010 году, подведены итоги реализации ряда новых программ, а также обсуждены новые проекты программ союзного строительства.

В настоящее время Республика Беларусь и Российская Федерация последовательно продвигаются по пути интеграции. Двусторонние отношения носят позитивный динамичный характер. Усилия руководства двух стран направлены на выработку **оптимальной модели** дальнейшего сотрудничества Беларуси и России в рамках Союзного государства. В этой связи перед нашими странами стоит задача принятия **Конституционного Акта**, призванного завершить процесс строительства Союзного государства, его государственного устройства и правовой системы.

**НАТАЛЬЯ СОВЕТНАЯ**

*кандидат психологических наук, руководитель  
“Психологического реабилитационного центра “МИРВЧ”*

## “ГОРЕ МИРУ ОТ СОБЛАЗНОВ”

*“Никогда не был я пьяницей. Надеюсь, что не пьяница и вы. Но ведь этого мало. В осторожном употреблении вина нет никакой красоты духовной. В полном воздержании есть такая красота, ибо оно ободряет других, даёт нам силу побеждать в себе даже крайнюю неумеренность, застарелую привычку к спиртным напиткам. Это я испытал на опыте...”*

С. А. Рачинский, выдающийся ученый,  
педагог и подвижник благочестия.

Перечитывая широко известную поэму Константина Вереницина “Тарас на Парнасе”, я обратила внимание на особенную характеристику литературного героя:

*Что ж! Человек он был почтенный,  
Горелки даже в рот не брал.  
Недаром пан за нрав степенный  
Его пред всеми уважал.  
Он и у пани был в почете,  
И староста не обижал...*

Литературоведы предполагают, что произведение, которое долгое время распространялось в рукописях, а впервые было опубликовано в газете “Минский листок” (№ 37 за 16.5.1889), написано в пятидесятых годах позапрошлого столетия. Время его создания совпадает с периодом зарождения в России активного народного антиалкогольного движения. Следовательно, не случайно положительный герой поэмы предстаёт перед читателем трезвенником. Можно предположить, что и автор поэмы, мещанин из города Городка Витебской губернии Константин Васильевич Вереницин (бывший крепостной, получивший хорошее образование и дослужившийся до чина статского советника), тяготел к трезвой жизни и был одним из её глашатаев.

В 1858–1862-х годах по России прокатились волны крестьянских возмущений против торговли спиртными напитками. В десятках губерний народные собрания постановляли закрыть торговлю в кабаках и иных питейных заведениях. В одних селах запреты распространялись только на праздничные и воскресные дни, в других – на год, в-третьих – навсегда. Народ сам собою перестал пить спиртное. В стране стали появляться общества и братства трезвости, а в церквях огромные массы людей давали обеты воздержания от

спиртного. Люди больные, страждущие от пагубной зависимости, давали зароки не делать злого дела (не пить).

Признаюсь, мне радостно сознавать, что Константин Вереницин, “отец” трезвенника Тараса, родом из дорогих мне мест. И, наверное, не случайно белорусский районный центр Городок Витебской области гордится ещё одним знаменитым трезвенником. Автор метода духовно ориентированной психотерапии патологических зависимостей, заслуженный врач Российской Федерации, профессор, доктор медицинских наук, сопредседатель Александроневского общества трезвости (Санкт-Петербург), диакон Григорий Игоревич Григорьев вырос именно в этом городе.

### УВИДЕТЬ “ВЖИВУЮ”...

Бывает, то, о чём даже мечтать не смеешь, вдруг сыплется, словно манна небесная! И начинаешь подмечать цепочку событий, которые вели тебя к свершившемуся, как к маленькому чуду...

Осенью прошлого года благодаря диакону Григорию я получила предложение принять участие в региональной конференции по церковному социальному служению Русской Православной Церкви “Новая Эра Милосердия”, которая открывалась в г. Санкт-Петербурге. Собрав дорожную сумку, я отправилась в северную столицу России. И не пожалела!

Мероприятие началось с Божественной Литургии в величественном Казанском соборе. Служили Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Владимир и Епископ Орехово-Зуевский Пантелиимон, руководитель Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению церкви, признанный “Человеком года” в 2010 году.

На секции “Утверждение трезвости – социальное служение церкви” я познакомилась с радикальными трезвенниками. Каково же было моё удивление и восхищение, когда узнала, что у этих молодых людей родители, деды и прадеды были непьющими! Я “вживую” увидела потомков того трезвеннического движения, которое широко распространилось в России во второй половине XIX века.

Тогда, в 1859 году, Русская Православная Церковь благословила священнослужителей *“...живым примером собственной жизни и частым проповедованием в церкви Божией о пользе воздержания содействовать возникшей в некоторых городских и сельских сословиях решимости воздерживаться от употребления вина...”*

В 1889 году Святейший Синод обратился к духовенству с определением, подготовленным обер-прокурором Синода Константином Петровичем Победоносцевым, *содействовать правительству в борьбе с пьянством, учреждать общества трезвости, приходские попечительства, братства и другие подобные учреждения, словом и проповедью утверждать в народе трезвый образ жизни.*

В 1909 году Синод уже требовал *“...силоу архиерея и влияния власти”* вменить в обязанность духовенству *“воздействовать на приходжан живой, убеждённой проповедью и беседами о вреде пьянства, о необходимости искоренения его, особенно во время праздников церковных и семейных, а также при решении дел общественных и частных”.*

К 1914 году количество членов обществ трезвости достигло почти полумиллиона человек. Дело, во главе которого встала Православная Церковь, приобрело высший духовно-нравственный смысл, сплотило воедино лучшие патристические силы.

С 19 июля 1914 года указом императора Николая Второго торговля алкогольными изделиями была прекращена на время войны. Но уже через полгода известный русский врач И. Н. Введенский, анализируя результаты последствий указа, писал: ***“То, что недавно казалось утопией даже фанатикам трезвости, стало действительностью, притом повседневной, почти привычной. Новый порядок вещей, так непохожий на прежний, вошёл в жизнь и неузнаваемо изменил её облик, отозвавшись так или иначе во всех сферах народной жизни, в таких отдалённых её уголках и проявлениях, где о влиянии алкоголизма, казалось, не могло быть и речи. Перед лицом совершившихся и ещё продолжающихся превращений не кажутся преувеличением сказанные не раз слова, что 19 июля 1914 года Россия одержала победу над врагом гораздо более страшным, чем враг внешний”.***

Приведу несколько примеров тех позитивных изменений, о которых писал Введенский в своём труде “Опыт принудительной трезвости” (издание Московского Столичного Попечительства о Народной Трезвости, 1915 г.).

– Резко сократилось число людей, обращающихся за помощью в амбулатории и больницы, в т. ч. в психиатрические, где алкоголики обычно составляли 4/5 всех поступлений.

– Количество самоубийств уменьшилось на 55%. “В Саратовском университете благодаря трезвости, возник даже своеобразный кризис – “трупный голод”. В прежние времена трупы самоубийц поступали в институты судебной медицины, некоторые затем в анатомический театр. Теперь не стало самоубийств, и университет оказался в затруднительном положении. О таких же затруднениях сообщают и из Петроградского Женского Медицинского Института”.

– Более чем на 70% снизилась преступность (исчезло хулиганство, оскорбление личности, мелкое воровство, драки и т. д.). Прекратилось строительство новых тюрем, так как опустели и старые, а в Петрограде одну из пустующих тюрем обратили в лазарет для раненых.

– Почти полностью исчезло профессиональное нищенство, люди, занимавшиеся попрошайничеством, в большинстве своём ушли в деревню.

– Число пожаров сократилось наполовину, несчастных случаев на производстве – на 80%.

– Выдача пособий больничными кассами, вследствие уменьшения заболеваемости, сократилась на 60–70%.

– Оживилась торговля. О росте благосостояния трудового населения можно судить по тому, что в сберегательные кассы было внесено вдвое больше денег, чем за аналогичный период прошлого, не трезвого года.

– Наряду с улучшением материального благосостояния стало заметно “повышение умственных интересов населения... Читальни переполнены даже в праздники, когда при прежних условиях они пустовали”. Число посетителей оперных и драматических спектаклей увеличилось более чем на 30%.

Русская деревня стала неузнаваема!

Позитивные изменения убедили последнего русского царя, ныне прославленного в лике Святых, навсегда запретить в России казённую продажу спиртного. “Сухой закон” получил поддержку у 84% населения страны.

К сожалению, при советской власти закон действовал только до 1925 года. О результатах его отмены нам известно не понаслышке и не из исторических книг – в настоящее время достаточно внимательно посмотреть вокруг да заглянуть в сводки происшествий и статистику рождений и смертей.

По данным на 2004 г., в Норвегии одна торговая точка, где продают алкоголь и пиво, приходится на 30 тысяч жителей, в Швеции – на 23 тысячи, в Англии и России – на 400 человек, а в Беларуси – на 186 жителей.

Проведенный белорусскими учеными анализ связи продаж алкоголя и смертности за 1970–2006 годы показал, что увеличение уровня продаж алкоголя на 1 литр на душу населения сопровождается ростом уровня общей смертности на 2,6%, в том числе мужчин – на 3,6%, женщин – на 2,4%; уровня убийств на 4,8% и самоубийств на 2,6%.

По статистике в Беларуси очень высокая смертность среди трудоспособного населения, в настоящее время она более чем на треть выше, чем в конце 80-х годов. В 2010 году в этом возрасте умерло более 32 000 человек, то есть каждый четвертый из всех умерших.

**Наибольшее негативное влияние на здоровье и жизнь населения оказывают продажа и потребление водки.** По данным Белстата, в январе–мае 2011 года реализация водки увеличилась на 10,3% по сравнению с таким же прошлогодним периодом. Продано 4 млн 664,8 тыс. дал водки, ее доля в общем объеме потребления алкоголя составила 44,3%. Доля реализации алкогольной продукции в общем объеме розничного товарооборота Беларуси в январе–мае 2011 года составила 10,4%. На потребительском рынке реализовано алкогольных напитков и пива на 2 трлн 590 млрд рублей.

По мнению ВОЗ, в случае потребления свыше 8 л на душу населения в год происходит постепенная деградация нации в демографическом, социальном, экономическом, культурном отношении, значительно ухудшается состояние генофонда и здоровья. Так, потребление каждого литра алкоголя сверх данного предела отнимает в среднем 11 месяцев жизни у мужчин и 4 месяца у жен-

щин. (Минский областной материал к единому дню информирования на тему: “Усиление борьбы с пьянством и алкоголизмом”.)

### **“ГОСПОДЬ ПОШЛЁТ ТЕБЕ МИЛОСТИ!”**

Однако трезвость не исчезла!

В 1992 году протоиереем Василием Лесняком (1) и врачом Григорием Григорьевым возрождено Всероссийское общество трезвоты и милосердия святого Благоверного Князя Александра Невского, созданное в 1897 году священником Александром Рождественским (2), духовными наставниками которого были святой преподобный Иоанн Кронштадский и священномученик протоиерей Философ Орнатский. Более 130 тысяч страждущих (в том числе более 30 тысяч в Беларуси) исцелились в этом обществе со дня его возрождения, и многие тысячи пришли в храм, потому что, как поучал Митрополит Санкт-Петербургский Антоний: *“...Если вы не пьёте вина, то это лишь начало вашего подвига, а не конец его. Когда отстанете от вина, молитесь, чтобы помог вам Господь достигнуть трезвения духовного, при котором одно было бы дорого вам, это – закон Божий: слово Божие это воистину жемчужина драгоценная”*.

В 2011 году ещё одно общество трезвоты при Соборе Иконы Феодоровской Божьей Матери (покровительнице Дома Романовых) празднует 115-ю годовщину со дня своего основания. Именно это Петербургское общество насчитывает ныне в своих рядах тридцать трезвеннических династий.

В 50 километрах от города Полоцка, в селе Клястицы, в начале прошлого века проживала крестьянская семья инвалида русско-японской войны Николая Прокофьевича Кожарова. Его пятеро детей, жена и сам хозяин трудились на земле и жили неплохо, можно даже сказать, зажиточно. Хозяин был молчалив, суров и любил между делом, присев на крыльчке, подымить самокруткой. В праздник и рюмкой не брезговал. Как все.

Его сына Гавриила в гражданскую войну большевики забрали в Красную армию. Оказался он в Кронштадте, откуда до Петрограда – рукой подать, потому и отправился Гавриил в первую же увольнительную в столицу. Проходя мимо храма, захотел купить свечек церковных да помолиться. Зашёл. И узнал там об удивительном человеке – Иоанне Чурикове. А когда услышал его беседу-проповедь, то вся душа у него словно переродилась...

Вернулся Гавриил в свою белорусскую деревню убеждённым трезвенником. Всем про братство рассказывал и мечтал поехать в Вырицу, что под Петроградом, где Чуриков устроил сельскохозяйственную коммуну “Трезвый путь”.

Сначала Гавриил уехал сам вместе с сестрой Евдокией, а в 1928 году, незадолго до ареста Иоанна Чурикова, перевёз в Вырицу всю родительскую семью. По дороге, в поезде, отец, вдруг застыдившись перед сыном своей дурной привычки, решительно выбросил в окно кисет с махоркой. А по приезде произошло нечто необычное.

Евдокия подвела к Иоанну своего младшего брата, с малолетства страдавшего желудочной болезнью, а оттого в свои 13 лет выглядевшего семилетним ребёнком:

– Помолитесь за Василька, пожалуйста! Попросите у Господа для него исцеления!

Иоанн осенил Василия широким крестным знаменем со словами: “Господь пошлёт тебе милости!”

Уже на следующий день мальчик почувствовал изменения в своём состоянии. В здравии и трезвоты он прожил до 90 лет, пройдя невредимым (“Не вылиты ещё пули для моих трезвенников!” – говорил Иоанн) Финскую и Великую Отечественную войны.

Дочь Василия Вера познакомилась в обществе со своим будущим мужем Петром Яковлевичем Плотниковым. И отец его, и дед спиртного не употребляли.

Пётр Яковлевич вспоминает, как батюшка в церкви, познакомившись с ним, удивлённо воскликнул: “Впервые в жизни вижу трезвого пожарника!”

– А легко ли Вам было жить трезвым в нашем пьяном обществе? – спрашиваю у представителя трезвеннической династии.

Он смеётся:

– Мне? Я трезвость и веру с молоком матери впитал. Подчинённым своим выпивать тоже не позволял... Помню, как начальник, недовольный моим отказом принять участие в совместном “мероприятии”, попытался напрогнозировать: “Не будешь пить с руководством, до майора даже не дослужишься!” Слава Богу, на пенсию я уходил в звании полковника...

Девятилетний внук Веры и Петра Плотниковых, побывав недавно на современном детском празднике с шумной музыкой и “детским” шампанским, решительно заявил: “Больше я туда не пойду! Не интересно там, скучно, и душе – плохо!”

### НИКТО НЕ ОТРЁКСЯ...

Слушая об удивительных родовых судьбах династийных трезвенников, я вдруг задумалась о том, что, возможно, одна из причин негативного отношения в нашем обществе к трезвости как нравственной ценности кроется не только в потере современным человеком моральных и духовных ориентиров, но и в гонениях на трезвенников и верующих, которые пережили, к примеру, мои собеседники.

Дело в том, что на Руси трезвость всегда была неразрывно связана с духовностью, следовательно, с религиозностью, она базировалась на глубоком понимании греха и вере в помощь Господню, силу молитвы, покаяния и Таинств исповеди и причастия святых Христовых Тайн. Но религия в советской стране была фактически запрещена, а трезвость и трезвенники попадали в оппозиционное положение по отношению к безбожному и пропагандирующему умеренное употребление алкоголя обществу. За что их усиленно дискредитировали, объявляли, например, сектантами, арестовывали, сажали в тюрьмы.

*После ареста Иоанна Чурикова в 1929 году семья деда Веры Васильевны Плотниковой вернулась на родину в Беларусь, где продолжала исполнять обет трезвости, данный Богу. В 1961 году (в это время началась новая волна гонений на веру, сопровождавшаяся закрытием и разрушением храмов и обещанием Никиты Сергеевича Хрущёва показать по телевизору последнего попа, а Витебская область готовилась стать в Советском Союзе образцовой по атеизму) к ним, в Клястицы, неожиданно приехал корреспондент Витебской областной газеты.*

*Мама Веры Мария Михайловна, не предчувствуя никакой беды, искренне поведала этому человеку всё: о своём отце Николае, о коммуне, об Иоанне Чурикове, о вере и трезвости, о том, как она чудом исцелилась по молитвам товарищей-трезвенников от гнойного плеврита, когда врачи уже оставили её умирать...*

*Статья, написанная тем журналистом, взорвала жизнь семьи. Читателям сообщалось, что в то время, когда весь советский народ живёт идеалами коммунизма, некоторые тёмные, малообразованные сектанты травят сознание своих детей религией, которая, известно, есть опиум для народа... Автор указал точный адрес местожительства Плотниковых.*

*От маленькой шестилетней Веры отвернулись соседские дети, люди показывали на Плотниковых пальцами и шарахались от них, будто от заразы. По указанному адресу стали приходить письма с угрозами: **предлагалось детям отобрать и определить в детский дом, а родителей посадить в тюрьму...***

Мне же кажется, что тогда Плотниковыми был совершён подвиг, подвиг человеческой души: никто из них не отрёкся ни от Бога, ни от обета трезвости, данного Ему.

### ЧЕМ БОЛЬШЕ, ТЕМ МЕНЬШЕ

В наше время славянские народы бывшего СССР деградируют и гибнут от пьянства, курения, наркотиков, игромании. **“Какой смысл бороться с кризисом и поднимать экономику, если не будет самого народа?”** – прямо за-

явил Святейший Патриарх Кирилл, выступая в 2009 году на Всемирном русском народном соборе в храме Христа Спасителя.

В этом же году специалисты службы Gallup обнародовали результаты исследования по проблеме суицидов, согласно которым в Беларуси и России этот показатель равен соответственно 36,8 и 36,15 самоубийств на 100 тысяч населения. На Украине – 25,15, Латвия – 25,7. В США – 11,05. А меньше всего самоубийств происходит в Кувейте – 1,95.

По данным Белорусского республиканского научно-практического центра психического здоровья, в 2010 году показатель суицидов на 100 000 жителей уменьшился до 26,1 (1670 мужчин и 242 женщины покончили с собой). Однако по критериям Всемирной организации здравоохранения к странам с высоким уровнем суицидов относятся те, где этот показатель выше 20 случаев на 100 000 жителей.

Исследования также выявили следующую закономерность: **чем больше религиозность в обществе, тем меньше в нём суицидов.**

Можно безошибочно добавить: **чем больше религиозность общества, тем меньше в нём алкоголизма и других патологических зависимостей.**

В одном из интернет-блогов я прочла страшные слова. Их автор, обсуждая тяжёлую обстановку, сложившуюся в результате пандемии алкоголизма (в Беларуси за последние 15 лет употребление алкоголя увеличилось в два раза, на учёте с диагнозом “хронический алкоголизм” состоят 180 тыс. человек (1,9% от численности всего населения), в России – более 3 млн человек (2,1%), на Украине – свыше 900 тыс. человек (2,0%), предложил следующий выход:

*“Есть 2 пути выжить:*

*1. Принять ислам. Чтобы за воровство, вандализм, мародерство – отрубили руки, за алкоголь и наркотики – казнили, а девушек научили рожать детей, а не шляться с пивом по подворотням. Наша христианская церковь, увы, доказала свою беспомощность.*

*2. Пойти по пути Скандинавии. – Демократия. Высокий уровень нравственного, культурного развития. Очень труднодоступный алкоголь и табак – бешеные цены, запрет на продажу.*

*...Первый способ более реален”* – так считает автор.

Не могу согласиться с тем, что христиане в этом (да и в другом) вопросе доказали свою “беспомощность”. В медицине официально получили научное признание *духовно ориентированные* методы лечения патологических зависимостей. Доказано, что применение таких методик оказывается самым эффективным.

С возрождением религиозности в обществе вновь крепнет идея трезвости. На конференции “Новая Эра Милосердия”, как когда-то сто лет назад, зазвучал призыв к священнослужителям: **стать примером и возглавить народное трезвенническое движение.**

Настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских (СПб) о. Александр Сорокин (3), по благословию Митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Владимира (Котлярова), несколько лет назад принял под своё попечение сразу несколько различных обществ трезвости, чтобы в совместной работе добиться единственно правильного результата: исцеления тела и души – трезвости и спасения в Боге.

**На мой вопрос, как пришла идея собрать под крышей Храма трезвенников различных обществ, отец Александр ответил:**

– В 2000 году к моему отцу, священнику Владимиру Сорокину (4), обратился руководитель общества “чуриковцев” с просьбой взять трезвенников под своё духовное окормление. Батюшка направил их в мой храм, в котором было достаточно места для такой работы. Меня же он благословил стать духовным пастырем этим людям.

В 2002 году в нашу церковь пришло Александро-Невское братство трезвости и милосердия. А в прошлом году о. Александр Гаврилов предложил совместно работать со страждущими ещё одного общества.

– **Отразилось ли присутствие трезвенников в храме на приходской жизни?**

– Незаметно с нашего трапезного стола стали исчезать (редкие и до того) рюмки с вином. Сейчас, если на приходе организуется совместная трапеза в честь праздника, то она сопровождается чаепитием. Если уж наш Храм стал приютом для трезвеннических обществ, то приходская жизнь должна вестись соответственно такому трезвенному статусу.

– **В наши дни сложилась парадоксальная ситуация: человек, ведущий естественно трезвый образ жизни, иногда вызывает насмешки окружающих, его считают почти ненормальным. И это происходит во время, когда мы, фактически, переживаем алкогольную катастрофу.**

– Я не совсем с Вами согласен. Мне кажется, что трезвость входит в... моду! Мне приходится общаться с руководителями разных эшелонов власти и, к своему удивлению и радости, я отмечаю, что многие из них – трезвенники. Хочу поделиться и таким любопытным наблюдением: строгие требования к водителям автомобилей в отношении употребления спиртного влекут за собой вынужденную трезвость представителей огромной армии автолюбителей даже в праздничные дни.

– **Значит, Вы положительно относитесь к запретительным и ограничительным мерам в отношении алкоголя?**

– Я против запретительных мер, которые, на мой взгляд, могут когда-нибудь закончиться взрывом, и очень поддерживаю различного рода ограничения. В Финляндии, например, торговля спиртным ведётся только в строго предназначенных для этого магазинах и очень короткое время.

– **Вы восстанавливаете к 400-летию Дома Романовых (2013 год) такой знаменательный храм, как собор Феодоровской иконы Божьей Матери.**

**В 1914 году Император Николай Второй писал: “Постоянно обдумывая и проверяя полученные мною впечатления, я пришел к твердому убеждению, что нельзя ставить благосостояние казны в зависимость от разорения духовных и хозяйственных сил множества моих верноподданных. Трезвость народа – надежная основа его мощи и благосостояния”. Отец Александр, у Вас не бывает мистического чувства, что сам святой Царь и его Семья помогают Вам?**

– Над этим храмом очень надругались... Удивительно, но к его восстановлению прилагают силы такие разные структуры и люди, объединяясь, сливаясь воедино – в народ, что в этом можно увидеть какую-то мистику. Возглавляет Попечительский совет собора председатель Государственной Думы Федерального Собрания РФ Борис Вячеславович Грызлов. Он – тоже трезвенник!

Теперь будет уместно вспомнить, что именно при государе Николае Александровиче Романове Россия достигла своего наибольшего расцвета, в том числе в деле трезвости.

В 1913 году 95% женщин и 95% молодёжи не знали даже вкуса спиртного, 43% мужчин были трезвенниками, ещё 30% употребляли алкоголь редко, и лишь оставшиеся 27% мужчин пили часто и многие из них считались пьяницами.

Если бы сейчас у нас было такое же положение, мы стали бы самым процветающим народом в мире...

На конференции в Петербурге я получила ещё одно приглашение – на научно-практический семинар по разработке теории трезвенного просвещения. Ехать предстояло через месяц в город Екатеринбург.

## **МАННА НЕБЕСНАЯ**

Екатеринбург! Столица Урала, место последних дней жизни Царской Семьи.

Я раньше даже и не мечтала побывать в этом городе, преклонить колени перед Поклонным Крестом на Ганиной яме, где убийцы пытались навсегда уничтожить тела императора Николая II, его супруги Александры Фёдоровны, их пятерых детей: великих княжон Марии, Ольги, Татьяны, Анастасии и цесаревича Алексея, – и до последней минуты преданных им доктора Евгения Боткина, повара Ивана Харитонов, лакея Алоизия Труппа, горничной Анны Демидовой.

Последний государь успел сделать свою страну практически непьющей. В 1915 году, выражая мнение большинства членов Думы по этому вопросу, ее председатель М. В. Родзянко сказал: *“Прими, великий Государь, земной поклон народа своего! Народ твой верит, что отныне былому горю положен прочный конец!”*

Именно в Екатеринбурге началось возрождение былой русской трезвости. Научно-практический семинар по трезвенному просвещению начал разработку документа, которого ещё не существовало в истории РПЦ – **“Концепция Русской Православной Церкви по утверждению трезвости”**.

Под руководством сотрудника Синодального отдела по благотворительности и социальному служению Церкви Валерия Константиновича Доронкина работа над документом была продолжена в Москве на Рождественских чтениях, в Санкт-Петербурге в Александро-Невском обществе трезвости, и в настоящее время он передан на утверждение в Московскую Патриархию.

## ИЗ-ПОД НАРКОЗА

Как невозможно духовно-нравственное исцеление человека, пока он находится под наркозом, так невозможно и возрождение народа, который находится под наркотическим действием алкоголя. Нам нужна, необходима трезвость!

Около 20 лет назад, когда заговорили о Николае Втором и его канонизации, когда начались раскопки на Ганиной яме, в Екатеринбурге родилось Всероссийское Иоанно-Предтеченское православное братство “Трезвение”, которое ныне возглавляет священник Игорь Бачинин, член церковно-общественного совета по противодействию алкогольной угрозе при Святейшем Синоде, кандидат педагогических наук.

После окончания Уральского политехнического института Бачинин работал на заводе Уралмаш, где действовало общество трезвости. Однажды на завод из северо-западной столицы приехал с лекциями о вреде курения и алкоголизма Соколов Юрий Александрович (5). Игорь загорелся желанием отказаться от сигарет, которые сковали его волю.

Так начался путь к трезвению. Затем был Свято-Тихоновский гуманитарный университет, защита кандидатской диссертации, работа в миссионерском отделе Екатеринбургской епархии, рукоположение во диакона, во священника. Одновременно Игорь Бачинин создаёт Иоанно-Предтеченское братство “Трезвение”.

Почему выбрал такое название? Оно свидетельствует о конечной цели, к которой стремятся члены общества: трезвость телесная, как начало пути, трезвость духовная, ведущая к спасению души, как идеал результата.

В настоящее время только в Екатеринбургской епархии братство имеет ещё 34 общества, кроме того, десятки обществ действуют в различных городах Российской Федерации, Украины и Беларуси.. Есть свой сайт: <http://www.prosvetcentr.ru>, выпускается яркий журнал “Трезвое слово”, газета “Трезвение”, идут передачи на православном телеканале “Союз”.

Сначала трезвенники собирались в храме для общей молитвы и общения один раз в месяц, потом два раза, а теперь, когда приходят сразу более ста человек, молитвы читаются уже два раза в неделю.

Заместитель председателя братства, кандидат химических наук Иван Петрович Клименко, автор книги “Горькая правда о пиве”, на мою просьбу рассказать немного о себе ответил просто и одновременно значительно: **“Что во мне такого интересного? Трезвенников много...”**

Я специально выделила последнюю фразу. Трезвенников много?

Можно согласиться или не соглашаться с этими словами, но видится в них какая-то значительность, радующая всякого человека, болеющего за настоящее и будущее своего народа.

## “КОРЕНЬ БЛАГИХ...”

В Беларуси, в Витебске, под духовным окормлением священника Николая Коляды, деятельность по оказанию помощи страждущим от патологических зависимостей проводят совместно два общества: братство “Трезвение” и Александро-Невское общество трезвости и милосердия, сопредседателем

которого является профессор Григорий Григорьев, автор метода духовно ориентированной психотерапии “Целебный зарок”.

Более 30 лет доктор Григорьев не употребляет алкоголя. “Я до сих пор сожалею о том, что пил. Если бы можно было начать жизнь заново, я бы повторил всё, кроме одного – никогда бы не стал даже пробовать спиртное!” – сказал он в интервью журналу “Вода живая” (“Санкт-Петербургский церковный вестник” № 87–2007).

Теперь, беседуя со страждущими, профессор искренне говорит, что если бы у него спросили, какой самый умный поступок он совершил в жизни, то ответил бы: “Бросил пить!”

Григорий Игоревич, врач, учёный и духовное лицо, посвятил свою жизнь решению серьёзнейшей задачи – в стране, где семьдесят лет народ отлучали от Бога, построить мост между медициной и церковью. Работа обществ трезвости на белорусской земле служит и этой цели.

Как в дореволюционные годы, в настоящее время под руководством Русской Православной Церкви в России, Беларуси, Украине начинается объединение лучших патриотических сил для спасения народа от алкогольной деградации и генетического вырождения.

Владыка Димитрий (Дроздов), архиепископ Витебский и Оршанский, благословивший совместную деятельность двух обществ, рассказал мне, что однажды в магазине Смоленска увидел объявление приблизительно следующего содержания: “При покупке у нас одной бутылки водки вы получаете в подарок ещё две бутылки пива!”

– Стало очень грустно... – добавил архиепископ. – Человек, придумавший это, наверняка имеет детей. Всё начинается с семьи, с детства. Предрасположенность к алкоголизму передаётся по наследству, за грех пьянства следует наказание, которое проклятием ложится на весь род... Понятно, что данное объявление – это лишь маркетинговый ход. Но его никогда бы не сделал человек, имеющий “корень благих” – страх Божий и любовь к ближнему.

**– Владыка, мы знаем, что на 2-м съезде практических деятелей по борьбе с пьянством в 1912 году была вынесена резолюция: “Приходские общества трезвости при современном состоянии приходской жизни суть необходимые учреждения в каждом приходе и являются нравственно-обязательным пастырским делом каждого священника”. Скажите, поддержали ли бы Вы такую резолюцию сейчас?**

– Надо учитывать время, в которое мы живём. Если, к примеру, в Смоленской епархии в годы советской власти было сохранено множество храмов, то в Витебской области почти все были разрушены. Поэтому несметное количество сил, энергии, материальных затрат уходит у священства на восстановление и строительство церквей. Не каждый может заниматься ещё и созданием трезвенных обществ. Если у вас, представим, двое детей, и один из них просит вас с ним поиграть, а другой плачет, потому что хочет кушать, к кому из них побегите? К тому, кто плачет.

Но если у священника есть желание, время и силы, то со стороны архиереев никогда не будет препятствий в благословении этого благородного и благодатного дела!

Одним из таких священников, который нашёл в себе силы организовать первое в Витебске церковное общество трезвости, стал о. Николай Коляда.

**К нему и обратилась с вопросом: как пришло это решение?**

– Ещё в 1990 году я познакомился с игуменом Валерием Ларичевым из Подмосковья. По образованию он врач, кандидат медицинских наук. Пять лет назад о. Валерий установил в своём приходе трезвый образ жизни. Делясь со мной опытом, привёл убедительные духовные доводы в пользу полной трезвости.

Человеку в жизни необходимо трезвое мышление, и очень важно то, что он не имеет права быть соблазном для других, более слабых, чем сам. В Евангелии от Матфея говорится: “...кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его в глубине морской” (Мф. 18,6), “Горе тому, через кого соблазн приходит” (Мф. 18,7).

Согласившись с о. Валерием, что священство, всегда уважаемое в народе, может стать искренним примером трезвой жизни, и, испросив благосло-

вение, я приступил к созданию братства в честь иконы Божьей Матери “Неупиваемая чаша”, которое с сентября прошлого года получило статус епархиального.

– **Батюшка Николай, значит, несколько лет назад вы изменили свою личную жизнь – полностью отказались от употребления алкоголя? Как к этому отнеслись люди из вашего окружения?**

– Вокруг меня люди самого различного социального положения: от бродяги, который просит милостыню у ворот храма, до высокого начальства. Отношение к священникам-трезвенникам, как и в целом – к трезвости, у всех разное.

Однажды на Рождественских чтениях в Москве игумен Тихон Шевкунов (6) признался, что относился к трезвости как к некому хобби увлечённых людей, а к трезвенным обществам, как к клубам по интересам. Пока сам не столкнулся с пьянством лицом к лицу.

Несколько лет назад монастырь, возглавляемый им, взял большое хозяйство в Рязанской области. Монахи рассчитывали на помощь местных крестьян. Но беспробудное пьянство деревенских жителей повергло их в шок!

С той поры отношение архимандрита Тихона к теме трезвости и представителям трезвеннических движений резко изменилось...

Так и в моём окружении. А на косые взгляды я реагирую спокойно.

– **Батюшка, что Вы отвечаете, когда пьющий человек объясняет Вам своё употребление спиртного необходимостью расслабиться, снять напряжение?**

– Знаете, какой человек в Евангелии называется *расслабленным*? Парализованный! Тот, кто расслабляется при помощи спиртного, подобен парализованному больному. Все его органы чувств, его мозг неадекватно реагируют на окружающее и обстоятельства.

Святитель Иоанн Златоуст предлагает прекрасную альтернативу алкоголю: *“Вот прекрасное опьянение: насыщай душу свою Духом, чтобы не насыщать её пьянством; наперёд займи этим свою душу и свои помыслы, чтобы не нашла места в них та бесстыдная страсть...”* (Т. 6, с. 484).

– **Заслуженный артист России, дрессировщик хищников, радикальный трезвенник Аскольд Запашный в одном из интервью рассказал, что его друг сидит в тюрьме, потому что, управляя машиной, сбил пьяную девушку, перебежавшую дорогу на красный свет...**

– Сейчас ужесточились требования к трезвости водителей на дороге. Никому не хочется стать жертвой пьяного шофёра. Как и водителю не хочется пострадать от нетрезвого пешехода. Каждый желает, чтобы движение на дороге закончилось благополучно.

Но мы забываем, что совершаем ещё одно, самое важное движение по дороге своей жизни – приближаемся к Царствию Небесному. Как не промахнуться, не заблудиться, не сбиться с этого пути? Надо быть трезвым: телесно и духовно.

## ПОСТУПОК ВЕДЁТ К ПРИВЫЧКЕ...

На втором съезде практических деятелей по борьбе с алкоголизмом на религиозно-нравственной основе архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий) сказал: *“В соответствующей обстановке, которую дает Церковь, и под ее благодатным воздействием дающий обещание воздерживаться от пьянства (обет трезвости) укрепляется мало-помалу и, наконец, совершенно отстает от этого порока. Поступок ведет к привычке, привычка создает характер, а характер создает человека в полном христианском смысле этого слова”*.

В подмосковном селе Ромашково, которое широко известно благодаря общине трезвости при Никольском храме (настоятель – священник Алексей Бабурин), частыми гостями бывают артисты Московского театра Русской драмы во главе с режиссером и руководителем Михаилом Щепенко.

Коллектив театра стал членом ромашковской общины трезвости! Интересно, что вместе с актёрами на сцену Московского театра выходят и другие трезвенники, чтобы сыграть в спектакле “По самому краю”, сюжет которого выстроен на реальных событиях и ситуациях, происходивших с людьми до их прихода в общину. Через духовно-нравственные образы, создаваемые актё-

рами-трезвенниками, оказывается благотворное, спасительное влияние на многочисленных зрителей. Святой Серафим Саровский учил: “Стяжите дух мирен, и тысячи вокруг вас спасутся”.

Ещё в начале XX века государство совместно с Православной Церковью, ставшей примером трезвости, понимая, что **главная причина пьянства находится в духовно-нравственной жизни народа**, объединив усилия в её решении, достигло впечатляющих результатов: потребление алкоголя было снижено с 4,7 до 0,2 литра на душу населения в год.

Вспомним период в нашей истории, когда употребление спиртного в стране резко снизилось – это был опыт реформ середины 80-х в попытке отрезвить страну. Кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных систем и антикризисного управления Российской Академии государственной службы при президенте РФ Дарья Андреевна Халтурина доказывает, что *самая высокая продолжительность жизни была в советском государстве именно в это время – ни до, ни после такого не было!*

Ещё один пример эффективности государственных мер можно привести из российского опыта 2006 года. Поправки в Федеральный закон о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции (171 ФЗ) внесли коррективы в развитие алкогольной ситуации.

Результатом стало закрытие мелких производителей спирта и алкогольной продукции, а в ряде регионов и мелких торговых точек. Впервые с 1998 года в России сократилось производство спирта, и впервые же значительно снизилась смертность.

По данным Росстата, с января по август 2006 года умерло на 76,7 тысячи человек меньше, чем за аналогичный период 2005 года. Смертность снизилась преимущественно за счет причин смерти, связанных с потреблением алкоголя. Особенно сильно сократилась смертность от алкогольных отравлений – на 4,3 тысячи, что составляет 17%.

По расчетам доктора медицинских наук А. В. Немцова, подтверждаемым и данными МВД, с алкоголем связано большинство убийств в России. В связи с этим примечательно, что наиболее сильно в 2006 году снизилась смертность от убийств – на 18,9% (4,6 тысячи). Заметно снизилась смертность от самоубийств (6,2% или 2,1 тысячи) и транспортных травм (5,2% или 1,4 тысячи)

Снизилась смертность и от болезней системы кровообращения (3,8%, или 37 тысяч), что также связано со снижением алкогольной смертности, поскольку, по данным региональных бюро судебно-медицинской экспертизы, среди этой категории умерших значительное количество умирает с повышенной концентрацией алкоголя в крови. На 10,7% снизилась смертность от болезней органов дыхания, а здесь группой риска являются маргинализированные слои, включая алкоголиков и “бомжей” (Д. Халтурина, А. Коротаев. “Алкогольная политика: мировой опыт и российские реалии”.)

Первый шаг к духовно-нравственному трезвению – трезвость физическая. В связи с этим 46 стран мира признали алкоголь наркотиком № 1 и приняли “сухой” закон. 85 стран ввели серьезные ограничения по его продаже и распространению. В настоящее время 3/4 населения мира практически не употребляют алкоголя. Мы же, славяне, находимся далеко за чертой выживаемости.

Что делать?

Руководитель отдела системных исследований Московского НИИ психиатрии Александр Викентьевич Немцов, выступая в 2009 году на Рождественских чтениях, заявил:

“Я пессимистически отношусь к алкогольному вопросу. Занимаясь этой проблемой с 1985 года, не раз пытался донести страшную алкогольную ситуацию до правительства – глухо. Идет огромное сопротивление со стороны людей, которые наживаются на алкоголе. У них сложились благодаря этому мощные капиталы, и вся наша трезвенническая борьба – “нож в спину” для них. Они пытаются перенаправить эту борьбу на пустяки – настойки боярышника, политуру и т. п. Но это политика малых дел”.

Немцов сообщил так же, что синтетический алкоголь сейчас почти сравнялся по качеству с натуральным. Он защищен такой мощной вооруженной охраной, что бороться с ним может только государство. А в самой Госдуме Рос-

сии, по его словам, создана такая блокада, что туда с идеей трезвости лучше и не соваться...

А в это время...

### **ДЛЯ БОГА НЕТ НЕВОЗМОЖНОГО!**

В декабре прошлого года газета “Аргументы и факты” объявила всероссийское голосование за трезвость.

Твёрдую позицию по этой проблеме изложил на страницах издания известный художник Илья Глазунов:

“Почему сегодня в России пьют? Это сложный социальный вопрос. Тогда хочу спросить: а почему до переворотов 1917 года мы были одной из самых непьющих стран Европы? По официальной статистике, Россия занимала 70-е место по употреблению алкоголя на душу населения. Тогда никому в голову не приходило спрашивать, какой процент женщин злоупотребляет спиртным... До 1917 года Российская империя проявляла необыкновенную силу духа и экономическую мощь. А потом начался тотальный геноцид. Последствия переживаем сейчас... Лично я никогда не пил и не пью. Всегда имел жизненную цель и боролся за право быть собой и заниматься искусством”.

Художника поддержал режиссёр Виталий Манский, назвавший алкоголизм болезнью, которая страшнее рака: “...Человек должен относиться к себе с уважением. Алкоголикам бесполезно говорить: “Будешь пить водку – козлёночком станешь”. Потому что он пьёт водку и козлёночком не становится. Он становится козлом! Алкоголь, наркотики вымывают мозги. Наверняка многие из нас однажды в жизни испытывали чувство “перепития”. Вспомните состояние абсолютного опустошения, отвращения к самому себе, к собственному телу, запаху... А теперь помножьте эту гадость на 365 дней. Человек, больной раком, борется за жизнь. А когда ты перепил, ты хочешь умереть – потому что не хочешь ТАК жить”.

В Беларуси 23 февраля 2010 г. вступил в силу закон РБ, по которому распивать спиртные напитки, в том числе пиво, в общественных местах запрещено. В Гомеле пиво уже перестали продавать на остановках общественного транспорта и в радиусе 25 метров от них. В Витебске запрещена продажа алкоголя в ночное время суток. Во многих городах и районах республики вводятся “зоны трезвости” и проводятся “дни трезвости”. Решается вопрос о запрете рекламы пива по телевидению до 22 часов вечера и об установлении права гражданина на приобретение алкоголя только с 21 года.

В мае 2011 года, в Минске, на базе Дома межцерковного общения, по благословению Митрополита Филарета состоялся знаменательный белорусско-российский семинар “Деятельность церкви по утверждению трезвости: реабилитация и профилактика алкогольной зависимости”. Опыт организации церковных обществ трезвости, использования методик духовно ориентированной психотерапии поделились со слушателями – священнослужителями всех епархий Белорусской Православной Церкви – гости из Москвы (В. Доронкин, священник Илия Шугаев), Санкт-Петербурга (диакон Григорий Григорьев), Екатеринбург (священник Игорь Бачинин), а также хозяин семинара – руководитель Координационного центра по противодействию наркомании и алкоголизму БПЦ, настоятель храма в честь иконы Божией Матери “Неупиваемая чаша” священник Дионисий Пясецкий.

Завершилась двухдневная работа молебном и... обетом полной трезвости, который торжественно, на святом Евангелии и Кресте, дали почти 50% слушателей! Как же не вспомнить здесь слова известного педагога и подвижника благочестия С. А. Рачинского: *“Пока я держался умеренности, все мои речи оставались гласом вопиющего в пустыне. Все со мной соглашались, и никто не исправлялся. С тех пор, как я дал и исполняю обет трезвости, за мною пошли тысячи”*.

\* \* \*

Сравнивая два варианта поэмы “Тарас на Парнасе” (авторский на белорусском языке и переводы на русском), я заметила различия в тексте. У Вереницина: “гарелкі ў губы ён не браў”. А в переводе М. Лозинского: “Горел-

ки даже **в рот** не брал”, и у И. Бурсова: “Горелки **в рот** не брал совсем”. Только на первый взгляд оба выражения говорят об одном и том же – трезвости. Но какой?

Вспомним народную присказку: “По усам (по губам) текло, а в рот не попало”. Здесь имеется в виду такая трезвость, когда человек прикасался к спиртному, однако пить не стал. Но если даже на губы не попадало, то речь идёт о радикальной трезвости!

## ПРИМЕЧАНИЯ:

1. **Василий Григорьевич Лесняк** (1928–1995) – кандидат богословия, настоятель Вознесенского Храма и Спасо-Парголовской церкви Санкт-Петербурга, с 1990 года духовный пастырь Александро-Невского общества трезвости и милосердия, председателем которого являлся Высокопреосвященный Иоанн (Снычев), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Когда в 1961 году уполномоченный по делам религии спросил у батюшки: “За что Вас так любит народ? Вы ведь не так уж красиво служите”, – он ответил: “За то, что я их люблю; их везде ругают, а я... с любовью принимаю...” (Дар сострадания – “КАРО”, СПб – 2002).

2. **Александр Васильевич Рождественский** (1872–1905) – священник, “народный печальник”. Апостол трезвости. Товарищи ни за что не могли склонить его выпить хоть одну рюмку водки.

– Кровью пахнет, – говорил он, отстраняя предлагаемую рюмку.

– Как кровью?! – непритворно изумлялись те.

– Так... много из-за водки пролито крови... много драк, убийств... Ну, и пахнет... Не могу пить!.. (И один в поле воин. – СПб, 2005).

3. **Александр Владимирович Сорокин** – кандидат богословия, протоиерей, настоятель храма Новомучеников и Исповедников Российских и собора Феодоровской иконы Божьей Матери, председатель издательского отдела Санкт-Петербургской епархии Московской Патриархии РПЦ, ответственный редактор журнала “Вода живая”.

4. **Владимир Устинович Сорокин** – кандидат богословия, протоиерей, председатель Комиссии Санкт-Петербургской епархии по канонизации, профессор СПб Духовной Академии, благочинный Центрального округа Санкт-Петербургской епархии, настоятель Князь-Владимирского собора.

5. **Соколов Юрий Александрович** – активный деятель трезвеннического движения, автор книг “Трезвость. Противокурение”, “Выбери жизнь”, “Как отказаться от курения”, президент Международного содружества “Оптималист”. Физиолог, кандидат биологических наук, автор метода самостоятельного избавления от зависимостей.

6. **Архимандрит Тихон** (в миру **Георгий Александрович Шевкунов**) – священнослужитель Русской православной церкви, с 16 июля 1996 года наместник Московского Сретенского монастыря. Ректор Московской Сретенской Духовной семинарии. С марта 2001 года председатель сельскохозяйственного производственного кооператива “Воскресение” в Михайловском районе Рязанской области. Академик РАЕН. Автор фильма “Псково-Печерская обитель”, получившего в ноябре 2007 года на XII Международном фестивале православного кино и телепрограмм “Радонеж” (Ярославль) Гран-при. Автор показанного 30 января 2008 года на канале “Россия” фильма “Гибель империи. Византийский урок”, вызвавшего множественные споры в разных слоях общества. С 31 марта 2009 года – сопредседатель Церковно-общественного совета по защите от алкогольной угрозы. Автор идеи социального антиалкогольного проекта “Общее дело”. С марта 2010 года – ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре, член Совета при Президенте Российской Федерации по культуре и искусству.

**АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ**

*директор Института Африки РАН*

## “СЛУШАЙ ГОЛОС АТ-ТАХРИРА!”

### *К годовщине начала арабских революций*

Египет взорвался революцией. Подлинной. Не “как бы революцией”, как я сам писал до посещения страны в своей статье “Цунами революций”<sup>1</sup>, а подлинной революцией.

Почему?

Не потому, что в Египте была самая страшная бедность в мире. Глинобитные трущобы Каира утыканы телевизионными антеннами. В домах есть электричество и нередко вода, а дети почти все ходят в школу. Сравните с африканскими и индийскими трущобами и “почувствуйте разницу”. А там революций нет... Пока нет...

Не потому, что Египет был голодным. В среднем египтянин получал калорий выше общепринятой нормы благодаря субсидированным ценам на лепешки, растительное масло, сахар, хотя, конечно, без европейской доли мяса, овощей, фруктов, молока в диете.

Не потому, что в стране был экономический застой. Наоборот, средние темпы прироста ВВП в нашем веке – 5–7% в год (около 4% даже в кризисный 2009 г.) – были выше мировых, хотя и ниже китайских или индийских. Достигнутый уровень – примерно \$6 тыс. на душу населения в год – выглядит неплохо.

Не потому, что там был самый деспотичный и репрессивный режим на Земле. Были и есть режимы много хуже и страшнее. В Египте все же существовала оппозиционная и достаточно смелая пресса, была развита система адвокатуры. Хотя были и произвольные аресты, и пытки в тюрьмах и концлагерях.

Не потому, что Египет стал чемпионом по коррупции. В стране была чудовищная коррупция. Но в списке самых коррумпированных стран он находился где-то в середине<sup>2</sup>.

Так почему же?

Попытаюсь предложить свое объяснение.

---

<sup>1</sup> См.: “Азия и Африка сегодня”, 2011, № 3.

<sup>2</sup> Подробнее см. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ.

## ГЛУБОКИЕ КОРНИ

Дело в том, КАК воспринимали египтяне свое положение. Существующий порядок вещей стал невыносимым, хотя десятилетия и десятилетия главной мудростью египтянина была максима: “терпение – добро!”. Терпи унижения, терпи безработицу, терпи скандальный разрыв между богатыми и бедными, терпи несправедливость и произвол судей, чиновников, полицейских. Терпи невозможность реализовать свои таланты. Не протестуй. Да воздастся тебе в другом мире за твою добродетель и терпение в этом мире.

А уровень образования быстро рос, а спутниковые каналы показывали достойную, красивую, свободную жизнь. А интернет и мобильные телефоны стали доступны миллионам. А люди знали и видели, что небелые, неевропейцы – японцы, корейцы, а затем и китайцы – поднимались все выше, жили все лучше. А арабская нефть и арабский газ куда-то утекали.

Как же так? Мы же – древнейшая цивилизация на земле! Мы – *умм ад-дунья* – то есть мать мира! У нас же лучшая в мире религия – ислам. На нашем, на арабском языке ниспослан великим Аллахом на землю Коран!

И внутри, в сердце, в мозгу нарастал крик “Хватит!”, который до времени не выплескивался наружу.

Очень существенная составляющая часть кризиса – демографическая. Ученые называют ее “молодежным бугром”. В чем его суть? 20–30 лет назад благодаря успехам медицины резко снизилась детская смертность. Но фертильность женщин – то есть количество рождений на каждую женщину – временно оставалась прежней. Снижение рождаемости происходило, но отставало от снижения смертности. И к настоящему времени в арабских странах до 30–50% населения составляют молодые люди в возрасте 15–30 лет. Таким образом, выросла и стала преобладающей в обществе наиболее пассионарная, нетерпеливая и решительная часть населения. Но эти молодые, в отличие от прежней эпохи, как правило – образованные или полубразованные.

В одном Египте – сотни тысяч выпускников университетов (пусть и с сомнительным качеством образования), у большинства есть мобильные телефоны, компьютеры и возможность нового социального общения с помощью интернета, “Фейсбука”, “Ю-Тьюба”. У них велики социальные амбиции, но мало амуниции. Телеканалы на арабском языке “Аль-Джазира”, “Аль-Арабийя”, “Аль-Хуррийя”, исповедовавшие западные ценности в арабской оболочке, действовавшие по западным стандартам, давали свое видение мира. А работы-то не хватало. А зарплаты были низкими, если вообще были. Скапливалась критическая масса протестного взрыва. Не только в Египте. Пожалуй, почти во всех арабских странах.

Этот протест подпитывала целенаправленная американская и в целом западная пропаганда. После успеха некоторых “цветных революций” на постсоветском пространстве под прицелом оказались арабские страны. Взамен прежних лозунгов “Братьев-мусульман”: “Ислам – вот решение”, “Коран – наша конституция” были вброшены новые лозунги: “Демократия – вот решение”, “Права человека – вот лозунг борьбы”, “Свобода – вот цель”. Лозунги для образованной или полубразованной молодежи – пьянящие, радужные, прекрасные. Кого волнует, что при этом игнорируются тысячелетние традиции своих цивилизаций, традиции коллективизма, нормы социальной ответственности? В сторону! Скинуть все эти традиции с корабля современности!

Через американский Национальный фонд развития демократии с бюджетом в десятки миллионов долларов, через развитую сеть неправительственных организаций, через приглашения на учебу, семинары, конференции на Западе присматривались к потенциальным новым лидерам в арабских странах. Через интернет распространяли инструкции “ненасильственной” борьбы, чуть ли не 200 способов – от забрызгивания краской ветровых стекол полицейских автомашин до картонок под пиджаки и рубашки, чтобы сделать неэффективными удары полицейскими дубинками.

И все же! Кто стоял за этой политикой Запада? Официальный Вашингтон? Израиль? Мировая закулиса?

Как просто все объяснить происками “вашингтонского обкома” и решениями “израильского райкома”! Но не уйти от факта – именно факта: существовал реальный военно-политический союз Вашингтона (вкуче с НАТО) с репрессивными автократическими режимами в арабских странах. “Хотя он сукин

сын, но это наш сукин сын”, – повторяли и повторяют лидеры Запада. (Сам видел, как на конференции Афросоюза–Евросоюза в Триполи в ноябре прошлого года европейские лидеры заискивали перед Каддафи.) Никуда не уйти от сотрудничества Запада с репрессивными режимами с целью поддержания стабильности ему, Западу, в угоду, сохранения мира с Израилем, обеспечения неограниченного доступа к главному – нефтегазовым ресурсам огромного региона, сотрудничества в деле борьбы с терроризмом и исламским экстремизмом.

Официальный Вашингтон знал о растущей социально-политической напряженности в арабских странах, он правильно считал, что нужны реформы, но реформы – сверху, постепенно, демократизация в рамках союза с Западом. Программа “Большого Среднего Востока”, как и слегка измененная программа “Нового Среднего Востока”, была нацелена на трансформацию правящих в регионе элит по западным лекалам. Не удалась эта планы. То ли закатостенели эти самые элиты в своих привилегиях и традиционных методах “тащить и не пущать”, то ли перед их глазами стоял пример саморазрушения коммунистических номенклатур, которые попытались принять западные правила игры и рухнули (жалкая судьба оплеванного в собственной стране Горбачева). Но арабские элиты остались недвижимы. А неправительственные организации снизу, выращенные на американские и западноевропейские деньги, оставались маргинальными и чужими – для масс населения.

И вдруг! Тунис! Египет! Ливия! Бахрейн! Иордания! Йемен! Сирия! Десятки тысяч, сотни тысяч, миллионы демонстрантов.

Растерянность Вашингтона и Тель-Авива.

По-разному прокатилось цунами революций по разным арабским странам. Но мы больше будем говорить о Египте.

## РЫЦАРИ РЕВОЛЮЦИИ

Вот что мне говорил выдающийся современный египетский писатель Гамаль аль-Гитани: “Примерно за неделю до 25 января я был в президентском дворце на приеме – кому-то вручали высший орден “Ожерелье Нила”. Я был подавлен. Я видел царский двор, с лакеями, церемониями, лжецами, лизоблюдцами. Все казалось мертвым и безнадежным. “Неужели это на долгие годы?” – спрашивал я себя. Конечно, я слышал еще 24 января, что на следующий день с помощью интернета молодежь организует демонстрацию. Но, как человек старшего поколения, я просто не верил в успех интернета. И вот – свершилось! Алексей! Свершилось! Революция объединила всех, мусульман и коптов, богатых и бедных, интеллектуалов и неграмотных. Это был общенациональный порыв. Пусть будут трудности, страдания, жертвы! Но не вернется старый, мертвый режим!”

Друг мой! Мой верный, честный, бесконечно талантливый друг, мне так хочется тебе верить! Так хочется верить в будущее любимого мной Египта. Но я-то из страны, которая за век пережила столько революций и контрреволюций! И с какой горечью я смотрю на сегодняшний день моей родины... Я не сказал этих слов, чтобы не причинить ему боль. Так, как он, думают многие. Мейса – вдова Мухаммеда Сид-Ахмеда, моего друга, философа и публициста, проведшего 5 лет в насеровском концлагере, основателя одной из египетских компартий, воскликнула при встрече: “Мы – в новом Египте! Мы вернули честь и достоинство великого Египта!”

...Беседую с теми, кто через интернет, “Фейсбук”, “Твиттер”, “Ю-Тьюб” стал организатором египетской революции. Не важны их имена, они их не скрывают, пожалуйста, цитируйте, но их не знает наша публика. Брендом этой группы стал их приятель У. Гонем. Он был занят в день встречи. У молодых людей нет ни чувства ревности, ни зависти. Раскованные, образованные ребята. Совершенно искренние. Патриоты. Революционеры. Один из них на площади Ат-Тахрир потерял глаз... Умные и... пусть простят они меня... наивные, увлеченные западными лозунгами и ценностями.

Постарался расположить их к себе. Раскрыл свою книгу “Египет и египтяне” и прочитал посвящение и заключение. Им понравилось. Сказал, что приехал учиться, а не учить, изучать обстановку, и потекла откровенная беседа с жаркими спорами.

– Когда вы решили, что настал час “X” для революции?  
– Мы не планировали революции. Мы не собирались устраивать революцию, хотя знали об успехе наших тунисских братьев. Мы призвали людей на демонстрацию против ненавистной полиции. Хотели испортить праздник полиции 25 января. Рассчитывали, что на демонстрации выйдут тысяч 40, а вышло больше 200 тысяч. Были жертвы. А дальше стало ясно: народ не хочет Мубарака. 28 января после пятничной молитвы на улицу вышли миллион протестующих и еще несколько миллионов по всей стране. Ненависть вырвалась наружу. А дальше – дело известное. Полиция после нескольких попыток расправиться с демонстрантами разбежалась, а армия была вместе с народом.

– Каковы ваши задачи?

– Демократия. Возвращение человеческого достоинства. Возвращение величия Египта. Свобода. Свободные выборы.

– А почему вы выступили против поправок к конституции, затем против временной конституции, предложенной военными?

– Нужно было время для обсуждения проекта конституции. Мы не хотели, чтобы в ней сохранилась статья “Ислам – государственная религия, а шариат – основной источник законодательства”. Мы были против введения формальной квоты в парламенте – 50 процентов для рабочих и крестьян, сохранённой со времён Гамалея Абдель Насера.

– Вы сами надеетесь на успех на выборах?

– Вряд ли мы получим много голосов. Но у нас формируется два блока: “Союз 6 апреля” – он существует уже пару лет – и “Блок революционной молодежи”. Стоит задача дискредитировать прежнюю партию власти – Национально-демократическую, конфисковать ее имущество, показать народу, насколько коррумпированы ее члены. О текущей задаче: отправить под суд всех коррумпированных высших чиновников прежнего режима.

– А как вы относитесь к Ливии?

– Мы – союзники ливийских революционеров, мы – против диктатора Каддафи.

– Вы согласны с натовскими бомбардировками страны?

Некоторые колебания моих собеседников, а затем решительно:

– Если для успеха революции нужен союз с НАТО, пусть будут бомбежки НАТО.

– А если вы столкнетесь с сопротивлением здесь, в Египте, вы пригласите натовские самолеты бомбить Египет?

Я намеренно задал провокационный вопрос. Мои собеседники горячо заспорили между собой, до крика, потом пришли к консенсусу:

– Египет – великая страна, она сама справится со своими проблемами. Бомбить Египет не посмеют. У нас самая сильная армия и самое сильное ПВО на Ближнем Востоке (про Израиль мои собеседники, конечно, забыли, а о качестве египетской ПВО в сопоставлении с современными требованиями они, видимо, не знали).

– Знаете ли вы, что все революции всегда приводили к экономическому упадку? Люди надеялись на немедленное улучшение ситуации, на немедленное улучшение своего личного положения. Но этого не будет.

Один из них сказал:

– Но ведь коррупционеры перевели за границу десятки миллиардов долларов. Мы их вернём.

– Простите, – возразил я, – из Африки за 50 лет независимости был незаконно вывезен почти один триллион долларов. Вы знаете, сколько удалось вернуть за многие годы усилий? Один миллиард – одну тысячную часть награбленного.

Ребята погрузнели. Но потом один из них сказал:

– Но мы же нужны демократическому Западу. Запад нам поможет.

– Вы не ожидаете контрреволюции?

– Да, такая опасность есть. Но есть и опасность новой революции, “революции голодных”, если экономика не наладится.

Точно такие же слова о возможной “революции голодных” я услышал от одного из руководителей “Братьев-мусульман” Саади Хусейни.

## СТАРЫЕ И НОВЫЕ “БРАТЬЯ-МУСУЛЬМАНЕ”

Офис “братьев” в одном из отдаленных районов Каира. Скромное, непрятязательное жилище. Охраны почти нет или она невидима. Снуют посетители. Руководители в отутуженных европейских костюмах, с галстуками, бороды аккуратно подстрижены. Речь спокойная и взвешенная. Мы говорили по-арабски, но тут же сидел готовый помочь дипломант Менделеевского института, кандидат химических наук, женатый на русской. Мой собеседник – бывший член парламента созыва 2006–2010 гг. – был официальным представителем фракции “Братьев-мусульман” в том парламенте. В следующий парламент подручные Мубарака не пропустили “братьев”, грубо сфальсифицировав выборы.

Беседа была дружеской и откровенной. “Братя” по глупейшему решению нашего суда 90-х гг. числятся “преступной террористической организацией”. Поэтому у нас с ними – никаких официальных контактов. Президент России Д. А. Медведев только что освободил меня от должности его представителя по связям с лидерами африканских государств. Поэтому я как свободный ученый мог встречаться с кем угодно.

Я полагал, что в какой-то мере был готов к встрече и дискуссии. Я сам писал, что есть ислам и ислам. Ислам разнообразен, многолик и противоречив. Его знаменем могут прикрываться общественно-политические течения самого разного свойства. Есть полуофициальный ислам аль-Азхара – влиятельнейшего богословского университета в Египте; народный ислам мистиков-суфиев; ислам экстремистов-террористов. И ислам самой массовой общественно-политической организации “Братьев-мусульман”. Они отвергали идеалы “западников”-либералов и революционеров-националистов, искали ответы на вызовы современности в Коране и сунне (житии пророка Мухаммеда). Борьба за сохранение ислама – вот главная задача мусульман, считали они. Поэтому нужно сопротивляться империализму, Западу, который хочет разграбить ресурсы мусульманского мира и разрушить ислам.

Когда-то “братя” отвергали политические партии как неприемлемую форму социально-политической жизни мусульманского Египта. Но потом прагматично использовали выборы в парламенте – или как независимые, или в союзе с другими партиями. Но, по их мнению, политические партии и демократия в Египте провалились. Парламент формировали из угнетателей народа. Управлять справедливо государством можно лишь на основе шариата, имеющего божественное происхождение, а не на основе законов, созданных человеком. Но демократия может функционировать в рамках исламского законодательства, поэтому обвинять “братьев” в недемократичности – “большая ложь”. Ряд экономических мер должен обеспечить благосостояние народа и независимость от иностранного экономического господства. Нужно освободиться от империализма в его различных облициях. Когда-то врагами “братьев” были и коммунисты с их атеистической идеологией, но сейчас о коммунистах просто забыли.

Это краткое резюме отнюдь не охватывает широчайшего спектра взглядов “братьев-мусульман” на все стороны социальной, семейной, политической и экономической жизни. Но как полезно услышать мнение прагматика-“брата”, одного из лидеров организации!

– Наконец-то вы пришли к нам, в нашу штаб-квартиру. Мы, “братя”, всегда хотели встречаться с русскими и вести открытый диалог, – говорил Саад Хусейни. – Это в интересах России, Египта и всего человечества. Мы помним, как вы помогали Египту и Палестине, мы помним, как вы помогали создавать наши вооруженные силы, строить высотную Асуанскую плотину, возводить заводы, готовить кадры. Мы этого не забудем.

После распада СССР в мире образовалась пустота. Раньше был баланс сил в интересах человечества, а значит – и в интересах арабских стран. Сейчас баланс нарушен. Россия – великая держава, и она должна играть большую роль в мире, в том числе в нашем регионе.

– А какова ваша позиция в отношении конкретных событий?

– Напомню, что когда Грузия вела войну в Осетии, а министром обороны Грузии тогда был гражданин Израиля, мы поддерживали Российскую Федерацию, мы поддерживали Россию в войне против Грузии.

Мы приветствуем диалог с русскими в любом формате, или на официальном уровне, или в рамках НПО в интересах двух стран. Но препятствия – с ва-

шей стороны. Мы очень сожалеем, что в России все еще числимся в “черном списке” террористов и преступников. Этого нет нигде в мире, только у вас. Наша организация имеет миллионы членов. Имена, телефоны, наши офисы известны. Мы – террористы? С нашими братьями из ХАМАСа в секторе Газа вы официально встречаетесь, а мы – преступники? Если определять наши позиции, то мы – центристы, мы за то, чтобы принимать “других”.

Наши постулаты следующие: упадок нравов в мусульманском мире предполагает неприятие и осуждение “других”, вызывает волну экстремизма и терроризма. Мы понимаем, почему рождается насилие. Но мы против насилия, против терроризма, хотя мы за право сопротивляться агрессии и оккупации. Мы осудили теракты 11 сентября в США. Именно мы сдерживаем терроризм в мусульманском мире, поэтому некоторые террористы называют нас “неверными”.

Сейчас организации “братьев” существуют в 90 странах в разной форме, иногда участвуют в правительствах. У нас очень много молодежи. Наша задача признавать “других” и выступать за демократизацию, отвергая насилие. Мы – школа будущего.

Резюмирую свои слова: мы хотим больше связи с Россией, мы ждем снятия с нас обвинений в терроризме. Вы уже опаздываете, а кто опаздывает, тот теряет позиции. (К концу беседы мой собеседник поглядывал на часы. В приемной уже сидел новый гость – советник-посланник посольства Германии.)

– *Играли ли “братья” роль в революции?*

– Наша молодежь участвовала в переписке по “Фейсбуку”, и мы разрешили молодым “братьям” участвовать в демонстрациях 25 января, причем не только в Каире, но и по всей стране, особенно в индустриальном центре Махалле-эль-Кубре.

А 28 января мы решили, что все “братья” должны участвовать в революции как часть народа, но не выдвигать особых требований. “Свобода! Справедливость! Демократия!”, “Мубарака – в отставку!” – это были лозунги всех и в том числе наши лозунги. Вместе с тем, мы выступали против насилия, даже против насилия в отношении полиции. Если бы не наше участие, не обошлось бы без еще больших жертв. Среди демонстрантов были агенты полиции, именно они пытались провоцировать столкновения. Мы считаем, что наша позиция предопределила успех революции, ведь она прошла по всей стране, а не только на площади Ат-Тахрир. Это была революция всей страны, поэтому мы отвергли поддержку, выраженную нам Хасаном Насраллой (лидер ливанской партии “Хезболла”. – **А. В.**) и Ахмадинежадом (президент Ирана. – **А. В.**), которые утверждали, будто в Египте произошла исламская революция. Мы сказали им “нет”. Это – революция всех египтян.

– *Каковы ваши планы на ближайшее время и среднесрочные перспективы?*

– Мы должны свалить Национально-демократическую партию. Она погрязла в коррупции, связана с госаппаратом, с репрессиями. Партия должна быть распущена, ее собственность конфискована. Мы предполагаем, что они могут изменить название, но мы составим черный список коррупционеров из НДП, чтобы помешать их успеху на выборах под другим названием. Но на местах у них есть крепкие позиции, поэтому многие могут пройти в парламент.

– *Каковы ваши планы по созданию собственной партии?*

– Некоторое время назад была создана партия “Васат” из числа молодых “братьев”. Теперь мы создаем массовую Партию свободы и справедливости, чтобы ее зарегистрировать. Может быть, мы создадим свой телевизионный канал и газету. Мы не против закона, запрещающего образование партий по религиозному принципу. У нас будет светская партия. Мы не против участия в ней даже христиан-коптов. Мы не стремимся к созданию теократического религиозного государства. Мы – за гражданское государство, за гражданское правительство. Наша тактика следующая: во-первых, мы не будем выставлять свою кандидатуру на пост президента, но, естественно, будем поддерживать того, программа которого будет близка нашей; во-вторых, мы не будем участвовать в переходном правительстве, хотя участие в будущем правительстве не исключено; в-третьих, мы не стремимся завоевать большинство в парламенте, чтобы никого не пугать. Ведь Мубарак нами пугал Запад, чтобы обеспечить себе западную поддержку. Мы хотим усилить активность политической жизни Египта, не претендуя на монополию власти. 20–30% мест в парламенте для нас достаточно.

– Как вы оцениваете экономическую ситуацию в стране?

– Мы знаем, что Египет ждут очень трудные времена, поэтому, в частности, мы не хотим принимать на свои плечи всю ответственность. Экономическое положение ухудшается. Возможна так называемая “революция голодных”. Нужно этому помешать путем активной борьбы с коррупцией. У многих есть наивные надежды – вернуть деньги, украденные коррупционерами, переведенные в западные банки, а потом раздать эти деньги. Все это нереально. Нужно создавать условия для гармоничного экономического развития. Мы надеемся, что выборы будут честными, и в парламенте мы сможем отстаивать свои принципы.

– Если обратиться к международным делам, каковы ваши внешнеполитические установки?

– Мы считаем Иран мусульманским государством. У нас общие интересы. Правда, мы против их методов экспансии. Мы против некоторых положений шиизма. Но мы хотим строить мосты сотрудничества с Ираном, мы готовы к этому сотрудничеству. Отношения с Саудовской Аравией мы считаем очень важными. Египет и Саудовская Аравия – это два столпа арабского мира. Есть сотни причин для сотрудничества с мощной саудовской экономикой. “Братья-мусульмане” во времена Насера бежали в Саудовскую Аравию и работали там, преподавали. Мы любим эту страну, там находятся две главные святыни ислама.

– Вы можете изложить вашу позицию по вопросу о возможном производстве ядерной бомбы в Иране?

– Об этом много говорят, но сейчас почему-то не говорят о том, что у Израиля больше 200 ядерных боеголовок. Если они откажутся от них, то и мы также откажемся. Но мы против израильской монополии в регионе на ядерное оружие. Мы хотим развивать мирный атом. А обвиняют в чем-то Иран. Израиль уже наносил удары в Ираке и Сирии по атомным объектам. Говорят о возможности таких же действий в отношении Ирана.

– Как вы относитесь к будущим отношениям с Израилем?

Мой собеседник попеременно употребляет термины – то “сионистское образование”, то “Израиль”.

– Мы уважаем мирные договоры, заключенные Египтом. Но с “сионистским образованием” – дело особое. Есть три варианта. Первый – полностью отменить мирный договор. Второй вариант – оставить его в неизменном виде. Третий вариант, за который мы выступаем, – предложить народу обсудить содержание договора после выборов. Пусть говорят все. После этого провести референдум или голосование в парламенте. Мы будем выполнять волю большинства народа. Если народ решит изменить договор, будем вести переговоры.

## А ЧТО ИЗРАИЛЬ?

Отвлекусь на мгновение от событий в Египте. Вокруг этих внешнеполитических постулатов “братьев” вертелись все мои разговоры и беседы в Израиле. Обеспокоенность выражали все – и правые, и левые. И проправительственные аналитики, и независимые профессора. Здесь внимательно отслеживали не только заявления “Братьев-мусульман”. Ведь и новый министр иностранных дел Египта Набиль аль-Араби тоже заявил, что мирный договор с Израилем – это “не священная корова”. Необходимость пересмотра договора подразумевали и возможные кандидаты на пост президента Египта Амр Муса и Мухаммед аль-Барадеи.

В Израиле понимают, что сотрудничество с режимом Мубарака в блокаде сектора Газа далеко выходило за пределы прежнего мирного договора и прежних договоренностей. Были данные, что израильская разведка постоянно информировала Мубарака о потоках демонстрантов в дельте и зоне Суэцкого канала, чтобы он был лучше осведомлен об обстановке.

Израильский премьер-министр Беньямин Нетаньяху заявил, что с палестинским правительством, в котором участвует ХАМАС, не может быть переговоров.

Арабские революции подошли к самому Израилю. 15 мая палестинцы отмечают как день *Накба*, то есть катастрофы, считая таковой дату образования Израиля. На этот раз впервые палестинцы пробились через линию перемирия

на оккупированные Голанские высоты, пытались пройти маршем с Западного берега в Иерусалим, подошли к южной границе Ливана, к административной границе сектора Газа. Израильские части использовали слезоточивый газ, а затем стали стрелять боевыми патронами. В результате было полтора десятка убитых палестинцев и несколько десятков раненых.

После падения Мубарака представители ХАМАСа, правящего в секторе Газа, посетили Каир и встречались с военным руководством, чтобы обсудить возможности экономических связей с Египтом и положение политических заключенных в израильских тюрьмах. В Каире ХАМАС из Газы и ФАТХ с Западного берега договорились о совместных действиях. Правительство Израиля недовольно – ведь ставка была и остается на раскол палестинцев.

Под вопросом оказалась вся израильская политика статус-кво, которая предусматривала ведение переговоров ради переговоров, откусывая один кусок палестинских территорий за другим, основывая новые поселения для израильтян, выжимая палестинцев с их насиженных мест. Поэтому, с учетом развития событий в Египте, резко изменилось отношение к революционным событиям в Сирии. В первые дни антиправительственных волнений пресса выступала за поддержку демонстрантов, потом наступила всеобщая сдержанность. Как здесь цинично говорили, “израильский райком” решил не свергать Башара Асада, а “вашингтонский обком” утвердил это решение. Почему? Башар Асад был предсказуемым. От него исходил поток антиизраильской и антизападной риторики, жестких заявлений. И вместе с тем баасистский режим с 1973 г., то есть в течение 38 лет (!), не допустил ни одного нарушения перемирия на Голанских высотах. 20 тыс. израильских поселенцев осваивают оккупированные Голанские высоты. Их Израиль даже формально аннексировал, хотя этот акт не признан ни одним государством мира.

Правда, в Израиле отмечают, что Сирия – союзник ненавистного Ирана, которого здесь принято считать врагом. Сирийцы, по утверждению израильтян, вооружают и готовят боевиков “Хезболлы” в Ливане, которые столь успешно воевали против израильтян в 2006 г. Но потенциальный хаос в Сирии, подъем суннитского движения, во главе которого могут стоять местные “Братья-мусульмане”, гораздо более экстремистски настроенные, чем в Египте, – это представлялось худшим сценарием.

Дальше мнения разделялись. Одни (левые) полагают, что как раз сейчас и нужно договариваться с сирийцами и палестинцами, чтобы снять напряженность на будущее с меняющимся и, возможно, демократизирующимся арабским миром. Другие (близкие к правительству) полагают, что именно сейчас нельзя вести никаких переговоров, нельзя заключать никаких соглашений, тем более нельзя делать территориальных уступок, так как неизвестно, какие силы придут к власти завтра в Сирии или же на охваченных кризисом палестинских территориях.

До сих пор нет ответа на вопрос, справится или нет с революционными волнениями Башар Асад, даже если предположить, что израильские и американские спецслужбы пока (!) не работают против него. Но официальный Вашингтон и его натовские союзники все больше настраиваются на свержение Башара Асада.

У арабских революций своя логика и своя динамика. А сирийские “братья” не забыли, как в 1982 г. Хафез Асад (отец нынешнего президента) утопил в крови с тысячами жертв восстание “братьев” в городе Хаме. У наследников того восстания свои счеты и с алавитами – костяком правящей партии, костяком офицерства и генералитета, и с семейством Асада, и с его окружением.

Ясно, что почти бескровный египетский или тунисский варианты в Сирии не пройдут. А представители “интернет-молодежи”, сидящие в Ливане или Иордании, через сеть социальных связей гнут свою линию – “Долой баасистский режим!” В ответ – массовые репрессии с участием армии. Уравнение со многими неизвестными...

### **“СЛУШАЙ ГОЛОС АТ-ТАХРИРА!”**

... Я – на площади Ат-Тахрир, в центре Каира. Пятница. Люди собираются на митинги в разных концах площади. Участников не сотни тысяч, но, во всяком случае, – десятки. Само название Ат-Тахрир стало брендом египетс-

кой революции, символом стойкости, мужества, свободы. Восемнадцать дней без перерыва здесь кипели страсти, звучали речи, споры, стихи, песни, были схватки с полицией и с нанятыми полицией хулиганами и даже с верблюжьей кавалерией. Из миллионов глоток рвалось одно слово в адрес президента Мубарака: “Уходи!!!”. Полиция тогда исчезла. Вокруг площади и в переулках стояли танки. Армия не вмешивалась в события.

В критический день 11 февраля толпа намеревалась двинуться к президентскому дворцу, где стояла готовая стрелять президентская гвардия. Мне рассказывали, что якобы состоялся телефонный разговор президента Мубарака с министром обороны маршалом Мухаммедом Тантави. Этот разговор уже стал частью революционной мифологии. “Почему ты не на моей стороне? – кричал президент. – Я же сделал тебя маршалом, я назначил тебя министром обороны!”. “Да, я всем обязан тебе, мой президент. Но если выбирать между тобой и родиной, я выбираю родину. Уходи! Армия будет против твоей гвардии”. Президент подал в отставку и улетел с семьей в Шарм-эль-Шейх на личную виллу. А кровавой бани удалось избежать.

Власть в стране взял Высший военный совет во главе с Тантави. Но лишь единицы знали, что накануне этого решения начальник египетского генштаба Сами Энан несколько дней сидел в Вашингтоне, в Пентагоне, согласовывая с американцами план действий. Было решено пожертвовать Мубараком, но сохранить власть в руках военных, которые должны начать реформы.

Народ не знал о закулисной игре и ликовал.

Но революции, повторяю, имеют свою логику. Ее составная часть – наращивание требований. Речь уже идет не только об изгнании Мубарака, но и о смене режима. Правительство отправили в отставку, назначили новое, отменена старая конституция, опубликованы временные конституционные положения, распущен прежний парламент.

А вот теперь на площади слышу новые требования. Оратор выкрикивает в рифму: “Вот наши требования, о мушир (мушир – по-арабски маршал), слушай голос Ат-Тахрир!” Толпа размахивает национальными флагами, и хором раз за разом повторяет лозунг.

Рядом другой митинг. Выступает имам мечети Омара, перемежая свое выступление цитатами из Корана и рифмованными лозунгами:

“Спасибо революции 25 января!”, “Под суд коррупционеров!”, “Почему власти медлят?”, “Привести сюда, на площадь, Мубарака, его сыновей и подручных, пусть их судит народ!”, “Убрать прежних руководителей СМИ!”, “Почему остались на своих местах губернаторы, ставленники Мубарака? Гнать их!”, “Да здравствует революционная законность!”, “Не может быть диалога с убийцами, на руках которых кровь наших мучеников!”, “Нам принадлежит законность!”, “Никакие дела нельзя делать без учёта наших требований, требований народа!”, “Это – не футбольные соревнования и не разногласия между поклонниками того или иного клуба, чтобы говорить о примирении. Затронута честь народа, кровь мучеников”.

Толпа бурно реагирует на каждое слово, на каждый выкрик, отвечая одобрительным гулом, повторяя рифмованные призывы.

“Любой, кто хочет покончить с революцией с помощью контрреволюции и вызвать конфессиональную вражду, раскол между мусульманами, христианами – преступник. Под суд его, как и коррупционеров! Мы, мусульмане, христиане, действуем вместе. Храмы и монастыри христиан – под нашей защитой”.

“Вот список наших требований:

Создать президентский совет, который будет править Египтом до выборов.

Суд над всеми коррупционерами во главе с Хосни Мубараком.

Распустить Национально-демократическую партию и национализировать ее имущество. Мы отвергаем саму мысль, что у НДП есть право участвовать в национальном диалоге, потому что это не национальная партия, это партия предателей.

Приостановить деятельность всех прежних руководителей и их представителей во всех структурах, имеющих влияние. Посадить их под домашний арест, чтобы не допустить преступных заговоров.

Никакой закон не должен запрещать забастовки.

Отменить все законы о чрезвычайном положении.

Почему военный совет распустил парламент, а не распустил местные советы?

Необходимо продолжать нашу революцию, пока она не достигнет полного успеха. Никакие цели не достигнуты, пока не будет покончено с коррупцией и коррупционерами”.

Метрах в ста идет молодежный митинг, требования почти те же:

“Судить коррупционеров, начиная с Хосни Мубарака и до самого маленького ответственного чиновника.

Снять всех губернаторов и распустить местные советы.

Организовать гражданский президентский совет, который будет править Египтом до выборов.

Вернуть все награбленные деньги из-за границы в Египет.

Отправить в отставку руководителей университетов, которые были назначены прежним режимом.

Никакого примирения и диалога с теми, кто пролил кровь мучеников, никакого диалога с коррупционерами.

Не допустить участия Национально-демократической партии в национальном диалоге, запретить НДП.

Отправить в отставку руководителей СМИ, которые работали на прежний режим.

Освободить всех политических заключенных, которых посадили до революции. Прекратить пытки заключенных в тюрьмах”.

Повсюду рифмованные крики: “Народ требует судить президента”, “Наша революция – не игра в кошки-мышки”, “Поднимите свой голос в защиту революции”, “Кто борется, тот не умрет”, “Почему у власти представители прежнего режима? Долой!”. “Нельзя построить дом, если какие-то этажи уже разрушены, нужно разрушить весь дом до основания. Это надо сделать побыстрее”.

Речи распалаяют собравшихся. Ораторы стирают с лица крупные капли пота и говорят, говорят, говорят, выкрикивая лозунги. Толпы их подхватывают. Расхаживают продавцы бубликов и воды. Танцуют под барабаны. Дети вместе с родителями несут плакаты и размахивают национальными флагами. Продаются сувениры с эмблемами “Революция 25 января”. Фотографируются на фоне плакатов и посылают изображения по мобильным телефонам друзьям и знакомым. Делают видеосъемки. Под единственным деревом в центре площади расположилась семья: старик, муж, жена и четверо детей пьют чай.

Подчеркиваю: это – день сравнительно небольшого скопления народа. В следующую пятницу, когда меня уже не было в Каире, на площадь собрались вдесятеро больше людей.

Улица не просто кричала и митинговала. Она добивалась своего. Военный совет отступал шаг за шагом. Была распущена НДП и конфискованы ее фонды и ее имущество. Мубарака, его жену и сыновей арестовали. Еще несколько десятков высших коррупционеров оказались за решеткой. Толпа требовала крови. Пока своих робеспьеров, троцких или свердловых не появилось. Но кто знает... Смещены все руководители государственных СМИ. Свободная печать воздействует на политику и кадровые назначения. Мой друг, писатель Гамаль аль-Гитани поместил колонку в газете “Аль-Ахбар” с критикой только что назначенного министра культуры, назвав его менеджером, а не деятелем культуры. Министра сняли. Сын Гамала Абдель Насера дал интервью в одной из газет. Он осудил режим Мубарака со словами: “Революция 25 января – продолжение революции 23 июля (1952 года)”.

Но, как и в любой революции, все хаотично и противоречиво. Бастуют студенты, требуя повысить отметки, полученные ими на экзаменах. Бастуют ученики старших классов школ, требуя облегчить учебные программы. Общеегипетский скандал: во время футбольного матча египтян с тунидцами выигрывали тунищцы. И тогда огромная толпа египетских болельщиков выбежала на поле и стала избивать туниских игроков. Полиция не вмешалась. К чести египтян надо сказать, что по этому поводу заседал даже Высший военный совет, который направил извинения Тунису. К тунискому посольству приходили десятки молодых людей, чтобы выразить свое сочувствие и извинения. В социальных сетях молодые активисты распространяют призывы к соотечественникам соблюдать правила дорожного движения и не свинячить на улицах. (Вспомним: “Граждане! Будьте культурны! Не плюйте на пол, а плюйте в урны!”)

Поступают сообщения о том, что салафиты (крайние мусульманские экстремисты) разрушают надгробья и склепы над могилами святых, почитае-

мых суфиями, мусульманскими мистиками. Идут столкновения на кладбищах. Из Афганистана, из Пакистана, из Ирана, из Западной Европы возвращаются сотни членов “Аль-Джихад аль-Ислами” и других террористических мусульманских организаций. Они, мол, были борцами с прежним деспотичным режимом Мубарака. Из тюрьмы освободили соучастников убийства президента Садата в 1981 г. (основные участники этой акции были тогда казнены). Заявление “Братьев-мусульман”: “Мы осуждаем салафитов и террористов”.

Все тревожнее сообщения о ситуации в экономике. Люди ожидали немедленного улучшения своего положения, а оно ухудшается. Доходы от туризма за три месяца упали на 80%. Удар пришелся по служащим гостиниц, гидам, торговцам, шоферам такси. Золотовалютные резервы страны сократились на несколько миллиардов долларов. Из страны “убежали” 6,5 млрд долларов частных вложений. Один из бизнесменов жаловался мне на встрече в клубе “Сувейрис”, где собирается журналистская и писательская элита: “Мы собирались строить новый металлургический завод. И вдруг нам говорят: “Вы получили лицензию с помощью Ахмеда Изза (металлургический олигарх, друг сына Мубарака Гамалея). Ваши лицензии недействительны. Или давайте 100 миллионов фунтов (!) “на лапу”, или уходите”. Мы вынуждены закрыть бизнес. На работу молодые люди ходят со своими компьютерами и переписываются по “Фейсбуку”. Попробуй запретить. Нам отвечают: “У нас теперь демократия, мы скоро будем выбирать и руководить фирм”.

Я запомнил воодушевленную, возбужденную журналистку из влиятельного журнала. Она кипела горячим энтузиазмом и верой в будущее. “Сейчас, – говорила она, – журналисты получают 500–600 фунтов в месяц, а нужно установить минимум 1200 фунтов. Откуда взять деньги? Да ведь очень просто. Нам же вернут те десятки миллиардов, которые Мубарак и прочие коррупционеры перевели за границу, вот и хватит на всех денег”. Я с ней не стал спорить, но представил себе наивность и надежды простых египтян, если журналистка из солидного издания верит в сказку о завтрашнем дне.

## А МЫ ОПАЗДЫВАЕМ

Наслушался упреков в адрес России от всех – правых, левых, бизнесменов и шоферов такси, университетских профессоров и разнорабочих: “Где вы, русские? Почему вас не видно и не слышно? Почему вы хотя бы не примете на лечение раненных в ходе нашей революции, как это сделали немцы? Почему вы не установите с нами контакты на уровне неправительственных организаций? Вы опаздываете. Кто последний пришел, тот на последнем месте по своему авторитету и окажется”. Я пытался оправдываться:

“Мы отменили запрет на поездку туристов в Египет, а это очень существенная экономическая составляющая”.

А что еще было добавить? Хорошо, что в Египте побывал наш министр иностранных С. В. Лавров. А где наши профсоюзы, правозащитники, организации дружбы и солидарности, организации женщин, молодежи, спортсмены, писатели, научные делегации?

Знаю ответ: нет денег. На контакты и поездки в США или Францию, Германию или даже Китай деньги есть. На арабов – нет. В советские времена деньги были. (К слову: Египет расплатился с Россией за ВСЕ (!) свои долги – и за высотную Асуанскую плотину, и за оружие, и за заводы.)

А контакты человека с человеком? Миллионов с миллионами? Пусть эти контакты подождут... Подождем своего Билла Гейтса, который сам заработал десятки миллиардов (долларов, не рублей) и половину отдал на благотворительность.

Вот так мы и живем. Арабские революции и будущее арабских стран – само по себе, а мы с нашими проблемами, претензиями – сами по себе.

Никто как будто не виноват. У нас, действительно, свои большие заботы. Понятно, почему от нас уходят и забывают о нас друзья. А деньги? Ну что ж, можно с уверенностью сказать, что если в арабских странах установятся режимы, устраивающие Запад, деньги у Запада найдутся. Да и куда деваться без экономических связей? Ведь Россия не выпьет арабскую нефть, не выкупит арабский газ, а послереволюционные правительства могут найти общий язык с Западом. Но без нас. Нам достанутся в лучшем случае крохи.

...Власти объявили о сокращении комендантского часа до 3 часов – с 2 до 5 утра. Раньше его соблюдали очень относительно. Но митингующие остались на Ат-Тахрире на ночь. На этот раз их разогнала армия. Были убитые. Но особых протестов ни со стороны “интернет-молодежи”, ни со стороны “Братьев-мусульман” не последовало.

...И новые тревожные сигналы нарастающего хаоса. Кажется, что полу-месяц и крест разомкнули свои революционные объятия. Исламистские экстремисты подожгли две церкви в каирском рабочем районе Имбаба. Начались драки мусульман с коптами. С двух сторон погибли 15 человек, ранено – больше двухсот.

Христиане, протестуя против бездействия полиции, устроили многодневную сидячую забастовку у здания телевидения. Коптский папа обратился с призывом к верующим не нагнетать страсти. Но в новых столкновениях были убитые и раненые...

*Каир–Тель-Авив–Москва*

АЛЕКСАНДР СЕЛИВАНОВ

## ИНСОР: РАДИКАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ В ПСЕВДОНАУЧНОЙ ОБОЛОЧКЕ

Вот уже второй год подряд под грифом “Института современного развития” (ИНСОР) выходит публичный доклад, подписанный коллективом авторов, среди которых есть известные научные работники\*. Председателем Попечительского совета ИНСОРа является президент РФ Д. А. Медведев, что выглядит особенно интригующе и привлекает внимание к докладам со стороны интеллектуального сообщества\*\* и политического бомонда.

Начнём с того, что авторы доклада-2011, пафосно озаглавленного “Обретение будущего”, ставят читателя и политическое сообщество перед следующей альтернативой – **либо** существующая криминально-коррупционная клановая система власти в России (кстати, о таком характере власти в современной России говорят вслух не только представители научного и оппозиционно-политического сообществ, но и руководители страны, включая В. В. Путина и Д. А. Медведева), **либо** “очищенный от скверны” радикально-либеральный путь развития, провозглашаемый авторами как единственно разумный выбор.

В данной статье кратко обоснуем несколько утверждений:

– данная альтернатива не единственная, а при ближайшем рассмотрении и не альтернатива вовсе;

– предлагаемый группой ИНСОР “вектор развития” научно не обоснован, оторван от российской реальности, от нужд подавляющего большинства народа и отвечает интересам некоторых групп частных лиц, в том числе стоявших у основания либерального поворота 90-х, но выдвинутых из нынешней власти;

– оба варианта (действующий и предлагаемый ИНСОРОм в качестве альтернативы) одинаково губительны для России, поскольку рассматривают её исключительно как ресурс удовлетворения потребностей конкурирующих групп капитала и частных лиц.

---

*СЕЛИВАНОВ Александр Иванович родился в 1961 году в г. Кумертау, Башкортостан. Доктор философских наук, профессор МГТУ “СТАНКИН”. Является автором и соавтором 8 монографий, более 120 научных и 30 публицистических статей. Проживает в Москве.*

\* Руководителями ИНСОР и коллектива авторов являются Е. Ш. Гонтмахер и И. Ю. Юргенс. Всего в данной группе в 2011 году под докладом стоит 16 подписей.

\*\* Научная дискуссия вокруг доклада была проведена на страницах журнала “Власть” в № 6 за 2011 год.

Начнём с того, что для научного работника видны принципиальные отличия данного документа от результатов научных исследований — например, докладов, которые готовят академические институты (например, Институт социологии РАН\*) или разведсообщество США (три доклада которого, в том числе за 2010 г., переведены на русский язык и опубликованы)\*\*.

Более того, **с научной точки зрения доклад ИНСОРа не представляет собой абсолютно никакого интереса**, поскольку он лишь в некоторых своих аспектах **выглядит** как научный, используя отдельные общеизвестные факты, но при этом не только не порождает никакого нового знания (основное требование, предъявляемое к науке), но даже не соблюдает принципов научной методологии, таких как фактическая доказательность и достаточность фактов, конкретность рассмотрения, системность и полнота, логическая стройность и другие. Материал в целом — прекрасный образец **псевдонаучности**, демонстрирующий использование научного антуража для иных целей.

В этом **политическом документе**, замаскированном под научный доклад, чётко обозначено ключевое требование. Оно выглядит так: “Назревшая модернизация требует стратегического согласия в обществе” (с. 13). Требование справедливое, если подразумевается **всё** общество, все его группы — социальные и политические. Но разве обо всех членах общества (или хотя бы о его большинстве!) думал руководитель ИНСОРа И. Юргенс, обвиняя, по сути, русский народ в провале модернизации?

Речь, следовательно, не об обществе в целом, а об его части, причём весьма небольшой количественно — о либеральной элите. “Ты для себя лишь хочешь воли”, — гениальная пушкинская инвектива из “Цыган” точно характеризует устремления авторов доклада.

Договоритесь с нами и с теми, кого мы представляем, — настаивают деятели ИНСОРа, — поделитесь властью и ресурсами, сторгуемся. В противном случае с нашей стороны согласия не будет, и мы будем для вас, как заноза, если не хуже. Собственно, это главное и единственное требование данного документа. Поэтому вся группа вопросов, которые могут быть интересны, лежит не в плоскости оценки степени научности материала, а в плоскости анализа того, чьи интересы представляет данный политический документ и как их интересы соотносятся с интересами других слоёв населения, страны в целом и её народа.

За небольшой группой авторов ИНСОРа действительно стоит серьёзная сила. Это сила капиталов российского и мирового сообщества, имеющих интересы на территории России, но не способных вполне их удовлетворить при сложившейся системе власти. Кроме того, среди разделяющих идеи “передела власти” в пользу радикального либерализма много деятелей “лихих девяностых” — как отстранённых от власти, так и имеющих реальные и сильные позиции в современной деловой и политической среде, но “стремящихся к большему”.

Ключевыми понятиями доклада выбраны риторические термины: “свобода”, “модернизация”, “инновации” (в предыдущем докладе было ещё “постиндустриальное сообщество”). На большом количестве крупных научных конференций 2009–2010 годов, во множестве научных работ за этот период данные понятия всесторонне критически проанализированы, сделаны научные предположения, оценены шаги власти по их реализации и т. д., о чём не могут не знать авторы доклада. Однако предлагаемое ими в почти стостраничном труде “знание” практически не содержит в себе отражения достижений науки.

Историческим фактом является то, что ни одно восточноевропейское или центральноазиатское государство, так же как и Россия, встав на путь неолиберализма, не улучшило собственного социально-экономического положения, не увеличило темпы роста. **Исторический эксперимент** длительностью в 20 лет позволяет с научной точки зрения однозначно утверждать, что предлагаемый либералами путь губителен для евразийских наций от Восточной Ев-

\* См., например: Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров). Аналитический доклад. М., Институт социологии РАН, 2011.

\*\* Мир после кризиса. Глобальные тенденции — 2025: меняющийся мир. Доклад национального разведывательного совета США. М., Издательство “Европа”, 2011.

ропы до Дальнего Востока, от Ледовитого океана до Кавказа и Центральной Азии. Точно так же, как для Китая, Индии, других стран Азии, Южной Америки, Африки. Иного честного научного вывода не существует.

Основа основ идеологии авторов доклада — корыстно трактуемая “свобода”, которую нам якобы даровали политики начала 90-х. Та “свобода”, относительно которой только спустя 10 и более лет народ наконец понял, что ему просто сказали: “ты — свободен!”, указав на дверь. То есть, как всегда лукаво — не в смысле его “свободы и прав” (они-то как раз и не достались простым людям), а в смысле, понятном на уличном сленге: “свободен” в значении: “иди отсюда и не мешай делить пирог, ты здесь ни при чём”.

Для “элит”, надо полагать, есть некая своя “свобода”, сущностью которой является свобода от контроля со стороны общества и государства (логически приведшая к сложившейся сегодня в стране ситуации). Однако и этой “свободы” авторам доклада мало.

Какую вам свободу, господа, ещё нужно? Свободу как полную бесконтрольность любого частного интереса от общества и государства? Свободу беспредела, рэкета, преступности? Именно это давала “свобода” начала 90-х.

Вообще говоря, такую разрушительную “свободу” вы уже давно завоевали, вырвав из государства с мясом целые куски экономики и власти. Но, видимо, есть группы, недовольные результатами делёжки ресурсов, и они требуют для себя *свободного* доступа к ресурсам и власти.

Позиция авторов документа примерно такова: мы создали это “новое российское государство” для себя, но к власти пришли люди, которые нас же от власти и отделили. Надо создать условия для того, чтобы нас снова во власть пустили, а то с недавних пор всё делят без нас. А механизмы делёжки должны быть равными с учётом нас, любимых.

И эту эгоистическую до примитива конструкцию пытаются выдать за новую идеологию, противопоставляя её “консервативной” модели!

На самом деле путь, предлагаемый ИНСОРОм, — это путь не *вперёд*, а *назад* — к Конституции 90-х, к духу и букве закона, который стал краеугольным камнем разрушения некогда великой страны, а ещё точнее — *назад* в XVII век, без науки и образования, с непросвещённым народом (“чёрный”).

При всей пафосности пассажей об “инновационности” и “креативности” в докладе содержится требование урезания расходов на образование! “Парадокс” (а точнее закономерность) — в документе нет ни одного тезиса о том, что составляет существо происходящего в современном мире перехода человечества к “обществу знаний”, к инновационному развитию.

Красной линией проходит мысль, представляющая как настойчивый призыв “кардинально сократить полномочия и функции органов власти и управления”. И хотя в настоящее время государство Российское далеко от выполнения традиционно возлагаемых на него задач, **это отнюдь не означает необходимости уничтожения государства и государственной власти в России вообще. Это означает лишь то, что необходимо срочное возрождение эффективной патриотической системы государственной власти**, которая, кстати, есть во всех развитых (Европы и США) и интенсивно развивающихся (Китай, Индия) странах, о чём авторам, без сомнения, известно\*.

Изменения в стране действительно нужны. Необходима полная социально-политическая, правовая и экономическая реконструкция. Но — отнюдь не либеральная, а **антилиберальная**. Ибо мировой буржуазный либерализм вместо истинной демократии везде проталкивает **либеральную элитократию**, смысл которой заключается в устремлении к постоянному сохранению в мире деления на имущих и неимущих. Узурпации всей власти и ресурсов планеты имущими — той самой самопровозглашённой и в сущности своей нелегитимной “элитой”. **Это основа идеологии либеральной элитократии.**

Народ России должен очиститься от скверны элитарного либерализма. **Россия может жить лишь как сильное и эффективное демократическое государство, укрепляемое сознательным служением ему каждого гражд-**

\* Даже недавние сторонники радикального либерализма в США понимают, что сильное государство — объективная необходимость в современном мире. См. особенно: Фукуяма Ф. Сильное государство: Управление и мировой порядок в XXI веке. М., 2006. Хочется лишь прокомментировать, что некоторые, видимо, считают, что сильным должно быть любое, но только не российское государство. И осознанно делают всё для усиления других государств и ослабления российского государства.

**данина. Тем самым “долгом” Иммануила Канта, который не противоречит, а дополняет свободу и творчество.**

Выход у страны пока ещё есть. Науке он известен и широко используется во всём мире, в том числе в самых “разлиберальных” странах – метод стратегического программно-целевого планирования и управления, межотраслевого баланса, широкого привлечения научного сообщества к разработке национальных проектов и программ. Но для возрождения нужна государственно-ориентированная элита. Вот **главное требование развития любой страны в современном мире.**

Для оценки истинных масштабов социальной динамики, осуществления точных прогнозов, социального проектирования, выработки стратегии нужны масштабные научные исследования, крупные прикладные государственные научные структуры, научно-проектные и социально-управленческие учреждения, а не смехотворные группы из 10 человек, выступающие кто в качестве пророков, кто в качестве “выдающихся экспертов”, которые на самом деле мало чем отличаются от гадалок и “пугалок”. Цивилизованный мир давно ушёл от ремесленничества в этой сфере. И потому группы, подобные ИНСОРу, пусть даже в них есть научные работники, на деле высказывают только **собственное мнение или собственное идеологическое кредо** либо – **в худшем случае** – некое знание, которое вырабатывается в исследовательских и аналитических структурах других государств и зарубежных корпораций, а затем дробится до уровня технологий, “сгружаемых” таким коллективом для лоббирования деловых и политических интересов.

**У них нет достаточных научных ресурсов, необходимых для прогноза, разработки серьёзных стратегий, осуществления основательных научных проектов.** Такие системы в нашей стране ликвидированы в 90-е годы. Показательно: именно в 1992 году, когда у нас команда Ельцина–Гайдара окончательно порвала с советской *плановой экономикой*, в Риме прошла первая всемирная конференция по *планологии* – “Плановая технология и плановые институты”, доказавшая объективный характер и неизбежность формирования целостной системы планового управления\*.

Если среди представителей власти остались люди, думающие о России и её будущем, то одной из главных задач для них должно стать возрождение прикладной социальной науки. Пора играть и выигрывать на стратегических горизонтах национально-государственного строительства, что без широкого и всестороннего развития социально-гуманитарной науки невозможно. Только это позволит действительно снизить риски нестабильности в России, повысить её конкурентоспособность и шансы на поступательное развитие.

---

\* Иванченко В. М. Планирование как исторический феномен жизнедеятельности человека и общества. М., 2009. С. 7.

ВЛАДИМИР ПОПОВ

## МОЯ РОССИЯ

### Две России

Который год я мучаюсь вопросом, в чём причина жестокости, которую мы явили миру и, прежде всего, самим себе, в двадцатом веке. Неужели всё объясняется только неумолимой логикой классовой борьбы и установлением режима диктатуры пролетариата, одной из важнейших задач которой, помимо созидания, в первые годы стало социальное, а при сопротивлении и физическое уничтожение бывших эксплуататорских классов и сословий. Но всё ли так однозначно?

**Год 1812.** Войска Наполеона перешли границу Российской империи и стремительно двинулись к Москве. Среди русских наблюдался необычайный подъём патриотических чувств, массовый героизм солдат и офицеров-дворян, выросших, заметьте, на французской литературе, с детства говоривших на языке Вольтера и Руссо лучше, чем на родном. **До 60% мужчин из дворянских семей полегли, как Андрей Болконский, на поле брани.** Если задуматься – невосполнимая потеря для правящего класса империи, но не только. Останься они живыми, возможно, и история страны в XIX–XX веках была бы иной. Ведь мы все, почти 200 лет, в том числе и при советской власти, воспитывались на героике этой великой и красивой эпохи. Книги, музеи, памятники полководцам войны 1812 года, кинофильмы выдающихся мастеров и панорама Бородинской битвы в столице – это непосредственное свидетельство уважения, более того, преклонения перед прошлым России.

Вот только многие не знают, что в передовых отрядах армии Наполеона, вместе с поляками, кипящими ненавистью к России, шла знаменитая Русская бригада, в составе которой было более 25 тысяч солдат – бывших крестьян-беженцев, в основном из западных областей империи. Они отчаянно сражались с единоплеменниками и сложили свои непутёвые головы на полях бывшей Родины ради тщеславных замыслов корсиканца. Кто знает, не потомки ли этих наполеоновских солдат застраивают сегодня ударными темпами – при прямом попустительстве пресловутой вертикали власти – святое для всех нас Бородинское поле, возымев желание превратить его в символ торжества своего духовного убожества.

Благодаря мемуаристам и историкам мы много знаем сегодня и о партизанской борьбе русского крестьянства, немало сделавшего для того, чтобы в тылу французы не знали покоя. Но есть и другая, малоизвестная сторона народного освободительного движения, несколько неожиданная для

певцов великой и единой России под скипетром самодержца. “Дубина народной войны”, воспетая гениальным автором “Войны и мира”, ходила не только по головам неприятеля, но и охаживала попадавших под руку русских офицеров, говорящих, как правило, на французском языке. Чем мы до сих пор так бездумно восхищаемся. Оставленные в спешке хозяевами помещичьи усадьбы местное население основательно грабило ещё до прихода неприятеля. **Причина была одна – дворянский мир и его обитатели, с их праздным образом жизни, непонятным языком и культурой, были совершенно чужды 97% населения страны, у которого они сидели на хребте с того самого времени, когда несчастный Пётр Третий столь великодушно освободил их от обязательной воинской службы государству, “забыв” дать волюную и крестьянам.**

**Год 1914.** Европа, а вместе с ней образованная часть подданных Российской империи явно сошли с ума. Они неистово ждали войны, скорой и, разумеется, победоносной. Истеричные курсистки, экзальтированные дамы из благородных семейств, амбициозные чиновники из разночинцев, купцы и лавочники в обнимку с аристократами, со слезами на глазах от прилива патриотических чувств, срывали голоса на митингах и молебнах во славу русского оружия. **Никто из них, впавших в состояние массового психоза, не удосужился обратить внимание, что народ не ликует – угрюмо безмолвствует.** Отношение простых людей к войне с “ерманцем” было как к неотвратимому злу – послужить царю-батюшке готовы, но не более. И как только первые победы сменились поражениями, началось массовое дезертирство. В конце 1916 года до 35% солдат, призванных в армию, покинули самовольно воинские части, а 3 миллиона оказались в плену.

**Национальная трагедия свершилась до февраля-октября 1917 года.** Гражданская война лишь вскрыла гнойный нарыв, образовавшийся ещё в годы реформ Петра I, разорвавших народ на две половины. Государь-антихрист, таким он остался в веках для крестьянского населения православной страны. **С той самой поры, когда Самодержец “вздыбил” Русь, и начался исход одной России от другой, закончившийся катастрофой 1917 года.**

И только в годы Великой Отечественной войны и послевоенного Возрождения мы, наконец, преодолели этот трагический разрыв. **Вселенское горе и Победа, со слезами на глазах, объединили нас в единый народ.** Что бы ни голосили по этому поводу российские “савонаролы” от либерализма. У нас были единый язык, а диалекты делали его более богатым, одни герои, общая многоцветная культура и история Отечества и, не удивляйтесь, выстрадавшие поколениями советских людей христианские ценности. Мощные социальные лифты возносили образованного массового человека к социальным и космическим вершинам. Сыновья и внуки “мякинников” и “лапотников” выбились в академики и министры, стали генералами и маршалами, управляли сложнейшими научно-производственными системами. В этом и заключалась **созидательная основа диктатуры пролетариата и социалистической эпохи в истории России.**

**Год 2011.** Лихолетье 90-х годов минуло. Россия, разворованная и лишённая многих своих территорий, выжила. Кажется, можно и слегка перевести дух после очередной смуты. **Но истинная трагедия исконной Руси в другом – социальный и духовный раскол нации снова стал не просто реальностью бытия народа, он в извращённом сознании экономически, а значит, и политически господствующего класса воспринимается уже нормой.** Россия в ходе реформ так рванула в капиталистическое прошлое, что до сих пор не может восстановить дыхание, оказавшись в XIX веке. Искорёженная, она вынуждена теперь в муках проходить этап первоначального накопления капитала, которому соответствует и раннее буржуазное общество с его примитивной структурой и социальными языками. Без понимания того, что же с нами произошло, мы и дальше будем беспомощны перед неожиданными, как всегда для нас, вызовами истории. В России де-факто сложилась новая постсоветская социальная структура. Прискорбно, но современное общество вернулось в основных чертах к временам кануна 1917-го года. Но уже с характерными особенностями неведомой нам ранее дикой латиноамериканской модели. Кричащее богатство немногих и удручающая бедность большинства породили в невиданных масштабах коррупцию, уголовную преступность, наркоманию и проституцию. Такова немилосердная цена “воссиявшей” свобо-

ды. Должен заметить: тяжкий удел после утраченного величия, когда Советский Союз был сверхдержавой с огромным, на столетия, потенциалом.

**Сегодня мы, как минимум, имеем две России. Одна из них живёт в соответствии с лучшими западными образцами.** Она создала для себя закрытую от “подлого” народа среду жизни: загородные коттеджи за высоченными заборами с мощной охраной, машины представительского класса с сопровождением машин полиции, офисы с видом на Кремль, виллы на Лазурном побережье Франции (Италии, Испании) и непременно престижную недвижимость в Лондоне. А ещё, для детей, – закрытые пансионаты и частные университеты. Выход за пределы такого “спецпоселения” его обитателям нежелателен, да и зачастую опасен. Эта часть благополучной России, насчитывающей до двадцати процентов численности населения, аккумулировала в своих руках более 90 % всех доходов от собственности. Внутри этой группы имеется своя, не менее жёсткая градация. Там есть свои монархи и великие князья, падишахи с гаремом и доверенными евнухами и, на подхвате, мелкопоместные дворяне, нищие в сравнении с “их высочествами”, как церковные крысы.

**На долю другой России, в разной степени обездоленной, приходится не более 10%, и такое соотношение доходов не меняется лет десять.** В состав оставшихся 80 процентов входят 90 процентов от сорока миллионов всех пенсионеров, люди с низкой зарплатой и примерно пять процентов ведущих аморальный образ жизни: безработные, бродяги, наркоманы, алкоголики и уголовники. Что это значит? Лишь то, что мы позволили избранной нами власти создать правовые и экономические условия, основной целью которых является поддержание уровня жизни исключительно богатых людей.

Свидетельством полного отсутствия стыда у этой публики и её ангелохранителей в руководстве страны явилось поразительно быстрое после кризиса восстановление числа российских миллиардеров (их теперь уже более ста) и радостные по такому случаю крики прирученных средств массовой информации.

Больше всего меня поражает наш российский обыватель, поглотивший, как “серая плесень”, за каких-то двадцать пять лет всё жизненное пространство России. Он по-прежнему молчалив, со вкусом неспешно жуёт дарованную морковку, и взор его рассеянно блуждает, как в наркотическом тумане. Горести и радости олигархов его не волнуют, он твёрдо знает – видел по телевизору, – что богатые тоже плачут. Их проблемы – что потусторонний мир, они за пределами его затуманенного сознания. Главное, там, наверху, твёрдо обещали к очередным президентским выборам ещё генномодифицированной моркови и сладкой парёной репы подбросить. Очень вкусно!

Интересно, вспоминают ли “активисты первого часа”, растворившиеся в постперестроечном хаосе девяностых годов, начало Смуты? Как они срывали голоса до рвоты в курилках и на митингах-концертах межрегиональной группы в Лужниках. У меня зримо стоят перед глазами эти полубезумные людские массы “образованцев” из московских НИИ, охваченные общим психозом, я слышу до сих пор истеричные крики каких-то странных женщин без возраста, буквально заходящихся в стоне при появлении Б. Ельцина в сопровождении его кукловодов. Что они хотели увидеть в лице человека с явными признаками вырождения? Что надеялись услышать из уст этого малообразованного и косноязычного бывшего уральского строителя, следаемого неуёмной жадной власти, во имя которой он, вместе с такими же оборотнями из ЦК КПСС и КГБ, через несколько лет уничтожил страну? Для меня до сих пор загадка, почему именно с ним связали свои надежды на новую и, как им казалось, такую доступную жизнь.

Психология толпы – большая тайна для “непосвящённых”. Ведь он уже тогда был весь, как на ладони, – наполовину с удалью, наполовину – с придурью, особенно в подпитии. Почему поверили? Догадаться не сложно, типаж до боли знакомый. Многие себя в нём узнавали. Не нужно далеко ходить, в зеркало поутру взглянул, и всё понятно. Интересно, видел ли кто-нибудь из них тогда себя со стороны? Нет у меня жалости к этой публике. К себе и моему поколению тоже.

За всё пришлось заплатить сполна. Хотя, чего лукавить, цена каждому была назначена своя. Но нужно признаться, для любителей авантюры и российской “халявы” то время было волнующим и многообещающим. Вся атмосфера общественной жизни напоминала электрический разряд, изо всех ще-

лей звучали сладкие голоса сирен с призывами встать под демократические знамёна. Сколько же красивых слов было сказано о грядущей обновлённой жизни! Но не долговек наивных до глупости романтиков, все разговоры о светлом грядущем страны как рукой сняло, едва младореформаторы добрались до реестров Госкомимущества. А ныне и подавно нет никому дела до чистоты создаваемого строя. Напротив, произошло второе пришествие Чумазога — нарицательного типа дельца-выжиги и лиходея, точно подмеченного сатирическим талантом Салтыкова-Щедрина. **“Истинный” же либерализм в российских верхах свёлся, что и следовало ожидать, к беззащитному поощрению грабежа, “навынос и распивочно”, национального достоинства.** Архаичная якобы экономика СССР явилась для “старателей” в офисах Садового кольца тем же, что и золотая жила на Клондайке. Они, с трудом дождавшись признания легитимности сотворённого ими в девяностые годы, тотчас объявили себя новыми хозяевами жизни, элитой. Мне ничего не остаётся, как поздравить всех нас со столь долгожданным и радостным событием.

**Важным в понимании внутренней иерархии структуры этой части российского общества, у которой “жизнь удалась”, является возможность участия, в разной степени, в получении прибавочного продукта.** Всё предельно просто. В экономике “керосиновой лавки” современной России, с её сырьевой ориентацией, прибыль, полученная в отрасли, распределяется между её владельцами, а уже потом и всеми остальными, занятыми в различных сферах трудовой деятельности. Разумеется, в зависимости от статуса. Конкретное место олигархов в верхней части социальной пирамиды определяется во многом их реальным финансовым положением. Но главным условием является возможность доступа к верхней части “тела” государственной власти, где, как правило, в тени кабинетов принимаются “нужные” решения. Сегодня численность субъектов, в той или иной степени влияющих через “вертикаль” власти на политику России, вместе с членами семей составляет 300–350 тыс. человек. Это не более 0,2–0,3% населения страны. До 1917 года таких людей в империи было значительно меньше. Всё дело в резко возросшей значимости “углеводородов” — основного экспортного ресурса страны. Ничего нового в этом нет. Во все времена в верховной власти находились специальные люди, контролировавшие эксклюзивный продукт для немногих. Менялись лишь источники сверхприбыли.

В круг управленцев с ограниченной возможностью влияния входят топ-менеджеры или сотрудники, которым олигархи поручили выполнять важные функции в сфере производства и финансового оборота, верхняя часть условного среднего класса, а также средние и малые предприниматели с более или менее стабильным доходом. Что является существенным в понимании их статуса? Прежде всего, устойчивая связь с олигархическими кругами и безусловное признание за собой подчиненного положения, постоянно подтверждаемая лояльностью к работодателю. Без этого ни о каком доверии не может быть и речи, а без него нельзя получить серьезную работу с доходом, значительно превышающим потребности членов своей семьи. Профессионализм наёмного работника, конечно, необходим, но, повторяю, лишь в сочетании с личной преданностью. Иначе карьеры на этом уровне пирамиды не видать. Лояльные сотрудники, но не обладающие соответствующей квалификацией, используются исключительно в обслуживании. Доверенным же лицам не возбраняется иметь собственный бизнес, как правило, при согласии, что он зависим от воли работодателя. И, что важно, не должен быть финансово значимым, дающим его хозяину чувство полной самостоятельности. Эти персоналии входят в когорту экономически господствующего класса, чем и гордятся, но политические решения, и не только в сфере экономики, принимают другие. Важным в понимании их статуса является следующее — отнесённые к категории высшего управленческого персонала, независимо от значимости исполняемых функций, могут быть уволены собственником в любое время без объяснений причин. Они так же бесправны, как и сотни тысяч других, менее титулованных. Никаких иллюзий у честолюбивых специалистов, стремящихся занять высокие должности в крупном бизнесе, что само по себе не плохо, быть не должно.

**Высокооплачиваемый обслуживающий персонал, входящий в нынешний средний класс, в количественном отношении равен 15–20%. Это не кто иные, как незаслуженно осмеиваемые мелкие буржуа.** Они вжились в атмосферу рынка, он их не пугает, хотя вся деятельность происходит

в зоне постоянного риска. Работа позволяет им иметь доход, превышающий реальный прожиточный минимум, что в свою очередь является признаком жизненного успеха в глазах основного базового социального слоя, в котором они вращаются. Перепадающие кусочки прибавочного продукта дают возможность тешить себя иллюзиями, что и они подключены к вождельным богатствам общества потребления, формирующегося в России. А мысль, что рано или поздно выпадет счастье перескочить в “господский” слой, является важным стимулом их профессиональной активности. А чем, собственно говоря, те, кто уже там, наверху, лучше!

**Кто же они, мечтающие перевоплотиться в буржуа?** Ловкие посредники, преуспевающие мелкие торговцы, мелкий управленческий персонал на предприятиях промышленности и торговли, эксперты и всевозможные консультанты. В итоге — довольно многочисленный слой. Такого количества новых “разночинцев” не было ни в СССР, ни в царской России, где им соответствовала не богатая, но очень честлюбовная интеллигенция, вышедшая из простолюдинов, младший управленческий фабричный и, разумеется, торговый персонал. К ним примыкало мелкое чиновничество, мещанство и со средними доходами ремесленники. Именно этот слой населения России, как выявилось уже в февральскую революцию 1917 года, был наиболее восприимчив к буржуазным революционным идеям, а потом и социалистическим. Точнее будет сказать, якобинским, так как экономическая и политическая нестабильность в обществе настойчиво подталкивала их к насильственным мерам. Что интересно, все они по психологическому типу ярко выраженные индивидуалисты, но взаимная зависть и неприятие чужого успеха “сбивали” их в мощную агрессивную стаю, где чужаку на пощаду рассчитывать не приходится! Во время революций эта публика сплочённой массой прорывается в господствующий, а значит, и управляющий слой, и тогда для всех “бывших” и просто чужих наступают времена “святой инквизиции”. Так было после 1917 года, аналогичные процессы мы наблюдали и после распада СССР. Но массовые репрессии против противников и потенциальных конкурентов не всегда являются обязательным условием их силового утверждения во власти. Вместе с тем, со старой номенклатурой новые господа, как правило, не церемонятся.

### **Блеск и нищета русской Смуты 1917 года**

**Любая революция наносит серьёзный урон экономике и обществу. Это неизбежно, потому что разрушаются ведущие конструкции государства, сама структура его жизнедеятельности.** Хотя предшествующий ей кризис, о чём я писал выше, всегда является следствием запоздалой или ошибочной реакции власти на возникшие противоречия в социально-экономическом развитии. Как правило, нагнетанию предреволюционного психоза в значительной степени способствуют несбывшиеся надежды активного меньшинства, которому удаётся втянуть в “водоворот” событий большую часть населения.

Государственный переворот, произошедший в СССР в начале 90-х годов и названный теперь буржуазной революцией, являлся по своей сути в самом начале **типичным протестом “новых разночинцев” против партийно-советской бюрократии.** Задумается спустя двадцать лет, кто стал его главной движущей силой? Новые пролетарии в лице городской интеллигенции, образованные люди, получившие высшее образование благодаря советской власти, но которым до чёртиков надоела слабо мотивированная работа за символические деньги и удушающая творчество регламентация всех сфер жизни: личной, научно-производственной и культурной. Это было мощное, но слабо организованное движение. Люди не имели осмысленной и сформулированной программы, не знали своей политической цели, но уже ясно понимали, **чего они не хотят.** Идею буржуазного переустройства общества им умело подбросили позднее, извне.

Не все восстания перерастают в революцию, и далеко не каждая из них завершается победой тех, кто её начинал. Но законы развития революций едины: разрушение старого общественного уклада, чтобы дать простор росткам нового, неизбежно, как и неотвратим термидор, призванный жестокими методами привести разбушевавшийся народ в чувство. Исторических примеров

“умиротворения” масс за прошедшие столетия накопилось более чем достаточно, и совсем не важно, что спустя годы стихия разрушительного народного гнева постепенно успокаивается, а перестроенная на иных началах экономика получает ускорение. Коллективная память, как стигматы на теле верующего, кровоточит при воспоминаниях о людях, чьи судьбы были изломаны в лихие годы. **Насильственное устранение элиты, хранителя знаний и опыта прошлых поколений, от участия в созидании выбивает невосполняемую интеллектуальную брешь в человеческом потенциале нарождающегося общества.** Новая “аристократия”, обладающая необходимым, а главное, востребованным профессионализмом и этикой, появляется трудно и не сразу, на её воспитание уходит не одно десятилетие. Процесс этот рукотворный и необычайно сложный, он во многом напоминает выращивание искусственного кристалла в лаборатории при соответствующем температурном режиме. И без общей высокой идеи, способной не только объединить активную часть населения, но и консолидировать его по качеству человеческого материала, не обойтись.

История Советской России – ярчайший тому пример. Зададим вопрос, кто явился социальной базой большевиков, совершивших переворот в октябре 1917 года. Молодой рабочий класс, который составлял менее 3% населения. В сельской местности, где проживало более 80 процентов граждан империи, об РСДРП никто не слышал. Организаторской и пропагандистской работой среди крестьянства большевики не занимались. Это поле “окультуривали”, и довольно успешно, социалисты-революционеры. Да и заниматься селом среди большевиков особенно было некому, в январе 1917 года в РСДРП насчитывалось всего около 24 тысяч человек.

В начале XX века, после событий 1905 года, руководство большевиков предпочитало бороться с царизмом, находясь в давно обжитых русской эмиграцией европейских столицах, где отношение к ним было весьма благосклонное. Если кто и отравлял жизнь будущих ниспровергателей старого мира, так это они сами себе. Переполненные амбициями, всё никак не могли выяснить в бесконечных спорах, кто же из них водрузит на своё чело лавровый венок в случае победы народного восстания. Особенно жёсткой была полемика между Лениным, Троцким и Мартовым – признанными лидерами российской социал-демократии. Патриарх революционного движения в России Г. В. Плеханов, немало сделавший для воспитания западников среди бунтарей, как стареющий лев, высокомерно держался в стороне от дерзкой и плохо воспитанной “молодёжи”, не одобряя, но и не вмешиваясь в их публичное выяснение отношений. Для Владимира Ильича в те годы Троцкий – “иудушка, подлейший карьерист, фракционер и проходимец”, а для будущего “демона” революции его основной оппонент – никто иной как “профессиональный эксплуататор всего самого отсталого и невежественного, что есть в рабочем движении России”. Сложно не согласиться, запоминающиеся образы создавали эти, без сомнения, талантливые публицисты и политики, **захватившие** волей судеб в 1917 году власть в огромной стране. Этот “каприз” истории неожиданно для всех сделал их соратниками, и дело, видимо, не только и не столько в способностях Троцкого. Были и другие, не менее веские причины, о которых до сих пор спорят историки, заставившие Владимира Ильича “назначить” его большевиком и поделиться славой вождя революции. Одна из них, не вызывающая сомнений, **тесные связи Льва Давидовича с единоверцами** в Англии и США, располагавшими серьёзными финансовыми и политическими возможностями в западном мире и имевшими разнообразные, как выяснилось, интересы в России.

Один лишь, по признанию Ильича, “чудесный грузин” и “пламенный колхидец”, уже тогда входящий в высшее руководство партии, не принимал участия в парижских “разборках”. Ему и без того хватало черновой повседневной революционной работы, и к тому же он был “невъездным”. Будущий генсек находился под постоянным контролем жандармерии и, по её любезному “приглашению”, начиная с 1903 года, постоянно гостил в разных регионах империи: в селе Новая Уда Иркутской губернии, дважды в Сольвычегодске, Вологде, Нарымском крае. А с 1913 года, вплоть до февральской революции, прозябал в затерявшемся за Полярным кругом маленьком селе Курейка Туруханского края, несколько домов которого были разбросаны на живописном берегу, где изломанная порогами быстрая речка впадала в полноводный Ени-

сей. Поверьте, я бывал в тех краях, это очень далёкие места, расстояния между деревнями немереные. Не единожды немногословный и упрямый Коба уходил в бега по зимнему таёжному бурелому. **Ссылка – это, конечно, не торга, но тоже суровая школа для людей действия. Она, несомненно, обогатила его революционный и жизненный опыт, позволила лучше, в отличие от парижских “сидельцев”, узнать и понять психологию русского народа, его державную роль в многонациональном государстве, о чём он сам впоследствии неоднократно говорил. Видит Бог, Иосиф Сталин был серьёзный человек, и он умел учиться!**

Октябрьская революция явилась типичным городским восстанием пролетариата, поддержанного анархистствующими солдатами и матросами, а таких только в Петербурге было более 250 тысяч, что, конечно, нисколько не умаляет её величия и всемирно-исторического значения. **Она не могла не случиться.** Ничьёмность русской буржуазии, поддержавшей февральский переворот, но не успевшей оформиться в национально мыслящий политический класс, была настолько очевидной, что полученная из рук беспомощного царя власть, по воспоминаниям современников, уже через девять месяцев, обессилена, “валялась на дороге”. **Созданное правительство, как выяснилось, не только по форме, но и по сути было временной властью переходного периода на пути от монархии к диктатуре. Осознание неизбежности такого поворота пришло довольно быстро в головы думающих людей. Только сильная военная власть в тот период могла спасти Россию от надвигающегося хаоса. Но истории для исполнения предначертанного свыше было почему-то угодно вывести с подмостков на авансцену именно диктатуру пролетариата.**

Я имею несколько отличную точку зрения от официальной доктрины, по-прежнему находящейся под влиянием советской историографии, где события того времени трактуются, как буржуазная революция. Факты же свидетельствуют иное. На первом этапе мы имели дело с **классическим переворотом**, совершённым по всем законам этого жанра руководителями партий кадетов и октябристов. Их активно поддержали **изменившие присяге** высшие генералы царской армии, представители буржуазии, а также обездоленные рабочие и солдаты, которым за два с половиной года так и не удалось объяснить, за что они воюют. **Куда же в России без человека с ружьём!** Переворот стал возможен, потому что о революции мечтали все: полная амбиций российская элита, желавшая иметь больше власти, к которой её не допускал царь и его двор, восторженная интеллигенция, как всегда очарованная Европой, а также революционеры, с их грёзами о новой жизни. И, разумеется, простой народ, отвергавший любую власть. Настаиваю, недоразвившаяся **русская буржуазия**, староверческая в своей массе, хотя и давно мечтала избавиться от некомпетентного диктата дома Романовых, но из-за своей малочисленности не могла организационно и, тем более, идейно, являться основной движущей силой, и потому приписывать ей весьма сомнительные лавры победителя не стоит. За ней стояли более могущественные силы. Итог известен. **В империи начался самый настоящий русский бунт, закончившийся братоубийственной гражданской войной, в которой не бывает победителей. Есть только захлебнувшийся кровью и побеждённый самим собой опустошённый и одичавший от безысходности народ.** “...Разъярённая толпа может ополчиться разом на правительство, богатство, порядок, свободу и право. За анархией, на развалинах, ею нагромождённых, явится её родной брат – деспотизм”, – провидел бурю 1917 года человек умеренных либеральных взглядов, великоросс Михаил Аничков. Он предостерегал, что “миру суждено перенести потрясения, подобные Парижской Коммуне, увеличенные во много раз”. Сбылось с лихвой!

В те решающие месяцы страны новая власть, как нищенка с протянутой рукой, стояла на перекрёстке дорог и ждала своего хозяина, пока, обессилена, не упала. А “временные” (разве это не приговор национальной элите) всё никак не могли решить, что с ней делать дальше. На минуту только представьте, если бы во главе правительства стоял Иосиф Сталин. Потому предпринимчивые большевики **своевременно** “подсуетились”, охотно её **подобрали**, не пропадать же добру. Правда, первое время тоже не очень понимали, с какого бока к ней подступиться, и потому, словно второго пришествия Христа, с нетерпением ожидали спасительной, как им казалось, мировой

революции. “Божественного” явления не случилось, и они, не особенно понимаемая, во что **вляпались**, решили идти до конца и распорядились историческим “капризом”, как могли. Получилось, по признанию многих, со временем не так уж и плохо, коммунисты не просто удержали на краю пропасти рухнувшую страну, но и построили сверхдержаву. **За ценой не постояли!** Именно это обстоятельство мучает до сих либералов всех мастей. Можно подумать, что революции в других странах обходились народу “дешевле”. Есть один простой выход — не доводить народ до бунта, но тогда “счетоводам” от политики нужно понимать, что эволюционный, или мирный, без потрясений, путь общественного развития стоит тоже не дешево. Представляете, сколько нужно вкладывать ресурсов в мозги подрастающих поколений, чтобы у них хватило ума бережно относиться к человеческой жизни и дарованному им предками духовному и материальному наследию.

Для современных разночинцев, очевидно, не является тайной, что в то смутное время не только дворянство, будучи на 60% нерусским, но и чиновники, техническая, гуманитарная и особенно творческая интеллигенция не поддержали октябрьский переворот, которому ещё предстояло стать революцией. Кстати, восторг после февральского переворота прошёл ещё быстрее, и не только потому, что после бурных митингов и демонстраций неизбежно наступила проза жизни. Временное правительство, не обладая надлежущей компетенцией, стало спешно реформировать систему государственных органов, имея слабое представление о конечной цели своих решений. Чиновный люд, привыкший к порядку, растерялся и возмутился, он не понимал, чего же хотят от него новоиспечённые руководители. В итоге не прошло и трёх месяцев словоблудия демократических правителей России, как вся система управления огромной страной рассыпалась, словно картонный домик.

А потом, как снег на голову, свалились большевики. Эти, как им казалось, всё знают. Многие “бывшие”, предусмотрительно спасая жизнь, стали спешно покидать страну, те же, кто вынужденно остался, первое время упорно игнорировали призывы встать в ряды победившего пролетариата, не веря в его созидательное начало. Понятно, вынужденное сотрудничество изначально не могло быть плодотворным; недоверие, отчуждённость были взаимными, и не без оснований. Саботаж буржуазных специалистов, в отличие от дворян, русских в большинстве своём, парализовал работу наспех созданных комиссариатов и исполнительных органов на местах. Вожди победившего “пролетариата” лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Не случайно В. И. Ленин начал с “придыханием” относиться к грамотным евреям и проявлять о них трогательную заботу. Уже 8 ноября 1917 года Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов своим постановлением поручил Советам на местах принять энергичные меры к недопущению еврейских погромов. И это было не единственное решение в защиту “угнетённого” царизмом малого народа, другие-то, включая русских, ясное дело, жили при царе-батюшке припеваючи, да и революционный хаос их не коснулся. А ведь начавшийся **погром** был всеобщим, одних истребляли из-за социального происхождения, других — по иным основаниям. Иначе и быть не могло. **Звериные инстинкты, разбуженные в народе войной и революцией, развал страны, экономики, утрата нравственных начал самой жизни, обесценивание человеческой крови вылились повсеместно в чудовищные массовые преступления, которые совершали все противоборствующие стороны.** Но, тем не менее, уже 27 июля 1918 года в газете “Известия ВЦИК” публикуется “Декрет Совета Народных Комиссаров о пресечении в корне антисемитского движения”. По свидетельству А. В. Луначарского, когда Яков Свердлов с написанным им текстом зашёл к Ленину, тот со словами одобрения внёс ещё один пункт: “Совнарком предписывает всем совдепам принять решительные меры к пресечению в корне антисемитского движения. Погромщиков и ведущих погромную агитацию предписывается ставить **вне закона**”. Любимое словечко Владимира Ильича в те годы. Из этого следует, что всё остальное насилие необходимо и оправдано революционной целесообразностью. Такова была новая мораль формирующейся диктатуры.

Страстным, обличительным словом неоднократно выступал в защиту еврейского населения Максим Горький, которого сильно встревожило почему-то именно их будущее в России. Хотя о чём это я говорю! Он всегда, ещё до революции, по-особому, трепетно относился к ним и никогда не скрывал своих

симпатий. Вот уж, поистине, **нельзя без горечи читать Горького тех лет.** В послесловии к книге С. Гусева-Оренбургского “Книга о еврейских погромах на Украине в 1919г.” Алексей Максимович, в отрочестве Алёша Пешков, с нескрываемой ненавистью писал о “грязных подвигах христоролюбивого русского народа”. Чего только стоят его откровения о “разительном обилии садической жестокости, присущей русскому народу, очевидно, по натуре его, — натуре раба, который сам способен бесконечно долго терпеть мучения и любит наслаждаться муками других тоже бесконечно долго”. И ещё одна, поразительная по своему человеческому цинизму мысль: “Еврейские погромы по энергии своей, несомненно, стоят на первом месте в ряду “великих исторических деяний русского народа”. И далее великий “гуманист” делает страшный по своей бездушности, особенно зная теперь, что русским довелось пережить, вывод: “Он заслужил все свои страдания в настоящем, заслуживает их в будущем”. А сколько ещё таких откровений у “титана пролетарской литературы”. Лучше бы не знать!

Будущие “комиссары в пыльных шлемах” по достоинству оценили демонстративное участие советского правительства в их судьбе, к тому же они были тотчас, в огромном количестве, **рекрутированы** вместо старых специалистов для работы в государственном аппарате на всех уровнях. Новая власть, как и при монархах, изначально была интернациональна по своему составу. Но тогда возле престола кружились всё больше немцы. А сейчас “на ловлю счастья и чинов” мгновенно слетелись, как вороньё на поле брани, представители “шайки подонков больших городов Европы и Америки”. Сигнал верховных правителей не только был услышан, но и правильно понят — **реальная власть в России, как бы она ни называлась, отныне принадлежала им.** В составе Политбюро ко времени XI съезда партии числилось пять человек, трое были лицами еврейской национальности — Троцкий, Зиновьев и Каменев, один грузин или наполовину осетин — Иосиф Сталин и сам Владимир Ильич, человек с весьма запутанной родословной и ещё более сложным восприятием России. Среди 22-х членов СНК РСФСР в середине 1918 года 17 народных комиссаров были евреями. Вплоть до 1921 года их доля в Центральном комитете большевиков не опускалась ниже 25%. Засилье было особенно заметно в среде руководящих партийных функционеров Петрограда и губернии, где они составляли 54% и 45% соответственно. Любопытная цифра — в 1923 году в Москве среди женщин — членов партии 25,4% были пламенные “Юдифи”. Эта публика, нужно отдать им должное, умело перехватила управление страной на всех уровнях власти, в том числе и на местах, и цепко держала её в руках почти двадцать лет.

Написал эти строки, и тотчас в памяти возникла мысль русского философа М. О. Меньшикова: **“Евреев не интересует форма власти, им нужна власть сама по себе”.** Характеризуя убийцу Столыпина Мордку Богрова, он писал: “...прошу заметить, что ни русская культура, ни христианская гимназия, ни христианский университет, ни знание нескольких христианских языков, ни полноправие с русскими христианами **не вытравили в нём еврейской души.** Он давно уже никем не был гоним, никакой черты оседлости не знал, давно был равноправен и богат, и всё-таки **ненавидел Русское государство по-еврейски...**”. Местечковые правители новой России припомнили мыслителю всё, в том числе жёсткую критику юдофильства ещё в царской России, и в 1918 году по требованию Троцкого расстреляли без суда и следствия.

Трагедия заключалась в том, что в феврале 1917 года, благодаря **измене аристократии,** к власти пришли люди, не представлявшие интересы русского правящего класса, которого, к несчастью, в России и не было. **Страна, не породившая своей национальной элиты, обречена, она неизбежно попадает в руки разных проходимцев, и тогда народ её ждёт потрясения.** Поэтому выход евреев на первые роли в период хаоса не случаен. Они ещё во второй половине девятнадцатого века умело воспользовались слабостью и некомпетентностью российских аристократов, которые имели немалые деньги, но не умели ими распорядиться. Финансовые операции, спекуляции на товарных рынках — какая проза! Не царское это дело. И когда на первых порах, как из воздуха, возникли услужливые посредники, “арендаторы” им очень обрадовались: не нужно ломать голову. Прошло немного времени, и шустрые помощники, бесцеремонно потеснив старших партнёров, взяли под контроль все основные отрасли экономики, создали мощные банковские и финансовые

группы. Ни одно важное государственное решение в обход этих “менял” принято быть не могло. Так что нам, русским, винить некого в наших несчастьях. Не случайно В. И. Ленин, осознав полную беспомощность профессиональных революционеров в хозяйственных вопросах, настоятельно требовал, чтобы большевики учились у буржуазии, читай – у евреев, торговать.

На первых порах способная и элементарно грамотная черноволосая молодёжь, что было чрезвычайно важно, пригодилась. Резко изменившееся социальное положение выходцам из западных губерний очень приглянулось, особенно служба в органах ВЧК, где они в жёсткой конкуренции делили власть с “латышскими стрелками”. В этом смысле весьма показателен для тех лет национальный состав чекистов на Украине, где 75% процентов были евреи, **а командные должности находились исключительно в их руках**. Ко времени создания ОГПУ в 1923 году они составляли почти 20% всех следователей центральной аппарата, **половину** следователей отдела по борьбе с контрреволюцией и высшего руководства карательного органа пролетарской диктатуры. Национальность уничтожаемых контрреволюционеров называть, видимо, не имеет смысла. **Нет ничего страшнее племенной ненависти, прикрываемой революционной целесообразностью. Пощады по отношению к русским они не ведали.**

Для евреев открылись такие возможности, о которых при ненавистном царизме и мечтать было невозможно. Очень интересно признание одного из наиболее почитаемых лидеров мирового сионизма, в прошлом, разумеется, “россиянина”, Владимира (Зева) Жаботинского. Он, не щадя мифологической “правдоверности” большевистских идеологов, предельно откровенничал в статье “Еврейская революция” (читай – Февральская революция) о причинах значительного числа – **“преизобилия** своих соплеменников в рядах крамолы”. Чтобы получить права, им нужна была революция, но, как писал он, “революции не было. Надо было вызвать её. И эту роль взяли на себя евреи. Они – легко воспламеняющийся материал, они – грибок фермента, который призван был возбудить брожение в огромной, тяжёлой на подъём России”. Евреи, таким образом, явились “застрельщиками великого дела”, “разбудили политическое сознание в 130-миллионном народе”, “подняли красное знамя так высоко, чтобы увидал и Тамбов, и Саратов, и Кострома...”. Предельно ясно на эту же тему высказался М. И. Калинин, когда в ноябре 1926 года на Первом Всесоюзном Съезде ОЗЕТ в Москве прямо заявил: “В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, еврейская интеллигенция **хлынула** в канал революции, **заполнила его** большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления”. Через десять лет уже В. М. Молотов, являясь главой Совнаркома СССР, сам, вероятно, до конца не отдавая отчёта тому, что говорил, подвёл некий итог этому беспримерному в истории России захвату власти некоренным народом. На страницах газеты “Правда” 30 ноября 1936 года он удовлетворённо отметил: “Еврейский народ ... дал много героев революционной борьбы против угнетателей трудящихся и в нашей стране выдвинул и выдвигает всё новых и новых замечательных, талантливейших руководителей и организаторов во всех отраслях строительства и защиты дела социализма”. Наступивший 1937 год несколько по-иному **расставил** акценты и многим из этих “героев” **воздал должное за выдающиеся “заслуги”**.

Без евреев, неоднократно повторял после революции Ленин, мы бы погибли. Это была сплочённая и мощная группа населения, которая себя никоим образом не связывала с русскими и, тем более, не испытывала к ним братских чувств. Собственно говоря, а почему они должны любить чужой народ? Им есть кого любить – себя, избранных. В начале XX века “племенные” вожди вполне обоснованно решили, что настал момент истины. Вечных цивилизаций нет, вся история человечества вопиет об этом. Где Египет, Древняя Греция, Великий Рим, Священная Германская империя? Чем лучше Россия? На изломе эпох, решили они, **этнически рыхлые русские** наверняка не выдержат мощного напора малого, но сплочённого и, без сомнения, талантливого народа. Нужно отдать им должное, они почти добились своей цели. Евреи в двадцатые и первой половине тридцатых годов заняли в СССР нишу уничтоженного дворянства. **“Москва – местами Бердичев, – писал В. И. Вернадский И. Н. Петрукевичу, – сила еврейства ужасающая – а ан-**

**тисемитизм (и в коммунистических кругах) растёт неудержимо**". И для таких настроений были все основания. На XV съезде ВКП(б) Серго Орджоникидзе привёл любопытные цифры, характеризующие кадровый состав сформировавшейся партийно-советской номенклатуры по национальности. На Украине русских – 17,2%, украинцев – 54,3%, евреев – 22,6%. В Киеве процентное соотношение примерно одинаковое. В Белоруссии русских всего 4,9%, белорусов – 60,55%, евреев – 30,6%, в Минске – 38,3%. И так было повсеместно. Ничего не могу сказать, хваткие оказались ребята, но, как это было всегда, не удержались во власти. Проклятый рок! А может, всё закономерно – это и есть их судьба, с которой сложно спорить. **Не смогли они из своей среды выдвинуть в те годы явного харизматического лидера, способного затмить великоросса Иосифа Сталина, и вынужденно отошли в тень, ожидая своего часа. Как показало время, ждать они умеют.**

### **Вождь и народ – трагедия одиночества**

**Мы, как правило, забываем, что созидательная, творческая часть населения всегда численно мала, но значимость её в развитии человечества – абсолютна.** Именно эти люди привносят в нацию энергию творчества, осмысленность в достижении высокой цели. Они хранители её лучшего генетического материала, прообраз будущего народа. Они же первыми, по закону подлости, гибнут в войнах, а в мирное время их свободомыслие и независимость вводят в исступление власти предрержащие, искренне верящие в своё мессианское предназначение. **Современные демократии, как видоизменённые формы деспотии меньшинства, увы, не являются исключением.** Талантливые и активные люди постоянно подвергаются остракизму. Трагический, насильственный уход из жизни пассионариев, заряженных на действие и, если нужно, самопожертвование ради достижения высокой цели, предопределил во многом и без того сложную судьбу русского народа в прошлом столетии, его нерешительность и неприкаянность в наши дни.

Задумаемся, во что обошлась России Смута прошлого века с её неизбежным равнодушием к человеческой жизни. Нет смысла повторять известные цифры погибших в "классовых боях", они не такие астрономические, как вопят на каждом углу идеологи "демократов", но и от реальных потерь у меня волосы дыбом встают. Чего стоят только политические репрессии, когда после окончания гражданской войны до 1953 года физически уничтожили почти 800 тысяч человек! Специалисты говорят, что это в "пределах нормы", в других странах, той же Франции в годы её революционного брожения, если брать процентное соотношение численности населения и жертв общественного "прогресса", цифры будут те же или значительнее. Интересно, с погибшими эти нормы согласовывали? А кто взвесил на весах горе изломанных человеческих судеб? Никакими разговорами о классовой борьбе и "пятой колонне", хотя глупо отрицать её наличие, не оправдать безумие того времени. Для меня это очевидно. В жесточайшей борьбе за власть "ленинская гвардия", которую с таким же основанием можно назвать и гвардией Льва Троцкого, как раненая змея, отгрызла себе не только хвост, но и голову. Честное слово, мне ничуть не жаль этих жестоких, своекорыстных маргиналов и фанатиков, цинично прикрывавших свершаемое злодейство революционной фразой. Но как же невыносимо осознавать, через какие страдания прошли сотни тысяч честных и работающих людей, чьё сознание не было замутнено бреднями о мировой революции, искренне поверивших в социализм, а значит, в справедливость в своей стране и погибших по злему навету.

И дело здесь не только в И. Сталине, культовом "злодее" современных либеральных мифов.

**Истинные аристократы духа формируются поколениями, и даже в этом счастливом случае их единицы. Революции же рождают народных трибунов, героев, которым суждено погибнуть молодыми, хватких, беспринципных и аполитичных управленцев и, разумеется, будущих диктаторов, так как никто, кроме них, не в состоянии подморозить стихию народного бунта и направить её в русло созидания.**

Почему стал возможным 37-й год? В репрессиях консолидированно были заинтересованы и местная, и центральная номенклатуры, укрепившиеся во

власти и не желавшие её терять. У Сталина объективно **не хватило сил** им открыто противостоять, он сам был на краю гибели. Опасность его физического устранения в 1937–1938 годах была реальной. Сегодня мы уже об этом знаем наверняка. Он вынужденно вошёл в этот неотвратимый “процесс” борьбы различных группировок и кланов за право распоряжаться от имени народа страной и **решил свои стратегические проблемы в преддверии войны**. Пришлось устранить “навечно” из политической системы “интернационалистов” с дореволюционным стажем, продолжавших бредить о мировом революционном пожаре и путавшихся постоянно под ногами со своими завиральными идеями; руководителей НКВД – организаторов террора в 20–30-е годы, которые, подобно паукам в банке, начали пожирать друг друга; и военных, мечтавших о лаврах Бонапарта. Не забыл и о хозяйственниках, не оправдавших его надежд, многие из которых элементарно проворовались. Жестоко? Да. Цинично? Скорее всего, но точнее – прагматично. По странному стечению обстоятельств, среди тех, кто был репрессирован с его согласия, оказалось большинство руководителей и сотрудников, как бы сейчас сказали, федеральных ведомств с еврейскими фамилиями, “рекрутированных” во власть руководством большевиков сразу после революции. Всё-таки цифры порой рисуют поразительную картину. Например, из 111 руководящих сотрудников НКВД русских было всего 25 человек, остальные же 86 должностей поделили между собой представители малых, но очень революционных народов. Евреи, конечно же, оказались на первом месте – 46 человек. В их составе 12 из 20 руководителей отделов и управлений центрального аппарата НКВД. Начальниками ГУЛАГа с 1930-го по 1938 год являлись исключительно выходцы из черты оседлости. А дипломатическая работа в послереволюционные годы была просто еврейской специальностью.

Большинство этих людей не пережили 1937 год. **Это не простится И. Сталину в веках. Не случайно его главные “разоблачители”, неутомимые борцы со сталинизмом, носят “большевистские” фамилии.**

Но что интересно, репрессии никак не отразились на положении простых евреев, не занимавшихся политической и государственной деятельностью в Советском Союзе. Академик Игорь Шафаревич со ссылкой на книгу Юрия Слёзкина в статье “О еврейском столетии” приводит любопытные социологические данные о том времени. Оказывается, в Ленинграде в 1939 году эта замечательная публика **выдвинула** из своей среды 69,4% всех дантистов, 58,6% фармацевтов и провизоров, 45% адвокатов, 38,6% врачей, 31,9% писателей, журналистов и редакторов, 24,6% музыкантов и дирижёров, 14,4% продавцов и 37,9% директоров магазинов. Всего в РСФСР евреи составляли 14,1% научных работников и преподавателей вузов, 1,8% школьных учителей и 19,6% всех врачей. Что ни говорите, способный народ!

Утверждение, будто террор был направлен против евреев, лукаво изначально. Более того, они пострадали значительно меньше, чем другие этнические группы, **проявившие** себя в годы революции. В 1937–1938 годах по политическим обвинениям было арестовано около 1% евреев, поляков – 16%, а латышей и того больше – 39%. Активистов “первого часа” репрессировали по политическим основаниям, но не по этническому признаку. Они сделали вид, что смиренно перенесли утрату своей “комиссарской” элиты, более того, приняли самое непосредственное участие в “зачистке” и, как ни в чём не бывало, продолжили своё восхождение к светлому будущему, благо, что все дороги для этого были открыты. Они по-прежнему, благодаря профессионализму, объективно были нужны государству. (9 марта 1953 года в Израиле сочли необходимым объявить национальный траур по случаю кончины И. Сталина, не найдя в его политической и государственной деятельности пресловутого антисемитизма. Кто сегодня помнит об этом событии, как и о том, что только благодаря СССР и, прежде всего, его руководителю евреи получили своё суверенное государство.)

И ещё позволю один вывод о Сталине. **Он убедил себя**, что жестокость и страх в эпоху модернизации страны и подготовки её к неизбежной войне, при дефиците оставшегося времени, наиболее эффективные методы управления и “убеждения” нового, наспех сформированного правящего слоя. Это моя версия причин репрессий в 30-е годы. Или всё-таки мы предпочтём оставаться жертвами пропагандистского тумана, и потому нам не будет дано

понять, что Сталин, **являясь творцом эпохи, носящей его имя**, ещё в большей степени был и сам **заложником тёмных, подлых сил**, которые всегда всплывают в ходе революций, как гнилотная тина со дна водоёмов в весеннее половодье. Что, кстати, и помешало ему оставить после себя в руководстве страны, возвеличиванию которой посвятил немислимую по тяжести и во многом трагическую жизнь борца, достойных преемников, а не моральных пигмеев.

Высшая партийная номенклатура не простила Генералиссимусу планов реформирования политической системы, где им отводилась совершенно другая роль. **Они не забыли и не простили Сталину его интеллектуального превосходства, всесокрушающей и часто немилосердной воли в достижении поставленной цели. Что поделаешь, отличался он от них “лица необщим выраженьем”**. Поэтому недоверие к ним вождя было совсем не случайным. У Сталина были все основания не доверять бывшим своим соратникам. За годы революционной борьбы, ссылок и тридцати пяти лет совместной работы в составе Политбюро и ЦК он слишком хорошо узнал их человеческую сущность, чтобы быть спокойным за дело своей жизни и будущей страны.

Ещё раз, вслед за Ф. Энгельсом, вынужден повторить, что все идеологии — суть ложное сознание. Эта аксиома марксизма, неведомая многим “верным ленинцам”, была знакома Сталину, как “Отче наш...”, как и понимание недолговечности самих идеологий. Показательно, но после Сталина в руководстве партии не было людей, глубоко понимающих теорию марксизма, имеющих своё, основанное на знаниях, представление о закономерностях государственного и общественного развития Советского Союза.

Сталин понимал, что не коммунистическая идеология, а патриотизм, сплотивший русский народ в годы войны, способен сломать хребет фашистской Германии. Это вождю принадлежат предельно откровенные слова, свидетельствующие о трезвом понимании происходящих изменений в душе и сознании людей, сказанные после битвы под Москвой послу США в СССР А. Гарриману: **“Вы думаете, они воюют за нас? Они воюют за матушку-Русь!”**

**Смею утверждать, что Сталин реально оценивал достоинство и ущербность построенного под его началом общества. Гуманизма, терпимости, уважения к личности в нём было мало.** Оно и не могло быть другим. О какой демократии и социализме можно было говорить, если все прожитые при нём годы страна жила в условиях непрекращающейся войны, где решался один вопрос — быть или не быть государству — Советскому Союзу **во главе с державным русским народом.** Именно так следует понимать цель и смысл сталинской политики, в том числе и национальной, особенно после войны. Я представляю, как кощунственно звучат эти слова для всех неутомимых кремлёвских борцов со сталинизмом и им сочувствующих. Ничем не могу помочь, господа. **Мы просто обязаны знать как можно больше правды о невыдуманном Сталине.** Не могу отказать себе в удовольствии взять в единомышленники знаменитого римлянина Цицерона, провозгласившего однажды: “Первый закон истории — бояться какой бы то ни было лжи, а затем — не бояться какой бы то ни было правды”. Сталин, как никто другой из политических деятелей России, воплотил в себе противоречивость двадцатого века, с его взлётами к космическим высотам человеческого духа и беспримерной жестокостью к ближним. И когда политологи, получившие от Кремля патент на грубую ложь и тотчас обнаглевшие от вседозволенности, нахально судят о его роли в развитии страны, не боясь поставить себя в глупое положение резонёров, то, объективности ради, они должны, хотя бы иногда, реально оценивать сделанное им **в конкретных исторических условиях. Он восстановил не просто государство, он создал великую державу.** В этом заключалось его историческое предназначение. И не надо говорить о мифических замках, которые Сталин **должен был построить по “просвещённому” мнению их — дилетантов,** живущих и разлагольствующих о вечных истинах добра и зла в совершенно иной эпохе. Когда они, не скрывая ненависти, рассуждают о культе личности вождя, неплохо было бы сначала **осмыслить саму личность и время,** в котором он жил и созидал. И, не боясь испачкать пухленькие “либеральные” ручки, перелопатить тонны исторической почвы, на которой произрос Советский Союз.

## Первородный грех вождей раннего большевизма

Как ни прискорбно осознавать, уничтожение исторической России, русофобство было заложено *изначально* в советском проекте, и В. И. Ленин, ощущая себя скорее *“пророком”* интернационализма, а не русским политиком, сыграл здесь не последнюю роль. Напомню только его некоторые крылатые дефиниции, вызвавшие у меня в своё время при прочтении шок: “Мы завоевали Россию... победители часто попадают под влияние культуры побеждённых народов и перерождаются”. Это не вырванные из контекста фразы, в них выражена *его мысль*. Владимир Ильич, совсем не в пылу полемики, как это часто бывало с ним, честно признаётся, что они, **большевики, завоевали страну русских**. Ни много, ни мало. Кто завоевал и в чьих интересах, по моему, понятно всем – к чему лишние слова.

Совершенно неожиданным для многих после октябрьского переворота стало отношение А. М. Горького к большевикам и В. И. Ленину, с которым его связывала многолетняя дружба. Многогранную талантливость и волю Владимира Ильича он всегда отмечал и признавал. “Буревестник революции”, гениальный пролетарский писатель и, по совместительству, известнейший в России юдофил и русофоб, вдруг прозрел, когда воочию увидел первые плоды революции. Он пришёл в ужас от происходящего и, **забыв на время о своих дореволюционных симпатиях и антипатиях**, стал публиковать в редактируемой им газете “Новая жизнь” свои знаменитые “Несвоевременные мысли”. Горьки и поучительны его оценки и упрёки вождям победившего пролетариата. **“Народные комиссары, – писал он, – относятся к России как к материалу для опыта, русский народ для них – та лошадь, которой учёные-бактериологи прививают тиф для того, чтобы лошадь выработала в своей крови противотифозную сыворотку... Вообразив себя Наполеонами от социализма, ленинцы рвут и мечут, довершая разрушение России – русский народ заплатит за это озёрами крови... Эта неизбежная трагедия не смущает Ленина, раба догмы, и его приспешников – его рабов. Жизнь во всей её сложности не ведома Ленину, он не знает народной массы...”**

Я цитирую лишь незначительную часть кричащих откровений знаменитого писателя, которые подвигли многих деятелей культуры и просто интеллигенцию пересмотреть своё отношение к Октябрьской революции. И хотя к маю 1918 года тональность его выступлений несколько изменилась, а после смерти Ленина, потрясённый, он напишет о нём свой знаменитый очерк, а впоследствии, увидев, что удалось сделать Сталину, станет одним из пророков советской власти, это совсем не означает, что написанное им ранее было неправдой. Примечательно, в дискуссию с Горьким тогда не вступил ни один из руководителей большевистской партии, в том числе промолчали и Ленин, и Троцкий. Что они могли возразить? Их контраргументы были бы небедительными, если не сказать больше – жалкими. От себя лишь замечу: **истинная трагедия России заключалась и заключается в том, что во все века власть никогда не знала и не хотела знать русского народа, его боли и чаяний**. А он хотел земли вдоволь, чтобы на ней работать, и воли. **Ему осточертела за сотни лет крепостного права любая власть**. Ленин, в чём и заключается его гениальность политика, пообещал и дал крестьянам землю, прекрасно понимая, что только этот шаг спасёт революцию. С этого момента история страны, как горная река после землетрясения, резко изменила своё русло, и её течение стало непредсказуемым.

**Замена русского национального самосознания пролетарским интернационализмом – первородный грех вождей раннего большевизма, и это проклятие висит над Россией до сих пор**. Мне вообще не очень понятно, зачем они, в ущерб русским, так рьяно защищали интересы малых народов, которые должны были, по их же представлению, исчезнуть в ходе мировой пролетарской революции. Полный абсурд, в который, как ни странно, многие верили. Этим и отличается вера от знания. Первый проект, не отрекаясь формально от ленинизма, сорвал И. Сталин во второй половине тридцатых годов. Он с 1934 года начал сворачивать “окультирные” эксперименты над Россией и решительно сделал ставку на русских, возвращая страну и народ в русло естественного исторического бытия и нравственных ценностей традиционного общества. Жестоко получилось, возразить нечего, но дальше

тянуть было нельзя — неотвратимо надвигалась война, в которой могли победить только настоящие патриоты Отечества, а не мифические братья по классу. Всплеск **русского национализма** остановил танковые армады вермахта. Представьте только на мгновение, что случилось бы с государством, последуй Сталин ленинской стратегической идее последовательной борьбы с пресловутым великорусским шовинизмом в национальном вопросе.

Не все, возможно, со мной согласятся, но “чёрная кошка” в отношениях между Лениным и Сталиным пробежала в значительной степени из-за разного понимания ими форм государственного устройства республики Советов и, в конечном итоге, роли русского народа в будущей стране. Владимир Ильич, так же, как и Сталин, постоянно декларировал в своих речах и статьях необходимость создания твёрдой государственной власти на основе сплочения всех входящих в неё национальных республик. Но, обуреваемый ненавистью к мифическому великодержавному шовинизму, склонен был именно через эту кривую призму рассматривать решение всех принципиальных задач в такой чувствительной, взрывоопасной сфере человеческих и общественных отношений. В письме Каменеву в октябре 1922 года он прямо заявил: “Великорусскому шовинизму объявляю бой не на жизнь, а на смерть”.

До сих пор непонятны истоки такой озлоблённости, тем более, для многих его современников и соратников было совершенно очевидным, что русскому народу в массе своей не свойственно проявление крайнего национализма. И даже в среде царской аристократии, не говоря уже о монархах, это были лишь отдельные случаи, они вообще не проводили особого различия между русскими и остальными народами империи, и в этом, как показало время, серьёзно ошибались. У Ленина же в последние два года перед обострением страшной болезни **особое** отношение к русским стало приобретать просто навязчивые и откровенно оскорбительные формы, что вызвало даже у грузина Сталина вполне объяснимое чувство протеста. Напомню его знаменитое: “Это не Ленин говорит, это болезнь его говорит!”

В отличие от многих партийных вождей Сталин прекрасно помнил и понимал, **в какой стране они завоевали власть**, и какую опасность представляет национальный сепаратизм малых народов, способный подрывать прочность создаваемого государства. В те годы он был уже зрелым, состоявшимся политиком, имевшим своё представление о стратегии развития страны, и потому вступил в принципиальную полемику с Владимиром Ильичом, забыв, что это смертельно опасно. Г. В. Плеханов, давший Ленину в 1918 году поразительно точную характеристику, отмечая массу его достоинств как признанного вождя, счёл необходимым отметить крайне болезненное самолюбие и абсолютную нетерпимость к критике. А. М. Горький тоже однажды заметил: “Всё, что не по Ленину, подлежит проклятию... каждый, кто в чём-то с ним не согласен, — потенциальный враг...”.

В советское время образ Ленина рисовался совершенно иными красками, исключительно светлыми. И в конечном итоге благодаря усилиям партийных идеологов был до такой степени искажён, что невольно возникало сомнение, как мог это маленький человечек, больше всего на свете любящий кошек и детей, совершить **такую революцию** и одержать победу в Гражданской войне, где не только о домашних животных, о людях-то не думали. А всё больше о власти и как её удержать в руках, родимую. Не знали мы, как выяснилось, благодаря неустанной заботе “сусловых”, ни Сталина, ни Ленина, ни правдивой истории Октября. Что было, то было, потому и приходится сегодня по штрихам воссоздавать великие образы.

Ленин не простил Сталину самостоятельности, жёсткой дискуссии на равных, справедливому, как показало время, обвинению в национальном либерализме. Жестокая была схватка, когда Сталин вдруг, неожиданно для многих соратников, превратился в того самого **держиморду всероссийского масштаба**, олицетворявшего, по мнению Ильича, всю реакционность и опасность русского великодержавного шовинизма. Подобными обвинениями Ленин хотел политически дискредитировать некогда “чудесного грузина” и поставить под сомнение его руководящее положение в партии. Конечная цель, убеждён, в этом и заключалась. Владимир Ильич, предчувствуя наступающую смерть, терял чувство реальности происходящего, контроль над собой, физические и интеллектуальные силы покидали его. И, самое главное, понимал, что он уже не способен контролировать ситуацию в партии и стране, бывшие

соратники начали **без него** самостоятельный путь в политике. **Сталин как раз и явился знаковой фигурой неумолимости наступления нового исторического времени.**

В той давней схватке по национальному вопросу победа осталась за Лениным, но лучше бы её не было. На 12-м съезде партии в выступлении Сталина были озвучены мысли и политические установки грозного оппонента; правда, свою точку зрения об опасности сепаратизма он всё-таки высказал. История полна парадоксов, ей почему-то было угодно, чтобы именно Сталин стал формально отцом-основателем нового союзного государства. Все основные доклады на X съезде Советов РСФСР и на I съезде Советов СССР делал генеральный секретарь ЦК ВКП(б), но в Декларации об образовании СССР были сформулированы не сталинские, а ленинские принципы объединения республик. Идея “автономизации” как основного принципа объединения была навсегда похоронена, борьба с великодержавным русским шовинизмом, а по сути — с национальным самосознанием державного народа, получила конституционную поддержку. **“Рогатая мина” национализма малых народов** отправилась, благодаря В. И. Ленину, в долгое плавание по бескрайним просторам Советского Союза. В период борьбы Хрущёва с так называемым культом личности всячески выпячивались якобы ошибки Сталина в тот период, с большой фантазией изображались те неисчислимые бедствия, которые неизбежно встали бы на пути государства, восторжествуя его позиция. **Распад СССР позволяет нам сегодня без лишних эмоций понять суть политических разногласий двух вождей и то, кто из них реалистичнее оценивал ситуацию в России и предлагал более жизнеспособные принципы государственного строительства.** Прав был великий мыслитель древности Фалес, сказавший однажды: “Мудрее всего — время. Ибо оно раскрывает всё”.

Победа над фашистами позволила Сталину хотя бы отчасти переформатировать страну, но отпущенное ему провидением время истекало. И хотя после его смерти во главе партии и государства находились славяне, но русского духа в них почти не было. В идеологической работе партии, начиная с Двадцатого съезда КПСС, всё заметнее становились роль и заветы обиженных вождем “теоретиков” пролетарского интернационализма, призывавших любить угнетённые народы больше, чем “мать родную”. А к началу восьмидесятых годов почти все средства массовой информации, сфера литературы, театра и кино контролировались не столько партийными органами, сколько соплеменниками троцкистских комиссаров с партийными билетами, имевшими счёты с недавним прошлым и свои взгляды на будущее. **Желание взять реванш за проигранные ими тридцатые годы стало приобретать зримые черты.** Именно в те годы совсем не случайно возникла провокационная идея формирования новой, по сути наднациональной общности — советского человека. Почему провокационная, спросите? Отвечаю, **новую “общность” нельзя создать в условиях множества динамично развивающихся национальных культур, способствующих пробуждению национального самосознания народов, населявших СССР.** Тем более партия и государство этот процесс активно поддерживали.

Путь был только один: **“выращивать”** советского человека, как искусственный кристалл, на основе биологически и духовно доминирующей нации — русской. В любом случае процесс занял бы многие столетия без гарантированного успеха. Пример тому США с их политикой “плавления котла” и пресловутой мультикультурностью, от которой взвыл уже весь западный мир. Если не лгать, то американцами считают себя только потомки первых переселенцев. Кто скажет, какая их доля сегодня в многоцветной Америке, где в южных штатах из-за неконтролируемого наплыва мексиканцев основным становится испанский язык?

Догадывались ли авторы о несостоятельности своей “революционной” идеи, которую они поспешно вложили в уста добрейшего, но ничегошеньки не понимавшего в вопросах теории Л. И. Брежнева и закрепили для надёжности решениями съезда КПСС. Не могу утверждать категорически, что двигало ими, не знаю. Возможно, элементарное желание “блеснуть” умом и оставить след в марксизме и, разумеется, сделать очередной рывок в карьере. К сожалению, никто после распада СССР публично не признал своей причастности к этому “изобретению”. Исключительно из скромности, полагаю. Но мы-то сегодня понимаем: **это был самый настоящий диверсионный акт в облас-**

**ти национальных отношений.** Проект не удался, много было допущено концептуальных ошибок в постановке задачи, исходных данных и в сроках исполнения. Вред нанесли колоссальный, успев окончательно искорёжить активно возрождающееся самосознание русских, только почувствовавших себя великой нацией.

В России резко сменилась роза ветров, вновь наступили смутные времена. Дикое поле постепенно поглощает её леса и равнины. И самое непостижимое, как стремительно возвращается, кажется, навсегда забытое варварство. Поразительно мало понадобилось лет, чтобы, однажды проснувшись, мы не узнали друг друга. У меня сложилось устойчивое мнение, что большинство моих соотечественников основательно продрогли на сильном либеральном сквозняке, более того, многие умудрились ещё и основательно “простудиться”. На лицах появился явно выраженный похмельный синдром, лихорадочный блеск глаз свидетельствует о постоянном стрессе и психологическом дискомфорте у среднего и старшего поколения, наркотическая ломка наблюдается у четырёх миллионов молодых людей, лишивших себя будущего. В итоге современное общество имеет опасный диагноз – всеобщую устойчивую тяжёлую астению, а это серьёзное заболевание. К тому же мы прекрасно знаем, самое опасное при простуде – осложнения. Они неизбежны, когда иммунная система даёт сбой, и неожиданно начинают страдать жизненно важные органы. Разве не свидетельствует о том, что наша душа поражена вирусом, когда за последние два десятилетия у нас развился самый настоящий комплекс неполноценности, присущий только малым нациям! Пропагандистская машина либеральной власти просто задолбала всех рассказами о нашей вековой отсталости, несовершенстве, интеллектуальном убожестве, неспособности жить “цивилизованно”, по нормам европейских стран. Понятное дело, для патентованных “цивилизаторов” Россия по-прежнему, как для К. Маркса – Татария. **В итоге мы сегодня напоминаем людей, неожиданно лишившихся памяти, волею случая оказавшихся ночью на железнодорожном вокзале в незнакомом городе, где никто из служащих не удостоился повесить расписание движения поездов дальнего следования.** Скажете, излишне драматизирую. Нет, это та неприятная реальность, о которой многие из нас, погружённые в ежедневные заботы повседневного выживания, упорно стараются не думать или стыдливо не замечать. И уж тем более не хотят признаться, что они потеряли ориентировку во времени и пространстве и вообще не знают, куда ехать. А ведь на руках малые дети, в них и только в них сокрыто будущее нашего рода и всей России. Опасность ещё заключается в том, что длительная привычка жить в состоянии угнетения национальных чувств накапливается в обществе, как стронций в почве, и у последующих поколений проявится уже в виде **устойчивых рефлексов поведения.**

Крайне важно понять, **осознают ли 80% граждан России, что они не просто россияне, они – русские.** И какое значение для них имеет этот бесспорный биологический и юридический факт. Есть или нет на уровне подсознания понимание, что в жестоком мире можно выжить только благодаря поддержке своего народа. В минуту опасности у тебя должен мгновенно сработать определитель: “свой—чужой”. Это и будет сигнал, чтобы всё бросить и прийти на помощь. Есть ещё один показатель здоровья нации. Тот самый, более полутора веков высмеиваемый западниками, вечный русский вопрос. Кто мы, откуда пришли и куда идём? Он потому и вечный в России, что каждому поколению приходится решать его самому. Неплохо, конечно, если ты уверенно стоишь на сильных плечах своего отца и деда, тебе дорога их вера и прожитая ими жизнь. А если, как сегодня, под тобой пливун, и тебя, того гляди, засосёт трясина национального небытия?! И в это самое время, я убеждён, совсем **не случайно всплывает знакомая нам идея создания новой общности, но теперь, понятное дело, уже не советского, а российского народа.** И новоявленные “эксперты” ловко подбрасывают её Дмитрию Медведеву, которому она, как в своё время Леониду Ильичу, явно приглянулась своей новизной. Охотно откликнулись на “божественное” озарение президента и главы национальных республик. Сделав изящный, насколько позволяет комплекция, полуприсед с поклоном, они слаженно запели в один голос в надежде, что будут отмечены за единомыслие высочайшим поощрением, хотя бы в форме дружеского похлопывания по плечу. Но не только. Все как-то сразу подумали о главном – **под новую блажь неплохо было бы увеличить федеральные**

**дотации.** И потому с большим жаром стали сетовать, что у них серьёзные проблемы с изучением в школах родного языка, нуждается в срочной поддержке безумно талантливая местная интеллигенция и, разумеется, требует ремонта обветшавшая материальная база объектов культуры.

Конечный смысл стенаний таков. Российский человек, “россиянин” — это как раз то, что им всем очень нужно, о его появлении на дичающих просторах Евразии они и их предки, сидя в ночи у костра, мечтали сотни лет. Но “ковать” его предпочтительней через развитие духовной жизни и самосознания малых народов. Должен признаться, послушав внимательно новых национальных руководителей, я пересмотрел свои взгляды на эту публику. У них хорошо развитый хватательный рефлекс, они знают, чего хотят, и при этом продемонстрировали грамотный, прямо-таки большевистский подход с железной системой доказательств. Подумайте сами, кто же в своём уме, да ещё при либеральном президенте, будет протестовать против развития творческого потенциала ранее “угнетённых” царизмом и особенно ненавистными коммунистами малых этносов. В одном только местные вожди прокололись: они с такой скороговоркой, как бы между делом, напоминали о проблемах русских, что у меня создалось впечатление, а не мешаем ли мы им, 20% населения страны вместе с Д. Медведевым?

Куда гоните лошадей, господа? Посоветуйтесь сначала у себя, хотя бы со старейшинами своего рода, и, на всякий случай, не плохо бы спросить мнение на этот счёт самих русских. Вдруг они, как и я, захотят, чтобы дети наследовали не только фамилию отца и недвижимость, у кого она есть, но и принадлежность к нации своих замечательных предков, их традициям, обычаям, завораживающим детские души сказкам и мифам о былинных героях. Я мечтаю бережно передать маленькой дочке и внучке наш общий Русский мир, так же, как передала его мне незабвенная моя матушка, Екатерина Сергеевна, простая и великая русская женщина, казачка, нахлебавшаяся в жизни не по своей вине “слезы, как сырца”.

**Век-волкодав жестоко отметился не только на судьбе революционеров и знаменитых поэтов, он многих на Руси породнил с горем, лишив навсегда душевного покоя и оставив в назидание о себе души, израненные в кровь.** Мне было от роду четыре с половиной года, когда мама бережно посадила меня на коня и, шлёпнув его по крупу, сказала неведомые досель слова: “Скачи, казачок!” Я на всю жизнь запомнил, спасибо детской незамутненной памяти, какими лучистыми в тот момент были её серые, всегда тревожно наблюдавшие за мной глаза и какой радостной — улыбка. Она как-то широко, свободно повела рукой, словно отдавала лично мне огромное, с дурманящим запахом июльских трав, поле за околицей и виднеющуюся вдаль темную синеву бесконечной тайги. По прошествии многих лет я с трудом, но всё-таки узнал от неё, какого я роду-племени, и что “батюшка Дон” очень много значил в судьбе моих воинственных предков, сгинувших в круговерти гражданской войны и лихие тридцатые. Сибирь приютила немногих, оставшихся в живых после расказачивания, надёжно укрывала и согрела своими снегами. **Мамин жест говорил мне — этот прекрасный мир, сынок, от родимого Дона до Оби, твой. Не бойся, живи в нём, храни его и помни имя своё. Господь с тобой!**

Все разговоры, что не только русские создавали страну, от лукавого. Глупая и безответственная демагогия! Конечно, не одни, но уберите русских из России, и что от неё останется? Всё в России сделано нашими руками. Тысячу лет пахали землю, воевали с басурманами всех мастей, строили новые города и заводы, запускали в космос ракеты, открывали богатства Сибири и Севера — обустроивали свою жизнь, думая о будущем своих внуков, и были горды тем, **что у них тоже будет дел невпроворот.** А ещё радовались, что на глазах менялась не только своя, но и жизнь всех людей, независимо от разреза глаз и цвета волос, с которыми свела непростая судьба страны и с которыми делились в трудные годы последним куском хлеба. Непросто быть старшим братом в этой жизни, но таково **Провидение**, и не следует нам ставить под сомнение его благодать.

Есть, господа “экспериментаторы”, неотъемлемые, равные для всех гражданские права, в том числе и для представителей так называемых малых народов, шагнувших уверенно в XXI век благодаря русским. Но мир, любезные, испокон веков, пусть и неохотно, но всегда считался с “правдой боль-

ших батальонов”, неоспоримой силой и логикой больших цифр, которые не требуют никаких доказательств. Русских много, в четыре раза больше, чем всех остальных, вместе взятых — докажите, что это не так. А великороссов, воспитанных на ценностях нашей культуры, ещё больше. **Поэтому без русских нет и не может быть России, и уж тем более великой, а на меньшее положение в мире мы не согласны.** Привычка, знаете ли, ставшая важной чертой до сих пор формирующегося национального характера.

Историческая роль и предназначение русских как державной нации должны быть закреплены Конституцией, как бы ни заходились в истерике русофобы. Речь не идёт о создании Русской республики, эту губительную идею нам постоянно подбрасывают в надежде, что мы на неё “клюнем”. Объявление суверенитета Российской Федерации в начале 90-х годов послужило началом обвала СССР. Не сомневаюсь, среди нынешней “элиты” немало желающих повторить тот же сценарий. “Гранты” нужно отрабатывать. Но мы, как говорил юный Владимир Ульянов, **пойдём другим путём.** Наша задача — сломав гражданскую инертность, сформировать национальное правительство во главе с лидером государства, не стесняющимся своего великоросского происхождения и осознающим ответственность перед народом и государством. Нам предстоит настойчиво формировать национальное самосознание, что немислимо без восстановления национальных форм бытия, развития образования и общей культуры во всём её неповторимом многообразии. Народу должна быть возвращена, если хотите, по крупницам историческая память, а это сегодня уже не так просто сделать. Кто только не уродовал, не переписывал на протяжении веков историю России. Многие преуспели на этом поприще и в двадцатом веке; чего стоят только ранние большевики с их нескрываемым русофобством и “хазарским” интернационализмом, да и не обременённые великоросской этничностью “поздние” коммунисты недалеко ушли от них. И, конечно же, “демократы”, ничем не отличающиеся по экстремизму от первых — все они подстраивали историю под свои сиюминутные утилитарные интересы. За малые российские этносы я не волнуюсь — у них, благодаря благодущию “великодержавных шовинистов”, племенное этническое начало даже зашкаливает, и неплохо бы в интересах страны его слегка “подморозить”. Но цель у нас с ними одна — мы должны **все вместе** сберечь Русский Мир, этот уникальный духовный и географический космос, ставший для всех этносов общим домом, где никто не был сиротой и по прошествии веков не потерял своего лица.

### **Воля как метафизика загадочного русского характера**

Огромное пространство не пугало — оно неодолимо влекло к себе. В середине XVII века население России едва достигало 7–8 млн человек, а территория, находящаяся под царским скипетром, была уже равна 75% нынешней. Еще никто не ответил на, казалось бы, простой вопрос: как удалось при столь скромной численности Московии, которой ещё предстояло стать Россией, освоить пространство, заселенное сотнями племен, а те, мягко говоря, встречали первопроходцев без хлеба и соли и не устраивали по этому случаю народных гуляний. Не говоря уже о засветившимся в истории хане Кучуме, с полным основанием считавшим себя истинным повелителем Земли Сибирской, и его войске, состоявшем не только из сибирских татар. Оно было боеспособным и несравнимо по численности с прибывшими казаками Ермака. Это был не обычный разбойничий поход за зипунами на Туретчину; пограбили города, прихватили с собой полонянок, побросали их вместе с баулами в челны и быстрее назад, в родные степи по Чёрному морю поплыли. В XVII веке в Сибирь, вслед за Ермаком, тотчас пришло русское самодержавное государство со своим интересом и начало по-хозяйски обустроить земли, всегда имея под рукой кнут в лице царского войска. Но не только тяга к свободе от гнета князей и бояр, а **неосознанное стремление к ничем не ограниченной воле** заставляло десятки тысяч, увы, нам неизвестных людей сниматься с насыщенных мест, бежать на Дон, а затем вместе с другими казаками отправляться в неизведанные земли до самого моря-океана. Стратегические же замыслы братьев Строгановых и им подобных были для первопроходцев делом вторым.

Мечта о другой жизни, волюшке, воспетой в песнях, оказалась более мощным стимулом освоения евразийского пространства. **Такое психологическое состояние человека могло возникнуть только в среде огромной массы недовольных жизнью людей, не пожелавших мириться с социальным, как теперь принято говорить, гнетом и унижением человеческого достоинства. Стремление к воле – это метафизическая форма массового протеста народа против господского ярма, тягостного и невыносимого в повседневной жизни.**

Удивительный народ мы, русские! Все мировые философии и идеи, падая к нам в Россию, странным образом преломляются в сознании и поведении людей. Увлекаемся Вольтером и Дидро, Декартом и Гегелем, вместо икон в красный угол ставим Маркса и Энгельса, а на выходе всегда жёсткое авторитарное правление и, как итог, вновь борьба не на жизнь, а на смерть с государством за свободу или бегство от ненавистной власти. Объединяют только войны, необходимость победить злого врага, но уже на следующий день – котомку через плечо и в путь-дорогу. Огромное количество больших и малых крестьянских войн и восстаний, порой потрясавших империю, тому убедительнейшее свидетельство. По количеству бунтов мы, пожалуй, впереди планеты всей. К счастью, после подавления восстания было где скрываться. И не только в донских степях. Бежали в Дикую степь, на окраины государства Российского, не всегда ведая, где его границы, но лишь бы подальше от ненавистной власти. **Беглецы от ярма – вот истинные создатели империи.** Их непокорность, сила и мужество при преодолении невзгод нам, сегодняшним нытикам, просто непонятны. Нет в нас жажды неукротимой свободной жизни. А таких, в конечном итоге, уже тогда были сотни тысяч.

Вспомним и продвижение России на Юг. Сотни лет степняки, жившие набегам, методично и жестоко терзали славян. Казанское, Астраханское, Крымское ханства, Большая Орда, Ногайская Орда грабили и дотла сжигали города и села, включая Москву. Все невольничьи рынки на Востоке были забиты славянами. Десятки тысяч девушек и молодых женщин, проданных в гаремы, вынужденно улучшали генофонд неказистых степняков и подданных Османской империи. Поэтому, ничего не забыв, русские, набрав силушки и злости, с особым удовольствием гоняли по степи ненавистных “басурман”, изгоняя своих исторических врагов в дикую Азию. Здесь, конечно, славно послужили народу православному казаки, о происхождении которых до сих пор спорят историки. После распада Золотой Орды много разноплеменного народа, получившего “вольную” от чингизидов, шаталось по Дикой степи.

Немало собралось там и потомков южных славян, предоставленных самим себе после уничтожения Киевской Руси, а в более позднее время холопов и крепостных крестьян – беглецов от князей и русских царей, не отличавшихся особым милосердием к соплеменникам. Основным занятием воинствующего народа, своеобразных профессиональных “псов” войны, стали набеги на роды и селения и, чего скрывать, грабежи своих же православных. Наиболее знаменитым и незабвенным в народной памяти остался Степан Разин. Этот казачий атаман не просто грабил заморских и московских купцов, он совершал опустошительные для персов и турков походы на их земли. Историческим фактом является его попытка овладеть Дербентом, где расположился крупнейший на юге невольничий рынок, забитый славянами. Город не просто разграбили, казаки на два года парализовали доходный бизнес работяг-персов. Та же участь постигла Баку и резиденцию персидских шахов Ферах-Абад, построенную самим Аббасом Великим. Великолепные дворцы, гордость властителей Персии, были полностью разграблены, а на обратном пути казаки умудрились потопить огромный флот противника, явно недооценившего их военную мощь.

За такой успешный и выгодный для набиравшего силы государства разбой, по примеру английских монархов, нужно было московскому царю жаловать атамана щедрыми наградами и адмиральским чином. **Не сподобились, не захотели снизить, а зря.** Не начал бы тогда Степан Разин серьёзно грозить Московии и устанавливать свои порядки на подконтрольных ему территориях, и не сложил бы вместе с младшим братом буйную голову 6 июня 1671 года на Лобном месте в стольном граде, преданным своим крестным отцом, войсковым атаманом Корнилой Яковлевым и казачьей верхушкой. Многие столетия отношения с русскими правителями у казаков были сложные, а их

предводители были не прочь половить рыбку в мутной водичке. Не случайно они были рядом со многими самозванцами на Руси – от Лжедмитрия до Емельяна Пугачёва. Люди вольные, воины по призванию, они решительно вышли за красные флажки патриархального мира, установили свою форму правления – **военную демократию**, унаследованную от древних славян, и больше жизни дорожили независимостью. Но вечно так не могло продолжаться. Москва стремительно набирала силу, её интересы были обращены во все стороны света, в том числе и на юг. Что и понятно, уж больно места там были привольные и плодородные. Здесь-то и сыграли свою роль славянские корни и вера православная. После подавления восстания Кондратия Булавина Пётр I понудил казаков подчиниться его власти, и стали казаки верой и правдой служить России, расширяя её жизненное пространство, оставив за собой, как бы сегодня сказали, особый правовой статус.

**Говоря о психологии русских тех веков, нельзя забывать о двойственном влиянии религии на формирование национального самосознания и характера православных.** После падения Византии Русь вполне обоснованно мыслила себя великой и последней в мире державой, чей долг защищать христиан от “басурман” с их магометанской верой. Культивировалось чувство превосходства и над католицизмом, с которым разошлись на века. Мессианство русской церкви – мощнейший фактор формирования вселенского сознания русского человека, его активности, обращения во внешний мир, к сожалению, в ущерб обустройству своей страны. Особенность православия проявилась в его чувственном обращении к Богу, стремлении понять его сердцем, а не разумом. А там, где нет холодного рассудка, не рождаются философы, желающие понять, объяснить и ниспровергнуть вечные истины, не являются философские учения с их безбожием, системным и рациональным взглядом на окружающий мир. Созерцательность православия сформировала не только религиозное сознание народа, но и соответствующие устойчивые нормы его поведения.

Не забудем и об усилении восточного менталитета в психологии русского человека. Со времён Батыева нашествия **Русь вынужденно попала в другой поток исторического времени.** И поэтому та же многократно сожжённая Москва возрождалась из пепелищ славянами, но уже с иной душой, “подпорченной” кочевниками. Оставшиеся в живых после набегов кочевников люди, спасая себя для будущего, уходили в дремучие леса, на север, где их сложно было достать. Народ делал вид, что он замер, заснул летаргическим сном, отключив сознание. А сон разума, как известно, порождает чудовищ. Но, однажды проснувшись, он отправил в небытие Золотую Орду со всей её бесчисленной конницей, прожорливым населением, мамами и тохтамышами, пожелавшими “сесть” на Москву. Время показало, что для степных империй вредно находиться по соседству с русскими, долго не живут. Но беда не ходит одна, не успели славяне порадоваться освобождению и оглядеться вокруг, как тут же попали в лапы собственных князей. Находясь под каблуком татарских мурз, те научились за три века многим коварным восточным премудростям. Да и сами татары никуда не делись, привыкли к Руси – неплохо им здесь жилось, обосновались, корни пустили, смешали кровь. Многие знаменитые дворянские фамилии в Российской империи имели татарскую родословную.

**Будем объективны, степняки преподали нам хороший урок, период разобщённости и слабости постепенно был преодолён, и на огромных просторах выросло мощное централизованное государство, ставшее при честолюбивом Петре I империей.** А империи не могут существовать, не расширяясь. Будучи, как бы сегодня сказали, глобалистом, самодержец не только изо всех сил старался прорубить окно в Европу, строил корабли, воевал, но и постоянно обращал свой орлиный взор на южные земли и населявшие их народы. Здесь и пригодилась полученная азиатская “прививка”. Восток и жестокие нравы его коварных правителей не вызывали уже растерянности у русских военных и дипломатов, они на генетическом уровне понимали, с кем имеют дело. И отвечали тем же, но ещё более изощрённо, чем ввергали порой восточных деспотов и их подданных в состояние шока. А для русского солдата, который с лёту учился военной хитрости у “супротивника”, было изначально, ещё до великого Суворова, понятно, что воюют не числом, а умением, а смелость города берёт.

Азиатская политика России была более изощрённой и эффективной, чем европейская. Понятно почему. В отношениях с королями западных стран российский монархи старались быть европейцами, предстать перед родственниками во всей аристократической красе, полагая, что немецкая кровь в их жилах — лучшая рекомендация благородству их намерений. Но, перефразируя известный афоризм, можно с известной долей цинизма утверждать, что в большой политике нет ни родственников, ни постоянных друзей — вечными являются только интересы. Европа в этом смысле **классический образец прагматизма и национального, по сути племенного эгоизма**. Пока Русь страдала под монголами, здесь набирались сил и готовились к войне за место под солнцем. Последовавшие четыреста лет жестокой борьбы доброго десятка народностей между собой за территорию и сферы влияния запустили мощный механизм развития этнического национализма. Будущие европейские нации формировались не только в городах, на заводах и фабриках, но и на полях сражений и, разумеется, в колониальных войнах. Почувствовать себя великим испанцем, французом или англичанином значительно проще, торгуя африканскими рабами, отстреливая ацтеков и гоня североамериканских индейцев по лесам и прериям. Всё смешалось в Средние века: и титаны Возрождения, предвосхитившие духовный и интеллектуальный взлёт человечества, давшие мощный толчок развитию науки и культуры, и зачатый колониальным золотом, вкупе с еврейским капиталом, капитализм с его потребностью в техническом прогрессе и избыточной рабочей силой. И, наконец, гордо заявившее о себе национальное самосознание народов, породившее бессознательный эгоизм превосходства одних наций над другими.

Чем закончилось доведённое до абсурда прославление «племенного» германского духа в XX веке, нам известно — Второй мировой войной. **Просвещённая Европа стыдливо помалкивает, разумеется, от чистоты идейных и нравственных побуждений, что на протяжении длительного времени многие её государства были расистскими**. Именно поэтому фашистские теории нашли такое огромное число сторонников среди творцов и знатоков мировых философских учений, поэзии и литературы. И столь же определённо идеи национального превосходства выразились во внешней политике государств. Они не ведали сомнений в том, что делать с миром — захватывать и переделывать жизненное пространство под свои интересы. Фашизм в Европе не случайное явление, его приход был подготовлен всей прошлой бурной и противоречивой историей. В Италии, Германии, Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, а после немецкой оккупации и во Франции, Бельгии, Голландии, Нидерландах, Дании — везде правили фашистские режимы. У Запада нет вечных истин — есть только цель, которая, естественно, оправдывает используемые для её достижения средства. Вчера — буржуазная демократия, фашизм, сегодня — права человека, толерантность и глобализм. А завтра будет то, что соответствует вечным интересам правящей элиты. И кто сказал, что нацизм для Европы прошлое?

А теперь на мгновение представим себе, что на дворе XVIII—XIX век, когда Европа уже осознала себя великой, центром земной цивилизации. И вдруг, на фоне этого честолюбивого торжества человеческого духа и всепоглощающего материального интереса — какая-то Россия с византийскими амбициями её царей и дворян, искренне убеждённых в своём кровном и духовном с ней родстве, и заставшим в патриархальном безвременье народом. Неизвестность всегда вызывает у человека настороженность, страх, переходящий в слабо мотивированную враждебность. Прошедшие века «добрососедских» отношений, к сожалению, не прибавили ни на грамм доверия между нами. Европейцев, конечно, можно понять. Подумайте сами, упитанный, румяный народ, красивые, ухоженные города и деревеньки и, в кои веки, никаких войн на своей территории последние 65 лет. И, над всем этим рождественским великолепием периодически нависает с востока, сверкая молнией, огромная лиловая туча, как им кажется, грозящая смерчем. Но политики, которых американцы постоянно одёргивают за фалды, себе на уме, не спешат успокоить обывателя, преследуя свои, давным-давно сформулированные цели. Ну как же, такая богатая земля, особенно легендарная Сибирь, а кому досталась? Несправедливо. Единственная в мире территория, не «освоенная» всеядным Западом. Даже Китай, не говоря уже об Индии, не избежал колониального грабежа. С Россией всё как-то не срастается, и европейцы растерянно воз-

мущаются – нарушается понятный им естественный порядок вещей в мире. Они ощущают дискомфорт, появляется тревога, нарушается сон, начинает мучить аритмия. Нам же, русским, всё это кажется просто смешным и, более того, ненормальным. Мы рвём на себе тельняшку и пылко говорим сомневающимся: нам ничего от вас не нужно, господа, у нас, в принципе, всё уже есть, правда, не для всех. Если в чём и нуждаемся, так это в отмене виз, а в случае необходимости для некоторых получении вида на жительство.

А ведь причина отчуждённости, казалось бы, давно понятна: **мы не европейцы, и не азиаты, а евразийцы, и потому у нас иная ментальность.** Это ведь ко всем нам уже почти два века взывает Александр Сергеевич: “Поймите же, Россия никогда ничего общего не имела с остальной Европою; история её требует другой мысли, другой формулы...”. Понимаю, что мысль эта всегда вызвала чувство протеста у наших западников, тем более, очень огорчает нынешнего президента. Чувствуется, он свято верит в свою мечту проснуться однажды европейцем; возможно, для него это и есть национальная идея, которую мы, слепые, всё ищем и никак найти не можем. Ничего в этом желании плохого нет, за окном XXI век. Хочешь быть – будь, а нам позволено остаться русскими. Вслед за победоносным Александром Васильевичем Суворовым готов кричать на всю планету: **“Я русский, какой восторг!”** Россия самодостаточна и экономически, и духовно, но нам близки географически и понятны психологически чуждые цивилизации. И в том наше своеобразие, которым, к сожалению, не всегда умеем пользоваться.

И ещё один хорошо известный фактор – Русь моложе Европы, созданной в пятом веке на осколках Римской империи, **мы живём в разном историческом времени.** У нас, образно говоря, иначе работают биологические часы. Когда я бываю на Западе, порой приходит ощущение, что наши народы живут в параллельных мирах, и для того, чтобы они могли встречаться, нужно каждый раз выходить в другую реальность, как в космос, в строго определённое время и, желательно, с надёжной страховкой. Борцов за права человека прошу не беспокоиться, я не призываю власти ограничить свободу контактов. Это моя, может, не совсем удачная, попытка философски осмыслить наши различия.

Мы – русские, и понимание этого многое нам самим, не потерявшим способность думать, объясняет. Но только не представителям европейских народов. **Мы всегда были для них “неправильной” цивилизацией, скифами, Востоком, ими и остались.** Русофобия как неотъемлемая часть **евроцентризма**, являющегося основой их мировоззрения, порождена и чуждостью наших культур, и менталитета, и снобистским нежеланием знать и уважать духовный мир “варваров”. Нам ещё предстоит пройти долгий и тяжкий путь взаимного познания при согласовании геополитических интересов, признания духовных ценностей, лежащих в основе бытия наших народов.

Пройдём ли мы его успешно, взявшись за руки, не знаю, не убеждён. Минувшие столетия не внушают оптимизма. Но для начала нам необходимо разобраться с самими собой. Понять себя и свою историю.

АЛЕКСАНДР АРЦИБАШЕВ

## СПОТКНУТЬСЯ — НЕ ЗНАЧИТ УПАСТЬ

*К 80-летию Василия Александровича Стародубцева*

Всякий раз, встречаясь с Василием Александровичем Стародубцевым, испытываю некую неловкость, будто в чем-то провинился перед ним. Впрочем, схожее чувство и по отношению к другим крестьянам. От века им жилось туго. Стоило только мужику чуть приподняться, как тут же на него обрушивался гнев господ. Откуда это пошло: господа и смерды? Если вникнуть глубже в суть вопроса, то как раз крестьянин-то куда ближе к Богу, поскольку труд на земле искони почитался за самое богоугодное дело.

Родина Стародубцевых — село Воловчик, что на Курщине (ныне Липецкая область). Большая крестьянская семья. У Александра Игнатьевича и Александры Ивановны было шестеро детей: Василий, Дмитрий, Федор, Алексей, Катерина и Лидия. Отец и мать работали в местном колхозе “Парижская коммуна”. Ребятишки с малых лет помогали на подворье: огород, корова, птица... Вряд ли кто из земляков предполагал, что босоногие братья Стародубцевы станут знаменитостями. Но прежде испытала на прочность тяжелейшая война.

Отца, как и других мужиков, сразу забрали в армию. Пахать и сеять пришлось малолеткам. Немцы не церемонились с жителями оккупированных территорий: отбирали зерно, мясо, молоко, яйца, другие продукты, заставляли работать на вермахт, молодежь угоняли в Германию. Как уцелели Стародубцевы — одному Богу ведомо...

Беседую с Василием Александровичем в его временной депутатской квартире на юго-западе Москвы. Несмотря на почтенный возраст (почти восемьдесят лет), он и не думает об отдыхе. Бодр, подвижен, собран. Как члену комитета по аграрным вопросам Государственной думы Российской Федерации, ему приходится много колесить по стране, вникать в крестьянские проблемы, доказывать на разных уровнях, насколько важна поддержка деревни. В результате демократических “реформ” мощнейший агропромышленный комплекс наполовину развален, миллионы пахарей и сеятелей остались без работы, импорт продовольствия превысил все разумные пределы. Россия, по сути, утратила продовольственную безопасность.

Слово Стародубцева весомо, пользуется большим авторитетом в крестьянской среде. Чуть выдастся свободное время, он уезжает домой, в село Спасское, где на местном кладбище покоятся родители, жена Тамара Александровна, брат Дмитрий, сын Александр. Тяжело вспоминать прожитое, судьба-то выпала не из легких.

— Первый раз взялся за плуг в десять лет, — начал издали Василий Александрович. — В войну лошадей в колхозе почти не осталось, впрягали в плуги коров, быков. Чего на них напашешь? Но все-таки сеяли пшеницу, ячмень, гречиху. Немцы, как только заняли село, поставили у школы виселицу. Объявили, за что будут карать: связь с партизанами, неподчинение новому порядку, воровство... Первый раз они простояли в селе около четырех недель. В конце декабря сорок первого года ударили сильные морозы. Однажды, видим, фашисты чего-то забегали, засуетились, стали минировать склады. Догадались: где-то рядом наши. Мы, пацаны, повылазили из погребов и бросились к околице. Охота было увидеть наступление советских войск. И вот с горы катятся в белых маскхалатах лыжники. Поравнялись с нами, спрашивают: “Где гитлеровцы?” Показываем на юг, куда те подались. У немцев была привычка раздеваться на ночь до нижнего белья. Застали их врасплох, бросились утекать чуть ли не босиком, но танкисты догнали и вернули в село. Дали одеться, обуться, а то обморозились бы, околели в поле. К пленным относились по-человечески...

Стародубцев тяжело вздохнул. Память сохранила многое до мельчайших деталей. Чуть помедлив, продолжил:

— Село Воловчик переходило из рук в руки трижды. Помню такой случай. Наши отступили. Тишина. Слышим, где-то на окраине заурчала бронемашина. В одну из изб зашли трое старших офицеров-немцев: два полковника и майор. На улице выставили часовых. А в доме сидел красноармеец, чистил винтовку. Увидел фрицев — и дёру. На соседнем дворе находились еще двое наших бойцов. У них сломалась полуторка, и они ремонтировали ее. При появлении немцев подняли стрельбу из автоматов. Часовые забежали в дом. Тогда наши обложили избу соломой и подожгли. И что ты думаешь? Никто из гитлеровцев так и не вышел! Сгорели. А красноармейцы тем временем подцепили к бронемашине полуторку и рванули в сторону райцентра Волово. Самое удивительное, что дед с бабкой — хозяйева этого дома — каким-то чудом уцелели, спрятавшись под русской печкой...

— Как не задохнулись? — недоверчиво покосился я на собеседника.

— Хочешь верь, хочешь не верь, — развел руками Василий Александрович. — Вылезли из руин измазанные в саже, лица перепуганные, плачут... Собрался народ. Приковылял на протезе и старый солдат, потерявший ногу еще в первую империалистическую войну. Посмотрел он на пепелище и говорит: “Братцы, немцы — народ серьезный, оставлять здесь трупы нельзя. Узнают правду — сожгут всё село. Тащите фрицев в песчаный карьер и закопайте...” Так и сделали. Через какое-то время появилась колонна неприятельских машин. Стали рыскать по дворам, интересоваться: не видел ли кто пропавших офицеров? Одни недоуменно пожимали плечами, другие показывали на восток, мол, укатили туда. В селе шестьсот дворов, три тысячи жителей. Никто не проговорился! Потом рассказывали, что в Волово фашисты, так и не дознавшись, куда исчезли офицеры, согнали в сарай человек восемьдесят — стариков, женщин, подростков — и всех сожгли заживо... Зверствовали и у нас! Убили моего школьного друга Ваню Печерского, а его мать тяжело ранили. Дело было так. Две семьи спрятались на огороде в погребе. А немцы шли от дома к дому и шмаляли из автоматов во все стороны. Один открыл дверь в погреб, где сидели соседи, и, не глядя, дал очередь. Пуля прошла парнишке живот...

Мы сначала боялись высовываться на улицу, но потом осмелели: есть чего-то надо. Как-то пасу коров в поле. Рядом останавливается грузовик. Вылазят четверо здоровяков с закатанными по локти рукавами френчей. Лопочут что-то на своем языке, показывают пальцами на животных. Высмотрели жирную корову, и хлоп из автомата! Тут же освежевали, погрузили тушу на машину и увезли. Хозяйка потом вся изревелась. Бывало и так: пашешь в поле, а снаряды разрываются совсем рядом. Особенно упорные бои шли в середине июля сорок второго года. Линия фронта пересекала Ливны, Елец, Кшень, Мармыжи. Наше село обороняла рота, состоявшая наполовину то ли из узбеков, то ли из киргизов. В бою одного из них убило осколком. Несколько человек склонились над убитым и давай выть диким воем, вздевая руки к небу. А мины-то ближе и ближе. Прибежал молодой лейтенант с пистолетом в руке, разогнал паникеров. Тут — бац! На том месте, где только что стояли солдаты, дымится глубокая воронка...

У церкви сошлись в штыковую. Жуткая картина! Чуть не вся рота полегла, но и фашистов было убито порядочно. Пока они своих не подобрали, мы не решались хоронить красноармейцев. Полгода жили в оккупации. Под Новый год Воловчик освободили. Радости-то было!

А перед битвой на Курской дуге, в 43-м, на окраине села наш артиллерийский полк проводил учения. Таскали в поле на тросах макеты “тигров”, имитируя бой, чтобы батареи могли пристрелять пушки. Упряжки сновали туда-сюда. Ну, а мы, ребята, тут как тут! На мосту через ручей одно из орудий застряло, перегородив путь другим. Чернявенький такой командир полка подлетел верхом на лошади к артиллеристам и давай стегать плетью. Кто-то не выдержал – ткнул коня штыком в зад. Тот взвился на дыбки и, обрушив перила, рухнул с седоком в воду. Вытащили полковника еле живого – идти не может, сломал ногу. Увезли в госпиталь. Командование полком принял на себя его заместитель – бывший священник. Высокого роста, крупного телосложения, с густой окладистой бородой. Тот не приказывал бойцам, а просил: “Голубчик, целься поточней!” Солдаты его уважали.

Запомнилось, как они уходили. Построились в шеренги, вынесли Красное знамя. Каждый дает клятву биться до последнего дыхания. Заиграл оркестр, грянула песня: “Вставай, страна огромная...” И колонна тронулась в сторону Кшени. Впереди на коне с развевающейся чёрной бородой ехал командир. Рассказывали потом: этот полк не пропустил ни одного “тигра”, хотя и понес ощутимые потери. Священник будто бы остался жив.

Откуда нам было знать, что и наш отец сражался рядом в составе 193-й бригады морской пехоты? Под Курском его ранило. Провезли в госпиталь почти мимо дома – до станции Набережной от нас всего-то восемнадцать верст. Перед этим он бился в Сталинграде, где его тоже зацепило. Третье ранение получил в боях за Варшаву. Год провалялся в госпитале в Свердловске. Вернулся лишь в ноябре сорок пятого. Мы и не чаяли увидеть его живым.

Мать, Александра Ивановна, пережила за войну столько, что не приведи Господь пережить никому другому. По гектару в день косила косой пшеницу, на тележке вместе с другими женщинами возила сдавать зерно на железнодорожную станцию – в помощь фронту. А ведь и свою ораву надо было прокормить. У меня от войны тоже осталась глубокая зарубка на памяти. Такое не выветривается из головы до самой смерти...

– А дальше-то как сложилась ваша судьба? – поинтересовался я, воспользовавшись паузой в разговоре.

Василий Александрович сдвинул брови к переносице и продолжил:

– В сорок седьмом году, закончив семилетнюю школу, вместе с дружкой Димкой Щегловым рванули на товарняке в город Борисоглебск Воронежской области – поступать в летное училище. Обоим было по шестнадцать лет. Дважды снимали с поезда милиционеры. Добирались трое суток. Приехали. Интересуемся: что и как? Оказалось, приемные экзамены уже прошли. Мы опоздали. Тогда попробовали к начальнику училища. Показываем аттестаты с пятерками. Полковник посмотрел на нас с сожалением и говорит: “Ничем, ребята, помочь не могу. Приезжайте на следующий год...” Вернулись домой. Ждали с нетерпением лета, чтобы вновь попытать счастья. Увы, через год в училище стали принимать только с десятилетним образованием. Конечно, огорчились. Но тут кто-то подсказал податься в город Жуковский Московской области, где знаменитые ЦАГИ и ЛИИ. Устроился на работу грузчиком в строительно-монтажное управление, а по вечерам стал ездить на электричке на занятия в Раменский аэроклуб. Жил в общежитии. Вскоре забрали в армию и по спецнабору зачислили курсантом в Переяславль-Залесское авиационное училище. Сбылась мечта! По окончании училища направили в бомбардировочный полк, стоявший в Воронеже. Летал бортмехаником в звании лейтенанта на Ил-12, потом – на Ил-14. Налетал более девяносто часов.

Будущее рисовалось в радужных красках: “Непрременно дослужусь до генерала!” Но тут к власти пришел Никита Хрущев, объявил о резком сокращении численности вооруженных сил. Боевые летчики приуныли: менять мундиры с золотыми погонами на рабочие спецовки? Не всякого устраивала подобная перспектива. Служили, служили и выбрасывают на улицу... Это ж трагедия! Вспоминаю каменное лицо заместителя командира эскадрильи капитана Шурыгина. Грудь в орденах, красавец. Заступил на дежурство и застрелился из табельного пистолета. А сколько еще было поломано судеб! Вслед за первой

волной сокращений последовала вторая. Вызывает меня командир эскадрильи Иван Васильевич Швецов и говорит: “Дружок, сердце кровью обливаешься, но нарушить приказ не вправе. Пиши заявление об увольнении. Уверен: не пропадешь и на гражданке выбьешься в генералы...”

— Представляю, что творилось у вас в душе!

— Рвал и метал, — подхватил Стародубцев. — Пришлось спуститься в буквальном смысле с неба на землю. Вернее — под землю. Устроился работать на угольную шахту в Новомосковском районе Тульской области. Вначале забойщиком, потом механиком-машинистом горного комбайна. Так промелькнуло восемь лет. Приняли в КПСС, избрали членом партийного бюро шахты. К тому времени закончил десять классов в вечерней школе, поступил в сельскохозяйственный институт, что многих сильно удивило. Женился. Кстати, с Тамарой Александровной познакомился в той самой школе. Она преподавала там русский язык и литературу. Родились сын и дочь. Нет-нет и подумывал о земле — все-таки крестьянского корня, но как-то не решался уйти с шахты.

Помог случай. После одной из партконференций пошли ужинать. За столом — первый секретарь Новомосковского горкома Иван Петрович Дронов, директор шахты Петр Егорович Щекочихин, другие “киты”, а я сижу себе скромненько в сторонке. Выпили по рюмке. Разговорились. Зашла речь о селе: мол, не хватает дипломированных руководителей в хозяйствах. Директор шахты кивает на меня: “Вон готовый председатель колхоза. Мы думали, он в инженеры метит, а поступил в сельхозвуз. Знать, судьба такая...” Дронов восторженно восклицает: “А почему бы и нет? Давай председателем в колхоз имени Ленина. Дела там не ахти. Может, выправишь...”

Упираться не стал, но вначале решил поднабраться опыта. Попросил направить меня на курсы повышения квалификации руководителей колхозов и совхозов. Так получилось, что на этих курсах мы сошлись одновременно трое братьев: Дмитрия потом направили руководить колхозом “Дружба”, Федора — в “Восьмое марта” Суворовского района, ну, а я поехал в Спасское. Надо было, чтобы мою кандидатуру утвердило колхозное собрание. Зима. Мороз. Люди пришли в холодный клуб. Мужики по правую сторону от сцены, женщины слева. Гвалт, шум, ругань. А перед этим я был в колхозе на производственной практике и прояснил ситуацию в хозяйстве — узнал, кто есть кто. Бывший председатель Савинков не собирался уходить, надеялся, что колхозники “прокатят” молодого. Нашлись у него и защитники, оравшие громче всех, но за меня высказались бабы, уставшие от пьянок мужей, безденежья. Два года не платили зарплату. Зерна намолачивали девять центнеров с гектара. Триста коров, столько же свиней, двести овец. Надои не дотягивали до двух тысяч литров. Откуда быть доходам?

Не знаю уж, как я выглядел тогда в глазах колхозников — мне было всего тридцать два года от роду — опыта маловато, кроме горного стажа, но это не смутило народ: большинство проголосовало за меня. Женщины напустились на мужей: “Замолчите, алкоголики! О детях подумайте: что их ждет...”

Дали слово мне. Зал притих. Коротко рассказал о себе, а дальше повел речь о деле. Говорю: “Я не принес вам миллион рублей, чтобы погасить долги, но этот миллион мы вместе заработаем. Только при одном условии: если будем трудиться на совесть. Я — по восемнадцать часов в день, вы — по двенадцать. Пока хозяйство не встанет на ноги. Бездельникам и пьяницам — пощады не будет, а вот инициативных поддержу. На шахте у меня зарплата была триста рублей, к вам приду на сто двадцать. Так что не думайте, будто сажусь в председательское кресло ради личной наживы...”

Начались тяжелые будни. В первый год собрали по осени по четырнадцать центнеров зерна с гектара. Подтянули животноводство, заготовив необходимый запас кормов. Народ ждет: что выйдет на трудовень? Объявляю: получите по два килограмма зерна и пятьдесят копеек деньгами. В ответ — смешки, ухмылки: дескать, вранье, пустая болтовня. В первую очередь отгрузили хлеб в счет госпоставок. И вот в субботу спрашиваю бухгалтера: “Готова ли ведомость?” “Да, готова”, — отвечает. “Завтра будем выдавать заработанное...” Никто не верит! С ночи встали в очередь. Рассчитались со всеми сполна. Некоторые получили до трех тонн зерна. Воспрянули духом. Через неделю меня вызывают в район. Приехал ответственный работник сельхозотдела ЦК КПСС Орешкин. Собрали руководителей хозяйств: надо сдать государству дополнительно столько-то тысяч тонн зерна. Лето тогда выдалось засушливым, в ря-

де мест не обеспечили себя даже семенами. Заходили в кабинет первого секретаря по одному, до каждого доводили задание. И никаких возражений! К полночи остались двое несговорчивых: я и председатель соседнего колхоза Хохлов. Объясняю, дескать, план госпоставок перевыполнили на двадцать процентов; себе тоже надо что-то оставить. Без комбикормов не будет ни молока, ни мяса. Убедил: не отбирать же зерно у колхозников...

Скептики не унимались; вряд ли Стародубцев выдержит такую нечеловеческую нагрузку. Сломается. А он действовал кнутом и пряником. Неожиданно появлялся ночью то на полевом стане, то на ферме, то на строительных объектах. До всего доходил сам, вникал даже в мелочи. Ополчился на пьяниц. В гараже оборудовали медицинский кабинет, где врач по утрам освидетельствовал всех водителей машин и трактористов, выезжающих на линию. За прогулы наказывали рублем. И наоборот: отличившимся в работе – солидные премии.

В колхозе развернулось бурное строительство. Возвели современный животноводческий комплекс, Дворец культуры, бассейн, новую школу. Появилась улица с многоквартирными домами городского типа. Кругом – клумбы с цветами. Село на глазах преобразилось. Урожаи зерновых довели до пятидесяти центнеров с гектара – как на Кубани. Поголовье скота увеличили в несколько раз. Надои молока в среднем на корову составляли шесть с половиной тысяч килограммов. Зачастили делегации перенимать опыт, в том числе и иностранцы. В 1976 году Василию Александровичу присвоили звание Героя Социалистического Труда. Он защитил диссертацию, стал кандидатом сельскохозяйственных наук, а потом и членом-корреспондентом Россельхозакадемии. Коллектив со 180 человек вырос до полутора тысяч. По решению местных властей к ним присоединили отстающий колхоз “Рассвет” и часть земель племзавода “Большевик”. Почти десять тысяч гектаров пашни! На фермах – передовые технологии доения и кормления коров, искусственное осеменение. Две доярки, главный зоотехник и инженер-строитель стали лауреатами Государственных премий.

Строили свои хозяйства в лидеры и братья. Дмитрий и Федор также много трудились, бились за рекордные урожаи, привесы, надои. Родители переехали из Липецкой области в Спасское. Построили небольшой домик, обзавелись подворьем. Теперь у них часто собиралась вся семья. Младший Алексей пошел по военной линии, дослужился до полковника ракетных войск. Закончили институты сестры Катерина и Лидия. У всех народились дети...

Тут Стародубцев умолк, думая о чём-то своём. Беда настигла их семью неожиданно. По навету сначала завели уголовное дело на Дмитрия, а потом и на Федора Стародубцевых. Дмитрий первым в стране создал агрообъединение “Приволье”. Вдруг: строгий выговор по партийной линии. За что? За мешкался с посадкой картофеля. Хотя вся Тульская область припозднилась с севом. Это был только формальный повод, чтобы “нагнуть” строптивного руководителя. Началось следствие: раздули миф о создании преступной группы вместе с бухгалтером и прорабом, якобы похитившей 187 тысяч рублей! А у Дмитрия всё описанное имущество не дотягивало до трех тысяч. Ни сберкнижки, ни личной машины. Даже собственным домом не обзавелся. Увы, осудили, упрятали за решетку.

Федора обвинили за покупку в местном рыбхозе тридцати тонн комбикормов. Год выдался тяжелым, хозяйства испытывали нехватку фуража. Первый секретарь райкома партии дал команду директору рыбхоза поддержать четыре колхоза, в том числе и стародубцевский. Расплачивались наличными, что и вменили в вину. Под суд уехали лишь Федора. Дали пять лет. Потом Верховный суд отменил приговор...

В ту пору я работал в сельхозотделе газеты “Правда”. Знал про историю с братьями Стародубцевыми. Мы опубликовали письмо колхозников в их защиту. Материал вызвал гнев в обкоме партии. Его первый секретарь Юнак пожаловался в ЦК. Собственного корреспондента газеты по этому региону Владимира Швецова обвинили в том, что статья вышла не без его участия. Ему объявили строгий выговор и принудили уйти из газеты. Он перенес инфаркт и, по сути, стал инвалидом. Напомнив об этом Василию Александровичу, заинтересовался:

– А что же послужило истинной причиной “наката” на вас?

Собеседник глухо произнес:

– Подкапывались-то главным образом под меня! Не угодил первому секретарю Тульского обкома партии Ивану Харитоновичу Юнаку. Он родом из Винницы, работал до этого председателем Днепропетровского облисполкома. Был вхож к генсеку Брежневу. Нередко хвастался этим, любил покрасоваться на трибуне. Мы ему – как кость в горле! Чересчур самостоятельны. Да еще кто-то сбрехнул, что я мечу на его место. Не стесняясь, заявил: “Я этих “дубов” всех повырублю!” И что ты думаешь? В конце концов возбудили уголовное дело и против меня по статье “Использование колхозных средств на цели, не связанные с сельскохозяйственным производством”. О чем речь? В Спасском еще до войны закрыли церковь. Немцы превратили ее в конюшню, на колокольне установили пулемет. Храм пережил и обстрелы, и бомбежки. При колхозе помещение использовали как кузницу, потом как склад минеральных удобрений. Купола рухнули, стены посыпались. Совсе разрушилась бы церковь до основания, если бы мне не пришла в голову мысль – отреставрировать святыню. Она была построена в память о герое Отечественной войны двенадцатого года, генерале Петре Багратионе. Село когда-то входило в его поместье. Пригласил специалистов. На реставрацию требовалось аж двести с лишним тысяч рублей! За эти деньги можно было построить пятидесятиквартирный дом. Однако колхозники высказались за восстановление храма. Так и сделали. Когда сняли леса, верующие ахнули: “Какая красота! Теперь есть где помолиться...” На главах засияли золоченые кресты, зазвонили колокола. На освящение храма собралась много людей. А на другой день появились чекисты и давай рыться в документации. Донесли Юнаку. Ну, и дело закрутилось... Спасло меня то, что грамотно оформили все бумаги. Деньги на реставрацию использовали только колхозные, а не государственные, ссудные. Не то бы тоже угодил на скамью подсудимых.

Был у меня разговор напрямки с Юнаком. Два часа беседовали у него в кабинете. Говорю ему: “Зачем же гнобить тех, кто пашет и сеет, работает на страну? На любого можно накопать компромат...” Он молчал. Потом смягчился: “Спасу Дмитрия, при условии что напишет жалобу на председателя облисполкома Синегубова...” Тут уж я взорвался: “Нет, пусть лучше брат отсидит срок, чем идти на такую подлость”. На этом и расстались.

После полутора лет отсидки в тюрьме Федор вернулся в свой колхоз. Люди снова избрали его председателем. А вот Дмитрию пришлось искать работу на стороне: уехал в Ворсино Калужской области. Однако вскоре туда прибыли представители Тульского обкома партии и потребовали снять его с занимаемой должности. Тогда брат перебрался в Наро-Фоминский район Московской области, где устроился заместителем директора одного из совхозов. Но и тут Юнак достал! Подался Дмитрий в Ярославскую область. Там предложили возглавить совхоз-племзавод имени Дзержинского. Однако и сюда нагрянули гонцы из Тулы. Но тут вступился за брата первый секретарь Ярославского обкома партии Федор Иванович Лощенко. Прямо заявил ходатаям Юнака: “Вам что, делать нечего? Чего гоняетесь за человеком?”. И посланцы Юнака отступились...

– А я ведь после приезда к Дмитрию Александровичу много раз, – вырвалось у меня. – Хозяйство у него было крепкое. Вместе ездили по полям, фермам. Полторы тысячи высокоудойных коров. Помню, идем по проходу, а он называет клички каждой...

Василий Александрович улыбнулся:

– Любовь к животным у него с детства. Благодаря своей корове мы ведь и выжили в войну.

– А как вы оказались среди членов ГКЧП?

– Этому предшествовала нешуточная борьба, развернувшаяся на Первом съезде народных депутатов СССР. Я возглавлял самую крупную фракцию аграриев: четверта семнадцать человек. Уже тогда понял, куда гнет генсек Михаил Горбачев. Спорил с ним до хрипоты. Он сразу записал меня в число недругов. В восемьдесят девятом году, когда моя кандидатура рассматривалась на выдвижение первым заместителем председателя правительства страны, против был только генсек. Последующие события подтвердили мою правоту: Горбачев не только сдал КПСС, но и предал весь народ. Разве я мог оказаться в стороне в момент смертельной опасности для Отечества? Без колебаний подписался под обращением к народу в девяносто первом году. К сожалению, не удалось предотвратить развал великого государства. Власть

перешла в руки Бориса Ельцина и его приспешников. Что произошло дальше со страной, известно...

– Где вас арестовали?

– В Москве на квартире у одного из знакомых. По телевизору распустили слух, будто я сбежал в Китай. Не стал скрываться, позвонил сам в Генеральную прокуратуру. Тут же приехали чекисты, посадили в “рафик” и увезли на допрос. Ночью переправили в тюрьму города Кашина Тверской области. Долго не разрешали никаких передач. В камере двое уголовников. Жесткая изоляция. Но никакого компромата на меня так и не накопили. По сей день благодарен колхозникам за то, что поддержали в трудную минуту. Приезжали в Москву, требуя моего освобождения. Всё это время мой кабинет в хозяйстве оставался пустым.

– А потом туляки дважды избирали вас губернатором...

– Первый раз в девяносто седьмом году. Незадолго до дефолта. Положение было тяжелым. Бастовали шахтеры, учителя, врачи. Задерживали выдачу пенсий. На селе – полнейший разор. Молоко у крестьян покупали по цене втрое ниже минеральной воды. Росло число предприятий-банкротов. Подобрал команду специалистов-единомышленников, и взялись разгрести завалы. Разумеется, кремлевские деятели относились к “красным” губернаторам предвзято (на выборах в Курске тогда победил коммунист Михайлов, во Владимире – Виноградов). Однако все же удалось подправить экономику области, решить ряд социальных проблем. Все упиралось в нехватку финансовых средств. Постоянно давили сверху...

– У Ельцина бывали на приемах?

– Приходилось... В частности, по Агробанку, некоторым другим вопросам. Встречал хмуро. О ГКЧП – ни слова. Знал, что со мной сладить не такто просто. К тому времени он уже ослабел, запутался в “реформах”. Страна катилась в пропасть. В конце концов, сдал бразды правления преемнику Владимиру Путину...

– Василий Александрович, при вас получили поистине всероссийский размах праздники в честь победы русских войск под предводительством Дмитрия Донского на Куликовом поле. Это тоже большое дело.

– Военно-историческому музею-заповеднику придали государственный статус. Привели, как говорят, в божий вид два храма: Пресвятой Богородицы и Сергея Радонежского. Ежегодно в третью субботу сентября к нам съезжаются десятки тысяч паломников со всей страны. Устраиваются грандиозные театрализованные фестивали. Обязательно – военный церемониал, панихида в память о погибших. Дважды был на этих праздниках покойный Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II. Выступал перед народом, говорил о великом значении победы на Куликовом поле. Символично, что в поединке перед битвой монаха Андрея Осляби и татарского мурзы Челубея верх одержал православный воин. Молодежь надо воспитывать как раз на таких примерах доблести и чести, беззаветной любви к Отечеству.

– О чем вы говорили с патриархом?

– Встречал Святейшего на границе Тульской области. Остановливался он обычно в резиденции “Богучарово”. Беседы были сугубо доверительные. Слова крестьянин и христианин – одного корня. Быстро нашли точки соприкосновения. Алексия интересовала жизнь глубинки, меня – его оценка происходящего в стране. Он понимал, что Россия в опасности, народ придавлен, большинство влачит жалкое существование. Сетовал: “Церковь тоже пытаются использовать в политических целях. Например, с признанием подлинности останков царя Николая Второго и его семьи. Однако не всё в этом деле нам было ясно. Потому и высказали свои возражения...” По приглашению Патриарха я был у него на дне рождения в Москве...

– Вашу семью тоже постигло горе: сначала похоронили жену, потом мать, братьев, сына...

Стародубцев достал из кармана пиджака носовой платок и промокнул глаза:

– От судьбы не убежишь. Тамару Александровну подкосила весть о моем аресте. Умерла от инсульта, Дмитрий и Федор скончались, считай, в один день в конце октября две тысячи седьмого года. Жизнь обоих потрепала изрядно. Сын мой, Александр, был фермером. Но что может сделать в сельском хозяйстве одиночка? И вот надорвался...

Тут мы подошли к тому, что больше всего волнует сейчас Стародубцева: есть ли возможность выправить положение дел в деревне? Василий Александрович покосился на телевизор, по которому шла программа “Время”:

— Ну хоть одно словечко услышишь по этому “ящику” о крестьянских бедах? Молчок. Как будто бы не существует сорока миллионов сельских жителей. За последние двадцать лет исчезли с лица земли десятки тысяч деревень, в запустении половина пашни, скот почти весь вырезан. Разве только в птицеводстве и свиноводстве некоторые успехи. Надо прямо сказать: раз-рекламированный национальный проект “Развитие АПК” ситуацию не переломил. Урожай зерновых скатился в 2010 году до шестидесяти миллионов тонн. Напомню: в советское время намолачивали вдвое больше. А что с картошкой? Площади под этой культурой в хозяйствах сократились в десять раз. Позор: завозим клубни из Израиля, Франции, Польши, Белоруссии и даже из Перу!

Из шестнадцати миллионов коров, имевшихся в колхозах и совхозах на девяностый год, осталось только три с половиной миллиона! Откуда ж быть молоку? Народ пичкают импортной отравой. Население убывает по миллиону в год. Сказка о фермерах, которые, дескать, завалят страну продовольствием, увы, не сбылась. За развал агропромышленного комплекса, рано или поздно, кому-то из “реформаторов” придется все-таки отвечать перед народом. В глубине души у меня еще теплится надежда, что опеченение спадет и люди воспрянут духом. Споткнуться — не значит упасть. Пока не утрачен полностью научный потенциал АПК, в хозяйствах сохраняются высококвалифицированные специалисты, худо-бедно, но выпускают трактора и комбайны отечественные машиностроители. Важно собрать все силы и по-настоящему взяться за возрождение деревни. Верю: так оно и будет!

---

---

*Один из самых эффективных хозяйственников СССР, председатель Крестьянского союза, член Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), узник “Матросской тишины”, депутат Совета Федерации, губернатор Тульской области, депутат Госдумы — Василий Александрович СТАРОДУБЦЕВ неизменно на передовой общественно-политической жизни. Талантливый организатор, стойкий и мужественный человек, Василий Александрович дорог всем патриотам России.*

*Сердечно поздравляем  
выдающегося сына русской деревни  
со славным юбилеем!*

*Редакция*

# ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

## ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ

*В ноябре этого года исполнилось 80 лет со дня рождения выдающегося российского медика, академика РАН, основателя трансплантологии в нашей стране Василия Ивановича Шумакова. Достаточно вспомнить, что ему принадлежит слава первой в СССР успешной операции по пересадке сердца. Он также первым выполнил пересадку печени и поджелудочной железы и двухэтапную пересадку сердца. Более 33 лет, до самой своей кончины в январе 2008 года, он возглавлял созданный в СССР НИИ трансплантологии и искусственных органов, ныне переименованный в “Федеральный научный центр трансплантологии и искусственных органов имени академика В. И. Шумакова”. Заслуги этого замечательного учёного многогранны и обширны, но нам интересен он и как человек, как личность, воплощающая в себе национальный характер русского народа. Об этом, во многом, идёт речь на страницах воспоминаний Юлии Михайловны Зарецкой, врача-иммунолога, члена-корреспондента Академии естественных наук РФ, которой привелось на протяжении многих лет работать вместе с Василием Ивановичем Шумаковым.*

ЮЛИЯ ЗАРЕЦКАЯ

## РУССКИЙ САМОРОДОК

Когда от нас уходит масштабная личность, то создается, как правило, некий благостный образ, во всём настолько положительный, что уже и не отличишь, где живой человек, а где “икона”. Однако у меня в памяти сохранился свой образ близкого мне человека. Я не принадлежала к числу безоговорочных почитателей Василия Ивановича Шумакова. Моё отношение к нему менялось за годы его более чем тридцатилетнего руководства в институте трансплантологии и искусственных органов: бывало, я вела с ним диспуты, но всегда признавала его высокий профессионализм, безусловность свершений во благо народа. Как истинно русскому самородку, ему были присущи недостатки, но его достоинства подняли его на такую высоту, которой не достиг ни один из коллег-медиков, живших с ним в одно время.

На рубеже конца 60-х – начала 70-х годов прошлого века за рубежом, а потом и в нашей стране появилась новая медицинская дисциплина – **клиническая** пересадка органов и тканей. Я не случайно делаю акцент на слове “клиническая”, потому что в экспериментах на животных большинство вопросов, связанных с пересадкой органов, разработал наш отечественный учёный Владимир Петрович Демихов ещё в начале 50-х годов. Воспитанник советского вуза, защищавший страну в годы Отечественной войны, Владимир Петрович, несмотря на “закрытость”, как нам твердят, того времени, был широко известен за рубежом своими хирургическими экспериментами по пересадке “жизненно важных органов” животным. Как случается часто с талантливыми

людьми, в отечестве он был признан лишь посмертно после того, как за рубежом его назвали основоположником современной трансплантологии.

Первым органом, который пересадили человеку, была почка. В нашей стране первые клинические, то есть от человека человеку, пересадки были осуществлены в 1965 году академиком Борисом Васильевичем Петровским, выдающимся российским хирургом. К 1969 году стало очевидным, что трансплантация формируется как признанное научное направление, и необходим центр, который её возглавит. Так появился в 1969 году новый институт, названный Институтом трансплантации органов и тканей (ИТОиТ) при Академии медицинских наук СССР (АМН СССР). Первым директором ИТОиТ был назначен молодой член-корреспондент АМН, профессор Глеб Михайлович Соловьёв, ученик Б. В. Петровского.

Трансплантология – дисциплина комплексная; её на равных основаниях составляют хирургия и иммунология – иммуногенетика, которая завоёвывала место в трансплантации с трудом, однако к середине прошлого века стало очевидным, что отторжение пересаженных органов обусловлено причинами не хирургического свойства, а **несовместимостью тканей**. Решить эту проблему призваны иммунологи. Поэтому первый директор ИТОиТ Соловьёв организовал лабораторию трансплантационной иммунологии. Заведовать ею пригласили меня.

...Моя первая встреча с Валерием Ивановичем Шумаковым относится к декабрю 1970 года. ИТОиТ тогда проводил Всесоюзную конференцию в г. Горьком (ныне Нижний Новгород). У меня был программный доклад о задачах трансплантационной иммунологии, и это было моё первое вхождение в мир хирургов-клиницистов. Хирурги в то время чувствовали себя элитой медицины, к тому же хорошо “прикрытой”, поскольку министром здравоохранения СССР был знаменитый хирург Б. В. Петровский. “Вхождение” в трансплантацию иммунологов было встречено ими с насмешливой снисходительностью: “Что нам еще расскажут эти “умники”, которые и крови-то настоящей не видали!” Их весёлое внимание привлекла дискуссия, возникшая между мной и весьма авторитетным иммунологом Валентином Ивановичем Говалло. Последнее слово осталось за мной, что вызвало интерес к моей персоне, связанный не столько с профессиональными знаниями, сколько с ситуацией “палец в рот не клади”. На традиционном банкете, который в те времена сопровождал каждый научный форум, ко мне было проявлено повышенное внимание: подходили знакомиться, договаривались о сотрудничестве и, конечно, приглашали на танец. В какой-то момент к нашему столику подошёл крепко сбитый, круглоловый, с чётко обозначенной лысиной молодой человек и, слегка толкнув животом моего очередного кавалера, пригласил меня на фокстрот. До сих пор помню ощущение – танцую с упругим мячиком. Несмотря на полноту и явную “нестройность”, он двигался легко и пружинисто. Глядя мне в глаза, он насмешливо и грубовато сказал: “Хорошо Валентина отделала!” Вернувшись на место, я спросила своего кавалера, кто был мой очередной партнёр по танцу.

– Это Валера Шумаков из института Петровского, известный... – и не закончил фразу, а в голосе прозвучала явная неприязнь; по-видимому, мой собеседник имел не одно столкновение с “Валерой”.

Кем же он был тогда, сорок лет назад? Валерий Иванович Шумаков – коренной москвич, родился в интеллигентной семье: отец – инженер, мать занималась домашним хозяйством, что в начале 30-х было для городской женщины обычным делом. Семья была общительной, гостеприимной и хлебосольной. В Отечественную войну отец ушёл на фронт, а десятилетний Валерий с матерью оставался в Москве. Учился будущий академик средне, но своё призвание понял рано. В пятнадцать лет при школьном знакомстве с анатомией и физиологией человека увлёкся медицинскими вопросами и решил учиться на врача-хирурга. На экзаменах в 1-й Московский медицинский институт (ныне Московская медицинская академия им. Сеченова) едва не сорвался, получив низкий балл за сочинение, но всё-таки поступил и в дальнейшем весьма преуспевал по профильным предметам. Эту особенность – отсекай то, что является “лишним” для профессии, Валерий Иванович сохранил на всю жизнь, иначе он не достиг бы таких высот, до которых поднялся в дальнейшей.

В 1956 году В. И. Шумаков закончил институт, получив диплом с отличием, и сдал экзамены в аспирантуру при кафедре анатомии и оперативной хи-

рургии, руководимой Владимиром Васильевичем Ковановым. Почему “анатомия”, когда мечтой жизни была хирургия? Уже тогда в молодом человеке проявилась главная черта характера: суммировать и накапливать всё то, что позволит с блеском владеть основной специальностью. Хорошее знание анатомии позволило ему в дальнейшем разработать свои оперативные подходы, создать авторские варианты трансплантации сердца, почки, печени, поджелудочной железы. Познакомился он и с уникальными операциями на животных, которые проводил в том же здании В. П. Демихов. Именно с помощью Демихова Валерий Иванович овладел азами новой науки. В 1959 году двадцативосьмилетний Шумаков защитил кандидатскую диссертацию, а вскоре, всего через 7 лет – он уже доктор медицинских наук. Обе диссертации – по кардиохирургии, и с этих пор больное сердце, требующее хирургической коррекции, становится основной заботой и “любовью” Валерия Ивановича Шумакова.

Дальше ему крупно повезло: его пригласили на работу в клинику кардиохирургии, руководимую академиком Б. В. Петровским, где только начались операции на открытом сердце с использованием искусственного кровообращения. Представьте, раскрытая грудная клетка, остановленное сердце в руках хирурга, а для дыхания и кровообращения – конструкция в виде насоса-поршня, обеспечивающая временно утраченные функции... Манипуляции на сердце почти сакральные, хирург священнодействует! Немногие владели этой техникой. Шумакову было чему поучиться в клинике Б. В. Петровского. Как молодого перспективного кардиохирурга его направили в 1961 г. на стажировку в США. Пока это была стажировка по проблеме “открытого сердца” (аппараты искусственного кровообращения, модели искусственных сердечных клапанов). До первой в мире трансплантации сердца, выполненной Кристианом Барнардом, оставалось 6 лет, а до первой удачной – в нашей стране, выполненной уже самим Шумаковым, – 26 лет! По возвращении из зарубежной командировки он был утверждён старшим научным сотрудником во Всесоюзном НИИ клинической и экспериментальной медицины, которым руководил его учитель Б. В. Петровский. К тому времени относится его докторская диссертация “Протезирование клапанов сердца”, с которой В. И. Шумаков фактически встал у истоков нового направления – “искусственные органы”. Вскоре он был назначен шефом “экспериментальной лаборатории искусственного сердца и вспомогательного кровообращения”. В лаборатории, расположенной на территории 1-й Градской больницы, искали технические решения полной замены сердца, то есть создания искусственного сердца. Вот в эти времена я и познакомилась с Валерием Ивановичем на памятном “корпоративном вечере”.

Между тем, в ИТОиТ готовились перемены, о которых мы, сотрудники института, не подозревали. Все случилось в августе 1974 года: наш директор Г. М. Соловьёв подал заявление министру о сложении полномочий “по собственному желанию”, новым руководителем был назначен профессор В. И. Шумаков. Назначение для нас, сотрудников института, было довольно неожиданным; естественно, мы на своем уровне строили догадки и, наконец, решили, что министр меняет одного любимого ученика на другого.

Итак, жаркий августовский день 1974 года. Ко мне в кабинет ворвалась сотрудница биохимической лаборатории и, сообщив о новом назначении, передала слова нового шефа: “иммунология – это колёса!”, что на медицинском жаргоне того времени означало “запудривание мозгов”, “пустопорожня болтовня”. С апломбом руководителя одного из составляющих трансплантацию направлений я ответила: “Этого не может быть, ведь он же грамотный человек!” Однако вскоре я убедилась, что первые высказывания В. И. Шумакова об иммунологической составляющей трансплантации были вполне искренними. Как воспитанник отличной хирургической школы академика Б. В. Петровского, он верил только в то, что можно видеть своими глазами, потрогать своими руками и изменить теми же руками. А всякие теории, которые порой нельзя подтвердить, “всякие эволюции клетки”, тем более какие-то антигены лейкоцитов, существование которых подтверждается лишь непрямыми методами – это всё от лукавого!.. Не будем забывать, что всё это было в середине 70-х годов прошлого века, и многие клиницисты были “дремучими” в отношении позиций неинфекционной иммунологии.

Вместе с тем, поразительное чутьё и безусловная грамотность, почерпнутая в Первом Меде и на стажировке в Америке, где трансплантационная иммунология развивалась наравне с трансплантационной хирургией, заставили-та-

ки В. И. Шумакова если не жаловать моё направление, то и не зажимать его. Он прекрасно понимал, что на международных конференциях будут звучать вопросы о степени несовместимости между донором и реципиентом (её к тому времени научились оценивать, процедура называется “типирование”). Если в своём отечестве можно было не отмечать в докладах эти моменты, то на международных форумах могут и засмеять. Вот в таком “хрупком нейтралитете” иммунологи и просуществовали при новом начальстве несколько лет.

На первых порах коллективу предстояло познакомиться и приспособиться к новому стилю руководства. А стиль этот был необычным и весьма колоритным! Когда первый визит директора состоялся, то знакомство с шестью лабораториями заняло всего 20–25 минут. Бегло осмотрев помещения и аппаратуру, патрон перекинулся с руководителями-мужчинами несколькими фразами, с руководителями-женщинами вообще не разговаривал. Тогда ошеломленные, мы впоследствии привыкли к стилю руководства Валерия Ивановича, который слагался из нескольких моментов, а именно:

- не давать “указивок” тем руководителям подразделений, которые в своей узкой области разбираются лучше, чем он; не вмешиваться в направления, которые нормально развиваются и справляются с задачами;

- он предпочитал немногословный стиль; “лапидарное” общение, любимыми присказками его были: “вопрос-ответ”, “да-нет”, “упал-отжался”;

- в “лапидарности” был великий смысл – ни один разговор по делу не занимал у Шумакова более 10 минут, в его приёмной никогда не было очереди; он был всегда доступен (это великое благо я оценила впоследствии, когда работала в другом учреждении, где приходилось часами высидживать в приёмной, чтобы решить любой деловой вопрос с директором).

Чтобы закончить разговор о стиле руководства В. И. Шумакова, скажу то, в чём я убедилась впоследствии: у него трудно было добиться согласия на какое-то расширение прав (площадей, ставок, фондов), но если он сказал “да”, то обещанное будет исполнено. Слово держать он умел!

Одним из первых дел Шумакова после прихода в ИТОиТ было утверждение концепции тематики. Шумаков понимал, что “искусственное сердце” едва ли составит ближайшую славу нового института, тем более что года через два-три это стало ясным и для научного коллектива. Естественно, силы были брошены на кардиохирургию как предтечу кардиотрансплантации. С конца 70-х под руководством В. И. Шумакова начинается штурм трансплантации естественного донорского сердца; к нему вели манипуляции на открытом сердце, которые сейчас вошли в разряд “рутинных”. В институте, переименованном в НИИ трансплантологии и искусственных органов (НИИТиО), были созданы два новых отделения кардиохирургии. Сердечно-сосудистая хирургия во всех её видах становится основным направлением. Этот форсированный “штурм” был, безусловно, оправдан: именно он привёл через несколько лет к успешной трансплантации сердца в нашей стране.

Естественно, мы, сотрудники научных, не клинических подразделений интересовались, как же оперирует новый директор. Ведь нам не приходилось бывать в операционных. Оказалось, что В. И. Шумаков рабочий день начинает рано, еще до девятичасовой клинической конференции, примерно полчаса проводит за составлением плана операции, которую предстоит выполнять. В 9 часов – “пятиминутка” – конференция, где заведующие отделениями докладывают, что случилось за день-ночь. Далее директор облачается в любимую форму – голубая хирургическая рубашка, голубые брюки – всё большое, свободное! – и направляется в операционную. Операция для Шумакова – священнодействие; он это дело любит, считает самым главным в медицине и в своей судьбе. Оперирует каждый день! Всё время совершенствуется.

В первые годы директорства В. И. Шумакова на его долю выпал гигантский труд по созданию нового современного комплекса зданий института трансплантации. Нужно сказать, что институт к моменту прихода нового директора располагался на трёх базах, одна из которых (лабораторно-экспериментальная) располагалась вообще в другом районе Москвы. Решение о выделении земли под строительство нового комплекса зданий “пробил” академик Б. В. Петровский, бывший тогда не только министром здравоохранения, но и членом ЦК КПСС. И было это в 1975 году. Однако здание строилось восемь долгих лет.

Весь коллектив, включая докторов наук и профессоров, принимал учас-

тие в возведении своего “рабочего места” вначале на стадии проектирования, затем в фазе нулевого цикла и, наконец, в охране здания, когда в него завозили оборудование. Однако строительство продвигалось медленно. В те годы в стране выполнялась приоритетная программа возведения социального жилья, и основные фонды строительных материалов направлялись именно туда. Шумаков завершил строительство в 1982 году. Теперь институт стоит на Пехотной улице, радуя глаз москвичей и напоминая о его создателе и первом хозяине. Ему присвоено имя Шумакова.

Нужно заметить, что в те годы (70–80-е) в Москве было возведено несколько первоклассных медицинских центров: Всесоюзный центр хирургии (ныне имени акад. Б. В. Петровского), Всесоюзный кардиологический центр (генеральный директор – акад. Е. И. Чазов), Институт хирургии им. А. В. Вишневского; наш был в их числе и не хуже. Четыре сравнительно невысоких кубической формы здания, соединенных между собой внутренними переходами; как новшество конструкции – изолированный от основного массива зданий операционный блок с реанимацией, что снижает вероятность инфекций; последнее обстоятельство особенно важно для больных с подавленным иммунитетом, которые составляют основной контингент пациентов НИИТиО. Не буду утомлять читателя описанием сложных приборов, скажу только, что и тогда, и по сей день институт имени В. И. Шумакова располагает всем арсеналом приборного обеспечения больных соответствующего профиля.

С этого времени НИИТиО становится центром трансплантологии Союза. Он формирует “идеологию” новой отрасли медицины. В соответствии с указаниями В. И. Шумакова и по методическим разработкам НИИТиО работают все учреждения соответствующего профиля. В 70-е годы были открыты в клинических учреждениях отделения по пересадке органов. Они были в Ленинграде, Минске, Киеве, Риге, Вильнюсе, Ростове-на-Дону, Кемерове (сейчас большинство из них именуется центрами), не говоря уже о том, что пересадка почки и (позднее) долей печени “шла” в двух-трех медицинских учреждениях Москвы. В основном в этих отделениях работали молодые врачи, которым хотелось приобщиться к новой науке. Возможность обучения за рубежом для большинства была весьма ограниченной. Вполне естественно, что они обращались в институт Шумакова за помощью и советом, а иногда просто обучались какое-то время в НИИТиО, который был головным. Поэтому в руках В. И. Шумакова сосредоточивались все нити отечественной трансплантологии, которые увязывались в единую систему. В каждом из отделений и лабораторий НИИТиО в течение года стажировалось от трех до восьми прикрепленных из других городов и республик. Они овладевали новыми методами, участвовали в лабораторных конференциях, присутствовали на операциях и на внутренних рабочих совещаниях, посещали учёные советы по защите диссертаций. Одним словом, это была со стороны НИИТиО большая педагогическая работа с молодыми кадрами; она выполнялась абсолютно безвозмездно; никому в голову не приходило брать деньги с молодых коллег, приезжавших у нас поучиться основам науки и медицинской практики. Вообще говоря, **система “головных институтов” по тем или иным проблемам, существовавшая во всей советской науке, была очень полезна: коллегам было у кого поучиться, министерству было с кого спросить!**

И советская наука в любой отрасли развивалась поступательно от этапа к этапу; каждое десятилетие приносило успех, поднимало уровень знаний о предмете со ступеньки на ступеньку. Когда же после “перестройки” и введения в науку “рыночных отношений” отменили централизованное планирование и отчётность, научная братия перестала общаться между собой; стала уклоняться от передачи методов, боясь конкуренции, подчас не зная (до публикации), что делается в соседней республике и даже в соседнем городе. Научная проблема как единое целое перестала существовать. Ну и где же успех, какие достижения имеем мы теперь в этой “послеперестроечной” российской науке?..

Конечно, функции головного по проблеме отнимали много времени и бывали довольно часто для сотрудников НИИТиО обременительными. Но иногда они приносили весьма приятные “дивиденды”. Вспоминаю в этой связи конференцию где-то в начале 80-х в Ростове-на-Дону.

Нас пригласил и принимал чудесный человек и высококлассный хирург

П. П. Коваленко. Была организована экскурсия в государственный заповедник, находящийся на островке в плавнях реки Дон. Мы прибыли на пристань в Таганроге, где нас ждал специально зафрахтованный пароходик. Уже на палубе нам предложили “подкрепиться”, для чего следовало спуститься в салон, где был накрыт стол для скромного второго завтрака (по-современному, ланча). Меня как даму пустили по трапу первой и, спускаясь, я буквально съехала с последних ступеней, как с горки, поскольку моему взору открылся “скромный” стол, на котором стояли бадейки с зернистой осетровой икрой, числом четыре штуки и объемом не менее литра каждая! Помимо этого немислимого в наше время богатства стол был уставлен рыбной гастрономией высшего качества, сверкал яркими красками овощного изобилия. Никаких заморских омаров и креветок! Только русская икра, донская рыба и красные вареные раки! Валерий Иванович, оглядев стол, сказал, как всегда кратко:

– Ух, ты постарался! – и прибавил, обращаясь к Петру Петровичу, указывая глазами на средних лет дядьку, радушно приглашавшего нас к столу, где он расставлял тарелки с последними кушаньями: – А это что у тебя за хмырь?

Из ответа Петра Петровича явствовало, что “хмырь” – председатель областного КГБ, которого П. П. Коваленко удачно прооперировал, и теперь тот благодарил нашего хозяина, который, в свою очередь, благодарил представителей головного института. Здесь самое время сказать, что В. И. Шумаков любил “оттянуться” за широким русским застольем, сопровождаемом горячительными напитками и острым, не салонным словом. Кто ж из нас этого не любит?! Весёлых застолий и тогда было много, но они не мешали главному делу. Я принимала участие далеко не во всех, хотя не скрою, не отказывалась...

Как “головной”, НИИТиО был главным распределителем финансов по проблеме трансплантация органов и тканей. Средства поступали из двух источников: по линии Государственного комитета по науке и технике при Совмине СССР (ГКНТ) и по линии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) для участников из стран социалистического сотрудничества. Желающих участвовать в программе было много, и от В. И. Шумакова требовалось немалое дипломатическое умение сделать так, чтобы “чужих” не обидеть, но и свой институт не обделить. Справлялся он с этим блестяще. Расскажу об одном эпизоде, свидетелем которого я была.

В Ленинграде проводилось совещание иммунологов из стран СЭВ. Валерий Иванович сам выступил в качестве “тяжелой артиллерии”: для НИИТиО надо было “застолбить” определенные предпочтения, а я опасалась, что одна не справлюсь. Среди моих коллег-иммунологов все, конечно, знали Шумакова, но не все его видели.

Вот он сидит за почетным столом, улыбается, но... ничего не говорит.

Однако один вид его массивной фигуры, спокойного крупного лица с полузакрытыми глазами производил завораживающее впечатление силы, стабильности и уверенности. На следующий день, когда распределялись роли, он незаметно, даже как-то лениво сумел повернуть обсуждение так, что самое интересное досталось НИИТиО. А наши коллеги-соперники с недоумением смотрели друг на друга, задавая роковой вопрос: “А нам что?”. Колоритный облик Шумакова, вовремя сказанное образное словцо (хотя он и не был оратором) железно работали на его личный авторитет и популярность руководимого им института.

...Надо отметить, что В. И. Шумаков был образцовым семьянином. Он не был замечен ни в одном романтическом “забеге налево”; если бы был хоть один – слух об этом распространился бы мгновенно. Жена и дети были его главной жизненной заботой.

Однажды летом, было это, я думаю, в 1981 году, зашёл ко мне в кабинет Валерий Иванович и говорит:

– Я приведу к вам дочку; она закончила школу, речь идёт о поступлении в вуз. Я хочу приобщить её медицине, а она уперлась рогом – ни в какую! Говорит, много крови, не выдержу. Так вы ей расскажите о своем деле: у вас всё чисто, без крови...

Я: “Как без крови? Мы работаем только с кровью!”

Он: “Сравнила! У вас кровь в пробирке, а у меня на операции все руки в крови!”

Это было явное преувеличение: он никогда не допускал массивных кровотечений во время операции. Как я ни старалась расписать свою “чистую” науку, дочь Шумакова не пошла в медицину, а стала искусствоведом, работает в области живописи. Зато сын Дмитрий вполне оправдал чаяния родителей и стал хирургом; сейчас он работает в институте, носящем имя отца.

Следующее мое близкое общение с В. И. Шумаковым состоялось в августе 1986 года. В конце лета того года в Хельсинки состоялся Интернациональный конгресс Общества трансплантологов, и от НИИТИО поехали Валерий Иванович и я. Вся делегация состояла из трёх человек, поскольку к нам присоединился профессор О. С. Белоруссов из ВНЦХ. В Хельсинки мы поселились в недорогой гостинице “Хелка”. У Валерия Ивановича был доклад на пленарном заседании. Перед докладом он заметно волновался и попросил меня “для моральной поддержки” быть рядом. Сидим в конференц-зале в знаменитом Дворце Конгрессов; я тоже в напряжении, поскольку мне еще предстоит сделать сообщение на английском языке. По повестке дня должен быть доклад Валерия Ивановича, но председатель называет какую-то другую фамилию; по-видимому, в ходе заседания произошли изменения, о которых нам не сообщили.

– Может быть, меня пропустят, – тихо говорит Валерий Иванович, – а то я с моим произношением... – и не заканчивает фразу. Нужно сказать, что В. И. Шумаков довольно свободно говорил по-английски (сказалась многомесячная стажировка в США в молодые годы) и отлично понимал английскую речь. Что касается произношения... оно оставляло желать много лучшего. И вдруг, когда мы почти что успокоились, председатель объявляет Шумакова. Зал к тому времени устал, кое-где переговаривались, стоял заметный шумок.

– Ну, была не была, – тихо промолвил Валерий Иванович и пошел к трибуне. Первые фразы его доклада эффекта не произвели, но уже третья – “наш материал включает 55 случаев трансплантации клеток поджелудочной железы” – сопровождалась тишиной, вытянутыми шеями и широко раскрытыми глазами. Как, эти русские обогнали нас?! Может ли это быть? Новый подход и столько случаев?.. А Валерий Иванович разошелся! Без тени смущения он зачитывал данные, изредка взглядывая в удивленно притихший зал. Посыпались вопросы. В. И. Шумаков ответил на пару из них, но председатель прервал дискуссию, сказав, что сверх повестки дня нужно заслушать ещё одно сообщение. Последнего докладчика почти не слушали, обсуждая между собой сенсацию: 55 случаев пересадки!

Когда прозвенел сигнал, означавший окончание заседания, иностранные коллеги, обгоняя друг друга, ринулись к Шумакову. Окруженные толпой жаждущих узнать, мы вышли из зала. Нас повели в ресторан Дворца Конгрессов, и прижимистые иностранцы, заказав кофе, пирожные и напитки, набросились на В. И. Шумакова с вопросами. Он уже не волновался, неподдельное внимание ему льстило, и он в обычной своей лапидарной манере удовлетворял любопытство коллег. Я восхищалась, как ловко, не вполне владея иностранным языком, преодолел свойственную нам, русским людям того времени, застенчивость, Валерий Иванович сумел оказаться в центре внимания многих участников конгресса.

Положение нашей делегации с этого момента резко изменилось. Несколько видных представителей мировой трансплантологии захотели с нами встретиться вне конгресса. На следующее утро был устроен завтрак в небольшом кабинете “Финляндия-Холл” с Феликсом Раппопортом, одним из тех, кто в конце 50-х начинал трансплантологию как новую медицинскую дисциплину. За хорошо сервированным столом собралось человек двенадцать. Разговор происходил на английском языке. Когда затеялась дискуссия о перспективах клеточной трансплантации, я, уловив момент, спросила по-французски Раппопорта, знает ли он профессора Доссе, основателя медицинской иммуногенетики. (Конечно, я знала, что Феликс вместе с Доссе выпустил в свет несколько работ на заре трансплантации.) Только тут Феликс обратил внимание на единственную даму за столом и, стараясь поддержать репутацию человека, знакомого с французской куртуазностью, весь этот день не отходил от меня. Так мы и ходили втроем: Валерий Иванович, Феликс Раппопорт и я. Уже под вечер, беседуя с нами, этот большой научный авторитет сказал:

– Когда я вижу перед собой таких русских, как вы, Валерий, и вы, Юлия, я спокоен за судьбу российской науки.

Но мог ли он и кто-либо предвидеть, как разрушатся советская медицина и здравоохранение при соприкосновении с требованиями рыночной экономики! **Ведь наука, и медицина в том числе, не измеряется по шкале “доходности”.** Сколько людей остаются без необходимой помощи из-за нехватки денег. Да простит читатель этот крик души: наболело!

Вечером, когда мы с Валерием Ивановичем направлялись в нашу “Хелку”, он сказал:

– Подошёл ко мне Пекка Хари (устроитель конгресса), трясёт башкой, как конь, и спрашивает, сможем ли мы встретиться завтра с президентом финского общества хирургов, фамилию я не запомнил; он желает познакомиться с выдающимся хирургом Шумаковым. Я тоже ответно покивал башкой, мол, мы согласны. Так завтра будьте готовы к десяти утра, поедем в Свеаборг.

Несколько слов о Свеаборге. Это старая русская крепость, расположенная на острове в нескольких милях от Гельсингфорса (Хельсинки). Там в свое время базировался русский Балтийский флот. Как Кронштадт относится к Петербургу, так и Свеаборг к Гельсингфорсу. Нам, конечно, было интересно посмотреть на былую крепость, вспомнить славную историю российского флота. Между столицей Финляндии и Свеаборгом курсируют каждые полчаса “морские трамвайчики”. Плавание занимает 20–25 минут. Катерок пристал к отполированным скалам пункта назначения, мы сошли на берег. В бывших казематах крепости теперь оборудованы залы ресторана, в одном из которых мы и расположились.

Закончив обед, вышли во двор крепости, и наш любезный гид предложил подняться на крепостные стены, чтобы подышать морским воздухом. Мы поднялись на вал и были обрызганы балтийской волной, которая разбивалась об отвесные скалы, поднимая фонтан пенящихся брызг. Спускаясь вниз обратно во внутренний двор крепости по скользким, отполированным суровыми волнами ступеням, председатель финского общества хирургов, как воспитанный человек, поддерживал меня под локоть. Вдруг мимо нас с вала на огромной скорости скатился Валерий Иванович и сгоряча выругался “по матушке”. Я почувствовала, что мой вежливый “кавалер” вздрогнул и споткнулся. На обратном пути в город я поняла, что профессор, по-видимому, весьма неплохо владел русским языком...

В тот день вечером был банкет в здании городской мэрии. Вот раскрылись двери лифта, и появился наш Шумаков. Все, кто был в это время в холле, уставились на него! И было на что посмотреть. Его массивная медвежья фигура была облачена в безупречный по цвету и прекрасно сшитый ансамбль: рыже-кофейные брюки и кремово-бежевый пиджак, великолепно сочетавшиеся по колориту; соответственно подобранный галстук дополнял впечатление. Наверное, у меня был ошеломленный вид, потому что, подойдя, он с добродушной усмешкой сказал:

– Ну, чего уставилась? Не всё же мне ходить в голубой хирургической робе... Пошли быстрее, опаздывать неудобно.

Летом 1986 года мы и не подозревали, что стоим на пороге великих перемен в судьбе института и самого Валерия Ивановича Шумакова. По-видимому, только он сам, учтя всю обстановку, все обстоятельства – ветер перемен, “перестройки и ускорения”, – рискнул приблизиться к главному жизненному подвигу в своей судьбе – трансплантации донорского сердца. Этот вид хирургического воздействия имеет свою историю как в нашей стране, так и в мировой медицине. Отправной точкой данного направления следует считать ночь со 2-го на 3 декабря 1967 года, когда молодой хирург из ЮАР Кристиан Барнард пересадил донорское сердце больному Луи Вашкански. Сердце “завелось” и функционировало более 2-х недель. Второе сердце, пересаженное тем же Барнардом, функционировало уже несколько месяцев; а в мире тем временем начался настоящий бум: все ведущие кардиохирурги хотели и пробовали трансплантировать сердце. Не обошел бум и нашу страну. Однако у нас в те времена существовал запрет на пересадку непарных органов, особенно сердца. Тем не менее, почти через год, в ноябре 1968 года генерал-полковник медицинской службы Александр Александрович Вишневский в Ленинградской военно-медицинской академии пересадил сердце молодой женщине. Сердце “завелось”, но больная прожила всего 1,5 суток. Александр Александрович подчинялся министру обороны СССР, никого не боялся, запрет проигнорировал, карьерой не поплатился. Через 3 года на пересадку

сердца решился Г. М. Соловьёв. Тоже неудача, но ему она не сошла с рук, он поплатился карьерой. Ещё через 3 года наш крупный кардиохирург В. И. Бураковский осуществил подобную операцию, и опять неудача!

Глухая пора продолжалась более 12 лет; никто из ведущих кардиохирургов не отважился на решительный шаг. В конце декабря 1986 года Шумаков произвёл трансплантацию сердца пациенту-мужчине; однако она не принесла успеха: пациент скончался на пятые сутки от острой почечной недостаточности (ОПН). Однако на следующий год он решился на вторую пересадку. В 1987 году. На этот раз пациенткой была молодая женщина (25 лет) из Сибири, сердце которой было настолько недееспособным, что она с трудом ходила. И судьба наградила Шумакова: операция прошла успешно, пациентка не подвела. Саша Шалькова прожила после трансплантации сердца почти десятилетие, чувствовала себя настолько полноценной, что вышла замуж. Она прожила бы и дольше, если бы соблюдала более строго предписания врачей; забыв о строгом медикаментозном режиме, она стала пропускать обязательный приём лекарств, подавляющих отторжение, и умерла. Но это произойдёт через 10 лет, а тогда, в 1987 году, была победа всесоюзного масштаба, порадовавшая не только исполнителей операции, но и всё население страны.

После этого удачного события операции по трансплантации сердца превратились в регулярные и относительно частые воздействия (могли бы быть более частыми, но нехватка донорских органов снижала темпы). Сам Шумаков произвёл более 100 пересадок сердца, из них 8 – двухэтапных, то есть с участием аппарата “механическое сердце”, к которому пациентов подключали на период, пока им искали донорское сердце. У нас в России В. И. Шумаков был монополистом этого вида лечения. Пациенты его любили: он был заботлив и всегда весел с ними. Если с сотрудниками-медиками он не церемонился и мог так “припечатать” словом, что бедняга потом долго приходил в себя, то с больными он был мягок и ласков. Нередко баловал пациентов, перенёвших вмешательство на сердце, домашними изделиями и кушаньями.

Любитель всяких необычных ситуаций, В. И. Шумаков послал своих пациентов, перенесших трансплантацию сердца, на параолимпийские игры в Париж, откуда они привезли медали и всей командой завалились к своему спасителю: весёлые, общительные, чувствующие вкус к жизни, с которой они едва не расстались. Особое восхищение вызывают молодые люди, спасенные Шумаковым. Их много; мужчины и женщины приезжают в институт, едва передвигая ноги, в состоянии полного отчаяния. А потом... возвращаются в семью, к нормальной жизни, находят любовь, сочетаются браком. Конечно, при всем благополучии их существования, им приходится постоянно “держат в уме” терапию и строгий медикаментозный режим. Но какое это истинно малое неудобство по сравнению с несколькими годами, а иногда десятилетиями жизни, подаренными им хирургом-спасителем! Благодарность этих спасенных безмерна!

С этих операций по трансплантации донорского сердца началось восхождение Валерия Шумакова на вершину российской славы. Девяностые годы ушедшего века были временем признания его несомненных заслуг перед Россией, подготовленные всей предыдущей деятельностью. В 1988 году он был избран действительным членом Академии медицинских наук СССР. В 1990-м – получил самую высокую трудовую награду СССР – звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда. Сам Валерий Иванович вспоминал об этом награждении как о событии, выбивающемся из общего ряда.

Приближалось шестидесятилетие. На его счету тогда было несколько десятков трансплантаций сердца, которые у нас пока никто, кроме В. И. Шумакова, не делал и которые имели широкий резонанс. Однако у него не было высоких правительственных наград, кроме Государственной премии (1971), которую он получил в группе Б. В. Петровского, а тут претензия на Героя!.. Тогдашний президент СССР М. С. Горбачев удивился, но отказать не посмел. Так Валерий Иванович получил самую высокую трудовую награду СССР и был последним, кто её удостоился.

Спустя 3 года (1994) он был избран действительным членом Российской академии наук (РАН). Для любого человека, работающего в науке, избрание в “большую Академию” – это предмет научных чаяний и желаний. Традиционно избрание медика в РАН – задача трудная, поскольку “большая Академия”

создавалась для представителей фундаментальных (теоретических) наук, в то время как медицина всё-таки наука “прикладная”. Во время Отечественной войны в признание особых заслуг советских медиков была учреждена Академия медицинских наук (теперь РАМН). Уже в послевоенное время некоторые выдающиеся представители советской медицины стали неуклонно завоевывать места в РАН. Но только самые выдающиеся. Это, конечно, наивысшее признание научных заслуг.

Еще через три года во время празднования 850-летия Москвы (1997) Валерию Ивановичу было пожаловано звание “Почётный гражданин Москвы”. Этим званием он гордился особо, потому что был коренным москвичом. Из медиков он был вторым, кто получил это звание, а первым был основоположник современной хирургии великий Николай Иванович Пирогов. В 1998 году В. И. Шумакову была вручена премия правительства Российской Федерации за внедрение в клиническую практику пересадки сердца; в то время он уже имел ордена новой эпохи – “За заслуги перед Отечеством” II и III степени.

И, наконец, главная награда современной России – орден Святого апостола Андрея Первозванного был вручен академику В. И. Шумакову в 2001 году. Валерий Иванович стал шестым кавалером ордена после его восстановления. В статуте самого престижного российского ордена сказано, что он вручается “...за исключительные заслуги, способствующие процветанию, величию и славе России”. В наше время им награждены всего 14 человек.

Валерий Иванович Шумаков – явление уникальное. Он был гениален в своём деле – сердечной хирургии и трансплантологии; во всём остальном он мог быть каким угодно: добрым и злым, мудрым и несправедливым, озорным, хулиганистым, грубовато-весёлым и мрачно озабоченным. Он был воплощением русского национального характера. Феномен Шумакова до конца не понять, можно только стремиться, если получится, быть на него похожим, и прежде всего в части требовательности к делу, которому служишь.

## БИЗНЕС И КУЛЬТУРА — ВЕЩИ СОВМЕСТИМЫЕ

*Беседа главного редактора журнала “Сибирь” Василия КОЗЛОВА с генеральным директором фирмы “СибАтом”, членом Союза писателей России Виктором БРОНШТЕЙНОМ*

**Добрые дела основателя и руководителя многопрофильной фирмы “СибАтом” отмечены званиями международной академии “Менеджер года”, “Меценат столетия”, Почётной грамотой губернатора Иркутской области. А в 2007 году Виктору Владимировичу присуждён знак отличия “За заслуги перед Иркутской областью”. В 2005 году он получил приглашение в Кремль на торжественный обед к президенту В. В. Путину в честь Дня России. Таким образом был отмечен вклад главы “СибАтома” в возрождение культурного наследия Сибири.**

**Благодаря Виктору Бронштейну будет жить память об иркутянах, прославивших Россию. На его средства установлены мемориальные доски писателю Константину Седых, династии купцов-благотворителей Трапезниковых и другим видным деятелям культуры и истории. Когда в Иркутске произошла трагедия с самолётом “Руслан”, Виктор Владимирович был самым крупным жертвователем после ВСЖД. Он принял живое участие в восстановлении Храма Казанской Божьей Матери в посёлке Усть-Куда, в реставрации строений Знаменского монастыря. Оказал крупную финансовую помощь Харлампиевскому храму, на котором оказались замороженными ремонтные работы, получил благословение у архиепископа Иркутского и Ангарского Вадима на строительство часовни в честь Храма Благовещения, в котором служил святитель Иннокентий Московский (Вениаминов). Все это звенья одной цепи, призванной продолжить традиции русской благотворительности.**

**Предметом особой гордости иркутян является памятник великому земляку драматургу Александру Вампилову, установленный по инициативе и при финансовой поддержке Виктора Владимировича.**

**В эфире иркутского государственного телерадиоканала в течение нескольких лет шёл цикл программ “Классическая лира” (о творчестве Лермонтова, Тютчева, Ахматовой, Рубцова, других классиков русской поэзии), в создании которых принимал участие Виктор Бронштейн.**

**— Вас знают в Иркутске как предпринимателя, мецената. Расскажите о своём жизненном пути, что предшествовало и способствовало становлению судьбы?**

— Есть люди — строитель так строитель, учитель так учитель, ни на что другое не отвлекаются. Например, мой дядя, Леонид Яковлевич, более сорока лет на химкомбинате в Ангарске отработал практически в одной должности — заместителя генерального директора, так же, как и мой отец на мясокомбинате, — более сорока лет, из них четверть века — директором. А у меня было много разных “полос”... Старшеклассником и в студенческие годы я работал в геологических партиях, уезжал на все лето, ещё и прихватывая время от учёбы. Работали мы в сибирской тайге, на Камчатке.

А дальше – и вовсе неожиданно – пришлось работать таксистом. Перед перестройкой, в начале 80-х, удалось купить по госцене “Волгу” – назанимал у знакомых и купил. И ночами после работы занимался частным извозом. Мне тогда было около 30 лет. Как раз защищал диссертацию – и был, говоря в шутку, самым образованным таксистом Иркутска и Иркутской области. Затем работал на предприятиях в самых разных должностях, от мастера и начальника цеха до замдиректора по экономике, создавал первую в области и в отрасли социологическую лабораторию.

В 1991 году, на пустом месте, я организовал фирму “СибАтом”, где был и учредителем, и директором, и единственным работником, ездил на Камчатку, в Молдавию – готовил поставку товаров. Байкальский банк под честное имя дал мне кредит – кредит денег и кредит доверия, и я с группой друзей и чековой книжкой на руках поехал на Камчатку закупать рыбу. Но потом друзья меня покинули, я остался один и три месяца прорабатывал вопросы закупки, разрешения на вывоз, хранения продукции, продажи и так далее. Помню, как приходилось рисковать, – город бандитский, времена шальные, я даже представлялся не директором, каковым являлся на самом деле, а рядовым работником, а чеки подписывать “ходил к директору” и без свидетелей ставил подписи – соблюдал максимальную осторожность. Иначе было просто опасно – повторю, и время, и город были лихие. Так начинался “СибАтом”.

Немало было потрачено времени и сил на становление.

Когда открывали ресторан “Вернисаж”, по совету с Геннадием Гайдой устроили выставку иркутских художников. Тогда был сделан мой первый шаг в сторону живописи, её коллекционирования. Та выставка продержалась год. Но в страстного коллекционера я превратился лет пять-семь спустя. Сейчас у меня собрано более 300 работ лучших иркутских художников. Это художники-реалисты. Потому что мне нравятся как раз такие художники, как Василий Бочанцев, Аркадий Вычугжанин, Евтихий Конев, Владимир Лапин, Галина Новикова, Николай Вершинин, Анатолий Костовский, Николай Башарин, Владимир Кузьмин, Александр Москвитин, и более молодые художники – Сергей Казанцев, Юрий Карнаухов, Дмитрий Лысяков...

Мы проводили много выставок – Николая Вершинина и Александра Москвитина, Евтихия Конева и Галины Новиковой, Владимира Кузьмина. Но всегда это происходило в мебельных салонах. А сейчас мы решили пожертвовать коммерческими площадями и открыли выставочный зал – выставляем там скульптуру и живопись.

Хочу показать свою коллекцию в Иркутском художественном музее. Сейчас налаживаю культурный мост между холодной Сибирью и жаркой Испанией. Несколько наших художников отправятся в Испанию – посмотреть, поработать, а потом думаю пригласить испанских художников в Иркутск, на Байкал.

Занимаясь благотворительностью, особое значение придаю православию и сохранению и приумножению русской культуры. Помогал возрождению Харлампиевского храма, другим храмам, оказываю поддержку мероприятиям, которые проводят церковь. Помогаю художникам и писателям. Кстати, большинство писателей Иркутского отделения СП России подписываем на замечательный журнал “Наш современник” – на мой взгляд, это единственный в стране достойный “толстый” литературный журнал, отстаивающий классическое литературное направление. Особенно замечательна публицистика, правдивая, бескомпромиссная. Давняя дружба меня связывает с главным редактором журнала Станиславом Куняевым. Дружу с краснодарским поэтом Николаем Зиновьевым, который живёт очень трудно, и тоже стараюсь ему помочь.

Наверное, возникает вопрос, откуда у меня, человека с техническим образованием, человека от бизнеса, тяга к живописи, к поэзии?

Сложное духовное наследство я получил, видимо, через свои гены. Когда мне было четыре-пять лет, я помню себя рядом со своим дедом Андреем Мироновым – он был одним из первых лётчиков, начинал летать ещё на открытых самолётах, участвовал в войне 1914 года. Он был из семьи московских интеллигентов – знал множество сказок, стихов, играл на фисгармонии и балалайке, на мандолине и гитаре, пел... Думаю, от него у меня тяга к литературному слову.

И – осуществилась: сейчас я пишу много и активно, издал несколько книг стихов. Пишу обо всём – о своём родословии и о детях, о любви и ревности,

о духовном пути человека и о тех ценностях, которыми стоит дорожить... Недавно вышел сборник избранных стихов “Назло разлукам и штормам”.

Стремлюсь, как говорится, воссоздать кусочек вечности.

А предпринимательская жилка — от рода Бронштейнов и Угловых, золотопромышленников. У меня замечательный отец и два дяди. Один из них, Изяслав Яковлевич, погиб на Курской дуге. Владимир Яковлевич, мой отец, как и мама, Ольга Андреевна, дай Бог им здоровья, подходят к 90-летнему рубежу.

У меня два сына и дочь. Старший сын, Стас, получил прекрасное образование в Лондоне — закончил магистратуру и бакалавриат, стажировался в Москве и сейчас возвращается работать в фирму — будет заниматься внешнеэкономическими связями, экономическим анализом. Дочь Полина учится за рубежом. Надеюсь, её деятельность тоже так или иначе будет связана с фирмой. Младший сын Даниил учится в лицее и пока никуда ехать не собирается. Я его и не подталкиваю, подрастёт — определится.

**— В определённых кругах, особенно людей обеспеченных, разжившихся на спекуляциях, на “прихваченной” собственности, бытует расхожее мнение, что социалистическая Россия — это нищее подневольное население, мечтающее о капиталистическом рае. Ничего хорошего там не было, и быть не могло.**

— Будучи самым молодым начальником цеха в 70–80-х годах на Иркутском радиозаводе, я, как и многие другие заводчане, получил бесплатное жильё в микрорайоне Юбилейном, причём весь дом был отдан молодым специалистам, включая заводского врача, учительницу подшефной школы и т. д. Тысячи рабочих также получали бесплатное жильё. Мой отец Владимир Яковлевич Бронштейн, в советские годы, будучи директором Иркутского мясокомбината, строил дома в посёлке Жилкино — по одному, а иногда по два в год. До сих пор его благодарят и рабочие, и учителя, и врачи. При нём справилось новоселье около трёх тысяч человек. А пенсия в 120 рублей в ту пору равнялась 70–80 процентам средней заработной платы. Это не 17–18 процентов, как сегодня.

До 100 процентов средней заработной платы пенсия была в сталинские годы (кстати, мало кто знает, что Сталин писал стихи на родном грузинском языке, лично отсматривал все художественные фильмы, прочитывал многие литературные произведения). Ещё лет 20 назад депутаты отчитывались не “лежачими полицейскими” и пешеходными переходами, а построенными микрорайонами и тысячами бесплатных квартир. Хотя нефть тогда стоила не 120, а 12 долларов за баррель.

Спрашивается, кто дал право новой правящей партии похоронить эти самые справедливые социальные завоевания СССР, за которые бились и умирали наши деды, а нефтяные деньги раздать олигархам и не контролируемым тёмным стабилизационным фондам в американских бумагах? На мой взгляд, преступление, когда иркутские “единороссы” выступают за сохранение Стабилизационного фонда, а не за сохранение измученного населения, и это при нищих больницах и диспансерах, сродни тюремным, при отсутствии лекарств, а иногда и белья; при средней продолжительности жизни мужчин 52–54 года и печальном чемпионстве по гибели детей.

Сегодня чиновники сами стараются назначить через выборы “независимую” контрольную ветвь власти. Чтобы ни перед кем не отвечать за беды и страдания простых людей. Не абсурд ли это? Проверяемый назначает ревизора. Об этом даже сам Гоголь не догадался бы пошутить, оснований не было. Невозможно ожидать качественного лечения и учения от не имеющих своего угла врачей и учителей. И сегодня, я думаю, не бедным, но купным должно быть стыдно. Кстати, в “СибАтоме” не раз выделялось бесплатное жильё и благоустроенные дачи, в том числе бывшим работникам радиозавода.

Недавно по письму заводчанок мы были в женской колонии в Бозое, куда угодили бывшие сотрудницы завода, потерявшие опору в жизни, свои рабочие места. Не все смогли приспособиться к новой жизни. А за решётку они попали, месяцами не получая свои кровно заработанные деньги, и были брошены на произвол судьбы родным государством.

– Виктор Владимирович, начинается очередная выборная гонка, вы участвовали в одной из кампаний и знаете механизм этой процедуры изнутри. Сегодня результат определяют в большой степени не избиратели, если посмотреть внимательнее, уставшие от одних и те же лиц, а политтехнологии, которыми научились дурачить людей. Но что они могли бы сделать без поддержки современного чиновничества?

– Чиновники сами себя объявили пожизненной партией власти. В их прямом подчинении и милиция, и директора школ, и главврачи, и домоуправы, все РЭУ, ЖЭУ и неисчерпаемые украденные (присвоенные) деньги. Так что депутаты от “Единой” и “непобедимой” – фактически назначенцы. Как, спрашивается, “назначенец” будет контролировать хозяина? Только прислуживать за столом, получая сытные крохи с яхтовых столов господ олигархов. При коммунистах такого чинизма не было.

Сегодняшний фарс стоит тысяч тонн макулатуры, гектаров леса; мы видим жуткий напор телевидения, тысячи и тысячи отвлечённых от производительного труда шарлатанов. И всё это для того, чтобы оболванить стариков, подкупить молодёжь, сжульничать при подсчёте голосов и назначить нужных власти “своих”. Не случайно цена проходного места в Думу в списках некоторых партий колеблется в районе миллиона долларов. Это десяток квартир, 150 “Жигулей” и т. д. Только официальный бюджет кандидата-одномандатника – 2,5 млн рублей, а фактически больше в несколько раз. Но народ всё же стал понимать, что “медведь” не такой простой, как в русских сказках, а задурит хоть кого.

С виду-то все как у людей: демократия, выборы. Только у людей и в Европе, и в Америке нет чиновничьих партий, и до последнего дня идёт нешуточная борьба. А после выборов проигравшая партия, не жалея сил, контролирует временного победителя и, если уличит во взятках, хищениях, других правонарушениях, поднимает шум на весь мир и гонит чиновников во главе с правительством в отставку, а кого-то и за решётку. Благо, доступ к документам открыт.

Без этого механизма разговоры о борьбе с коррупцией – для наивного избирателя. Мишка слушает да кушает. А кушает он, к огромному сожалению, если серьёзно, не что-нибудь, а свою Родину, которая каждый год убывает более чем на численность Иркутска, а продолжительность жизни стремится к показателям голодной Африки. Кладбищенские фото всё молодеют. Посмотрите – это наши люди и, к сожалению, дети. Смертность детей до одного года на тысячу родившихся составляет свыше 23–25 человек, а в Европе – около 5–6. Это комплексный показатель здоровья матерей и детей обескровленной перестройками нации. В странах, где выборы не фарс, люди живут по-человечески, и не 50–60, а 75–85 лет.

– На улицах нашего города не только в выходные и праздничные дни, но и в будни возле школ, в скверах, на детских площадках, на набережной Ангары, прямо на улицах можно видеть подростков, парней и девочек с бутылками пива в руках. Несмотря на закон, запрещающий распитие спиртных напитков в общественных местах, я ни разу не видел ни одного полицейского, который хоть как-то реагировал бы на это. Страшную картину можно наблюдать в электричках, когда молодёжь едет отдыхать на Байкал или возвращается на выходные домой с учёбы: поголовное пьянство и никакого контроля. Но ведь всякому здравомыслящему человеку понятно: пиво – начало страшной болезни, дальше будут напитки покрепче, а затем дело дойдёт и до шприца.

Когда Вы шли на выборы в Законодательное собрание Иркутской области, то провозглашали серьёзные, актуальные, необходимые для спасения нашей молодёжи предложения: все фильмы и передачи, опасные для физического и нравственного здоровья детей, показывать на специальных закодированных каналах; вернуть на экраны фильмы по произведениям русских классиков, а также ныне здравствующих писателей и поэтов; создать общественный комитет по нравственной цензуре с правом отзыва лицензий.

Напрашивается вопрос: почему мы должны всё время достукиваться до власти? Если она глуха и бездеятельна, не справляется со своими

**обязанностями – не пора ли ей уходить? Благодушие правящей верхушки и депутатов ведёт страну к катастрофе. Какая молодёжь, какая молодая смена уготована государству?**

– Из милицейских отчётов известно, что Иркутск захлестнула волна подростковой наркомании. Многочисленные соцопросы показывают, что иркутяне называют эту проблему в числе наиболее острых. На городских кладбищах то и дело появляются свежерытые могилы, в которых хоронят подростков, отравленных смертельным зельем. То, что сегодня происходит, можно назвать “духовным холокостом”. Жертвы фашизма, в том числе и дети, принимали мученическую смерть от рук палачей. Сегодня подростки гибнут от нашего равнодушия, неумения власти бороться с этим злом. Возникает острое желание пригласить на погост тех, кто вещает с высоких трибун о грандиозных свершениях, а также самих детей и провести там открытый урок. Пусть бы взгляделись в кладбищенские фотографии, с которых смотрят детские лица. Неужели и это может оставить равнодушным?

С экранов телевизоров круглосуточно льётся мутный поток безнравственных шоу, сработанных с импортной кальки. Нам предлагают подглядывать в замочную скважину за частной жизнью раскрученных персонажей, копаться в их грязную бельё, обсуждать последние сплетни. Смакуют кровавые сцены, насаждают культ силы и разнузданного потребительского отношения к жизни. На экранах почти нет места русской культуре, серьёзным писателям и поэтам.

Уверен, настало время ударить в набат по поводу массового растления юных душ и тел. Сообща мы сможем достучаться до власти, остановить поток телевизионной нечисти, спасти наших детей! Но есть, конечно, в нашей жизни и здоровые силы, и жизнестойкие ростки, и искренняя чистая любовь. Дай-то Бог, чтобы будущее было за ними.

– В книге “На троне из туч”, изданной десять лет назад, Вы сказали, на мой взгляд, пророческие слова. Хочется процитировать отрывок из этой статьи: “Захватившая в девяностых годах власть “демократическая шпана” (выражение В. Г. Распутина) с помощью скрупулезных ею средств массовой информации и насквозь лживых посулов дурачит народ выборами и рядит в ризу демократии свои криминальные деяния по разграблению великого государства.

Падение производства в России за годы реформ по длительности значительно превысило все известные в мировой истории кризисы мирного времени, включая Великую депрессию 1929–1933 годов. Производство в важнейших отраслях сократилось в четыре-пять раз, расходы на научные исследования и конструкторские разработки – в десять раз, а по многим направлениям – в пятнадцать-двадцать раз. Огромная часть потребляемого продовольствия ввозится из-за рубежа.

Беспрецедентность нашего кризиса в том, что он происходит во взрывоопасной среде мощнейшего техногенного потенциала... Может ли господин президент, а также депутаты, члены правительства, олигархи, равно как и мудрые специалисты Международного валютного фонда дать гарантию, что мир не озарят новые “чернобыли”? В сегодняшней истерзанной и обескровленной России такой гарантии нет.

Вследствие безнравственной, лишённой всякой морали политики властей, обобравших с помощью услужливых западных банкиров собственный народ, может произойти экологическая катастрофа невиданных масштабов, которая разрушит среду обитания и власти, и народа.

Моральная пропасть отделяет сегодняшнюю власть от истинно русской дореволюционной культуры, когда любой, даже карточный, долг являлся священным. Честь была выше самой жизни. Должники считались утратившими честь и нередко стрелялись либо сидели в долговой яме. Кто из сегодняшних обанкротившихся политиков правительства и Думы, из русских и из евреев может произнести глубочайшие по смыслу русские слова: “Честь имею”? А ведь в докоммунистической России это было обыденное выражение, и за этими словами действительно стояли люди, имеющие честь”.

Сегодня мы часто слышим, что человечество на пороге нового глобального кризиса...

– С подобным явлением мы ещё не сталкивались! По ощущению, кризис 2008-го года – это цветочки по сравнению с тем, чего можно ожидать сейчас. Исправить ситуацию, на мой взгляд, может только чудо, но источников, предпосылок для такого чуда в России я не вижу.

Кризис спровоцирован Западом и напрямую направлен против России, экономика которой весьма уязвима. Объём производства в России составляет пять процентов от ВВП Америки (для сравнения: в СССР 70-х гг. он составлял 35 процентов). Таковы наши перестроечно-либеральные “достижения”. Запад чуть затянет ремень, а у нас не затянулась бы петля...

Но если в детстве я восхищался сказочным чудо-волком, нёсшим Ивана-Царевича и красавицу (репродукция Васнецова висела у меня над кроватью), то сегодня я жду другого чуда. В российское чудо я слабо верю.

### **– Что вас волнует сегодня больше всего?**

– Как живут россияне – никто не знает, цифры официального дохода ничего не отражают. Мы видим, что торговые площади по сравнению с застойным периодом выросли в добрый десяток раз – это и масса ярмарок, и оптовые рынки, и т. д. И везде народ, и везде покупают, продают огромный ассортимент от самых дешёвых китайских до самых дорогих французских товаров. Какие деньги у людей, не знает никто. По сравнению с застойным периодом количество автомобилей увеличилось в несколько раз. Трудно в городах найти семью, которая не имеет сейчас импортного телевизора, видеоманитофона, видеокамеры или компьютера.

Во многих городах уровень материального потребления, несмотря на все наши стенания, стал значительно выше, его просто никто не измерял: статистика сама по себе, реальная жизнь сама по себе. Мы абсолютно не знаем страну, в которой живём, и экономический потенциал населения.

И в то же время мы видим страшнейшую демографическую ситуацию, разгул наркомании и прочие негативные процессы. Идёт вымирание нации. В чём причина?

Причина в полнейшем упадке культуры. Государственная политика в области культуры отсутствует. Средства массовой информации, особенно телевидение, уничтожают остатки души и разума. Практически преданы забвению самобытность культуры, язык, обряды, традиции – всё то, что делает человека человеком определённой национальности.

В государствах, где сохраняются язык и обряды, при всех трудностях, практически нет беспризорников или детей, брошенных в роддомах. Нет там и тенденций вымирания населения. Если нам, россиянам, не удастся вырваться из увлёкшего нас стремительного и мутного водоворота, то мы не оставим потомкам не только самой России, но даже и нормальной среды обитания на том месте, где сейчас Россия, не оставим и некогда мощного генофонда русского народа, то есть той самой живой клетки, которая пока ещё несёт память о некогда загадочной русской душе.

Душа сопротивляется, когда, скажем, вместо привычного слова “избиратели” звучит холодное и бездушное – “электорат”. И таких примеров можно привести множество... И потому стоит ли удивляться, когда где-нибудь возле вузовской “курилки” или в общественном транспорте слышишь от прилично одетого парня или девушки: “Ну ладно, там решим, чё-как... Клёво оттянулись! Такие баблосы!...”

А ведь речь – отражение личности говорящего, и кому как не филологам должно быть обидно за своих сверстников. Слово обладает небывалой силой: оно и убивает, и лечит, и оскорбляет, и воспитывает, и роняет – и поднимает.

Для того, чтобы русское Слово спасало, оно должно звучать и с экранов и по радио. 2007 год был объявлен В. В. Путиным годом русского языка. Но дальше объявления дело не двинулось. Всё та же пошлость на экранах и в жёлто-глянцевой прессе. Всё то же засилье иностранных слов и вывесок на чужих языках, всё так же планомерно уничтожается русская и другие национальные культуры, а с ними и сам народ.

С годами понимаешь, какой это божественный, великий дар – русская речь. Язык не может быть создан искусственно, он не приживётся. Против русского языка идут серьёзные войны, которые мы в суете и не замечаем.

Мало кто знает, что у наших бывших врагов – немцев – 2003 год был объявлен годом замечательного русского поэта, дипломата Фёдора Тютчева, в честь его 200-летнего юбилея. У нас же этот славный юбилей был как бы “засекречен”. Почти секретными являются имена и замечательных современных поэтов Юрия Кузнецова, Алексея Прасолова, Анатолия Передреева, Анатолия Жигулина и других. Вообще доступ писателей-патриотов на телевидение практически закрыт. Голубой экран отдан на разграбление шоуменам. Несть числа расхристанным смехачам и безголосым певичкам. Тоска...

Наш великий писатель Валентин Распутин, в частности, своей прекрасной повестью “Дочь Ивана, мать Ивана” попытался пробудить народное сознание, дать понять нам всем, что мы прежде всего сами должны защищать своих детей от насильников и наркоторговцев. А ведь и вправду, ради денег-то и дома поджигают, и киоски палят, а вот ради собственных детей коллективно беспокоить наркоторговцев хотя бы палками по рёбрам или ночным окнам – боятся. Только стонут: где полиция? А где она? Там же, где и все мы.

**– Вы многое сделали в жизни. Созданной Вами фирме “СибАтом” уже 20 лет, и она не нуждается в представлении. У вас учёная степень и монография по экономике, поэтические сборники, публикации в общероссийских литературных журналах, орден Иркутской области. А вот что из главного не успели?**

– Не возвёл или недовозвёл храм “И в рёбрах, и в брёвнах”, не венчался в церкви...

**– Чем или кем вы больше всего дорожите в жизни?**

– Любимыми людьми, способностью любить. И это – неисчерпаемый источник вдохновения.

ГЕННАДИЙ ГУСЕВ

## ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ ЛОНДОН

I

*40 лет тому назад, в 1971 году, то есть более чем через полвека после Октября 1917 года, было, наконец, создано первое (и единственное!) общероссийское литературное издательство “Современник”. Его “временно” разместили в столице на улице Ярцевской в бывшем детском садике. Новое, достойное помещение было построено только через 13 лет, при третьем по счёту директоре. О том, как это произошло, — мой рассказ.*

*Что нам сто́ит дом построить?  
Нарисуем — будем жить.*

Из старой шутливой песенки

... Однажды (ещё и полугодом не прошло, как я сменил кабинет главного редактора “Роман-газеты” на “игровую комнату” директора издательства “Современник”) раздался очередной звонок моего прямого начальника — председателя Госкомиздата РСФСР Н. В. Свиридова. Голос шефа звучал как-то приподнято, интригующе: “Приезжай, Геннадий. Есть интересный разговор”.

На всякий случай (это уже стало правилом) набросал на листке из блокнота с десяток “неотложек” — горячих, непростых вопросов, решение которых не терпело отлагательства. Нехватка бумаги; острые кадровые “занозы”; цензурные препоны... А всё-таки, что за разговор припас для меня Николай Васильевич?

... Свиридов “сосватал” меня на директорство, когда я вдруг занедужил тромбофлебитом осенью 1980 года, вскоре после победной Московской олимпиады. Он позвонил мне в Боткинскую, выразил твёрдую уверенность, что болезнь (якобы пустяковую) я быстро одолею, и ждёт меня нелёгкий, но благородный труд на ниве российского книгопроизводства.

До чего же это был красивый, цельный, искренний, влюблённый в своё дело мужик! Вот уж кому никак не подходило нынешнее суконное журналистское тавро — “чиновник”. Человек из стального поколения победителей, он храбро воевал, его грудь украшали боевые, а не “поддатые” (приуроченные к юбилейным датам) ордена и медали. Он был участником великого сталинского Парада Победы в июне 1945 года. А ещё он был настоящим преданным рыца-

\* Лондон Лев Израилевич — член Союза писателей СССР, заслуженный строитель РСФСР. — Авт.

рем Книги – и сколько же их, мудрых и не очень, талантливых и “проходных” – выходило в десятках издательств и типографий необъятной России под его хозяйским, заботливым и неусыпным надзором!

– Ну, как тебе работается на Ярцевской? – спросил Николай Васильевич и хитровато, заговорщицки улыбнулся, выпустив облачко сигаретного дыма.

– Да ничего вроде... – неопределённо промычал я, не в силах скрыть любопытства.

– Пытаешься догадаться? – Свиридов вновь широко улыбнулся и взмахнул сигаретой. – Намекну понятнее: устраивает тебя, что “Современник” ютится, потеснив ребятишек, в детском саду?

Ага! Похоже, сбылось предсказание моего предшественника Коли Шундика, который предсказывал мне “новый шикарный кабинет”, уговаривая прийти в “Современник” и вдохнуть в издательство, поражённое тщеславием и чрезмерным винопитием, “здоровый и крепкий русский дух”. Правда, почему-то при этом обзывал меня, чудно и туманно, совсем не русским именем Заратустра...

– Поздравляю тебя! – говорил между тем Свиридов напористым голосом. – Наконец-то решение Моссовета принято. Выделен участок под новое помещение для издательства – ориентировочно две тысячи квадратных метров. Чуешь, какой размах?

Моё сердце радостно встрепенулось. Наконец-то!

– Только учти, – тут же охладил меня министр, – это будет не особняк недалеко от Арбата, а просто целый первый этаж 17-этажного жилого дома на Хорошёвском шоссе. Давай прямо завтра съездим туда. Согласен? А сейчас вот чем надо озаботиться: кто персонально этот воз потянет? Думаю, надо тебе подыскать второго зама, по строительству. Дрожжев мужик хороший, но он – чистый полиграфист, тем и ценен. Стройка – не его дело. Да и возраст...

– И не моё тем более! Какой из меня строитель? – продолжил я.

– Да я понимаю... – Николай Васильевич призадумался, потом энергично хлопнул ладонью по столу, как всегда, заваленному книгами. – Думаем вместе. Я Родионова\* подключу. Найдём, найдём человека. Такое помещение отгрохаем... вот увидишь!

## II

И двух-трёх дней после той беседы не прошло, как ко мне в “игровую комнату” (то есть в директорский кабинет) вошёл прозаик, член Союза писателей Лев Израилевич Лондон. Скромный, тихий еврей, в больших уже годах – но глаза живые, выразительные, рука ещё крепкая, не каких-то “пять холодных сосисок”. (Это сравнение внезапно прилетело ко мне из какого-то давным-давно читанного рассказа. Содержания, убей Бог, не помню, а “сосиски” застряли-таки в памяти.)

Обычное дело: автор принёс заявку на издание, дерзает выпустить, ни много, ни мало, “Избранное”. Ого! Ничего себе “тихий”, претендует на пухлый томище объёмом “ориентировочно 40 авторских листов”! Это сколько ж бумаги на него пойдёт, сколько гектаров русского леса придётся вырубить – а будет ли что читать? Так, понятно: “...в романе и повестях рассказывается о самоотверженном труде славных советских строителей...” Куда яснее – производственная тема, произведения о жизни рабочего класса, к публикации коих нас неустанно зовут ЦК и Госкомиздат...

– Товарищ Гусев... – Лев Израилевич доверительно склонился ко мне и почему-то сразу перешёл на полужёпот. – Сразу вижу, вас смущает объём книги. Да, вместо неё можно издать десяток поэтических брошюр (он выморкался, сунул платок в брюки, извинился) или два чых-то романа по двадцать авторских листов. Но поймите: жизнь моя клонится к закату, и так хочется, пока ещё есть время, подвести выразительную черту под своей многолетней литературной работой! Строительство я уже оставил. “Избранное” – моя последняя, заветная мечта...

---

\* Родионов Сергей Петрович – в те годы первый заместитель председателя Госкомитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли (сокращённо Госкомиздат, или ещё проще – Комитет по печати).

Что-то вдруг словно подтолкнуло меня, пронеслась вихрем шальная мысль: строитель... московский, заслуженный... значит, богатые связи в этом неведомом мне мире... Да и выглядит вполне молодцом... А вдруг?! Эх, была не была!

— Лев Израилевич, вы сказали, что оставили строительство. А что, если я предложу вам вернуться к нему... скажем, на пару лет?

Лондон замер от удивления. К чему клонит молодой директор? Ему про книгу, а он...

Тут меня понесло, как по кочкам. Я, вздыхая, жаловался, как тесно, как неуютно нам живётся в этом, у детей отнятом, доме, как несолидно, не престижно и снаружи, и в интерьере выглядит *единственное* общероссийское литературное издательство.

Вот, дескать, если бы такой классный специалист, как он, Лондон, согласился взвалить на себя бремя нашей стройки — как славно, по-писательски ярко завершил бы он свою инженерную карьеру! А “Избранное”, что ж — оно стало бы её эффектным венцом.

Потрясённый Лондон долго молчал, склонив голову. Потом вскинулся, щёки покраснели, глаза вспыхнули.

— То есть вы предлагаете мне...

— ... стать моим заместителем по делам строительства нового здания для нашего издательства! Правда, мне предстоит ещё всё согласовать с начальством: штатное расписание, понимаете, новая ставка, кабинет... Но всё решаемо! — Я уже не мог остановиться.

— Успокойтесь! — сказал вдруг, неожиданно обретая твёрдость в голосе, Лев Израилевич. — Мы с вами всё можем решить сами — и прямо сейчас.

Тут уж настал мой черёд оторопеть: что имеет в виду мой собеседник? А он, что называется, не переводя дыхания, стал говорить, что не надо его втискивать в штат, нужды в кабинете не будет (“мы все проблемы будем решать вот здесь, у вас в кабинете”), никаких финансовых комбинаций и хлопот с оплатой труда нового зама не будет.

— Мы всё исполним строго по-советски! — почти торжественно заявил Лондон. — Я пишу заявление с просьбой утвердить меня в новой должности *на общественных началах*. А зарплаты — никакой, хоть год, хоть два. Вознаграждение — только после сдачи “под ключ” завершённой новостройки. Вы понимаете — я имею в виду гонорар за “Избранное”... Я сейчас же пишу заявление! — повторил он и попросил листок бумаги.

У меня кружилась голова. Свиридов-то ничегошеньки не знает, а я уже не просто сагитировал — по сути взял на работу совсем-совсем незнакомого мне человека. И что скажу я ему, если Николай Васильевич совсем по-другому оценит мой “брак” с Лондоном?

— Послушайте, Лев Израилевич, — проговорил я, пытаюсь улыбнуться. — Понимаете, всё произошло так молниеносно, так скоропалительно... Как в омут с головой. Давайте так: завтра докладываю руководству — тогда и...

— Свиридова я знаю и уважаю, — сказал Лев. — Ну, а если не выйдет, я на вас ничуть не обижусь. Напротив — спасибо за доверие, такое неожиданное, такое человеческое. А заявление — пусть полегит. Утро вечера мудренее!

Лондон раскланялся. В самом деле, был уже вечер. Таня-секретарша устала заглядывать в “детскую”: ей нужно было бежать за дочкой в садик. Директор остался сидеть в кресле за столом, обхватив обеими руками свою дурную, горячую голову...

### III

“А не поговорить ли, между прочим, с Прокушевым?” — пришло мне в голову рано утром, ещё до ухода на работу. Юрий Львович — первый директор “Современника”. Отец-основатель! Вспомнилось, как он в первые мои тревожные директорские дни настоятельно советовал ни в коем случае не избавляться (под шумок кадровой “санации”) от старшего редактора отдела прозы Виктории Геллерштейн. “Имей в виду, — назидательно внушал мне Львович, — Виктория в своём роде ключевая фигура!” Я удивился, а он вот как “просветил” меня:

— Ты знаешь, к “Современнику” уже давно приклеено прозвище — “русопяты”. А ты им в ответ: “Да у нас лучший редактор носит фамилию Геллерштейн!”

А Лондон в роли замдиректора — это ещё более круто! Не мешкая, приг-

ласил Юрия прогуляться в Суворовском парке (жили мы с ним в одном квартале неподалёку от станции метро “Кунцевская”). Львович горячо одобрил мой кадровый “экспромт”. Впрочем, я заведомо в этом не сомневался. Но голос Прокушева немаловажен в разговоре со Свиридовым!

А вот как Лёня Фролов, главный редактор? Его мнение важно по сути. Мы совсем недавно вместе, но сколько уж раз он предостерег меня от поспешных, импульсивных действий и обещаний, от эмоциональной торопливости, а особенно от излишней доверчивости, перешедшей, наверное, в мои гены от простодушных деревенских предков моих.

*Гены, впрочем, я приплёл вряд ли к месту. Лёня-то Фролов ещё ближе к крестьянскому роду – вологодский, приятно “окающий”, вроде бы душа нараспашку. А вот и нет! Обстоятелен, оглядчив, осторожен, немногословен – семь раз примерит, помолчит, и лишь когда все сомнения рассеются, скажет, нажимая на “о”: хо-ро-шо.*

*Ох, как трудно далось мне это фроловское слово, когда я агитировал его перейти в наш “Современник” из дружеского журнала-тёзки! Сидели мы с ним часа три в ресторане “Карпаты”, осилили бутылочку молдавского “Аиста” (молодые были!) – молчит, упрямец, улыбается. А я честно говорю ему – горячо, сбивчиво, – что один я в поле не воин, победить можно, только если вдвоём, спина к спине, как в деревенской драке.*

– А что Викулов? – наконец, спросил меня Лёня. Я тут же стал уверять его, что фронтовик Сергей Васильевич, как друг фронтовика Свиридова, не пойдёт поперёк.

– Хо-ро-шо. Викулов отдаст – пойду к тебе, – коротко подвёл итог мой будущий главный. Я, в свою очередь, заверил, что беру Викулова “на себя”. К счастью, Сергей Васильевич упирался недолго – понимал, каково мне в одиночку...

Лёня изучил заявку Лондона, полистал его пухлую рукопись и дня через три (они показались мне вечностью) вынес своё суждение: сочинения Лондона, конечно, скучноваты, однообразно “производственны”, однако...

– И не такое приходится печатать! – Фролов энергично махнул рукой. – С трудом, но дотягивает до нашей нижней планки. Так что можно идти на договор со спокойной совестью. Другой вопрос, чем реально может помочь – или помешать? – пенсионер Лондон могучему Мосжилстрою отстроить целый первый этаж по особому, не стандартному плану. Но рискнуть... пожалуй, сто́ит!

После этого я, что называется, с лёгким сердцем выложил “лондонскую” объективку и его заявление пред ясны очи Свиридова.

– Смотри, не ошибись, Геннадий, – сказал Н. В, возвращая мне бумаги. – Выплати ему 25% сразу – и жди, пока дом не вырастет. Года два-три, говоришь? И Лондон будет ждать? – В голосе председателя просквозило недоверие.

– Будет ждать! Как миленький! А главное – будет землю рыть на благо издательства! – радостно воскликнул я.

Свиридов проводил меня грустным взглядом. Наверное, заранее сочувствовал чересчур доверчивому мечтателю, каким и был директор его любимого, выстрадавшего десять лет назад “Современника”.

#### IV

Договор с Лондоном заключён. Объём книги – 40 авторских листов, тираж (предварительный) – 30 тыс. экз., оплата за лист – 300 руб. Это получается по 4 тыс. руб. в год, или 330 в месяц. Совсем не худо, чуть-чуть меньше, чем у директора издательства! Однако улита едет, да когда будет?

Лев начал формировать свою команду, причём неформально, необычно. Я долго не мог понять, зачем он приводит ко мне “на смотрины” строителей, многие из которых больше никогда на наших “планёрках” (они проводились два раза в месяц в моём кабинете) и не появлялись. Чего от них ждать? И какой с них спрос? Лондон, таинственно улыбаясь, успокаивал меня: “Не волнуйтесь, все эти люди рано или поздно пригодятся нам!” Не скрою, частенько посещала меня после таких недолгих “смотринов” занозистая мыслишка: не охмуряет ли меня Лев Израилевич?

Тут самое время сказать о том, что неперенным условием проведения “планёрок” со строителями была подготовка для каждого участника скромного подарка – небольшого набора книг, изданных “Современником”. Зловещее слово “откат” существовало тогда только в девственном своём значении: “катить прочь, откатить, доставить куда-либо катя... откат орудия, отдача” (В. И. Даль). Мы с Лондоном регулярно “откатывали” стройчиновникам упакованную в обёрточную бумагу издательскую продукцию – разного калибра и разного эстетического веса.

Нет-нет, Боже упаси от воровства даже в самых благих целях! У нас был постоянно пополняемый резерв: положенные по закону – директору и главному редактору – два бесплатных экземпляра каждой выходящей книги. Всего в год выпускалось более трёхсот изданий. (В 1983-м – ровно 365, то есть каждый день – новая книга!)

А в конце 1981 года в наших руках оказалось “стратегическое оружие” огромной пробивной силы – поэтический “Нерв” Владимира Высоцкого, самое первое в стране книжное издание его избранных стихотворений.

Издание “Нерва” – это отдельная увлекательная история. Здесь важно будет подчеркнуть, что право на издание “Современником” этого сборника было получено Свиридовым с самого “верху” – естественно, не без упреждающих оговорок: издайте скромно, не разгоняйте объём, не вздумайте повысить тираж и т. д. и т. п. (Кстати, о тираже. Ещё из 70-х запомнился мне такой случай. Отдел культуры ЦК дал “добро” на издание в “Библиотеке поэта” стихов О. Мандельштама. Книготорговая сеть запросила немислимое число экземпляров, но издано было всего 10 тысяч...)

Николай Васильевич всё мне разобъяснил, посмотрел на меня исподлобья, изучающе – и вдруг поощрительно засмеялся: действуй по обстановке, только не зарывайся!

Потом завертелось... Марина Влади привезла рукопись – большущую папку Володиных стихов. Право окончательного отбора их в будущий сборник она любезно предоставила “Современнику”. Роберт Рождественский написал предисловие. Оно начиналось с такой фразы: “Эта книга – не песенник”. Я догадался сразу, что эта фраза – полемична. Ведь даже друзья Роберта (Евтушенко, Вознесенский) старательно подчёркивали, что Высоцкий – модный бард, но, увы, ещё не поэт.

Так уж вышло (волею судьбы), что и с тиражом мы перебрали (аж 55 тыс. экз.!), и бумагу заморскую, финскую пришлось выделить на “Нерв” – короле, был простор для упрёков и угроз со стороны многих “бдящих”. Но куда больше оказалось... не бдящих, а просящих! Мой телефон раскалялся от звонков с просьбами о “томике Высоцкого” – начиная с приёмных Брежнева и Громыко до родного райкома и райисполкома...

...То, что “Нерв” станет стимулятором ускорения хода строительства, я понял задолго до выхода книги. Но понадобится не десяток, не два, а минимум две сотни экземпляров! Где их взять? В книжных магазинах? Исключено. Там они разлетятся мгновенно, как стая испуганных воробьёв. Значит, надо добиться письменного указания председателя на продажу из комитетского киоска.

– ...Николай Васильевич! Чтобы ускорить и завершить стройку, мне нужно как минимум 300 экземпляров “Нерва”! – приставил я “нож к горлу” Свиридова.

– С ума сошёл! – возопил председатель. – Хочешь оставить Комитет без этого издания? Да завтра у меня весь аппарат забастует! И думать не смей!

– Ну, хорошо, хорошо... – пошёл я на попятную. Но далеко не ушёл. – Триста – да, пожалуй, я чуточку перегнул. Но двести – в самый раз; иначе разобидятся мои лондоны, фрактеры, файнштейны, и ничего мы с ними не поделаем. Вот это будет забастовочка! А дом-то уж закотлованился!

Долго мы ещё рядились, заодно намечая следующие шаги упрочения смычки со строителями. Уф, всё-таки удалось получить разрешение на покупку двухсот сборников в моё личное распоряжение! Я пошёл на склад, вручил тётке-продавщице записку Н. В., отсчитал свои кровные 280 рублей (по рупь сорок за каждый томик), погрузил книги в автомобиль, отвёз на Ярцевскую и надёжно упрятал их в директорский сейф. Ну, Высоцкий, выручай!

## V

... Который раз за минувшие тридцать лет беру в руки поистёршийся, потускневший от времени “Нерв” — единственный из оставшихся двухсот. А сколько своих нервов сгорело, пока вырос к весне 1984 года бело-голубой дом-корабль на Хорошёвском шоссе, весь первый этаж которого по-хозяйски занял “Современник”!

Весь первый этаж — и не только. В нескольких метрах от основного здания белеет прямоугольная одноэтажная коробка, соединённая с основным зданием крытым переходом. Коробка как коробка... но для меня она драгоценнее любых архитектурных изысков. Потому что это — *моя творческая строительная идея!*

... Во время одной из первых поездок с Лондоном на площадку будущего дома я обратил внимание на одинокое, опутанное проводами строение, сиротливо торчащее на пустыре. Лев объяснил мне, что бывшая ЭТП — электро-техническая подстанция — теперь уже никому не нужна и по проекту подлежит сносу.

— Жалко, — вздохнул я. — Пожалуй, “квадратов” двести будет... и псу под хвост...

— Лес рубят — щепки летят, — беззаботно улыбнулся Лев Израилевич. — На этом месте цветы посадят, и Вы будете любоваться ими из окна своего кабинета.

— А что, если не сносить эту халабуду, а именно в ней оборудовать мой кабинет? То есть разместить весь директорский корпус? — вдруг осенило меня — так, что кровь радостно застучала в висках.

Заслуженный строитель России терпеливо объяснил мне, несведущему, что развёрнутый проект дома уже готов, что через четыре дня его утвердят, и на площадку прибудут строители с техникой. ЭТП, которая так меня заинтересовала, находится, к сожалению, далеко от будущего дома...

— Разве только тоннель прорыть — метров на 30, или галерею крытую перекинуть... Да кто ж на это пойдёт? — снисходительно объяснил Лев.

— ... А если дом к ЭТП придвинуть? — не унимался я. — Ведь проект пока только на ватманах! Попросить проектантов, простимулировать их... Перечертить, подвинуть — никто не узнает, — запальчиво воскликнул я.

Лондон занервничал. Я почуял, что ему моя идея нравится, но он пока не может вычислить, насколько она жизнеспособна.

— В “Моспроекте”, кроме начальства, все — женщины, и все наверняка влюблены в Высоцкого. Вы берёте на себя “верхи”, а я — прямо к народу, в массы, с горячим поэтическим словом! — продолжал я атаку на старика.

Озабоченно вздохнув, Лондон взял паузу: “Надо подумать”. Оказывается, кроме переделки проекта (плюс новый проект директорского корпуса в здании ЭТП), предстояло заново скорректировать землеотвод для всего огромного 17-этажного дома. А это уже — согласования в других инстанциях, у иных начальников...

Но время не ждёт! У нас всего четыре дня, из них два — выходные. В понедельник — окончательное утверждение проекта в целом. Значит, к понедельнику, кровь из носу, надо “передвинуть” дом поближе к ЭТП, “соединить” их коротким крытым переходом. А проект новой пристройки подождёт, не к спеху! Итак — срочно в “Моспроект”. Вся надежда — на любовь. К поэзии.

## VI

“Любовь, что движет солнце и светила...” В том числе и дома!

... Лев Израилевич, гладко выбритый, отутюженный, пышущий “Шипром”, уже ждал меня у дверей “Моспроекта”. Я бодро выбрался из “Волги”. Тяжёлый портфель, напичканный “Нервом”, приятно оттягивал руку.

— Ну, с Богом! — сказал я Льву, не уточняя, чьего бога я имею в виду. — И с Владимиром Семёновичем — думаю, не подведёт он нас и на этот раз...

И ведь получилось, чёрт возьми! Девчата-чертёжницы — человек десять, все как на подбор скромные, глазастые, молчаливые, слушали меня, размахивающего томиком “Нерва”, затаив дыхание и ещё не вполне веря, что драгоценная книжица может стать — совсем скоро! — личным достоянием каждой. Всего и делов-то — посвятить субботу и воскресенье переделке чертежей!

Дело привычное, если начальство не против. Да вон уже он, один из них, очкарик, головой согласно кивает, молча одобряет: сделаем, дескать, будьте спокойны!

Припомнив свою комсомольскую юность, я заливался соловьём, потом пустил по рукам фото, где был запечатлён рядом со знаменитой “Колдуньей”: мы с нею оба в очках и улыбаемся, довольные... Сгрудившись вокруг нас со Львом, девчата терпеливо ждали, пока издатель старательно подпишет каждой из них заветный томик. Автограф, увы, не авторский, но всё-таки памятный, с указанием дня и даже часа получения книги. Кстати сказать, идея эта принадлежала не мне, а самим труженицам кульмана.

*Тридцать лет промчались – и где она, эта профессия? Мудрые, молниеносно соображающие компьютеры стали “ликвидкомом” профессии чертёжника. Та же судьба постигла миллионы девушек и тётушек, прикованных к пишущей машинке в многочисленных машбюро всяческих учреждений и организаций. Теперь по клавишам компьютера или ноутбука стучат все, кому не лень и кому в охотку...*

Мои “Нервы” продолжали разлетаться по самым разнообразным “строям” и “снабам”, ускоряя ход строительства. Через несколько лет жена удивлённо спросит меня: “Оказывается, тебе как директору полагалась бесплатно каждая издаваемая книга. Это же целая тысяча за три года! Где же они?” Я засмеялся и назвал адрес издательства в доме на Хорошёвском шоссе.

Так что́ это было, если говорить серьёзно: вековечный двигатель прогресса – взятка, или?.. “Не подмажешь – не поедешь”; “Осина не горит без керосина”; “Пчёлка, и та взятку берёт” и т. д. – это из русских пословиц и поговорок. У Даля: “Взятка – поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы... магарычи, плата или подарок должностному лицу во избежание стеснений или подкуп его на незаконное дело”.

О Владимир Иванович! Всё точнёхонько распределил: тут тебе и безобидные (как правило) гостинцы, и амбивалентные, то есть двойственные по сути своей дары и магарычи, и однозначно противозаконное мздоимство, корыстолюбие, продажность, подкуп.

Мы с Лондоном, как и большинство советских людей, останавливались на рубеже благодарных гостинцев, приносов и подношений в виде книг, кои почитались в те времена лучшим подарком в самой читающей стране мира. Это уж потом, после кардинального слома социалистической системы, воцарилось в России чудische ненасытное – тотальная многомиллиардная коррупция. Вспоминаю тогдашних мздоимцев и грустно улыбаюсь: не тот размах, не тот масштаб... Но когда грянула свобода хапать и грабить, сколько почти безобидных любителей “даров” превратились в ненасытных монстров коррупции.

... Как-то приходим мы с Лондоном к очень крупному стройснабженцу общегородского масштаба... В кабинете – полно народу, все такие низкопоклонные, растерянно и льстиво улыбающиеся, смиренно ждут очереди, чтобы припасть к руке “самого”, что возвышается, грузный, почти недоступный, над громадным письменным столом. Но сначала, прежде чем подать прошение и пробормотать просьбу, нужно положить “гостинец” в открытый, глубокий, почти бездонный нижний ящик руководящего стола. И сыплются в него блоки заграничных сигарет, коробки с коньяками и виски, диковинные шариковые и перьевые ручки. Ни дать ни взять – “служба одного окна”. Решения принимаются быстро. Хозяин вроде бы и не взглядывает, что поднесено ему, что упало в общую кучу. Подошла, наконец, и наша очередь.

Я сразу понял: они, конечно же, знакомы! (Вообще, Лондон, как мне казалось, знал всех, кто нужен нашему делу – все были свои и по профессии, и по крови.) Чиновник строгим взором пронзил немногих оставшихся в кабинете – все тут же вымелись в приёмную. Мы всласть поговорили о поэзии – ну как же, мы ведь не только в шпингалетах и унитазах разбираемся, но и почитать любим! Бумаги были подписаны. Скоро они превратились в реальные двери для кабинетов, в линолеум, обои, в те самые шпингалеты и унитазы...

Вот я до сих пор думаю: а был ли тот снабженец взяточником? Ведь сегодня самая нижняя планка коррупции – тысячи рублей. Это сколько ж сигарет и коньяков, сколько баночек кофе нужно было собрать тому снабженцу,

чтобы “выйти” на уровень нынешней почти безобидной взятки? Но – “курочка по зёрнышку клюёт”. О tempora, o mores...

## VII

Скоро сказка сказывается, да не скоро дома строятся. Впрочем, “команда Лондона” сделала всё добросовестно и без фокусов. Зимой 1984-го, как раз через три года после первой “строительной” беседы со Свиридовым, издательство начало готовиться к переезду на Хорошёвку. Мои патриоты из отделов поэзии, прозы и критики перестали перешёптываться, перемигиваться, ухмыляться: охмурили, дескать, “лондонцы” нашего Гуся, они и не таких вокруг пальца... ещё неизвестно, чем для директора его “пропаганда русской литературы” среди жуков-комбинаторов завершится... А завершалось деловито, прозаически: навешивались двери, монтировалась электропроводка, настлались полы. И наступил, наконец, благословенный миг – я вошёл в новый свой, ещё пахнущий свежей краской, самым спланированный рабочий кабинет! Вот они, позади кресла и во всю заднюю стену, книжные стеллажи, прочерченные когда-то на простом листке из тетрадки в клеточку; вон впереди – глубокая ниша для телевизора: а как же иначе? Правда, дистанционных пультов тогда ещё не было, и новенький белорусский “Горизонт” требовал *п о д х о д а* при включении. Так ведь и хорошо – не засидишься! Увы, такие игривые мечты мои не сбылись: всего лишь месяца полтора-два оставалось мне сидеть в директорском кресле...

Разумеется, договор со Львом Израилевичем был выполнен безоговорочно и даже с некоторым опережением. “Снег в июле” (избранная проза Лондона, 40 авт. листов) “выпал” ещё до окончания стройки. Ему было тогда “всего лишь” 74 года, то есть меньше, чем мне сейчас.

## VIII

Более четверти века минуло с той поры. Каким-то неожиданно сухим, чересчур деловитым было наше с Лондоном расставание. И моей вины в том, пожалуй, больше: нагрязнула новая, большая и ответственная работа в Совмине России – не до Лондона! Да и времена надвигались новые, грозные, трагические. С приходом иуды Горбачёва начал сперва поскрипывать и потрескивать, а потом, ускоряясь, стал рушиться, распадаться могучий дредноут Советской Империи.

... А Льву Лондону суждена была до-о-лгая жизнь! В марте 2005 года он отметил аж 95-ю годовщину своего бытования на земле. Прожил дольше Л. Леонова и С. Михалкова!

“А не позвонить ли Льву?” – как-то посетила меня мысль. Вообще-то ужас как боязно звонить старикам после столь долгого перерыва... Но всё-таки пересилил себя, набрал “лондонский” телефонный номер. В трубке прозвучал чужой нетерпеливый голос: “Какой Лондон? Ты что, мужик, охренел? Это Москва!”

... Вновь проплыли передо мной в густом тумане ушедших лет улыбочные девчата из “Моспроекта-3”... Виталий Фрактер, бывший начальник “Главзарубежстроя”, закадычный друг Лондона и тонкий ценитель русской поэзии. Но я не забыл, что её вершиной он считал-таки Мандельштама... Анатолий Таяновский из “Мосстроя”... Остальные из “лондонской команды” забылись, прошли сквозь текст, как бесплотные тени. Но, наверное, у всех, кто ещё живёт на земле, сохранились “гостинцы” от “Современника” начала 80-х годов. Тогда они были неотъемлемым признаком интеллигентности. А сейчас... читает ли их кто-нибудь из детей и внуков?... Грустный вопрос со столь же горьким ответом. Уходит (не дай-то Бог, навсегда!) эпоха подлинных духовных радостей. Техники, изощрённой, услужливой – всё больше. Всё меньше и меньше – восторга и трепета “пред созданными искусствам и вдохновенья”... (А. С. Пушкин)

ГРИГОРИЙ КАЛЮЖНЫЙ

## ЗАВЕЩАНИЕ ЛОМОНОСОВА

*“Незнание — это небытие”.*

Платон

Изучение личности и деятельности М. В. Ломоносова (19.11.1711–04.04.1765) как явления отечественного и мирового масштаба ввиду своей неисчерпаемости никогда не завершится. И тем не менее весьма скромные успехи ломоносоведения можно назвать удивительными – в том смысле, что состоялись они прежде всего благодаря филологически образованным исследователям, хотя деятельность Ломоносова в более чем немалой степени была связана с естествознанием. И среди таких исследователей особое, если не сказать первостепенное, место принадлежит выдающемуся историку, философу и писателю Константину Сергеевичу Аксакову (1817–1860), автору глубокого фундаментального исследования “Ломоносов в истории русской литературы и русского языка” (1846). В нем, по сути, впервые были сформулированы и обоснованы едва ли не все духовно значимые темы ломоносоведения, которые впоследствии так или иначе развивались его последователями. В этом труде Ломоносов весьма объемно представлен как мыслитель и поэт “пробуждения в языке национального общего”. Кроме того, он раскрывается в нем как созидательный реформатор русской словесности, а также сравнивается с фигурой Петра Великого (1672–1725).

Как и следовало ожидать, особенно в XIX в. о Ломоносове вышло огромное количество публикаций, за которыми, однако же, как сообщает в предисловии к сборнику “Михаил Васильевич Ломоносов” (М., 2004), изданному в серии “Русский мир в лицах” Е. В. Баранникова, трудно разглядеть его подлинное лицо. Чем же вызвано столь неутешительное положение? В своем очерке, написанном для “Русского биографического словаря” (СПб., 1914), историк химии Борис Николаевич Меншуткин (1874–1938) писал: “В настоящее время многое, казавшееся ранее неясным в жизни Ломоносова, получает новое освещение благодаря документам, опубликованным в связи с празднованием двухсотлетия со дня его рождения; вместе с извлеченным из архива Академии наук материалом теперь является возможность дать более полный и, главное, более точный биографический очерк Ломоносова, основанный на документальных данных, а не анекдотах современников, точно так же ныне, — когда разысканы и разобраны научные рукописи Ломоносова, сохранившиеся в архивах Академии, и напечатаны в выходящем академическом издании сочинений Ломоносова (представляющем первое, действительно полное собрание всего написанного им)”.

Из приведенной цитаты следует, что российская научная и литературная общественность, по сути дела, вплоть до 1911 г. не располагала достаточными сведениями о жизни и деятельности Ломоносова. Возможно, этим и объясняются великие затруднения в выявлении его подлинного лица потомками, включая и А. С. Пушкина, высказывания которого о нем как о поэте, особенно первоначальные, не отличаются основательностью. Так, в письме Петру Андреевичу Вяземскому (1792–1878) 7 июня 1824 г., отвергая всякую возможность покровительства со стороны генерал-губернатора Новороссии Михаила Семеновича Воронцова (1782–1856), поэт писал: “Никто из нас не захочет великодушного покровительства просвещенного вельможи, это обветшало вместе с Ломоносовым. Нынешняя наша словесность есть и должна быть благородно-независимой. Мы одни должны взяться за дело и соединиться”. Владевшая Пушкиным едва ли не всю его жизнь потребность независимости каким-то образом сочеталась в нем с неиссякаемым стремлением к созвучному ему содружеству, которое само по себе является олицетворением вездесущего закона взаимозависимости. Даже в конце жизни, как бы находясь в тисках вековой усталости, он писал:

*Иная, лучшая, потребна мне свобода:  
Зависеть от царя, зависеть от народа —  
Не всё ли нам равно? Бог с ними.*

*Никому*

*Отчета не давать, себе лишь самому  
Служить и угождать; для власти, для ливреи  
Не гнуть ни совести, ни помыслов, ни шеи...*

(Из Пиндемонти, 1836)

Но Ломоносов как раз никогда не поступался перед властью имущими ни совестью, ни тем более своими помыслами. Если он и пользовался покровительством ставшего в 18 лет президентом Академии наук графа Кирилла Григорьевича Разумовского (1728–1803), а также фаворита императрицы Елизаветы Петровны (1709–1761/1762) графа Ивана Ивановича Шувалова (1727–1797), то, как показало время, с величайшей пользой для своего Отечества. К слову, эти два покровителя, по сути, были его учениками. Так, последний обучался у Ломоносова стихосложению и риторике. Может быть, именно в этот период, говоря словами поэта Константина Николаевича Батюшкова (1787–1855), “вельможа и поэт угадали друг друга”. Во всяком случае, их отношения порою были неоднозначными и тем не менее настолько дружественными, что они обменивались своими планами, причем Шувалов часто требовал от Ломоносова мнений и советов по важным государственным вопросам. В результате родилась идея создания Московского университета, практическое осуществление которой целиком легло на плечи И. И. Шувалова, ставшего куратором университета после его открытия в январе 1755 г. Им же в 1758 г. была открыта и Академия художеств. Вот и получается, что блистательный царедворец был не столько покровителем Ломоносова, сколько его соратником и, можно даже сказать, последователем на педагогическом поприще. Так, он воспитывал на образцах ломоносовской поэзии своего двоюродного племянника, графа Андрея Петровича Шувалова (1744–1789), впоследствии сочинившего на французском языке “Послание к Нинон” (“Épître a Ninon l’Enclos”), в котором воспевались знаменитая французская куртизанка и писательница Нинон Ланкло (1616–1706) и “наследник” ее вольнолюбивая Вольтер (1694–1778). Это “Послание...” вызвало такой восторг во Франции, что его сочинение, несмотря на публикацию с фамилией истинного автора, тут же было приписано Вольтеру, и тому пришлось неоднократно это отрицать. В очередном разъяснении он писал: “Я восхищаюсь этим “Посланием”; я вновь возражаю тем, кто осмелится утверждать, будто я имею к нему хоть какое-то отношение. Эта неслыханная честь, какую русские оказывают нашему языку, должна убедить нас в том, с какой силой они пишут на своем, и заставить нас краснеть за наши бесцветные писания, мерзостями и вздором коих мы наводнили этот век...” Впервые это разъяснение, включая и полный текст “Послания”, было опубликовано в русском переводе совсем недавно (см.: Россия и Запад. М.: ИМЛИ РАН, 2008. С. 580–585. Перевод с фр. Л. В. Гладковой). Вольтер полагал, что “Послание” А. П. Шувалова “навсегда останется одним

из драгоценнейших памятников французской литературы”. Как видим, благотворное влияние Ломоносова на своих соотечественников выразалось и в таком совершенно неожиданном виде. К сожалению, эта тема, по крайней мере, на общедоступном уровне, освещена недостаточно. А влияние это было огромным и, как в случае с Пушкиным, далеко не простым. Уже через год скептическое отношение поэта к Ломоносову претерпело качественное изменение. В его письме (май-июнь 1825 г.) к Александру Александровичу Бестужеву (1797–1837) читаем: “Уважаю в нем (в Ломоносове. – Г. К.) великого человека, но, конечно, не великого поэта. Он понял истинный источник русского языка и красоты оного: вот его главная услуга”. В августе того же 1825 г. в статье “О предисловии г-на Лемонте...” Пушкин, закрепив за Ломоносовым статус стихотворца, назвал его первым нашим лириком “пламенных порывов чувства и воображения”, у которого слог “ровный, цветущий и живописный”, поскольку “заемлет главное достоинство от глубокого знания книжного славянского языка и от счастливого слияния оного с языком простонародным”. С этого времени отношение Пушкина к Ломоносову принято считать установившимся. Однако в его статье “Путешествие из Москвы в Петербург” (1833–1835) читаем буквально следующее: “В Ломоносове нет ни чувства, ни воображения. Оды его... утомительны и надуты. Его влияние на словесность было вредным и до сих пор в ней отзывается. Высокопарность, изысканность, отвращение от простоты и точности, отсутствие всякой народности и оригинальности – вот следы, оставленные Ломоносовым”.

Самое удивительное то, что едва ли не все пункты этого высказывания с легкостью опровергаются. Чтобы убедиться в этом, приведем лишь одну строфу из оды “Вечернее размышление о Божием величестве...” Ломоносова:

*Лице свое скрывает день;  
Поля покрыла мрачна ночь;  
Взошла на горы черна тень;  
Лучи от нас склонились прочь;  
Открылась бездна звезд полна;  
Звездам числа нет, бездне дна.*  
(1743)

Как видим, ломоносовское воображение, соединенное с благоговейным впечатлением от созерцания открывшейся взору вселенной, нисколько не уступает силе и живости воображения Пушкина и даже в чем-то его превосходит. И это не исключение. Вот еще пример из другой ломоносовской оды:

*О Боже, что есть человек?  
Что Ты ему Себя являешь,  
И так его Ты почитаешь,  
Которого столь краток век.*

*Он утро, вечер, ночь и день  
Во тщетных помыслах проводит;  
И так вся жизнь его проходит,  
Подобно как пустая тень.*  
(1743)

Здесь опять та же живая ломоносовская выразительность неизменно торжествует. Единственное, в чем Пушкин мог бы по-настоящему упрекнуть Ломоносова, так это в полной его неспособности к поэтическому вымыслу, над которым можно было бы облиться слезами. И правда, с детства включенный в суровую действительность, Ломоносов не тяготел к вымыслу и, кажется, был ему совершенно чужд, да и поводов для слез и без него всегда хватало. В той же оде читаем:

*Меня объял чужой народ,  
В пучине я погряз глубокой,  
Ты с тверди длань простри высокой,  
Спаси меня от многих вод.*

Казалось бы, после столь нелицеприятного мнения, высказанного в “Путешествии...”, у Пушкина ничего общего с Ломоносовым быть не могло. Но парадокс как раз и заключается в том, что не существовало на земле поэта, с которым творчество Пушкина было бы более плодотворно связано, нежели с ним.

Еще К. С. Аксаков в своем исследовании неоднократно указывал на то, что у Пушкина мы видим стих Ломоносова. Эту же тему, уже более основательно, затронул литературовед Григорий Александрович Гуковский (1902–1950) в своем труде “Пушкин и проблемы реалистического стиля”. В нем он привел мнение поэта и писателя Николая Александровича Энгельгардта (1867–1942), который, имея в виду прежде всего “Полтаву”, сблизил ее “самый строй стихов, лад, дух и гармонию” с поэтической манерой ломоносовской лиры. Гуковский уже прямо поставил вопрос о наличии ломоносовской традиции в творчестве Пушкина. К сожалению, едва ли не все последующие биографы Ломоносова отнесли к его доводам без должного внимания. И среди них литературовед, фольклорист и переводчик Александр Антонович Морозов (1906–1992), заслуженно получивший за свою первую в истории литературы самую полную биографию “Михаил Васильевич Ломоносов” (ЖЗЛ, 1950) Сталинскую премию. В 1955 г. книга вышла в той же серии повторным изданием с фантастическим для нашего времени 90-тысячным тиражом. В этой книге Ломоносов обрисован с документальной точностью, согласно иерархии его заслуг. В их числе – создание одической поэзии, не имеющей “подобий на Западе”. Поскольку Пушкин называл оды Ломоносова “должностными”, весьма предусмотрительный Морозов сначала указал на их поучительный смысл, а затем уже, будто бы возражая не столько Пушкину, сколько самому себе, резюмировал, что “нельзя рассматривать оды Ломоносова как своеобразные поучения царям”, ибо “Ломоносов, по самому глубокому смыслу своих од, славит в них вовсе не царей, а Российскую державу, свою прекрасную Родину. За бледными фигурами “безликих” самодержцев встает единственная Героиня одической поэзии Ломоносова, великая и необъятная, “небу равная Россия”. На этом замечательном месте авторская полемика с Пушкиным обрывается. Правда, далее Морозов, может быть, как раз в ее продолжение ссылается на критика Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848), назвавшего Ломоносова “Петром Великим русской литературы” (1846), а также приводит выражение историка и политического деятеля Георгия Валентиновича Плеханова (1856–1918) о космическом дыхании поэзии Ломоносова.

В 1990 г. в серии “ЖЗЛ” увидела свет книга “Ломоносов”, написанная известным литературоведом Евгением Николаевичем Лебедевым (1941–1997). В ней, хотя и лаконично, зато панорамно, обозначена тема глубокого влияния ломоносовской традиции не только на Пушкина, но едва ли не на всю русскую литературу XIX века, включая Е. А. Боратынского, Ф. И. Тютчева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Несколько лет назад эта книга в окончательном варианте была переиздана как “лучшая на сегодняшний день биография М. В. Ломоносова” (М.: ОГИ, 2008). Скорее всего, она еще долго будет оставаться таковой, поскольку ее автор сумел передать в ней сам дух Ломоносова. Во всяком случае, до него это никому не удавалось. Да и после пока не удастся.

Великому русскому драматургу Александру Николаевичу Островскому (1823–1886) принадлежит мысль о том, что через Пушкина умнеет всё, что может поумнеть. Но в данном случае мы имеем довольно веские доказательства того, что сам Пушкин как бы окончательно прозрел и возвысился до статуса государственного мужа, подхватив и продолжив в своем творчестве ломоносовскую тему Петра Великого, о чем красноречиво свидетельствуют его “Стансы” (“В надежде славы и добра...”), “Полтава”, “Медный всадник” и др. Он даже намеревался написать историю Петра и в своем знаменитом письме Петру Яковлевичу Чаадаеву от 19 октября 1836 г. именовал его “целой всемирной историей”. Эта оценка российского венценосца является развитием мысли Ломоносова о всемирном явлении оего кумира, высказанной им еще в “Похвальной надписи к статуе Петра” (1746–1747). Приведем ее здесь, поскольку в ней содержится, по сути, все, что было сказано впоследствии о Петре Великом в русской литературе.

*Се образ изваян премудрого Героя,  
Что, ради подданных лишив себя покоя,  
Последний принял чин и царствуя служил,  
Свои законы сам примером утвердил,  
Рожденны к скипетру, простер в работу руки,  
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.  
Когда он строил град, сносил труды в войнах,  
В землях далеких был и странствовал в морях,  
Художников сбирал и обучал солдатом,  
Домашних побеждал и внешних сопостатов;  
И, словом, се есть Петр, отечества отец;  
Земное божество Россия почитает,  
И столько олтарей пред зраком сим пылает,  
Коль много есть ему обязанных сердец.*

В героической поэме “Петр Великий” есть такие строки: “Да на Его пример и на дела велики / Смотря весь смертных род, смотря земны Владыки / Познают, что Монарх и что отец прямой, / Строитель, плаватель, в полях, в морях Герой”.

В пушкинских “Стансах” (1826) читаем: “То академик, то герой, / То мореплаватель, то плотник, / Он всеобъемлющей душой / На троне вечный был работник”. Первородная связь этих строк с ломоносовскими очевидна. Поэма “Петр Великий”, судя по всему, всю жизнь привлекала Пушкина своею мощью чуть ли не библейского откровения. Одновременно с этим он относился к ней неизменно критически. Благодаря этому мы можем поэтапно отследить хронологическую степень ее влияния на пушкинское творчество. К примеру, у Ломоносова: “Достигло дневное до полночи светило; / Но в глубине лица горящего не скрыло”. Пушкин в 1820 году (!) пишет: “Погасло дневное светило; / На море синее вечерний пал туман”. То же самое можно сказать и о многих других произведениях Пушкина: многократное эхо ломоносовских глаголов и образов в пушкинской поэзии отнюдь не редкость.

Писатель Рудольф Константинович Баландин в своей книге “Ломоносов” (М.: Вече, 2011) приводит строки из 5-й главы “Евгения Онегина”: “Но вот багряною рукою / Заря от утренних долин / Выводит с солнцем за собою / Веселый праздник именин”, которые почти дословно совпадают со строками поэтического обращения Ломоносова к императрице Елизавете Петровне: “Заря багряною рукою / От утренних спокойных вод / Выводит с солнцем за собою / Твоей державы новый год”.

Конечно, в разные времена гениальные поэты, в том числе и Ломоносов, в той или иной мере обладали способностью брать из чужих творений свое, не нанося этим творениям и их авторам, по сути, никакого ущерба. Но у Пушкина эта способность, как правило, носила фатальный характер для его творческих кредиторов, ибо, беря у них строки или даже строфы, он как бы превращал их в своих эпигонов. Так, выражение “гений чистой красоты” Пушкин позаимствовал из стихотворения Василия Андреевича Жуковского (1783–1852) “Лалла рук” (1821) для своего послания “К А. П. Керн” (1825), и с тех пор оно прочно закрепилось в народе как пушкинское. Между тем и весьма сведущие в поэтическом творчестве современники Жуковского давали его стихотворению высочайшие оценки. Значительный поэт, незаурядный мыслитель и критик Петр Андреевич Вяземский (1792–1878), в частности, писал о нем: “Это не живопись и не поэзия, а что-то выше самой поэзии... это не картина, а видение...”

После этого неудивительно, что вольная или невольная тяга Пушкина к заимствованиям приводила его пиитическое окружение в священный трепет, а порою и в отчаяние. Поэт Павел Александрович Катенин (1792–1853) не без горькой иронии предлагал как можно скорее упрятать Пушкина в “желтый дом”, иначе он пустит своих собратьев по миру. Это была, конечно же, шутка, однако небеспочвенная.

Так вот, Пушкину не удалось пересилить или хотя бы нейтрализовать ломоносовскую традицию в своих творениях, несмотря на их несомненное гармоническое совершенство. К примеру, в “Медном всаднике” он неизменно шел в ее русле, хотя бы и в описаниях природных и небесных явлений, кста-

ти, отличающихся у Ломоносова не только образной, но и научной точностью. Словом, все говорит о том, что Пушкин сознавал поэтическое значение Ломоносова, он занимал его необычайно – ничуть не меньше, чем Петр Великий, образ которого так до конца и не дался Александру Сергеевичу во всем его объеме, о чем он сетовал: “Он слишком огромен для нас, близоруких – надо отодвинуться на два века”. Но ведь и Ломоносов, без которого петровская Россия могла бы во многом не состояться, оказался для него непосильным. Это видно из его высказывания, давно уже ставшего хрестоматийным: “Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстью сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, химик, минералог, художник и стихотворец – он всё испытал и всё проник”.

Как видим, Пушкин, в конечном счете, отказал Ломоносову только в одном – в том, что он не поэт, а всего лишь стихотворец. Скорее всего, причиной такой, несомненно, несправедливой постановки вопроса было пушкинское убеждение, согласно которому “поэзия бывает исключительною страстию немногих, родившихся поэтами”. То есть только тех, кто появился на свет в одной-единственной ипостаси – священной жертвы Аполлона. А Ломоносов выступал во множестве разнородных ипостасей, и потому он не поэт, а только стихотворец. Однако обратимся к общеизвестному со школьной скамьи стихотворению Ломоносова, по сути являющемуся его наставлением-завещанием потомкам:

*Науки юношей питают,  
Отраду старым подают,  
В счастливой жизни украшают,  
В несчастной случай берегут;  
В домашних трудностях утеха  
И в дальних странствах не помеха.  
Науки пользуют везде:  
Среди народов и в пустыне,  
В градском шуму и на едине,  
В покое сладки и в труде.*

*О вы, которых ожидает  
Отечество от недр своих,  
И видеть таковых желает,  
Каких зовет от стран чужих,  
О, ваши дни благословенны!  
Дерзайте, ныне ободренны,  
Раченьем вашим показать,  
Что может собственных Платонов  
И быстрых разумом Невтонов  
Российская земля рождать.*

Стоит лишь спокойно вникнуть в незамысловатые строки этого стихотворения, вычлененного из посвященной императрице Елизавете Петровне оды, и на тебя пахнет не вымыслом, над которым хочется облиться слезами, а духом общечеловеческого долга перед Богом и Отечеством, перед прошедшими и будущими поколениями. Если вдуматься в прочитанное и сопоставить его с высочайшими образцами отечественной и мировой поэзии, то невольно приходишь к осознанию того, что равного этому стихотворению ничего нет. Почему нет? Да потому, что из него вышел пушкинский Лицей, все наши гимназии, университеты, самообразование и, наконец, сам Гоголь вместе с его “Шинелью” вышел. Более того, из этого стихотворения вышла вся Россия, преодолевшая революционную смуту, победившая фашизм и ставшая первой в мире космической державой!

Казалось бы, год 300-летия со дня рождения Ломоносова, как минимум, должен быть ознаменован его именем, однако ничего подобного и в помине нет. Зато нам регулярно показывают по телевидению в программе “Академия” портрет Эйнштейна, а в промежутках крупным планом подают самоупоенную физиономию Баскова, словно не сегодня-завтра нам предстоит выбирать его

в президенты. Помнится, 22 сентября 2006 г. в то время действующий президент РФ Владимир Владимирович Путин подписал Указ № 1022 “О праздновании 300-летия со дня рождения М. В. Ломоносова в 2011 году”. Тогда же в СМИ промелькнула информация о том, что на выполнение этого указа только Архангельской области будет выделено 8 миллиардов рублей. Конечно, пребывать в эйфории по этому поводу могли только весьма и весьма наивные люди. И все-таки хотелось верить, что к означенному трижды круглому юбилею будет переиздано хотя бы 11-томное Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова, начатое еще при Сталине в 1950 г. и ставшее вскорости после его издания библиографической редкостью. Но, увы, текущий год, как ни крути, уже на излете, “а Германа всё нет”. Правда, московский Институт русской цивилизации все же успел издать избранные труды Ломоносова под общим названием “О сохранении русского народа”. Будем утешаться также замечательным предисловием к ним безымянного автора. Порадовало нас и московское издательство “Голос-Пресс”, выпустившее буквально накануне юбилея довольно основательную книгу “Михаил Ломоносов”, содержащую серьезные работы о юбиляре. И среди них хотелось бы особенно выделить обширную статью выдающегося ученого и публициста, академика РАН Михаила Яковлевича Лемешева “Гений русского духа навсегда”. В ней дан глубокий анализ деятельности Ломоносова, бывшего основоположником системного подхода в исследовании природы и общества, варварски прерванного псевдореформаторами в наше время. В ней также показано, что оные являются прямыми врагами замыслам Ломоносова и Петра Великого, сделавших науку и другие отрасли российского хозяйства государственным делом. К этому нужно прибавить, что эти псевдореформаторы являются также противниками и величайших умов античности – таких, как Платон и Аристотель, считавших сильное, стабильное государство важнейшим и ничем не заменимым условием созидательного развития любого народа. Аристотель в своем труде “Политика” писал следующее: “Поскольку всякое государство представляет собой своего рода общение, всякое же общение организуется ради какого-либо блага, то, очевидно, все общения стремятся к тому или иному благу, причем больше других, и к высшему из всех благ стремятся то общение, которое является наиболее важным из всех и обнимает собой все остальные общения. Это общение и называется государством или общением политическим”. Согласно Платону, в условиях демократии государство всегда прозрачно, ибо при ней не хватает управления, а общечеловеческие ценности и правосудие главным образом имитируются, поэтому преступники разного рода ведут себя при ней как полубоги, и т. д. (см.: “Государство”).

Наши же, якобы демократические, реформы вот уже более 20 лет направлены на максимальное сокращение роли государства даже в сфере экономики. Само же государство замещается интересами бизнеса, который якобы сам всё и регулирует. Петр I, по словам Александра Ивановича Герцена (1812–1870), бросил вызов России, и она через 100 лет ответила ему Пушкиным. Уточним, она еще прежде ответила ему Ломоносовым, оказавшим глубочайшее влияние буквально на все сферы деятельности российской державы. Нынешние псевдореформаторы тоже бросили ей вызов, и она незамедлительно ответила им бандитами, мародерами, проститутками, беспризорниками, безработицей, развалом экономики, науки, образования и т. д.

Так что же каждому из нас теперь делать? Говоря словами Александра Васильевича Суворова (1729–1800): “Выбери себе героя (желательно Ломоносова. – Г. К.), подражай ему, следуй за ним, обгони его. Слава тебе!”

ОЛЕГ ПЕРЕВЕРЗЕВ, СЕРГЕЙ СУББОТИН

## НА ГОЛОЙ ГРАНИ БЫТИЯ

*К 130-летию со дня рождения Евгения Яшнова — поэта, путешественника, учёного*

Имя Евгения Евгеньевича Яшнова\* (1881–1943) до начала 1990-х годов пребывало в его родной России в полном забвении — не в последнюю очередь потому, что в 1920-е годы он оказался в эмиграции и окончил свои земные дни в Шанхае. Первую публикацию его стихов на родине осуществил в Хабаровске писатель Лев Князев (журнал “Дальний Восток”, 1991, № 11). Затем в московском научном журнале “Проблемы Дальнего Востока” вышли статьи Елены Таскиной “Дороги жизни Е. Е. Яшнова” (1993, № 4) и Амира Хисамудинова “Е. Е. Яшнов — учёный и поэт” (2002, № 4)\*\*, впервые раскрывшие перед российским читателем некоторые страницы его биографии. И, наконец, 27 стихотворений Яшнова, сопровождаемые краткой биографической справкой об авторе, были включены в антологию “Русская поэзия Китая” (М., 2001, составители В. Крейд и О. Бакич). Большей частью они были взяты из единственного поэтического сборника Яшнова “Стихи” (1947), составленного и изданного в Шанхае его вдовой.

Причина, почему первые посвящённые Яшнову статьи появились не на страницах какого-либо литературно-художественного издания, а в журнале, в целом от литературы далёком, кроется вот в чём. По профессии он был экономистом-статистиком, учёным, двадцать лет жизни отдавшим интенсивному изучению экономики Китая. Его статьи и книги получили заметную известность и признание в научных кругах. Одна из них — монография “Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии” (Харбин, 1926) — вскоре была переведена на китайский и японский языки. Значение экономико-статистических исследований Яшнова и сейчас трудно переоценить, о чем красноречиво свидетельствует название статьи одного из современных историков науки, опубликованной на китайском языке. По-русски оно звучит так: “Е. Е. Яшнов — великий русский исследователь Маньчжурии и Китая, эмигрант, живший в Харбине”.

Между тем известность Яшнова-учёного, без сомнения, контрастирует с безвестностью Яшнова-литератора. Некоторые материалы к его литературной биографии обнародовал в своей статье А. А. Хисамудинов, в чьём распоряжении находится ныне часть яшновского архива, в том числе его стихи

\* Подчёркнём, что свою фамилию он произносил с ударением на первом слоге.

\*\* Ниже при отсылках к этому источнику указываются (непосредственно в тексте) фамилия автора и страницы статьи.

и кое-что из переписки. Большинство этих материалов, однако, относится к эмигрантскому периоду жизни Яшнова. О том, как он жил и чем занимался в дореволюционной России, до сих пор было известно лишь по автобиографическим сведениям, процитированным вдовой учёного в предисловии к его стихотворному сборнику\*. Они были широко использованы всеми писавшими о Яшнове.

В результате целенаправленного поиска, проведенного нами в московских архивах, удалось выявить полицейские дела, заведенные в начале 1900-х годов на юного Яшнова, его письма 1904–1916 годов, проливающие свет и на становление его личности, и на обстоятельства первой половины его жизни, ранее совершенно не известные, и автографы многих его стихов. Это позволяет рассказать теперь о жизни и творчестве Яшнова значительно подробнее.

Тем не менее, начнём мы с материала, о котором уже шла речь. Отвечая на вопросы анкеты историка русского востоковедения М. Ф. Достоевского, Яшнов писал (16 июня 1928 г.):

“Родился в 1881 г. 28 ноября на Норской мануфактуре в 12 верстах от Ярославля. Отец, Евгений Григорьевич Яшнов, по происхождению крестьянин Нижегородской губернии, Княгининского уезда, село Большое Мурашкино. С юности он был отдан на службу и специализировался на покупке льна для льнопрядильных фабрик; в этой роли он служил на Норской мануфактуре, где и умер в конце 1885 года (34 лет), когда мне было 4 года. Мать – из ярославских мещан; оставшись после смерти отца со мной – единственным ребенком, она проявила удивительную энергию и самопожертвование; одно время работала простой работницей на фабрике, зарабатывая 12–15 рублей в месяц, и ухитрилась обучить меня не только в начальной школе, но и в городском училище (Ярославль)”.

Яшнов не касается здесь бытовой стороны своей жизни в родительском доме. Об этом мы узнаём теперь из другого источника – рассказа одного из ближайших друзей его юности В. А. Смирнова: “Мать – старообрядка – будила каждую ночь мальчика и заставляла вместе с собой молиться об упокоении души отца, простаивая на молитве на коленях 1–2 часа, причем, когда сын дремал, била его ластовкой” (Российский государственный архив литературы и искусства; ниже – РГАЛИ). В четырнадцать лет мальчик даже бежал из дома и какое-то время бродяжничал, занимаясь тяжелым физическим трудом.

И всё же в 1898 г. Яшнову удаётся окончить городское училище. О его тогдашних взглядах неожиданно обнаружилось сведения в одном из полицейских документов – “Политическом обзоре по Ярославской губернии 1900 г.”. Там, с опорой на показания бывших соучеников Яшнова, подчёркивалось, что тот “всегда вступал с ними в споры о религии и научно им доказывал противоречия Священного Писания с научными данными, и хотя они не могли с ним согласиться в том, что Бога нет, но что уверения Яшнова были очень доказательны, за что они Яшнова уважали как умного и начитанного человека” (Государственный архив Российской Федерации; ниже – ГАРФ).

В 1928 г. Яшнов укажет: “Продолжению школьного обучения помешал недостаток средств...”. И в самом деле, систематического образования он в дальнейшем так и не получит. Всё, чего он достигнет в своей последующей литературной и профессиональной деятельности, произойдёт исключительно благодаря неустанному самообразованию...

Не будет преувеличением сказать, что свое призвание литератора Яшнов осознаёт уже в ранней юности. В 18 лет он дебютирует в печати, причём не как поэт (что обычно бывало в его возрасте с большинством пишущих), но как прозаик – рассказом “В поезде” в ярославской газете “Северный край” (25 декабря 1899 г.), где в то время он служит корректором.

Примерно в те же дни Яшнов, заподозренный “в принадлежности к партии, распространявшей преступные идеи” (ГАРФ), попадает в первую из своих (говоря его собственными словами) “юношеских политических передряг”, подвергнувшись двухнедельному аресту.

Повторно его арестовывают в начале февраля 1902 г. “по делу о преступном кружке, образовавшемся среди рабочих Ярославской Большой мануфактуры” (ГАРФ), а через два месяца отправляют в Самару под особый надзор

\* [Яшнова Л. Г.] Е. Е. Яшнов (1881–1943) // Яшнов Е. Е. Стихи. [Шанхай], 1947. С. V–XI. Ниже цитируется без отсылок.

полицейской. За короткий срок пребывания в этом городе Яшнову удаётся напечатать (в «Самарской газете») несколько своих рассказов. В середине июня 1902 г. он оказывается в Вологде, о чём кратко упомянет в 1928 г.: «Статистическая работа началась во время вологодской ссылки: счётчиком в Оценочном Бюро местного губернского земства».

В конце марта 1903 г. с разрешения полиции Яшнов возвращается в Ярославль, а 26 октября того же года в третий раз, говоря полицейским языком, «привлекается к дознанию». Основанием ареста «послужил обыск, при котором были найдены две брошюры под названием «Милитаризм и рабочий класс» и «Программа Российской социал-демократической рабочей партии», а также сведения о принадлежности его к тайному преступному сообществу» (ГАРФ). Однако трехмесячное следствие по обвинению Яшнова ни к чему не привело, его выпускают из тюрьмы и вновь отдают под особый надзор полиции в Вологде, куда он приезжает 9 февраля 1904 г.

Тем не менее, Яшнов продолжает сотрудничество в ярославском «Северном крае». Его рассказы и статьи продолжают появляться на страницах газеты. В середине августа 1904 г. он переезжает в Самару. Именно со страниц самарских газет 1905 г., наряду с журналистикой и прозой Яшнова, начинает приходить к читателю и его поэзия (выявить более ранние публикации его стихов пока не удалось).

Впрочем, состоя в то время членом редакций «Самарской газеты» и «Самарского курьера», Яшнов преимущественно занимается вовсе не тем, к чему ощущает призвание: «... за последнее время <не писал> и совсем ничего. Много приходилось работать на газету, — сообщит он В. А. Смирнову перед отъездом из города, имея в виду «Самарский курьер». — Я вёл провинциальный, обласной и земельный отделы. Вся эта ерунда туманила душу» (РГАЛИ\*).

К лету 1905 г. с Яшнова снимается полицейский надзор, и он получает возможность свободного выбора места жительства. Оказавшись в Петербурге, он в конце октября напишет оттуда В. А. Смирнову: «Постоянной работы пока нет. В «Н. Жизни» взяли кое-что».

Речь идёт о первом легальном большевистском еженедельнике «Новая жизнь».

В начале 1907 г. начинается переписка Яшнова с двоюродной сестрой Е. В. Приваловой (в замужестве Смирновой; 1887–1923), продолжавшаяся по 1916 г. Ныне эти письма являются главным источником сведений о его жизни и литературном творчестве того времени.

В письмах Яшнова к сестре из Европы (где он через месяц оказывается, по свидетельству вдовы, «в качестве корреспондента от какой-то газеты») есть путевые зарисовки, которые, думается, сделали бы честь беллетристу самой высокой пробы:

«В Вене на трамвае за кое-как разговорился с кондуктором. Ехали мы мимо самых красивых зданий: Гофбурга, музеев, оперы, университета, рейхстага, ратуши, Votivkirche\*... Я как-то невольно воскликнул; может ли быть что прекраснее? — О, — ответил кондуктор, невзрачный немчура, — мир еще лучше! — и указал рукой на горизонты. Самый глубокомысленный философ не мог бы сказать ничего более красивого и верного. <...> А вечные замолкшие горы, кажется, думают о чём-то совсем другом, непохожем на наши суслымысли. И ты понемногу проникаешься доверчивым спокойствием, и когда блуждаешь по тропинке среди снегов, то как будто несёшь в душе полную чашу раздумья. Только не расплещи её, сбереги её для будущего, когда снова подхватит тебя зябкий ветер злоб дневных...» (4 февраля 1907 г.);

«С неделю назад был я на Лаго Маджорэ — в Паланце. Тёплое милое солнце грело зелёные кипарисы и мирты. Подошел к пристани пароход, оставив после себя изумрудный след. Я спросил себе билет на Изола-Белла и обратно. Это один из красивейших, если не самый красивый, из островов мира. Там застал я похороны какого-то местного жителя. Вошёл в церковь. Мне дали длинную — в аршин — свечу, и я подпевал грустно-красивым напевам. И казалось, что это не лысый патер и не похороны, а грустная, задумчивая песенка всё того же Пана — волосатого, весёлого, думающего, везде-

\* Ниже все письма Яшнова, хранящиеся в РГАЛИ, будут цитироваться без указания источника текста.

\*\* Католическая церковь в Вене рядом с университетом.

сущего. — А потом в Базеле, в музее, видел картину Бёклина. Он, этот Пан, играет на свирели в лесу. Так это всё было одно к одному” (5 марта 1907 г.).

А рядом с этим — неустанные размышления о своём месте в мире:

“Испытывали Вы когда-нибудь ощущение счастья? Знаете, к<a>к это хорошо, тепло, глубоко и красиво? Вот в этом-то я и вижу смысл жизни. Для того я и живу, чтоб наполнить такими минутами те немногие годы, которые уделены нам. Каждый разными путями достигает счастья. Я пока — искусством, дружбой, природой, порой даже вином. А со временем придется, вероятно, прибегнуть к более сильному средству...”.

Из следующих писем мы узнаём о книгах, содержание которых не только производит на Яшнова очень сильное впечатление, но на многие годы становится для него неким мировоззренческим ориентиром. И первой в ряду этих книг, безусловно, следует назвать трактат Ф. Ницше “Так говорил Заратустра”. Переключки установок философа с размышлениями молодого человека очевидны:

“О, люди поработали-таки над опошлением жизни и испакоостили её. Но ведь это лишь общественную жизнь испортили они, а стихийная жизнь — с природой, искусством, любовью осталась ещё почти нетронутой. А в человеке, по-моему, гораздо больше стихийности, чем общечеловечности. Поэтому для него гораздо больше возможности счастья, чем страдания. Надо лишь научиться счастью, создать в себе достаточно многогранную и прочную душу, чтоб воспринимать улыбки счастья отовсюду. И затем надо сделаться абсолютно свободным, не признавать никаких нравственных норм и условностей. И выработать в себе артиста жизни, выработать вкус к красоте и уметь видеть ее там, где толпа с мычаньем проходит мимо.

О, эта толпа! Насколько много возможностей в будущем для человека, настолько мало их для людей. Вечно масса останется жвачным стадом, столетиями пережёвывающим зёрна, брошенные одиночками. Пятидесятое поколение Достоевского сгниёт в земле, а толпа всё ещё не будет понимать его. Вздымая удушливую пыль, бестолково бредёт это стадо по дорогам истории и времени, отупело толчётся на одном месте целыми столетиями. — Нет, не этому кумиру будем поклоняться мы!” (10 марта 1907 г.).

И всё же “артиста жизни” в ницшеанском смысле из Яшнова не получилось: слишком велико в нём было стремление к перемене мест. Последующие многолетние странствия (которые, стоит заметить, приводили его к необходимости общаться с огромным множеством самых разных людей, тем самым неизбежно выделяя их из “человеческого стада”) не то чтобы вовсе подавили в нём интенции “сверхчеловека”, но приучили гораздо терпимее относиться к людям.

Вскоре, распроставшись с работой столичного журналиста, Яшнов круто меняет жизнь, выехав в начале августа 1907 г. в Ташкент. Вот что он напишет оттуда В. А. Смирнову:

“Итак, Вася, привет тебе из Азии. Город очень занятный, не похожий ни на что. Весь журчит: это арыки текут. <...> Здесь всё в зелени; акации и пирамидальные тополя; словно кукушки, воркуют горлинки, стрекочут цикады; толстые сарты едут на тощих осликах; на тротуарах пьют чай; солнце жарит как обалделое; земля трясётся от счастья; небо — как голубой шёлк, звёзды — словно яблоки, а яблоки — словно арбузы, а арбузы — словно десятирублёвые глобусы, а журналисты тупы и старозаветны — как сивые мерины”.

Ташкентские коллеги по цеху, судя по всему, быстро уловили, что о них думает заезжий литератор из столиц, и не допустили его в свой круг. Помытарившись несколько месяцев в поисках литературного заработка и так и не найдя его, Яшнов определяется на службу в Туркестанское переселенческое управление.

“Поступаю в здешнюю переселенческую статистику, — извещает он В. А. Смирнова 25 ноября 1907 г. — Пока всё утверждают — вот уже целый месяц. И боюсь, что пока утверждают, я умру с голоду... Гипербола, конечно, но, право, и правды немножко есть. <...>

Всё ж таки чувствую себя очень хорошо. И, вообще говоря, здесь очень нравится. Живу в одиночестве — без всякой политики и начинать забывать, что есть на свете большевики, меньшевики, эсеры. Читаю, немного пишу и много зубрю по-английски. Любуюсь закатами. Ах, если бы ты знал, какие здесь закаты! Безумные!”.

Стоит добавить, что ещё раньше Яшнов самостоятельно овладел немецким языком, а позднее — казахским, арабским, персидским...

Вскоре возобновляется его переписка с сестрой, к тому времени вышедшей замуж за В. А. Смирнова. В письме к ней (11 декабря 1907 г.) 26-летний Яшнов излагает и обосновывает свою “философию жизни”:

“Жизнь сама по себе, безотносительно к нашей психике, есть нечто хорошее, плюсовое, — иначе она не могла бы существовать. Когда для простой клеточки состояние бытия оказывается отрицательным, т. е. дающим лишь минус, то она неизбежно умирает. Точно так же умер бы и мир, если бы состояние жизни не давало ему бесконечно-огромного плюса. Для меня это ясно, как дважды два. — Следовательно, и человек, как часть целого, существует лишь в силу радости бытия, лишь потому, что сумма положительного в нём больше, что ощущения жизни богаче... <...>

Насколько я оптимист вообще, настолько же скептик в области человеческой мысли и человеческих делишек и интересов. Всё, что бы ни выдумали люди, подвержено сомнению. Уж если в  $2 \times 2 = 4$  позволительно сомневаться, то тем более в конституциях, социализме, вере, атеизме, мистиках и во всяких иных философских и общественных системах. Мысль человеческая — слепой юноша. С вечно юным упрямством ищет она дороги, и так как нет никого, кто бы сказал: да, это так! или: нет, не здесь! — то она в любой момент, на любом пункте имеет равное право считать себя правой или неправой. Истины нет — вот в чём загадка нашей жизни, её мука и её красота. Одинаково правы Пуришкевич и Плеханов, Василий Великий и Юлиан Богоотступник, волк и ягненок. <...>

Человек затерян в бескрайности вселенной — случайный одинокий ребёнок, неведомо как и зачем появившийся на маленькой кружащейся планете. Нет ни Богов, ни законов, ни добра, ни зла. Страшная безграничная свобода! Когда я ясно представляю себе эту антитезу — у меня захватывает дух. Какое счастье жить среди вечного молчания — и думать, мечтать, любить...”

Весной 1908 г. начинается полевая статистическая работа Яшнова в Туркестанском крае (как он сам лаконично напишет через 20 лет, “по исследованию киргизского хозяйства”), продолжавшаяся без малого 4 года.

Сведения о его тогдашней жизни отрывочны. Оказавшись 6 октября 1909 г. в Баку, он кратко сообщает сестре: “С 20 мая я не проводил на одном месте больше нескольких дней; верхом мною сделано вёрст 900, столько же на почтовых и в крестьянских повозках, 2000 вёрст на поезде, вёрст 150 морем, — да предстоит ещё...”. А 28 ноября, вернувшись в Ташкент, пишет: “У меня хорошее настроение. Много тепла, тихой странной работы, углубления к востоку и взглядов к северу. <...> Нет ли где в Москве места для стихов?”

Конечно, тут идёт речь о новых стихах... Однако произведений Яшнова, помеченных им 1909 годом, выявить пока не удалось.

Между тем, члены семьи “московских” Смирновых, безусловно, были не единственными корреспондентами Яшнова. Видное место среди тех, с кем он тогда переписывался, принадлежало самарскому литератору, литературному и театральному критику А. А. Смирнову (Треплеву; 1864–1943).

Их переписка, по имеющимся у нас данным, вряд ли сохранилась. Однако в начале 1910-х годов Яшнов, без сомнения, посылает Треплеву свои новые стихи, и тот пытается пристроить их в печать. Свидетельство тому — открытка Треплева, отправленная 10 марта 1912 г. М. Горькому (с кем самарский литератор был в давних дружеских отношениях), со словами:

“... посылаю заказной бандеролью стихи Евг. Яшнова: посмотрите, не подойдет ли в “Сборник”. Мне думается, что у него есть дарование, и оно развивается, но еще не нашло себя. Душа у него — глубокая и певучая, с сильной религиозно-философской складкой (в хорошем смысле — искренней <так!>, без кувряканий)” (Архив А. М. Горького, ИМЛИ РАН).

Горький получает бандероль Треплева во время редакционной подготовки очередного сборника “Знание”, ведущейся под его руководством на о. Капри, где он в то время жил. Тогда же известный редактор-издатель В. С. Мирюлюбов (чьему вкусу и чутью на подлинное в поэзии Горький доверял безусловно) предлагает в этот сборник несколько стихотворений А. Блока. На редакторском столе писателя они сходятся со стихами Яшнова, которые затем направляются Мирюлюбову для отзыва. Вскоре, по настоятельной просьбе Горького, их рукопись (уже с мирюлюбовскими критическими пометами) воз-

вращается назад на Капри. Ознакомившись с ними, Горький отказывается от включения стихов обоих поэтов в готовящееся издание и не без досады пишет Миролубову 25 апреля (8 мая) 1912 г.:

“Стихи Блока переданы <К. П.> Пятницкому, он их и вернёт Вам. Мне они показались пустыми. У Яшнова, несмотря на “плечи Ра”, были стихи интересней. “Детский – немецкий” тоже не ахти как остроумно, умалчивая о том, что “немецкий” – неверно, а “сахарные ножки” – совсем уж ерунда” (Горький М. Полн. собр. соч.: Письма в 24 тт. М.: Наука, 2003. Т. 10. С. 24).

В комментарии к этому письму (там же, с. 385) не указаны конкретные произведения, из которых Горький взял “закавыченные” им слова. Цитаты из Блока, впрочем, определить нетрудно: они из его стихотворения “Сусальный ангел”. Что до “плеч Ра”, то это словосочетание, как удалось теперь выяснить, содержится в стихотворении Яшнова “Египет”, открывающемся строками: “Сумрак мечтателя-вечера / Влюбчиво скрыл пирамиды / Вечности тёмным плащом, – / Словно склонил свои плечи Ра / К кроткому лику Изиды...” (РГАЛИ; полный текст см. ниже в стихотворной подборке).

Словом, именам Блока и Яшнова так и не довелось появиться на страницах “знаньевского” сборника. Тем не менее, Горький счёл необходимым сообщить и своё мнение, и мнение Миролубова автору понравившихся ему стихов. Об этом мы узнаём из недавно опубликованного письма писателя Треплеву (от 5 мая 1912 г.):

“Стихи г. Яшнова я показывал В. С. Миролубову и возвращаю рукопись с его пометками. Я тоже согласен, что рифма “вечера” и “плечи Ра”, может быть – виртуозна, но – вычурна. Поэзия живет всё-таки там, где больше простоты. “Лазоревка, тинькая, бога на ветку зовёт” – а я не верю этому, и мне кажется, что лазоревка-то – Зинаида Гиппиус.

И – “коряга – как – акула” – не очень красиво. Вспомните Пушкина, который, написав “грузинка красивая”, находил, что соединение “инка – кра” не делает чести его вкусу <речь идёт о замечании Пушкина в письме П. А. Вяземскому от 1–8 января 1823 г.>.

А, за всем этим, стихи г. Яшнова нравятся мне. Было бы прекрасно, если бы он заставил себя писать попроще, а то “феллахи – бисмилляхи” очень уж кокетливо”\*. (Последняя цитата здесь – всё из того же “Египта”; строки же Яшнова о лазоревке и о коряге-акуле, критикуемые Горьким, – из стихотворений, ныне неизвестных...)

Вести из Италии пришли к Треплеву, когда Яшнов уже с месяц как переехал из Ташкента в Самару и как раз в те дни был, что называется, постояльцем в треплевском доме. Треплев, конечно, вернул тогда автору его рукопись и показал письмо Горького. К сожалению, сведений о реакции Яшнова на отзывы именитых рецензентов не обнаружено...

Весной 1913 г. начинается новый полевой сезон Яшнова-статистика – поездки по самарской глубинке. Спустя восемь лет, будучи уже в эмиграции, он колоритно опишет несколько тогдашних случившихся с ним эпизодов в мемуарных очерках “Тренёвка”, “Николай Африканыч”, “Пёс”, опубликованных под общим заголовком “У истоков революции” в журнале “Русское обозрение” (Пекин, 1921, № 5).

Впечатлениями от событий он делится и в письмах того времени. Вот отрывок из письма Н. С. Ашукину от 13 августа 1913 г.: “Дикое болото жизни, грубые крики, звериные взгляды, жестокость, бестолочь, тупой эгоизм, бесцельность той нелепой жизни, какая идёт кругом сейчас, угроза России тёмным тяжёлым будущим, несомненный психический и социальный регресс народный, – всё это толчётся в моей душе, как сырая осенняя мгла. <...> Остаётся одно утешение – мысль о вечности. <...> В экономике мира всё разумно. И даже тоска моя в это серое утро имеет корни в Боге”.

В январе 1914 г. Яшнов выбирается в Москву, где проводит почти полтора месяца. Там он встречается с друзьями-литераторами (Н. Ашукиным, Л. Зиловым, П. Сухотиным, Ю. Соболевым), которым посвящает новые свои стихи.

\* Смирнов (Треплев) А. Театр душ: Стихи, критические этюды, воспоминания, письма / [Сост., подгот. к публ., вступ. ст. и коммент. М. А. Перепёлкина]. Самара: Самарский ун-т, 2006. С. 412–413 (с пропуском слов “феллахи – бисмилляхи”, которые при содействии М. А. Перепёлкина нам удалось ныне прочесть по снимку с оригинала письма).

“По мнению знакомых, по приезде из Москвы я стал веселее, чем раньше, ласковее с людьми...” — напишет он сестре, вернувшись в Самару. Но тамошнее будничное прозябание вскоре станет Яшнову совсем невмоготу (“И всё мне кажется, что жизнь огромная, / Как биоскоп сплошной, — одним мещанам...”)

В конце апреля — начале мая 1914 г. он уезжает в Ташкент. И опять начинается его кочевая жизнь статистика Туркестанского переселенческого управления:

*Вновь услышал я — селям-алейкум! —  
Ва алейкум асселям! — Киргизы, козы,  
И тушканчики, и мыши по лазейкам,  
И степные трепетные грозы!*

.....  
*И влекут волнистые барханы  
Над песками, над пустынной глиной  
В азиатские загадочные страны  
И к весёлой простоте звериной.*

6—8 июня 1914 г. Яшнов пишет сестре из уездного городка Серахс:

“В сущности, я в своей сфере. Скитаюсь. Пишу за походным столом. Сталкиваюсь с тысячами людей — самого разнообразного пошиба, начиная от уездных начальников и кончая захудалым рабочим-афганцем. Успел побывать и за границей — в Персии, в стране развалин, лохмотьев, опиума, пыли, скуки, нищих и торгашей. Наслушался туркменских певцов, монотонного бренчания домбры. Набродился по развалинам городов, насиделся на могилах, в которых спят люди, умершие чуть не тысячу лет назад. <...>

Но не думай, что я только наслаждаюсь своим цыганством. У меня куча сложной работы, и к обеду ежедневно я глупею почти до кретинизма. Вдобавок здесь стоят сногшибательные жары: <...> 43° в тени! <...>

И всё же здесь лучше русской городской жизни. Слышишь, как в душе дуют беззаботные рассветные ветры. Степные раздумья, ржанье коней, рёбра развалин, шмыганье змей, убегающие через пустыни тропинки, не написанные, но уже звучащие стихи, переклик фазанов, ослов, веков, племён, пространств, пожарика закатов, вечное движение путеводящих созвездий и ощущение Бога!”

“Это лето у меня удивительно богато впечатлениями, — напишет Яшнов Н. С. Ашукину. — Вы говорите: литература? Да пропади она пропадом! Разве можно сравнить живую многокрасочную жизнь с мёртвой сердцевинной книгой? Я за лето написал пяток плохих стишков, но зато проехал сотни вёрст в поездах, повозках, экипажах, пароходах, верхом, видел тысячи людей, зверей, дерев, трав, рек, гор, селений, городов, развалин...”

На самом же деле Яшнову не суждено было отойти от поэтического творчества — ведь подлинный творец навсегда обречён, говоря по-есенински, “на каторге чувств вертеть жернова поэм”...

Между тем, на высокий профессионализм Яшнова-статистика, нашедший отражение в его многочисленных служебных отчётах и аналитических записках тех лет, обратили внимание в соответствующих столичных кругах. В середине сентября 1915 г. его откомандировывают в Петроград. Яшнов становится статистиком-экономистом при управлении делами Особого совещания по продовольствию, позднее (уже после Февральской революции) преобразованного в Министерство продовольствия.

30 сентября 1915 г. он пишет сестре:

“Снова я в холодном Петрограде, пью одиноко чай с колбасой, смотрю на удивительный профиль Исаакя в туманах.

Но уже не то, что раньше. Раньше богема, порой голодавшая, порой кутившая на лишнюю пятишку. Теперь... Бог знает, что я теперь. Какое-то местоимение. Полуциновник, полупоэт, полубродяга. А в результате — ни то, ни другое, ни третье. Случайно попал я в статистическое бюро при Продовольственном Совещании. Мои коллеги — люди все тёртые, в статистике наторелые, сотрудники и редакторы разных изданий Министерства финансов, специалисты по денежному обращению, по финансовой статистике. Среди них — двое, готовящиеся к профессуре, и один приват-доцент. А я между ними — мало знающий

дилетант, и мне поэтому вначале было немного стыдно. Теперь начинаю убеждаться, что не боги горшки обжигают. С приват-доцентом, например, оба мы делаем одну работу, и больше, кажется, он меня слушает, чем я его”.

Здесь идёт речь о Г. К. Гинсе (1887–1971), с кем Яшнов будет бок о бок служить и аппарате Временных правительств России 1917–1919 гг. и в Петрограде, и в Омске. Оказавшись затем, как и Яшнов, в Китае, Гинс станет редактором литературного, научного и политического журнала “Русское обозрение” (1921), где будет печатать не только статьи и рецензии Яшнова, но опубликует три цикла его стихов, написанных еще до революции (“Стихи о России”, “Муза странствий” и “Степные ночи”). До этого Яшнову довелось напечататься в “толстом” литературном периодическом издании лишь однажды – московский журнал “Путь” (№ 5/6 за 1913 г.) поместил его стихотворение “Весна”...

Свою деятельность после Февральской революции 1917 г. Яшнов охарактеризует в 1928 г. лишь несколькими фразами:

“... в Министерстве продовольствия я проработал, заведя продовольственной статистикой, до осени 1917 года, когда переехал в Омск. В Омске работал по продовольственной и кооперативной статистике. В конце 1919 года переехал во Владивосток. Здесь был консультантом и Секретарём Совета Ведомства Финансов (при правительстве Антонова). В 1921 году переселился в Харбин и с этого же года до сих пор состою агентом Экономического Бюро Китайской Восточной Жел. Дороги”.

После переезда в Омск Яшнов и в самом деле продолжает работать по специальности. Известна, например, его брошюра “Постановка и объединение кооперативной статистики в Сибири” (Томск, 1918). Но, кроме того, как выяснили историки белого движения, Яшнов выполняет некоторые поручения сибирских правительств, что называется, на выезде.

В августе 1918 г. он находится в Самаре в качестве уполномоченного Временного Сибирского правительства при Комуче, информируя Омск о состоянии и возможностях этой властной структуры. В ноябре того же года Яшнов направляется из Омска на Дальний Восток уже как уполномоченный Председателя Совета Министров Временного Всероссийского (с 18 ноября 1918 – Российского) правительства П. В. Вологодского для оценки общеполитической обстановки в этом регионе.

Поездка Яшнова на Дальний Восток проходила по Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД), с которой в дальнейшем окажутся тесно связанными многие годы его жизни. Попав тогда в Маньчжурию впервые, он просто не смог не выразить свои впечатления в стихах: “И здесь, в Маньчжурии, спят / Иероглифы, тряпки, знаки, / Лавчонок с чем-то чайный ряд, / Меж них голодные собаки, / Гортанный крик, замкнутый взгляд...” (полный текст произведения, написанного 28 ноября 1918 г. \*, см. ниже в стихотворной подборке).

К сожалению, кроме этого стихотворения, о поэтическом творчестве Яшнова времён Гражданской войны мы почти ничего не знаем. В одной из недавних работ о дальневосточной литературе тех лет вскользь сказано, что, очутившись во Владивостоке по окончании омской эпопеи, он печатается в газете “Далёкая окраина” и общается с поэтами А. Несмеловым, Л. Ещиным и др.

“Владивосток не стал постоянным домом Яшнова, и вскоре он переезжает в Маньчжурию, – отмечает исследователь. – В Харбине проживало немало сотрудников бывшего Омского правительства. Зная Яшнова как прекрасного специалиста-статистика и весьма доброго сослуживца, они постарались перетащить Евгения Евгеньевича в Харбин, и в 1921 г. он переезжает туда” (Хисамутдинов, 171).

1921–1923 годы знаменуются не только началом профессиональной работы Яшнова в области экономики Маньчжурии и Китая. На это же время приходится пик его публичной деятельности как журналиста, поэта, литературно-го критика...

Уже упоминалось о циклах стихов Яшнова и о его мемуарных очерках “У истоков революции”, напечатанных в журнале “Русское обозрение” (Харбин, затем Пекин, 1921). Здесь же появляется ряд его рецензий на издания самой разнообразной тематики – от экономической и политической до литературно-художественной.

После октября 1921 г. издание “Русского обозрения” прекращается. Но в мае 1922 г. в Харбине начинает выходить альманах “Русская жизнь”

\* Авторская дата сообщена А. А. Хисамутдиновым.

под редакцией Н. В. Устрялова, в каждом из выпусков которого публикуются материалы Яшнова на политические темы. Среди них выделяется его статья “Нищета рационализма” (вып. 2), демонстрирующая авторское видение уроков русской революции и их фундаментальное философское осмысление. В конце января 1923 г. Яшнов приезжает в Москву, где проводит около полутора месяцев, подведя затем итоги этого визита в статье “После поездки в Россию: выводы и размышления” (“Русская жизнь”, вып. 4), содержание которой не потеряло своей актуальности и поныне.

Первая половина 1920-х годов – время интенсивного дружеского общения Яшнова с Н. В. Устряловым, Н. А. Сетницким, другими коллегами. Позднее он вспомнит об этих “дохматых милых беседах” (выражение Устрялова) в стихах 1933 г. (“Отрывок”; см. ниже).

В одном из тогдашних писем Яшнов признаётся: “Философское обнищание прогрессивнее, и мы с Н. В. Устряловым порой доходим до того, что пьем “за упокой человечества”. <...> Но так как надо же за что-нибудь цепляться, то большую веру подмениваешь маленькими верами (хорошо, хоть не верочками) – в работу о китайском крестьянском хозяйстве, в шахматы, в поток прочитываемых книг, в выписки, во встречи, словом – во повседневное” (Хисамутдинов, 172). В другом письме он сетует: “От меня стихи ушли. Может быть, в силу внутреннего усыхания, м. б., по отсутствию окружения (это очень много значит!) и, наконец, м. б., потому, что нельзя же безнаказанно писать экономические книги и статьи” (Хисамутдинов, 173).

О том же свидетельствует В. Ф. Петрова (жена писателя Скитальца), в чьих воспоминаниях содержится, кроме того, одна из немногих дошедших до наших дней характеристик личности Яшнова:

“В Харбине <...> из друзей юности Скитальца особенным его расположением пользовался поэт-экономист Яшнов Евгений Евгеньевич. В юности Яшнов, по словам Скитальца, писал очень недурные стишки, которые печатались в “Самарском вестнике” <точнее, в “Самарской газете”>. Теперь этот солидный, но по-прежнему с “детской душой” человек занимал ответственную должность на КВЖД, писал серьёзные экономические статьи и, по его словам, “бросил писать стихи”\*.

Самоощущение Яшнова было близко этой оценке со стороны. Писать стихи он, конечно, не бросает, но с годами Яшнов перестаёт принимать участие в обсуждении общественно-политических и философских тем даже в дружеском кругу, уйдя, по мнению Н. В. Устрялова, “в личную жизнь и полный скептицизм” (из его письма Г. Н. Дикому от 1 февраля 1931 г.). В этих словах чувствуется недопонимание самой сущности личности Яшнова, его глубоко трагического мироощущения.

Сам же Яшнов был глубоко уверен, что живёт в дни “слепой обречённости мира”, когда “... даже лучшего ума / взлететь – бессильные усилъя...” Естественно, оптимизма это не прибавляло...

После отъезда из Харбина осенью 1935 г. в связи с прекращением своей службы на КВЖД Яшнов живёт в Тяньцзине, затем в Пекине и (с 1938 г.) в Шанхае.

Он ушёл из жизни 25 июня 1943 г. На следующий день газета “Шанхайская заря” писала о покойном: “Е. Е. Яшнов принадлежал к плеяде тех ученых-статистиков, которые в конце прошлого, в начале текущего века, еще до революции много сделали к познанию России. Статистическая наука в их трудах потеряла свою былую сухость, она стала живой, действенной, руководящей, она учила и вдохновляла” (цит. по: Хисамутдинов, 175–176).

И в самом деле, стиль Яшнова-поэта так или иначе даёт о себе знать и в его научных трудах. Поэтическое же его наследие – и это с каждым днём становится всё яснее и яснее – безусловно, достойно стать в один ряд с творениями его выдающихся современников – поэтов Серебряного века.

Панорама этого наследия – перед тобой, читатель.

---

\* Самарский литературный музей (сообщено М. А. Перепёлкиным).

## ЕВГЕНИЙ ЯШНОВ



### СТИХИ РАЗНЫХ ЛЕТ

\* \* \*

*С киргизом едем. Он поёт  
О том, что поспекает просо,  
И смотрит равнодушно-косо  
На облаков тяжёлый лёт.*

*Песчаных туч близка стена.  
В испуге иноческой ризой  
Накрылся день. Над далью сизой  
Багрится солнце, как луна.*

*Взывают ветры по холмам,  
Воротят кони головами,  
И гром чугунными устами  
Из вечности грохочет нам.*

1911. Сазан-тубе

---

Произведения поэта печатаются по следующим источникам:

— “С киргизом едем. Он поёт...”, “Дождь шумел, и рокотали громы...”, “Туркмен твердил слова Корана...”, “В пустые степи день с утра...”, “Заря томится, тихо потухая...”, “Заворожил нас Петроград...”, “Порозовело небо на востоке...”, “Я слышу весну в январе...”, “Взглянешь в окно на город ночной...”, “В вечерней полутьме едва маяча...” — по кн.: Яшнов Е. Е. Стихи. [Шанхай], 1947;

— “Египет”, “Луна глядела в окно...”, “Октябрь несёт крупу сухую...”, “Жизнь дорога своими острыми...”, “Ржёт утомлённый конь, клонит дорога к унынию...”, “Вздывает дико Пётр коня...” — по автографам РГАЛИ (впервые);

— “В Маньчжурии”, “Лысая Азия! Сколько кругом...” — по сб. “Русская поэзия Китая” (М., 2001) с учетом правки и дат, сообщённых А. А. Хисамутдиновым; “Хлещу я музу по худым бокам...” — по той же книге;

— “Статистическое” — по сетевой публикации А. А. Хисамутдинова (адрес сайта: <http://khisamutdinov.ru/forum/viewtopic.php?f=25&t=29>) с учётом сообщённой им правки;

— “Отрывок. Н. В. Устрялову” — по сетевой публикации О. А. Воробьева (адрес сайта: <http://knigo.com/p/philos/ustryalov/ustry011.htm>);

— “Ничтожество и дум, и чувств...”, “Математически исчислишь...” — по журн. “Дальний Восток”, Хабаровск, 1991, № 11 (публикация Л. Князева).

Выражаем глубокую признательность А. А. Хисамутдинову и М. А. Перепёлкину за предоставленные сведения и неизменно плодотворные консультации.

## Египет

*Сумрак мечтателя-вечера  
Влюбчиво скрыл пирамиды  
Вечности тёмным плащом, —  
Словно склонил свои плечи Ра  
К кроткому лику Изиды  
Скорбно в молчаньи ночном.*

*Тусклою кожей змеиною  
Жутко блестя, бесконечный  
Плещет задумчиво Нил, —  
Словно над спящей равниною  
Для умирающих Вечный  
К вечности путь проложил.*

*Месяца серп позолоченный,  
Выплыв тревожно с востока,  
В безднах небесных повис, —  
Словно плывёт, озабоченный  
Неумолимостью Рока,  
В лодке своей Озирис.*

*В трепете богослужения  
Молятся пальмы-монахи  
Листьев рыданьем глухим;  
Как воплощенья терпения,  
Шепчут покорно феллахи:  
“О, бисм-илляхи рахмони рахим!”\**

1911 или начало 1912

\* \* \*

*Дождь шумел, и рокотали громы.  
Полы туч влеклись в долу омытом.  
Ветер выл, как бесприютный зверь.  
Расплескавши гнева водоёмы,  
Молнии блистающим копытом  
Прядали в распахнутую дверь.*

*Мне не страшно одному пред Богом  
Грудь подставить ветру и простору!  
Знаю, гнев Его не на меня.  
Жребий мой — скитаться по дорогам,  
Славить землю и в ночную пору  
Греться с пастухами у огня.*

1912

\* \* \*

*Луна глядела в окно,  
Ушла во мглу,  
И счастье тлеет давно,  
Как сор в углу.*

---

\* “Во имя Бога милостивого и милосердного” — стих из Корана, произносимый мусульманами перед началом работы, молитвы и т. п. <Примеч. автора.>

*Сознание, ты погоди!  
И, время, стой!  
Рука тоски на груди  
Порой ночной.*

*И, память, ты позабуди  
И помолчи,  
Как я любимую грудь  
Ласкал в ночи.*

*Изведал, спутал, устал,  
Замедлил бег,  
Тяжёл судьбы перевал  
И — тонешь в снег.*

*Упасть, заплавав, в снегу,  
Покой украсть, —  
Зачем, скупец, берегу  
Ущерба страсть?*

*И губ томительный яд,  
Тревогу плеч  
Храню, — а в сердце лишь чад  
Потухших свеч.*

*Раздам последнюю медь,  
Чу, полночь бьёт!  
Душе велю умереть, —  
И пусть умрёт!*

4 апреля 1913

\* \* \*

*Октябрь несёт крупу сухую,  
Свистят ветра в нагих кустах...  
Сегодня в поле заночую:  
Ты прах еси — и будешь прах!*

*Согнула спину мне котомка  
Тоски, бездомного житья.  
Готов, как пёс, завывать я громко  
На голой грани бытия.*

*Местечко выберу в ложбине,  
Плотней в пальтишко завернусь.  
Реву, мятель! Навеки ныне  
Венчаюсь я с тобою, Русь!*

Начало октября 1913

\* \* \*

Ю. В. Соболеву\*

*Жизнь дорога своими острыми  
Противоречьями от века,  
Волнует прихотями пёстрыми  
Тщету земную человека.*

---

\* Юрий Васильевич Соболев (1887–1940), литературный критик, литературовед и театровед.

*То утро счастья, то страдание,  
То тишина, то гам трактира;  
Как ледяное изваяние,  
Следит судьба за пляской мира.*

*Махни рукой на скуку странную,  
Свою полуночную гостью,—  
Лови минуту — пусть обманную  
С полубоглоданною костью.*

*Скачи в степи, блуждай по гаваням,  
Похохочи с аэроплана, —  
Одно лишь счастье: вечным плаваньем  
Размыкать скуку океана.*

18 февраля 1914. Москва

\* \* \*

*Туркмен твердил слова Корана:  
— Аллах акбар! — Господь велик!  
Заря склонила на барханы  
Потухший постаревший лик.*

*Толпой монашеской смиренной  
Встал на молитву саксаул.  
С распутий из глубин Вселенной  
Далёкий огонёк мелькнул.*

*Уснул я. Снилось мать-старуха,  
Её иссохшая рука.  
Она кричала что-то глухо  
Мне с родины, издалека...*

1914

\* \* \*

*В пустые степи день с утра  
Глядится долгим взором,  
Солончаков блестит кора  
Серебряным узором.*

*Курганов бурые шатры  
Стоят в дали туманной,  
С холма на холм летят ветры  
В погоне неустанной.*

*С холма на холм тропа ползёт  
И тонет в дымках синих...  
Душа моя, люби полёт,  
Безлюдный скок в пустынях!*

*Люби былинку нищий зрак,  
Седла уют усталый,  
Ночлега одинокий мрак  
И голос рифмы шалой!*

20 апреля 1915. В<екиль>-Базар

\* \* \*

*Ржёт утомленный конь, клонит дорога к унынию,  
Пахнет во мраке полынь, тлеет вдали огонь.  
Азия так глуха... Что там: в ауле ли пламя  
Иль под холмами в долу теплинка пастуха?  
Только махнуть рукой: волчью тоску не развеять,  
Душу нигде не согреть... Юность, Господь с тобой!*

Начало сентября 1915. Ташкент

\* \* \*

*Вздымает дико Пётр коня,  
Мятезь гудит в Адмиралтейство,  
И два-три тусклые огня,  
Как бы от пьянства иль злодейства  
Воспалены, в дали ночной  
Дрожат за снежной пеленой.*

*Голодной жизни городской,  
Среди безмолвия вселенной,  
Скребущий душу слышу вой, —  
И сам с судьбой своей забвенной  
Покорно чувствую, что я —  
Лишь писк в стенаньях бытия.*

*В жестоком веке жизнь моя —  
Котёнок в ледяной пустыне.  
Почти замерз — бездомный — я,  
Почти отринут Богом ныне.  
И, погибая, над собой  
Европы гиблой слышу вой.*

1915. Петроград

\* \* \*

*Заря томится, тихо потухая,  
Простонет ястребок, спеша к гнезду,  
Ниспосылает в мир Рука Благая  
Первую дрожащую звезду.*

*Бреду, не ожидая встреч лукавых.  
Течет в пустыне ночь. Летит, шуриша  
По выжженным холмам в полынных травах,  
Ветра бесприютная душа.*

*У шалаша вдали огонь проглянет.  
Там пастухи-киргизы и стада...  
И как-то хорошо, что не вспомнит  
Странника никто и никогда.*

5 декабря 1916

\* \* \*

Аскольдову\*

*Заворожил нас Петроград  
Газетно-театральной ложью,*

---

\* Сергей Алексеевич Аскольдов (Алексеев-Аскольдов; 1871–1945), философ.

*И мы забыли, как горят  
Костры зари во славу Божью.*

*Прильнешь к седлу, взметнется плоть, —  
А степь пуста и неоглядна.  
И — Господи! — как хочешь жадно  
Скакать, устать и умереть!*

*Пускай лепечут мудрый бред  
Философы — седые дети, —  
Мне больше, чем все книги эти,  
Отрады даст степной рассвет!*

25 декабря 1916

\* \* \*

*Порозовело небо на востоке.  
Зверьё, наевшись, в норы разбрелось.  
Лишь сыч кружит и стонет одинокий  
Во мгле, промокнув от росы насквозь.*

*Овеян я предутрием и глушью,  
Отъединённостью от всех веков,  
Как будто душу дал Господь пастушью  
Мне, беглецу из шумных городов.*

*От мятежей стареющей Европы,  
От яда книг и от любви твоей  
Меня спасли водительницы-тропы  
В неведомой республике степей.*

*Волнуй себя экзотикой распада,  
Развратом духа, горечью ума...  
Я всё простил. Мне ничего не надо.  
Лишь — этот путь, безлюдье, грусть и тьма.*

1916

### В Маньчжурии

*Судьбы запутанный итог,  
Сводимый говором копыта,  
Пыль сладковатую дорог,  
Цвета и гам чужого быта,  
Чужой пейзаж, чужой порог,  
Восточной девушки ланиты  
И речи кружево чужой  
Люблю бродячею душой.*

*И здесь, в Маньчжурии, слепят  
Иероглифы, тряпки, знаки,  
Лавчонок с чем-то чайный ряд,  
Меж них голодные собаки,  
Гортанный крик, замкнутый взгляд  
И сквозь сползающие мраки  
Зовущий к радостям ночей  
Фонарь китайский у дверей.*

*Как Духа Мрака древний стяг,  
Фонарь качается кровавый...*

*Он, как убица в овраг  
Немую жертву сталью ржавой,  
Влечет усталых и бродяг  
В притон забыться за отравой...  
Тысячелетья напролёт фонарь зовёт...*

28 ноября 1918. Чжа-лань-тун.

### Статистическое

*Люблю ряды созвучных числ,  
Когда они в таблице стройной  
Нам уясняют строгий смысл  
Явлений массы беспокойной.*

*Они сокрытое от глаз  
Со дна судьбы влекут сетями,  
Они разуверяют нас,  
Что случай управляет нами.*

*Во всё связь тайную гласят  
Они, рифмуясь меж собою,  
И даже близорукий взгляд  
Порой слепят своей игрою.*

*Наш слабый понимает ум,  
Что жизни не обнять нам думой,  
Что бытия нестройный шум —  
Лишь контрабаса хрип угрюмый.*

1920-е (?)

\* \* \*

*Я слышу весну в январе,  
Когда тёплый ветер подует  
И сердце тревожно взволнует  
На тихой вечерней заре.*

*Я чувствую осень весной,  
Когда над прозрачною далью  
Холодной октябрьскою сталью  
Темнеет ненастье порой.*

*Я слышу любовь с первых встреч,  
Когда вдруг поймёшь с изумленьем,  
Что в сердце пахнуло томленьем  
И как-то срывается речь.*

*И нашего счастья закат  
Слежу по рассветной заре я,  
Когда вы, любовно жалея,  
Прозрачный мне дарите взгляд.*

2 февраля 1920

\* \* \*

*Лысая Азия! Сколько кругом  
Дикой извечной свободы!  
Всё зародилось на лоне твоём:  
Злаки, стада и народы.  
В круговращеньи судеб мировом,  
Знаю, весенние воды  
Снова наполнят степей водоём.*

*Чувствую я, из Европы беглец,  
Отпрыск культуры постылой,  
В шуме монгольских собак и овец  
Потенциальные силы.  
Слышу, как в творческом акте Отец  
Пружит набухшие жилы...  
Вижу, мужает скуластый творец!  
Жатва — на западе, в Азии — жнец!*

20 апреля 1920

\* \* \*

*Взглянешь в окно на город ночной,  
Спросишь судьбу: зачем и куда?  
Треплет, уносит ветер года —  
Жёлтые листья по мостовой.*

*Чьё-то лицо вонзится в тебя.  
Это ж она! Но время не ждёт.  
Ветер уносит листья вперёд.  
Новую встречу и люби, не любя.*

*Только стихи в душе зазвучат,  
Как в кабаке, утонешь в тоске.  
Вот и седая прядь на виске.  
Годы, как прежде, вихрем летят.*

*Взглянешь в окно на город ночной,  
Спросишь судьбу: зачем и куда?  
Броситься, что ли, вниз головой  
И позабыть себя навсегда?*

19 сентября 1926

#### Отрывок\*

*Н. В. Устрялову*

*Порой Устрялов женственно-поспешно  
На сущее клал розовые краски.  
В сердца угасшие хотел Сетницкий  
Вдохнуть живую веру в воскресенье.*

---

\* В тексте упомянуты харбинские коллеги и друзья автора Николай Васильевич Устрялов (1890—1937, расстрелян), Николай Александрович Сетницкий (1888—1937, расстрелян), Николай Николаевич Трифонов (1884—1937, расстрелян), Григорий Никифорович Дикий (1888—1961), Евгений Хрисанфович Нилус (1880—?), а также владеец одного из харбинских погребков Rogozинский.

*Их вразумить пытался тщетно Яинов  
Невразумительною пьяной речью.  
В их снах и лицах Трифионов стремился  
Вскрыть подсознательные устремленья.  
Тоску по родине в глухой Байонне  
Старался письмами облегчить Дикий.  
Демократию защищал упорно,  
Но безнадёжно вечно юный Нилус.  
К ним прилепившись, мыслить о Европе  
По-русски стал студент из Вены — Штирнер.*

.....  
*И многие другие промелькнули  
Меж них в пыли эпохи послеомской.*

*Меж тем, летели годы революций,  
Кипенья Азии, кремлёвских планов.  
Звучала музыка стихий повсюду  
Назойливей Вертинского пластинок.  
(Быть может, даже Блок сказал бы: слишком  
Уж расшалился этот гул подземный!)  
Шатались цены благ земных, за ними  
Все ценности в сознании колебались.  
Утратили свой абсолютный облик  
Для нас пространство, время и движенье.  
Нас угнетали, в мысль не воплощаясь,  
Идеи нерождённые. Скитались  
Москвы агенты, бывшие монархи  
И масса эмигрантская по свету.  
И даже золото в подвалах банков  
Приюта прочного не находило.  
На грудах хлеба люди голодали,  
Учась простой науке коммунизма.  
Средь сумерек, господствующих в мире,  
Москва и Рим казались маяками.  
Но и оттуда зимний ветер веял  
Нуждой и полускрытую тревогой.  
Замолк там Блок, повесился Есенин,  
Нежданно застрелился Маяковский...  
Что ж это: утро или долгий вечер?  
Рассвета бред или кошмары ночи?*

*И, сгрудившись на островке Харбинском,  
Который понемногу заливался  
Циклическим вселенским наводненьем,  
Они шуришали, словно лист осенний,  
С родных деревьев сорванный грозюю.  
Шумели на докладах — на дощечках,  
Что мы кладём в распутице незнанья,  
И спорили о Шпенглере, Советах,  
О Фёдорове и о многом прочем.  
А кое-кто из них писали книги.  
(О, эти склепы, где, в словесный саван  
Одевшись, мысли в ложь перетлевают!)  
Но с каждой новой строчкой холоднее  
Сердца их становились, и туманней  
Грядущее...*

*Так метили томами  
Они свой нисходящий путь, мешали  
В них пепел и надежды, познавали  
Запечатлённые ошибки, дрогли*

*На том ветру, что в мир принес с собою  
Печальный вьюгоносный век двадцатый,  
И души съёжившиеся пытались  
У Rogозинского согреть беседой...*

Харбин. Январь 1933

\* \* \*

*Ничтожество и дум, и чувств,  
И благородства, и пороков,  
Косноязычие пророков  
И блудословие искусств.*

*И даже лучшего ума  
Взлететь бессильные усилья.  
И эта вековая тьма  
Над человеческою пылью.*

*Как стыдно нам перед собой  
В уединеньи тёмной ночи,  
Когда сознание взглянет в очи  
С самопрезрительной тоской!*

1937

\* \* \*

*Математически исчислишь,  
Что гибель близится... Ну, что ж!  
По-прежнему лениво мыслишь  
И даже водку с кем-то пьёшь.*

*В Кремле, в Берлине, в книгах кости  
Шумливо лязгают. Восток  
Угрюмой заревеет злостью.  
Из гроба шепчет что-то Блок.*

*И Соловьёв, своей кивая  
Пророческою бородой  
На глубь смятённого Китая,  
Вздыхает громко: “Боже мой!”*

*Джаз из соседнего трактира —  
И тот клянёт в глухую ночь  
Слепую обречённость мира,  
Которому нельзя помочь.*

*Глядишь кругом с оцепененьем.  
Что гибель! Это — пустыки  
Пред человеческим томленьем  
Под тяжестью земной тоски!*

1938

\* \* \*

*В вечерней полутьме едва маяча  
И от усталости едва дыша,  
Стоит пред Ним заезженная кляча —  
Обглоданная временем душа.*

*Отчаявшаяся, полуживая.  
Испившая судьбу свою до дна,  
Она глядит на мир, не понимая,  
Зачем была на жизнь осуждена.*

*Под кислотой отчаянья истлела  
Последняя земная страсть,  
И шелуха исчерпанного тела  
Готовится — отжившая — отпасть.*

27 июня 1941

\* \* \*

*Хлещу я музу по худым бокам,  
Но старая изверилась в себе.  
Действительно, пора настала нам  
Уйти в себя, покорствуя судьбе.*

*Средь диких воплей войн и мятежей  
Печальному не прозвучать стиху,  
И Аполлона не поймёт речей  
Глухая чернь внизу и наверху.*

26 мая 1942

**Публикация и подготовка текстов  
О. Переверзева и С. Субботина**

АЛЕКСАНДР РАЗУМИХИН

## ИЗ ЛУЧШИХ ПОБУЖДЕНИЙ

“Москва – город маленький”, – говорим мы, неожиданно встречая кого-то из знакомых в том или ином конце мегаполиса. Ещё более удивительной бывает встреча книг на одной и впрямь небольшой поверхности письменного стола.

Вот и на этот раз мир оказался тесен. Признаюсь, с “Таинственной страстью. Романом о шестидесятниках” Василия Аксёнова всё вышло достаточно случайно. Зашёл на книжную ярмарку в “Олимпийском”. Постоял, постоял и купил. Не из любви к искусству, так, глянуть, познакомиться. Слышал о выходе книги давно, однако особого желания воспользоваться “уникальной возможностью узнать”, как жили кумиры шестидесятых, “как любили, как предавали, отбивали чужих жён, во что верили, чем дышали”, что-то не возникало.

В это же время, работая вместе с Сергеем Куняевым над составлением “Избранного” интеллигентнейшего критика Анатолия Ланщикова, взялся читать “Народную монархию” Ивана Солоневича, которую сопровождало послесловие, написанное Анатолием Петровичем.

И, наконец, рядом с ними лёг том “Глупость или измена? Расследование гибели СССР” историка А. В. Островского, случайно увиденный у дочки Ланщикова, к которой зашёл, чтобы выбрать для готовящегося издания фотографию замечательного человека, не столь давно ушедшего из жизни.

Так в одно время в одном месте, на моём столе, встретились три книги, образовав “чудовищный коктейль”, как сказал бы Анатолий Ланщиков. Глоток за глотком поглощение будоражащего “напитка” – одновременное чтение сразу трёх этих книг – пробудило желание позвонить Куняеву-младшему и сесть за компьютер.

– А что общего у этих столь разных книг? – первое, что услышал я из телефонной трубки. – Ты мне объясни.

Именно с этого и начну.

Василий Аксёнов в самом начале книги сообщает, что всегда испытывал недоверие к мемуарному жанру. И объясняет причины, мол, неизбежны враньё и путаница. Поэтому он предпочёл писать о друзьях-товарищах, вспомнив повесть Катаева “Алмазный мой венец”, в романных образах.

О чём же и о ком роман? Ну, конечно, не о том, как некогда прототипы литературных героев романа собирались вместе в романически-романтическом “Коктебеле под эгидой некоего всемирного духа, называющего себя Пролетающим-Мгновенно-Тающим”. Роман – о времени, в какое довелось жить самому прозаику с его таинственной страстью. Это роман о писателях и поэтах – шестидесятниках, в финале которого развал “великого, могучего Советского Союза” совпадает с трагическим концом не облаканного судьбой поэта, одно-

го из героев книги. Но прежде всего аксёновский роман повествует о власти, которая мешала творить тем, кто “был всегда чист”, одних заставляла покинуть родину, а других перемалывала до такой степени, что они начинали велеречиво гвоздить тех писателей и художников, кто бросил родину, кто прельщён был “джинсами и долларами”.

Собственно, этой же теме посвящено и расследование гибели СССР петерского историка А. В. Островского. Просто первый видит материал как художник в образах, а второй — как человек науки в конкретных обстоятельствах и персоналиях. Можно сказать, что “Глупость или измена?” посвящена М. С. Горбачёву и его ближайшему окружению. Но позволительно избрать иной ракурс и увидеть попытку поговорить о власти вообще. О том, кто приходит во власть, кто в ней устраивается и с какими целями, о словах и делах, какие эту власть характеризуют.

У этих двух книг есть ещё одна любопытная скрепка, позволяющая говорить об их несомненной общности, но о ней, чтобы сохранить некую интригу, несколько позже.

Не будет преувеличением сказать, что работа Ивана Солоневича, написанная в пору, когда обрушение Российской империи стало жёстким и суровым историческим фактом, — тоже о российской власти. Только уже не в масштабе одной эпохи, а на протяжении веков. О логике бытия России. О психологии и путях её государственного строительства и разрушения. Об условиях, которые позволяют создавать государственность, и кривых зеркалах, способных отражать только отдельные клочки национального быта.

Такова общая составляющая этих трёх книг. При разном фокусном расстоянии они, по сути, дают изображение одного и того же объекта — власти и народа в период “переустройства”. Жанровый снимок взаимоотношений людей, стремящихся во власть, пришедших в неё, и людей, живущих под властью, в которой зачастую трудно обнаружить человеческое сочувствие, зато легко разглядеть бессердечие и безжалостность. Согласитесь, тут есть о чём поразмышлять.

С Василием Аксёновым я знаком лично не был. Один раз видел его на ММКВЯ, но это не считается. В своё время я, тогда старшеклассник, что называется, в одночасье вместе со всеми в “Юности” читал “Звёздный билет”, “Апельсины из Марокко” и смотрел фильмы “Коллеги”, “Мой младший брат”. Это была пора, когда имена Аксёнова и его “звёздных мальчиков” не сходили со страниц газет и журналов. Критика о молодом писателе, которому всего-то 30 лет, много писала: одни хвалили, другие ругали. Но так или иначе в начале 60-х годов Аксёнов не просто стал знаменитым, его произведения вошли в тематику школьных сочинений. Ведь тогда советская школа знала всего три направления в текущей литературе: о войне, о труде и о молодом современнике.

Когда вышла “Затоваренная бочкотара”, мне уже 22 года и я — студент-филолог. Повесть позволила сделать простой вывод: Аксёнов не мой писатель. Это не было оценкой критика. Обычное суждение молодого читателя, которого почему-то больше привлекал Лев Толстой. Спустя 10 лет, читая статьи Анатолия Ланщикова об этике и эстетике прозы, желавшей блеснуть формальной изощрённостью, соглашаясь с его логикой и выводами, я понял, что именно меня в юности оттолкнуло от “исповедальных” повестей писателя-интеллектуала. Подобно Станиславскому, я тогда для себя произнёс фразу, ставшую легендарной в мире не только театра: “Не верю!”

Эмиграция Василия Аксёнова не послужила стимулом к знакомству с последующими произведениями писателя, хотя его имя постоянно пребывало на слуху (запретный плод не всегда сладок). А встретив как-то в интернете текст романа “Золотая наша Железка”, написанного им в 1973 году, я смог одолеть лишь одну страницу. Дойдя до строк: “С диким топотом, словно стадо африканских слонов, неслись по синхрофазотрону мои нейтроны, а я, новичок, ещё не кандидат, а лишь романтик тайных физических наук, стоял, прижавшись молодым ухом к воронёной броне, и пытался сквозь этот грубый беспардонный батальонный топот уловить шорохи истинного микромира”, — решил прекратить насилия над собой.

Справедливости ради надо сказать, что “Таинственная страсть” счастливо лишена словоблудия о синхрофазотронах, нейтронах и шорохах истинного ми-

кромира. Потому как мода на них в литературе давно прошла и настало время иной физической романтики: “Он (Влад Вертикалов – Высоцкий. – А. Р.) пошёл за ней без особой охоты. Ну вот, ещё одна жаждет потрахаться с бардом, чтобы в Москве на фрондёрских сборищах о ней заговорили... Он почувствовал разочарование. Значит, просто о заурядном пистоне идёт речь?”

Нет, я не буду, подобно Виктору Топорову, писавшему о романе Аксёнова “Москва Ква-Ква”, говорить, что “... перед нами не просто наглая, циничная, бездарная и невежественная халтура. Перед нами разжижение мозгов, болезнь Альцгеймера, перед нами старческий маразм, кое-как замаскированный под политический гротеск”. Зачем так грубо?

Свидетельствую: читать “роман о шестидесятниках” можно. Читаем же мы известные слова из трёх и даже пяти букв на заборах и стенах домов, и ничего с нами после этого не случается. Вот и тут: ну, пишет Аксёнов их чёрным по белому на страницах романа. Во-первых, сегодня не у него одного литературный словарь расширился за счёт... или сузился до... обыкновенного мата. Во-вторых, значит, таким он увидел своё предназначение как литератора – писать именно так, как русские классики писать избегали. В-третьих, похоже, что раньше профессиональный литератор по молодости занимался словоблудием о том, в чём мало разбирался; а в года преклонные его потянуло более знакомом – о заурядном блюде.

Спустя некоторое время, впрочем, директор издательства, выпустившего последний роман В. Аксёнова, давая интервью телевидению, поведал с экрана всей стране, что 600-страничный “кирпич” – это сокращённый вариант текста, в который не вошли многие и многие страницы сексуального содержания. Директор порадовал читателей тем, что после смерти автора он намерен опубликовать роман без купюр. И мотивировал свой мужественный поступок тем, что Аксёнов принадлежал к поколению, лишённому властью свободы и прежде всего свободы творчества. Поэтому в тех условиях ему ничего другого не оставалось, как проявлять себя в увлечении терпкой алкогольной смесью и занятиях “любовью”. И эта “сексуальная революция” была ничем иным, как формой протеста.

Сколько авторов и текстов песен, стихов, прозы, рождённых в советское время, числятся сегодня протестными – уму непостижимо! Хотя “контры” в большинстве произведений было с гулькин нос. Ровно столько, насколько выглядывает большой палец при сложении дули. Тем не менее “новый сладостный стиль”, названный сначала “молодёжным”, потом на долгие годы “исповедальным”, позже “советским гламуром” с кукишем в кармане развитию социализму, оказался чрезвычайно удачливой находкой, которую В. Аксёнов эксплуатировал всю жизнь и которая имела популярность у отечественной публики и вызывала ажиотаж у зарубежных критиков.

Как признается спустя годы один из “коллег” В. Аксёнова по писательскому цеху и его друг А. Гладилин: “Мы оказались в нужное время в нужном месте”. И далее: “Это было весёлое время. Я был типичным “шестидесятником”, т. е. искренне верил в светлое будущее. В том смысле, что рано или поздно, попортив нам, конечно, крови, старые пердуны исчезнут, а наше поколение, придя к власти, всё построит по-другому”.

Вообще-то, если ты живёшь с мыслью-желанием прийти к власти, то ожидать тульских пряников от находящихся во власти вряд ли приходится. Мне кажется, любой более-менее неглупый человек это понимать должен. Будь то власть околотитературная, или власть политическая. Природа власти в любом случае едина. Так было во времена Пушкина (вспомним Ф. Булгарина и А. Бенкендорфа), во времена Эренбурга (вспомним А. Фадеева и И. Сталина). Мне представляется, в годы правления Хрущёва и Брежнева изменений в этой области не наблюдалось.

Поэтому печатают твои “нетленки” или не печатают, присуждают премии или делают разнос на писательском пленуме, отправляют в загранкомандировку или делают невыездным, человек с развитой системой ощущений быстро осознаёт выгоду при любом случае и на каждом углу твердить, что путь его в литературе никогда не был прямым, а всегда опасен и многотруден, что завистники и недруги не раз пытались увести в сторону от истины, что враги таланта и вездесущие осведомители и сотрудники КГБ вечно были вокруг и мешали творить. Надо ли говорить, что В. Аксёнов был человеком с развитой системой ощущений. И не он один. Вот диалог из романа между Ваксоном

(В. Аксёновым) и его лучшим другом Робертом Эром (Робертом Рождественским) – события происходят летом 1968 года на коктейбельском пляже:

– Слушай, Вакс, когда ты сказал “эта кодла”, ты кого-нибудь точно имел в виду?

– Всех, Роб.

– Сталинистов, что ли?

– Не только. И ленинистов тоже. И троцкистов. И бухаринцев. Коммунисты – это такая же преступная партия, как нацисты. С той только разницей, что геноцид устроили в своей стране.

– Это в прошлом всё-таки: разве не так?

– Кто может поручиться, что не в будущем?

Роберт перевернулся и сел в воде.

– Послушай, старик, я хочу тебе открыть один секрет... Надо чётко понять, что партия – это единственная сила в нашем обществе. Надо проходить за закрытые двери и участвовать в партийных дебатах. Только так я смогу донести до власти то, что нужно творческим людям. Дать знать, как поэты понимают честную политику. И вот поэтому, дорогой мой Вакса, я решил вступить в партию”.

Надо ли удивляться, что блудом протестующие против власти писатели-шестидесятники, всё решительнее завоевывавшие страницы толстых журналов и планы издательств (о них много писали, говорили, спорили), умело приторговывали как своей свободой, так и своей фрондой.

В воспоминаниях А. Гладилина читаем о знаменитом пленуме (1962 г.) московской писательской организации, посвящённом молодой литературе: “Публика высыпала в фойе. Константин Михайлович Симонов взял под руки Аксёнова и меня и стал театрально прогуливать по живому коридору, а куча фотографов “блицевала” нашу троицу в назидание потомству...”

Наши “исповедальные” авторы одними из первых раскусили цену грамотного пиара, когда критика в прессе работает на имидж эффективней похвалы, а резкие разговоры на писательском пленуме оказываются для продвижения товара, в данном случае литературного произведения, полезнее умолчания.

“И когда в 60-м году, – вспоминает А. Гладилин, – “Юность” напечатала “Коллег”, получивших схожий с Кузнецовским большой читательский и общественный резонанс – сплошь положительные рецензии! – мы с Кузнецовым затащили Аксёнова в какой-то пустой редакционный кабинет, заперли дверь и прочли Васе лекцию: мол, дорогой друг, мы, конечно, рады за тебя, но если тебя так сильно хвалят, значит, ты что-то не то написал”.

Напрашивается закономерный вывод: кумиры 60-х прекрасно соображали, что делали. И тогда, когда “искренно и честно” служили советской власти, и тогда, когда где-нибудь на пляже, на кухне или в постели с очередной шестидесятницей они исподтишка советскую власть ненавидели. Анатолий Ланщиков ещё в пору, когда они были в фаворе, писал: “Авторам “исповедальной” прозы не удалось осмыслить явления, которые происходили в нашей стране в те сложные годы”. Мне кажется, что Анатолий Петрович в данном случае не прав. Авторы “исповедальной” прозы даже и не ставили перед собой такой задачи.

Сознаю, что я не отношусь к поколению Аксёнова, Кузнецова, Гладилина, а у каждого поколения своя судьба. Больше того, уверен, что даже у людей одного поколения судьбы нередко совсем не схожи. И тем не менее жили мы всё-таки в одно время.

Да, у меня мать не была узницей сталинских лагерей, и отца не репрессировали. Об арестах конца 30-х я впервые узнал от своих деда и бабушки. Дед, секретарь одного из московских райкомов комсомола, впоследствии кадровый военный, в своей жизни дважды арестовывался (один раз по делу А. Косарева, второй – по доносу “коллеги” по службе). От бабушки слышал, как, живя в Севастополе, по ночам все замирали, заслышав звук остановившегося “воронка” и шаги в подъезде.

Подрастая в семье, где дед, отец, почти все дяди были кадровыми военными, мальчишкой я мечтал пойти в армию, просился в суворовское училище. И каким потрясением стали тогда для меня слова деда: “Мой внук в эту армию не пойдёт!” (Сегодня почему-то говорят, что вот, мол, армия в 90-е годы стала не та. Но не той она стала вскоре после Великой Отечественной, когда её стала бояться верховная власть.)

Поэтому, если А. Гладилин о себе и своих друзьях говорит, что они “оказались в нужное время в нужном месте” и для них 60-е годы были “весёлым временем”, а сам он “искренне верил в светлое будущее”, то я о себе такого сказать не могу. Шестидесятые для меня прошли под тяжестью совсем не весёлого вопроса — “почему?”.

Почему в школе говорят об одном, а в жизни я вижу совсем другое? Почему уроки истории и обществоведения проходят под аккомпанемент дежурной фразы-рефрена: “В свете решений последнего пленума”? Почему происходит уничтожение кораблей Военно-Морского Флота, ставшее для моряков настоящей трагедией? Почему проводится принудительное выращивание кукурузы чуть ли не в районах тундры? Почему идёт сокращение личных подсобных хозяйств колхозников? Почему в 1963 году случились перебои с хлебом, маслом и мясом, а на следующий год, после отставки Хрущёва, они по мановению волшебной палочки быстренько прекратились? Почему строители развитого социализма, стоя ночью в очереди за хлебом (мы тогда жили в Саратове), злорадствуют по поводу огромного сияющего ярким светом призыва: “Вперёд к победе коммунизма!”, у которого вдруг погасли две буквы, и близ площади Ленина горит-переливается: “Вперёд к беде коммунизма!”? Почему следуют одна за другой очевидные глупости про “догоним и перегоним”, про квартиру каждой семье в ближайшие десятилетия, про построение светлого будущего к определённой дате, про научно-техническую революцию сразу как только? Почему жители Саратова из-за нехватки общественного транспорта, чтобы проехать по городу, должны набиваться битком в трамваи и троллейбусы, висеть на подножках и даже ехать на крышах? Почему появившиеся в 60-е годы резиновые дубинки милиция спокойно применяет против людей на трамвайных, троллейбусных остановках, добываясь, чтобы закрылись двери транспорта? Почему газеты и речи начальников всех рангов переполнены безудержными восхвалениями Хрущёва? Почему на смену вроде бы осуждённому культу личности Сталина идёт культ личности “дорогого и любимого” “великого ленинца” и “великого борца за мир” Никиты Сергеевича, прозываемого в народе Хрущём? Почему каждое событие, каждый чих партийного начальника тут же называется историческим? (Позже всё повторится при Брежневле, Черненко, Андропове, Горбачёве, Ельцине, Путине, Медведеве.) Грустно и смешно, когда даже у школьника возникает недоумение: а что, говорить о начальнике можно и нужно только с придыханием и восторгом? Подобных “почему?” я могу выстроить на несколько страниц.

Но ни на одно из них я не найду ответа на страницах “исповедальной” прозы, торжествовавшей в ту пору. Безусловно, идеологическая власть, как всегда и везде власть это делает, применяла к писателям (как, впрочем, и к художникам, артистам, учёным) политику кнута и пряника. Аксёнову кнут не нравился, пряник нравился. Ведь так хотелось жить в пряничном домике на берегу коньячной реки с берегами из копчёной колбасы и буженины.

Разумеется, я не намерен оправдывать административные меры секретариата Московского отделения писательского союза по поводу альманаха “МетрОполь” и превозносить звучавшую на нём демагогию, обильно цитируемую в романе. Но и панегирика альманах ни тогда, ни сегодня не заслуживает. Сборник неподцензурных текстов, подготовленный известными литераторами в 1979 году, имел своей целью спровоцировать власть на какую-то реакцию (при этом я не вкладываю в слово “спровоцировать” никакого негативного смысла, кто хочет, может заменить его на глагол “вызвать”). Я даже допускаю: участники хотели продемонстрировать, что многим литераторам цензура обрыдла. Больше того, уверен: закрой власть глаза на его даже печатную публикацию, это была бы “бомба” на пять минут. А дальше одолели бы тошнота и зевота. В 1988 в “эпоху гласности” альманах был переиздан в СССР. И что? Появление его стало литературным событием? Вы читаете его и перечитываете, как Чехова, Бунина, Ильфа и Петрова, наконец? Советуете к прочтению своим детям и внукам?

Да, было великое множество писателей в советское время, но кто сегодня станет читать романы “В полдень на солнечной стороне” или “Корни и крона”, “Белый свет” или “Станица”, “Медленный гавот” или “Философский камень”, “Большой зачин” или “Возгорится пламя”, “Межа” или “Годы без войны”? В том-то и дело, что альманах в читательском сознании современника затерялся где-то между ними. По сути литературный пшик. В ту, социали-

стическую, пору о нём заголосили по недомыслию чиновников от литературы, как всегда стремящихся быть святее римского папы. И пошла писать губерния: исключить из Союза писателей, внести в чёрные списки, вынудить эмигрировать, отправить за рубеж и лишиться гражданства. Власть выказала свою дурь вместо того, чтобы проявить здравомыслие. Можно сказать и по-другому: в очередной раз показала всем отсутствие мудрости. Результат по тем временам был предсказуем. Часть друзей-приятелей оказалась за рубежом.

Здесь, на родине, жили по-разному и уезжали по-разному. Анатолий Кузнецов, родоначальник “исповедальной” прозы, в пустом редакционном кабинете прочитавший Аксёнову лекцию – о чём и как писать – в 1969 году выехал в командировку в Лондон будто бы для сбора материалов для написания книги о II съезде РСДРП к приближавшемуся 100-летию со дня рождения Ленина и попросил там политического убежища. Перед отъездом он назанимал у коллег денег – и с концами. Позже пошёл слух, что ничего подобного, это, мол, деза КГБ, стремящегося очернить “невозвращенца и предателя”. Но ещё до распространения слуха я об этом услышал от Юрия Дружникова. И врать ему мне не было никакого резона. Так же как его самого вряд ли уместно соотносить с деяниями спецведомства.

Однако обращает на себя внимание тот факт, что фигура А. Кузнецова в перечне шестидесятников, о которых повествует роман “Таинственная страсть”, отсутствует. Нет его ни среди тех, с кем главный герой откровенничает, ни среди тех, кто так или иначе предаёт сопротивляющихся власти. К сожалению, в романе, размашисто названном “о шестидесятниках”, действует всего-навсего несколько человек. Ну, да Бог с ним! Кого В. Аксёнов не назвал, тот сам подсуелится и себя к ним причислит.

Тут самое время восполнить пропуск, сделанный в самом начале статьи, и раскрыть – что я счёл любопытной скрепой, позволяющей говорить об общности романа В. Аксёнова и документальной книги А. В. Островского “Глупость или измена? Расследование гибели СССР”, центральной фигурой которой является М. Горбачёв.

Можно по-всякому к этому относиться, но экс-президент СССР ныне тоже презентует себя публике в качестве шестидесятника. Любопытное совпадение: летом 1980 года шестидесятник В. Аксёнов покидает родину, осенью того же года другой шестидесятник, М. Горбачёв, становится кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

Феномен первого кое-кто объясняет тем, что шестидесятники в юности по много раз смотрели американские фильмы, заглядывая сквозь них “во внешний мир из сталинской вонючей берлоги”, и слушали записанные на рентгеновскую пленку американские песенки. Феномен второго больше сформирован номенклатурной культурой. Поэтому как простой гражданин он был критиком власти и ратовал на кухне за реформы, но как партаппаратчик он являл собой эталон энергичного исполнителя всего, по поводу чего у вышестоящего начальника “есть мнение”. Но это не помешало им, Аксёнову и Горбачёву, оказаться в одной нише, взгляды обоих и шедших им вослед сыграли существенную роль в разрушении советской системы и Советского государства.

Шестидесятники, которых объединяло стремление к свободе, к переменам, которые каждый понимал по-своему, были люди с самыми разными убеждениями, позициями, судьбами. Нет ничего удивительного в том, что они в целом, как явление, продемонстрировали неспособность к самоанализу и самоидентификации, к общей культуре и к пониманию общих ценностей. Другими словами, они оставили без ответов вопросы о том, что есть Россия, что есть Советский Союз, каковы причины революции, Гражданской войны, сталинизма и почему в стране произошла эта цепь трагедий. Порой складывается впечатление, что единственным, что их роднило, было цитирование на кухонных посиделках первой фразы “Нетерпения” – романа Юрия Трифонова о народовольцах: “К концу семидесятых годов современникам казалось вполне очевидным, что Россия больна”. А дальше всё как в романе: “Спорили лишь о том: какова болезнь и чем её лечить?” Споры не стихают по сей день.

С началом перестройки В. Аксёнов вернулся на родину и получил свою порцию триумфа. Затем 20 лет курсировал между Америкой, Францией и Россией, предпочитая писать в Биаррице в маленьком домике на берегу моря,

где “только волны шумят да самолеты над головой пролетают”. Умер шестидесятник-писатель на 77-м году жизни в Москве.

Шестидесятник-политик М. Горбачёв недавно отпраздновал 80-летний юбилей. Пресса извещала: “Все желающие могут поздравить юбиляра в Лондоне на открытии исторической конференции, посвящённой юбилею политика, и на церемонии вручения новой премии за вклад в развитие современной цивилизации”. Без ложной скромности тема конференции была заявлена: “Поколение Горбачёва: шестидесятники в жизни страны”. Мне даже любопытно, как отнёсся бы В. Аксёнов к тому, что его “включили” в поколение Горбачева. Думается, он всё же полагал, что это Горбачёв принадлежит поколению Аксёнова.

Так как по уважительной причине на историческом мероприятии на острове демократии я не был, поверю на слово ВВС, которая начало церемонии (когда на гигантском экране под музыку Лондонского симфонического оркестра показывали фотографии Горбачёва с другими героями и знаменитостями – от Нельсона Манделы и до принцессы Дианы) назвала “дешёвым” и “за границами приличий”.

ВВС, конечно, Горбачёву не указ, и если я скажу, что не нахожу такой демарш экс-президента приличным, это тоже противоположного мнения Михаила Сергеевича не поколеблет. За ним как-никак Нобелевская премия мира 1990 года, которую, как говорит сам Горбачёв, он получил заслуженно: “Могу так сказать, потому что подтвердил это своей политикой, ответственностью перед страной, народом и перед миром”. Политикой перед миром – тут спорить не стану. А что касается ответственности перед страной и собственным народом – то это как посмотреть. Для основателя Горбачёв-фонда, чей главный офис располагается в Сан-Франциско, вероятно, не будет новостью услышать, что немалая часть народа считает, что Нобелевская премия ему была дана за развал Советского Союза. Недавнее 20-летие со дня ГКЧП и вспышка внимания к событиям тех дней лишь подтверждают право на подобное суждение.

Да и на Западе такую точку зрения можно назвать преобладающей. Там, не стесняясь, режут правду-матку, мол, самая значимая заслуга Горбачева состоит в том, что он “сумел и отважился силой и хитростью нанести первый удар, который, в итоге, отправил чудовищную советскую машину в небытие”.

Ладно, советская машина... Но зачем же так с людьми? Может быть, и без шоковой терапии обойтись было нельзя. Но ведь **терапии**, а не кладбищенского погоста, куда отправили миллионы людей.

Хотя если вспомнить историю – ничего нового. Сначала большевистский переворот обусловил трагедию Гражданской войны. Потом последовали трагедии расказачивания, коллективизации и раскулачивания, раздел страны по национальному принципу и репрессии, Великая Отечественная война, в которой были и бессмысленные атаки “в лоб”, и “котлы” от недомыслия, и лётчики практически без учебного налёта, и традиционное отношение к солдату – людей в России ученого...

На этом фоне высылка в эмиграцию покажется сущим пустяком. Хотя одна, вторая, третья волна – тысячи и тысячи людей, сломанных судеб и преждевременных смертей. Чем в это время занимались политики и политиканы, типичным представителем которых был М. Горбачёв? Рвались к власти и делили эту самую власть. Отправляли на тот свет сначала Ленина, потом ленинцев, позже Сталина. Хрущёв, по сути, пришёл к власти на армейских штыках, находящихся за спиной Г. Жукова, и в момент попытки государственного переворота (летом 1957 г.) позиция именно Жукова обеспечила ему сохранение поста руководителя КПСС. А уже осенью в благодарность министр обороны был снят со всех постов. Брежневская эпоха (1964 г.) тоже стала возможной в результате “дворцового переворота”. Хрущёв был снят по изобретенной им же схеме “по состоянию здоровья”. Нечто подобное предпринял и ГКЧП (1991 г.), у истоков которого находился сам Михаил Сергеевич. И чуть позже, продемонстрировав, что владеет мастерством интриг ничуть не хуже, власть в свои руки прибрал Б. Ельцин. “Всё на свете повторяется”, – как говаривал историк Карамзин.

Но мы обратимся к работе современного историка, взявшегося живописать жизнь и деяния М. Горбачёва. Не удивляйтесь, что я, филолог по образованию, писатель по роду занятий, взялся за “критику” исследования профес-

сионального летописца. Книга носит всё же не научный характер, а скорее публицистический. Это нисколько не снижает её достоинств, как, впрочем, и не увеличивает существующие недостатки.

Начну я, пожалуй, с простого структурирования представленного материала. Во-первых, автор собрал и систематизировал большое количество документов, имеющих отношение к заявленной теме. Во-вторых, представил на суд читателей огромное количество интервью: ответы на свои, авторские, вопросы, на вопросы журналистов, реплики и суждения из книг, написанных людьми из окружения Горбачёва. В-третьих, сделал ряд серьёзных обобщений. В-четвёртых, предложил некоторые выводы.

Вот в таком порядке мы и взглянем на события, освещённые автором. Обильно представленные в работе документы я намерен принять без возражений. Будем считать, что они не искажены, приведены полно и не вырваны из контекста. И тогда этот пласт исследования представляется самой сильной стороной работы А. Островского.

Далее, кроме цитат из документов в книге присутствует много суждений-реплик, которые должны помочь А. Островскому подтвердить или опровергнуть тот или иной тезис. И вот здесь мне почему-то на память приходят некогда слышанные слова про историю и, соответственно, про историков: “– А что по этому поводу скажет история? – История? Как всегда солжёт!”.

Событиям, которым посвящена книга, всего-то десяток-другой лет, а уже либо сплошные “белые” пятна, либо на каждом шагу противоречия, либо суждения одних и тех же людей, опровергающие друг друга. Помнится ответ М. Горбачёва на какой-то вопрос по поводу Фороса, прозвучавший с экрана телевизора: “Вы что, наивно считаете, будто я вам расскажу всё-всё как было? Нет, конечно”. И ведь это позиция не одного Михаила Сергеевича, это позиция практически каждого политика. Дают ли они интервью, пишут ли мемуары – всякий раз дозированно и по-ленински исходя из сложившейся ситуации и руководствуясь, если хотите, голой целесообразностью. В просторечии это называется – как сейчас выгодно. Причём, заметьте, говорить правду политике всегда считают невыгодным. Будь то действующий политик или давно ушедший на пенсию.

Так что словам политиков обычно веры нет никакой. Какой, к примеру, здравомыслящий человек, услышав недавно уверенно произнесённые слова главы МВД Р. Нургалиева, что после реформы министерства взяточничество в его рядах искоренено (“Вот там, за моей спиной, в прошлом, остались взяточничество, злоупотребления служебными полномочиями, коррупция и весь негатив, нет его сегодня”), поверит сказанному? Но кто знает, как и куда подверстают эти слова какой-нибудь историк лет эдак через двадцать?

Поэтому сравнивать сказанное самим Горбачёвым или участниками событий с документами – мне представляется некорректным. Сказал так – журналист напечатал иначе. Сегодня политик произнёс одно, завтра сказал совсем другое, а послезавтра третье. Делать на этом какие-либо выводы, выстраивать ход развития реальной истории – вряд ли правомерно. Но именно так, видим, поступает А. Островский, пытаясь дать ответ на вопрос: “Глупость или измена?”. Кстати, потому в заголовке и стоит вопрос (одно или другое?), что автор расследования не может в этой ситуации прийти к определённому заключению.

И ещё. Читая расследование, чувствуешь сильное желание историка в русле российской традиции сделать однозначный вывод: или – или. В действительности жизнь являет факты, свидетельствующие, что зачастую действуют множественные и разноречивые силы. Каждый из политиков то, что полезно и нужно отчизне, понимает по-своему и соответственно своим взглядам действует. Другое дело, что никому из них ни на словах, ни на деле, исходя из соображений пользы для России, не приходит в голову договариваться. Каждый стремится инакомыслящих изничтожить (кто не со мной, тот враг), созданное до него разрушить (отсюда повсеместное стремление пройти точку невозврата), а потом уже начинать что-то строить, исходя из “лучших побуждений”.

На Руси испокон веков власть любит себя, любимую, и ей глубоко наплевать на тех, кто там, внизу. Заметьте, как часто из уст представителей власти любого уровня звучит сверху вниз: “Быдло! Толпа! Чернь!”. Ну, а с быдлом какой разговор? Обычно короткий. И тут самое время вспомнить и зарубить се-

бе на носу, что патриотизм и гражданственность заключаются не в разговорах и болтовне, а в наведении порядка в местах, к которым мы имеем отношение. В квартире, подъезде, доме, во дворе, на улице. Нужно научиться отлично работать, прилично себя вести и уважать других. Нужно стремиться обустроить быт и навести красоту везде, где человек пребывает. Но можем ли мы сказать, что это характеризует многих наших людей?

Увы, мы предпочитаем заниматься не делом, а спорами и, пользуясь любым случаем, орать: в телевизионной студии, на работе, на сцене, в магазине, на улице. Мы перестали быть людьми и тружениками, мы превратились в шоуменов. Скажете, я преувеличиваю? Тогда вспомните, когда в последний раз вы видели спокойно говорящих Проханова, Веллера, Жириновского, Митрофанова, Сванидзе, Кургиняна, Леонтьева, Митрохина, Исаева... и многих других, напрочь забывших, что криком делу не поможешь.

Я очень далёк от мысли представить М. Горбачёва уверенным и целенаправленным, точно так же, как Б. Ельцина трезвомыслящим. Но, читая исследование А. Островского, складывается мнение, что автор хочет убедить читателей, будто Михаил Сергеевич долгие годы вёл тонкую и продуманную игру, имея в виду чётко осознанную и сформулированную цель: разрушить партию и страну, уничтожить советский тоталитарный режим, совершить “демократический переворот”. Не знаю, насколько сильно играет Горбачёв в шахматы, хотя и встречал информацию, что Президенту СССР М. Горбачёву доводилось играть в эту игру и с А. Карповым, и с президентом ФИДЕ К. Илюмжиновым (на ней советский президент отметил значительную роль шахмат в его жизни и подчеркнул, что шахматы – часть мировой цивилизации). Но его политическая карьера показала и доказала, что далее второго хода в политике он просчитывать не способен. Как позже скажет А. Черняев, “концепции, к чему идём, у него нет”. Эта точка зрения мне ближе.

Я не думаю, что развитие событий в союзных республиках, а затем и в Польше, Венгрии, Германии, Чехословакии и Болгарии – это плод его усилий, что, отбывая в Форос, он уже держал в голове мысль о скорой “передаче” власти. Начиная с антиалкогольной кампании и знаменитой “перестройки”, ни разумного подхода, ни представления, чем всё обернётся, у Горбачёва я не наблюдал. Даже демагогия, верный конёк всех функционеров верхнего эшелона власти, не была сильной стороной его как политика. И все разглагольствования Михаила Сергеевича о том, что он иногда запаздывал, но иногда, напротив, опережал события – они от лукавого. И, главное, все они произнесены много позже, в пору, когда уже можно было говорить всё, что заблагорассудится, выставляя себя в самом привлекательном виде.

Осторожным и нерешительным он проявлял себя лишь в тех случаях, когда речь шла о принятии решений, касающихся страны, но в вопросах, касающихся его лично, он действовал довольно решительно и, как мог, хитро. Почему же тогда он не смог удержать власть? Оказались решительнее, хитрее другие, и те западные политики, кому он (по наивности, по очевидной глупости, по непрофессионализму?) верил “на слово”, и те отечественные мастера подковёрных игр, которые, в конечном счёте, переиграли первого и последнего президента СССР, обогатившего русский язык сентенцией: “Процесс пошёл!”.

Можно ли сделать безусловный вывод, что Горбачёв в своей политике был корыстен и чуть ли ни следовал указаниям иностранных спецслужб? Как мне представляется, А. Островский не смог представить “железобетонную” систему доказательств этого. Хотя, ей-ей, имел такое желание. Безусловно, “реформаторы не были едины”. И справедливы слова автора книги, что “нельзя ставить на одну доску М. Горбачёва и Н. Рыжкова, А. Яковлева и Е. Лигачёва”. Но вот согласиться с тем, что ведущих “архитекторов” и “прорабов перестройки” следует разделить всего на два лагеря: на тех, кто “действительно желал обновления советской системы”, и на тех, кто “стремился к её ликвидации”, чрезвычайно трудно. Потому что в действительности и у “прорабов” суть и цели перестройки были очень не схожи, и “архитекторам” будущее виделось в полном тумане и совершенно разным. Самое грустное, что так было тогда, так же осталось и по сей день. Не менее печально и другое: забегая вперёд, можно сказать, что и сегодня люди, сформировавшиеся в русле шестидесятничества, во многом определяют идеологию и политику постсоветской России.

История последних ста лет показывает: Сталин был характерным продуктом ленинской эпохи; Хрущёв весь вышел из сталинизма; Брежнев и его окружение балансировали между антисталинизмом и сталинизмом; Горбачёв вырос на одной номенклатурной грядке с Брежневым, Черненко и Андроповым. Именно эти трое и обратили внимание на партаппаратчика из Ставрополя и приблизили к себе, как тогда говорили, “выдвинули и перевели в Москву”. За что? Почему? “Может быть, я ему просто понравился”, — “откровенничает” сегодня Горбачёв, вспоминая Андропова. Чем понравился — мы можем лишь гадать. Но одно понятно: каждый из троих увидел в нём своего, то есть энергичного подчинённого, прекрасного преемника кремлевской “старой гвардии”.

Тут мне всё же хочется поведать небольшую историю давних лет, из которой станет ясно, почему я мало симпатизирую М. Горбачёву, хотя и не соглашаюсь с зачислением его в когорту предателей. Случилось это в пору, когда будущий Президент СССР ещё хозяйствовал на Ставрополье, а Раиса Максимовна преподавала в вузе. Странное дело, я буквально “перерыл” интернет, но про интересующий меня период не нашёл ничего. Судите сами, везде, как под копирку, о Р. М. Горбачёвой сообщается: “В 1967 году защитила в Московском государственном педагогическом институте диссертацию в области социологии и получила научную степень кандидата философских наук. В 1978 году, когда Горбачев был избран секретарем ЦК КПСС, они переехали в Москву”. Что и где она делала в промежутки с 1967 по 1978 год — об этом ни слова, ни полслова. Самое большее — это строка о том, что ей даже предлагали место завкафедрой в институте. Почему так — не представляю. И, собственно, это не имеет прямого отношения к тому, о чём я хочу рассказать. Я лишь хотел через интернет уточнить, где именно работала Раиса Максимовна в те годы. Не вышло. Поэтому рассказываю, как и что довелось услышать. Сразу скажу, что история эта сугубо семейная.

Моей теще, работавшей в Академии педагогических наук, в обозначенный период довелось быть научным руководителем одной аспирантки из Ставрополя при защите ею в Москве диссертации. Как это нередко бывает, вклад руководителя в работу диссертантки был достаточно существенный, и благодарная женщина с той поры, бывая в столице, всегда заходила навестить своего бывшего шефа. Работала она в Ставропольском пединституте, стала там даже заведующей кафедрой. И вот в один из своих приездов мы от неё узнали о случившейся в их семье драме: сын её был обвинён то ли в попытке изнасилования, то ли в самом изнасиловании. Мать предпринимала всё, чтобы помочь сыну, и смогла сделать так, что он избежал тюрьмы. Я тогда, помню, полюбопытствовал: “Что, хорошего адвоката нашли? И сколько это стоило?” В ответ услышал: “Обошлись без адвоката. У нас в институте работала жена первого секретаря крайкома партии Раиса Горбачёва. У меня с ней, можно сказать, приятельские отношения. Решила идти к ней на поклон. Стоило очень дорого”. Как вы понимаете, меня в момент “общения” женщин не было. Поэтому свидетельствовать или даже утверждать что-либо я не в силах. Тем не менее история, тогда услышанная, не могла вызвать у меня симпатий к Горбачёву, ставшему потом секретарём ЦК, затем генеральным секретарём КПСС, наконец, Президентом СССР.

Но, согласитесь, после этого совсем иначе воспринимаются страницы книги А. Островского, где среди прочего приводятся слова, принадлежащие генералу Л. Г. Ивашову: “Не хочется говорить о подкупе, взятках в прямом нашем понимании, хотя до сих пор неизвестно, за что президент Южной Кореи Ро Де У вручил М. С. Горбачёву 100 тыс. долларов в апреле 1991 г., которые хранились в сейфе Болдина. Но если проанализировать семь полученных М. С. Горбачёвым премий — американских и международных, то все они вручались за определённые уступки со стороны СССР. Да и только ли Ро Де У передавал напрямую советскому Президенту кругленькие суммы?”

Нет, я не могу ни в чём упрекнуть ни А. Черняева, ни Г. Шахназарова, ни В. Медведева, ни В. Третьякова. Они писали о Горбачёве то, надеюсь, что думали и чувствовали, пусть даже их мысли и чувства расходятся с мыслями и чувствами А. Островского, Л. Ивашова, Г. Зюганова, А. Проханова. Но когда, защищая Горбачёва, они свидетельствовали, что в идее перестройки не было корыстных мотивов: ни личных, ни “ради спасения системы”, дававшей привилегии, в чем его не раз обвиняли, ни, наоборот, ради разрушения, следуя западным рецептам, СССР, — я вспоминаю слова, звучавшие в адрес ше-

стидесятников, про то, что их в юности потрясли западные фильмы про “красивую” жизнь. М. Горбачёву представилась возможность своими глазами увидеть, насколько отличается жизнь людей там и тут. Выезды за рубеж Горбачевых стали регулярными задолго до того, как провинциальный партийный секретарь очутился в кресле генерального секретаря КПСС.

Думаю, они и послужили толчком к мыслям о некоей “перестройке”. Проблема оказалась в том, что понимания, как сделать жизнь в советском зазеркалье столь же привлекательной, не было. И на помощь пришёл старый, проверенный веками, способ: надо ввязаться в драку, а там посмотрим, власть как-никак у меня в руках. Люди спиваются — следует провести антиалкогольную кампанию. Многомиллионный народ находится в путах идеологических догм — дадим ему свободу слова, вероисповедания и т. д. Партийная власть задавила государственную, а государство нависло над личностью человека, не давая ему возможности вздохнуть и проявить свои творческие силы — предоставим возможность каждому войти в общее русло современной цивилизации на основе признания таких общечеловеческих ценностей, как демократия, правовое государство, рыночная экономика, права человека. Ведь это так здорово — каждый сам устраивает свою жизнь и выбирает пути развития.

Всё из самых лучших побуждений. Горбачёв вроде бы следовал здравому смыслу, апеллировал к человеку в человеке, а тот не справился со свободой, не последовал руслом современной цивилизации и очень настороженно воспринял общечеловеческие ценности. Воспользуюсь здесь афористичной фразой, авторство которой с некоторых пор приписывается Черномырдину, хотя гуляла она по стране задолго до того, как Виктор Степанович произнёс её в микрофон, и скажу: Президент хотел, как лучше, а получилось, как всегда.

Почему-то с “переустройством” у не понимающих своего счастья людей вышла накладка: кто не смог, кто не захотел. Противников нового порядка оказалось “выше крыши”. А среди них много военных. Что предпринимает в таких случаях западная демократия? Идущего вразрез с позицией того же американского Белого дома генерала увольняют из армии. Но у Горбачёва, если помните, было слишком много таких генералов. И как истинный демократ, Михаил Сергеевич “чистит” армию вплоть до уровня командования дивизиями. Операция, очень напоминающая “чистку” армии при Сталине. С одним, правда, существенным отличием: демократ Горбачёв никого не расстрелял.

Следуя логике А. Островского, общеизвестный эпизод с приземлением немецкого лётчика-любителя на Васильевском спуске рядом с Красной площадью нужно рассматривать как операцию “Руст”, проведенную КГБ по указанию Горбачёва. Со ссылкой на суждение генерал-майора С. Мельникова организатором операции называется В. Крючков, в скором будущем председатель КГБ и член ГКЧП.

То, что событие дало Горбачёву прекрасный повод снять со своих постов практически всё руководство Советской армии и посадить везде своих людей, не вызывает сомнений. Но вот “единение” западных и отечественных спецслужб, на чём настаивает А. Островский, не вызывает доверия. Хотя бы потому, что из дневника ближайшего горбачёвского помощника А. Черняева известны слова Михаила Сергеевича: “Ну вот, теперь умолкнут кликуши насчёт того, что военные в оппозиции к Горбачёву, что Горбачёв проваливает реформы и что КГБ его вот-вот скинет, как это было во время Хрущёва и Семичастного. Теперь уже не скинут! Некому!” Тут ведь что-то одно: либо КГБ — организатор операции “Руст”, “либо вот-вот скинет” Горбачёва. Но автор “Расследования гибели СССР” этой цитаты в своей книге не приводит. Судя по всему, она не вписывается в его концепцию. Такой избирательный подход не единичен, он особенно сказывается в комментариях А. Островского, обильно представленных на страницах книги. Именно это и заставляет видеть в ней не столько работу историка, сколько выступление публициста. И тогда “Глупость или измена?” — это всё же историческая версия, имеющая право на существование, но не больше. Здесь историк А. Островский очень напоминает другого историка — Ключевского, у которого выводы всегда начинались раньше фактов.

Но вернёмся к Горбачёву, даровавшему народу свободу. Что в итоге вышло? Устроили, и совсем не плохо, свою жизнь и стали определять пути развития других людей и страны в целом лишь те, кто, как они потом говорили, оказались в нужное время в нужном месте. Таким оказалось главное из до-

стижений М. Горбачёва, которое, с точки зрения его сподвижников, может быть приравнено к подвигу.

О том, что на Горбачёва есть резон глядеть как на человека, который “хотел, как лучше”, обратила внимание в своё время книга А. Грачёва, выпущенная издательством “Вагриус”, тут нет никакого моего открытия. Другое дело, что благостного мнения советника, пресс-секретаря Президента СССР, что Горбачёв, “перевернув страницу истории, дал возможность писать её дальше с чистого листа”, я разделить не могу уже хотя бы потому, что мало верю в реальность и полезность начинать каждый раз отечественную историю с чистого листа.

Я сказал бы по-другому: Горбачёв, действительно, перевернул страницу истории, но сделал это до безобразия грубо и беспардонно по отношению к своему народу, как, впрочем, до него поступали и другие правители России. Но прежде чем перейти к ним, другим правителям, позволю себе обозначить один нюанс. Некогда шестидесятник А. Гладилин вспоминал: “Когда-то, на каком-то неофициальном междусобойчике, отважные молодые литераторы набросились на Константина Симонова с обвинениями: дескать, вы продавались, служили властям, а мы не продаёмся. Симонов усмехнулся и вкрадчиво спросил:

– А вас покупали?”

Интересно, что на такой вопрос ответит атеист, как он себя называет, шестидесятник М. Горбачёв, если вдруг доведётся предстать на Божий суд пред Всевышним.

Недавний “юбилей” драматических событий августа 1991 года продолжил длящуюся два десятилетия дискуссию на тему “А могла ли гипотетическая победа ГКЧП спасти Советский Союз?”. Большинство спорящих склоняется к отрицательному ответу. Мол, тогда в стране свирепствовал жесточайший экономический кризис, проявился широчайший размах националистических движений, в которые включилась местная номенклатура союзных республик, дала о себе знать откровенная деградация высшей советской элиты, не способной к проведению какой-либо мало-мальски эффективной политики.

А теперь главный вопрос: а когда в нашей стране была эффективная политика? Может быть, при Брежнев, Хрущёве? Вы назовёте эффективной политику Сталина, Ленина? Пойдём дальше: попробуйте переберите имена царей – чья политика была эффективной? Николая II? Александра II? Или Александра I, Павла I? Екатерины II? Петра I? Нет, я не намерен убеждать кого-либо, что у нас на Руси и позже в России, царской и советской, было плохо всё. Отнюдь. Но все положительные шаги и деяния в стране имели удивительное свойство: они происходили не благодаря, а вопреки верховной власти, политику которой назвать эффективной язык не поворачивается.

Иван Солоневич решил на рискованный шаг и по этому поводу сказал так: “Начиная с конца XVII века до середины двадцатого, государственный строй России развивался – почти непрерывно в **сторону ухудшения**”. Почти 500 лет европейской эволюции, начатой Петром I, и гибели четырёх русских царей, “оказалось недостаточным для того, чтобы “догнать и перегнать” – не Америку, а Москву, закат которой произошёл в эпоху Петра, ставшую крутым переломом в русской истории.

Не могу не повторить здесь суждение А. Ланщикова, заметившего, что, “когда читаешь книгу И. Солоневича, то как-то не верится, что писалась она полвека назад (на сегодняшний день прибавьте ещё 20 лет. – **А. Р.**) – всё необычайно знакомо или узнаваемо; даже стилем он не столько напоминает своих современников, сколько современников наших, пусть даже не существующих, а лишь воображаемых. Слова И. Солоневича как будто летят не из прошлого, а рождаются вот здесь и сейчас, возникают из нескончаемой русской беседы, плодотворной и бессмысленной одновременно”.

Автор “Народной монархии” исходит из той аксиомы, что “Россия имеет **свои** пути, выработала **свои** методы, идёт к **своим** целям и что поэтому **никакие** политические заимствования извне ни к чему, кроме катастрофы, привести не могут”. Странное дело, мы безудержно рвём глотки в спорах о роли Сталина, о пользе реформ Александра II, о державности Екатерины II и не вспоминаем Петра I, в эпоху которого было “начерно оформлено идейное завоевание России Западом”. Наивный вопрос: чем, собственно, роль Петра I

отлична от роли М. Горбачёва? Противники Горбачёва как только не называют его — и предателем, и агентом влияния, и “засланным казачком” с Запада, а к Пётру I, якобы прорубившему окно в Европу, вроде как и никаких претензий. Если так пойдёт и дальше, если вправду “всё на свете повторяется”, то по истечении ещё пятисот лет мы должны будем в истории приравнять по значимости имена Петра и Михаила.

Как много у них общего! “... В “революции” Петра, — читаем у И. Солоневича, — отсутствовал самый основной революционный элемент: насильственный захват власти, отсутствовал тот обычно весьма чёткий перелом, который отделяет “старый режим” от его революционного наследника. В лице Петра “революцию” производил сам “старый режим” и производил её а) законными средствами и б) с патриотической целью. И наконец революционный оттенок петровские деяния получили уже только впоследствии — во всей их сумме. Современникам она казалась нарастающим рядом безобразий и неудач, но никак не революцией... Посмертный успех (петровских реформ. — **А. Р.**) был закреплён новым соотношением социальных сил, о каком Пётр, разумеется, и понятия не имел”. Тут что ни слово, то каждое проецируется впрямую на Горбачева. Всего и надо заменить Петра на Михаила.

Одновременно преследив эволюцию от Алексашки Меншикова к Павлу Милюкову, Александру Керенскому, Климу Ворошилову, Михаилу Суслову вплоть до Александра Яковлева и Игоря Сечина, будет уместным бодро и весело, ничуть не конфузясь, разглагольствовать о наметившемся прогрессе в вопросах совмещения российских и европейских характеров. Прогрессе, взрывающем старое, большой вклад в который в годы минувшие сделал Пётр, в современной истории повторил Михаил Сергеевич, который по-своему тоже рубил окно в единую Европу и намеревался пристроить к общеевропейскому дому российские сени. Но сусальная Европа не смогла даже перевести на свои языки варварское слово “сени” и технические условия на пристройку не подписала.

Петровские реформы создали быт и смысл крепостнического русского дворянства, чьё пребывание во власти ладно закончилось бы рубкой вишнёвых садов — закончилось кровавой революцией с большевиками во главе. Реформы Горбачёва явили миру быт и смысл новой русской буржуазии, чьё пребывание во власти началось ложью, полуправдой, дешёвым популизмом, обнищанием масс и безмерным обогащением коррупционеров.

Миф о Петре, легендарном созидателе новой, просвещённой, достойной войти в европейскую семью России, начался с вопроса о бездне, на краю которой стояла Московская Русь и от которой спас её гений Петра. Миф о Михаиле, легендарном освободителе российского народа из советской кабалы, чтобы тот получил право войти в европейскую семью, начался с вопроса о бездне, на краю которой стоял Советский Союз и от которой спас народ гений Михаила.

Петровская легенда усилиями поколений историков крепилась мыслью, что военный гений Петра, а не полководческий талант Потёмкина, Суворова, Шереметьева показал всем неуязвимость России. Горбачёвская легенда усилиями нынешних политиков-прихлебателей крепится мыслью, что исключительно гений Горбачёва способствовал окончанию “холодной войны” и дал людям шанс дышать и говорить свободно.

Мне не доставит удовольствия сравнивать “птенцов гнезда Петрова” — желающих могут вслед за И. Солоневичем обратиться к оценке их Ключевским — и “птенцов гнезда Горби”, “птенцов гнезда царя Бориса” и оперившихся птенцов нынешних. Но попробуйте сами с трёх раз догадаться, о ком идёт речь: отважный мастер брать, красть и лгать; самый сухопутный генерал-адмирал; великий дипломат с лакейскими ухватками; обер-фискал, которому пришлось отрубить голову за взятки; они начали дурачиться над Россией и принялись торговать Россией, как своей добычей; под высоким покровительством, шедшим с высоты, казнокрадство и взяточничество достигли размеров небывалых раньше, разве только после...

Петровским преобразованиям направление дал Кукуй и царская командировка с Великим посольством в поиске себе учителей в Западную Европу. Горбачёвские планы перестройки тоже за образец берут общественный порядок на Западе.

По реформам Петра государственная собственность (поместное владение) оказалась в руках дворянства, ему же стало принадлежать и крестьянст-

во – русский мужик стал личной собственностью, по сути, рабом. Реформы Горбачёва государственную собственность путём номенклатурной приватизации превратили в частную, положив начало криминальному капитализму.

Петровский “Табель о рангах” создал бюрократию – слой людей, “связанных” только интересами чиновничества. При Горбачёве прошла “диспансеризация” чиновничества, в ходе которой ему была сделана инъекция лошадиной дозы коррупции.

И тогда и сейчас разгромлено было всё. В обоих случаях идея “захвата власти” была взята с Запада. Остаётся добавить, что и при Петре, и при Горбачёве потери русской культуры были чудовищны.

Параллели можно продолжать, но и без того уже понятно, что механизмы обретения власти и пребывания в ней от перемены эпох нисколько не меняются. Как не меняются и результаты великих революций с оглядкой на Запад.

В жизни происходит много невероятного. Хотите верить, хотите нет. Тому простой пример. На следующий день после того, когда Владимир Путин во все даже не проездом мимо очередной потёмкинской деревни, а во время посещения археологического раскопа на месте древнегреческого города Фанагория, опустившись на дно Таманского залива (после погружения российский премьер-министр сказал, что плавал с аквалангом в третий раз в жизни), неожиданно нашёл сразу две амфоры VI века, которые лежали на глубине двух метров, на заметном и прекрасно освещённом месте, однако на протяжении 15-ти веков их почему-то никто так и не заметил – ко мне во сне пришёл экс-царь Пётр I, который как человек сведущий стал объяснять: “Нынешнюю ситуацию в стране я оцениваю как беспокойную, что во многом связано с социально-бытовыми проблемами. Конечно, это не массовый голод или повсеместное отсутствие тепла и света, но, тем не менее, многого не хватает, а то, что есть – постоянно дорожает: услуги ЖКХ, лекарства, продукты питания, товары для детей и многое другое. В последнее время приходится наблюдать наступление на права и свободы россиян. Это недопустимо. Власть должна гарантировать гражданам их права и думать о том, как полноценно обеспечить их безопасность. К сожалению, здесь пока мы слышим много разговоров, но конкретных дел явно недостаточно. Схожие проблемы можно наблюдать и в экономической сфере. Например, у нас всё активнее говорят про необходимость модернизации, но, опять же, конкретных дел пока очень мало. И это меня тоже беспокоит. Положительные изменения могут произойти после выборов в Думу, но только при условии, что они пройдут честно, а все попытки исказить их результаты будут изначально жестко пресекаться”.

Я лежал и удивлялся: надо же, какой мыслитель! Всё-то ему видно оттуда, сверху. И какой глубокий анализ. Да, это тебе не нынешние политики! Вот что значит понимать историю и глубоко чувствовать ход событий. Это тебе не гадалка: расскажу, что было, что есть, что будет.

Что касается наследников М. Горбачёва: и отстранившего его от власти Б. Ельцина, и преемника “царя Бориса” В. Путина, и ставшего третьим президентом Российской Федерации Д. Медведева, то мне не доводилось слышать, чтобы они выступали перед соотечественниками с изложением своих взглядов на российскую историю. Я по простоте душевной даже как-то задал себе наивный до жути вопрос: “А доводилось ли Владимиру Владимировичу и Дмитрию Анатольевичу читать книгу Ивана Солоневича о старой и новой России, не о той, с которой их знакомили в школе и вузе, а о той, какой она была в действительности, что и определило её нынешнее состояние?” И ответить на него положительно не решился.

На моём веку, а я застал ещё Сталина, было много правителей. Каждого и при жизни, а тем более позже, одни нещадно ругали, другие нахваливали, порой так, что становилось за них неловко и стыдно. Но ни одним из них мне, хотя пребываю уже на склоне лет, не доводилось **гордиться**. Не думаю, что это была череда беспринципных руководителей. Как я уже говорил, полагаю, что и один, и второй, и третий... все поступали, исходя из лучших побуждений. Правда, самым сильным из всех их побуждений был страх потерять с таким трудом обрётённую власть.

Люди во власти, конечно, чуть-чуть меняются. С некоторых пор даже в верхних эшелонах власти научились, обращаясь к народу, произносить слово “простите”: за погибших в дни ГКЧП, за то, что многие наши с вами мечты не сбылись.

Мы готовы расчувствоваться, услышав то, что раньше никогда от власти не слышали: “Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и всё одолеем. Одним рывком не получилось. В чём-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперёд через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали.

Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моём сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал всё, что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше”.

Эта фраза: “Я сделал всё что мог” вызывает у меня большой и принципиальный вопрос: “А много ли мог?” И по Сеньке ли властная шапка тем, кто был, кто есть, кто будет у кормила? Настанет ли когда день и час, что я смогу и буду гордиться руководителем моей страны? Не за отдельные моменты, не за короткий миг из времени исполнения обязанностей, а за весь период нахождения во власти.

Сегодня представители власти, предпочитающие называть себя менеджерами от политики, позволяют себе иногда говорить, что им бывает стыдно. Но стыдно им, понимаю, не до такой степени, чтобы признать свою некомпетентность и своё неумение управлять огромной страной и большим коллективом людей под названием народ России.

**Р. С.** Что скрывать, большинство из нас хотело бы жить если не при коммунизме, то всё равно жизнью сладкой, как мёд. Вчера на рынке стал свидетелем “обмена любезностями” между двумя людьми, стоящими у прилавка, где продавался как раз именно мёд. Вернее, финала лёгкой перепалки и прозвучавших слов: “Вы, наверное, из тех, кто больше верит Путину и Медведеву, чем людям”. Оставляю примечательную фразу без комментариев.

ВИКТОР БОЧЕНКОВ

## ИЗ ЧИСТОГО ЗЕРНА

Архивные документы – плоть истории, – заметил немецкий философ Карл Хюбнер в работе “Нация. От забвения к возрождению”. Слово, написанное на старой бумаге, простой или гербовой, может быть, успевшей уже пострадать от влаги, от пыли, аккуратным каллиграфическим почерком профессионального писца, который тем и зарабатывал на хлеб, или тупым железным перышком, цеплявшимся за лист, второпях, что и не разобрать, с ошибками – все равно ценно: где плоть, там и дух. То же применимо к картине, к рисунку.

Республиканское издательство “Белорусская энциклопедия имени Петруся Бровки” представило в рамках недавней XXIV Московской международной книжной выставки-ярмарки факсимильный альбом рисунков русского художника Дмитрия Струкова. В середине 1860-х годов он отправился в экспедицию в Северо-Западный край тогдашней России (ныне территория Беларуси) для создания акварельной серии православных и католических храмов. Теперь церквей этих уж нет (сохранилось до наших дней только два каменных храма, плюс еще один, заметно перестроенный), да и церковных ценностей тоже. А рисунки Струкова попали в 1875 году в библиотеку города Вильно, которая взяла их временно для показа на выставке. Так они там и остались. Ныне оригиналы рисунков – в Отделе редкой книги библиотеки Вильнюсского университета (Литва).

С директором “Белорусской энциклопедии” Татьяной Владимировной Беловой мы встретились на стенде “Книги республики Беларусь. Издательские проекты Союзного государства” в павильоне книжной выставки-ярмарки на Всероссийском выставочном центре (ВВЦ). Она так вспоминала о том, как впервые увидела рисунки Струкова:

– Когда в Вильнюсе смотрели эти огромные планшеты, где каждая страница переложена калькой – мурашки бежали по коже. Я думала, что это деревянное зодчество, оно где-то в Кизжах, в средней полосе России, но чтобы такую мощь, такую силу, такую духовность имела моя родная страна, я не знала!

Сельский храм. Обычная архитектура. Можно сказать, порой очень бедная. Никаких красот. Лазоревое небо, церквушка, крестьянские избы, одинокое дерево... Смотришь, приходит на память тихая, такая же простая мелодия строк Петра Вяземского:

*Люблю проселочной дорогой  
В день летний, в праздник храмовой  
Попасть на службу в храм убогий,  
Почтенный сельской простотой.*

*Тот храм, построенный из бревен,  
Когда-то был села красой,  
Теперь он ветх, хотя не древен,  
И не отмечен был молвой. <...>  
Но простодушней, но покорней  
Молитвы не услышать вам:  
Здесь ей свободней, здесь просторней  
Ей воскриляться к небесам. <...>  
Поедешь дальше, — годы минут,  
А с ними многое пройдет.  
Следы минувшего остынут  
И мало что из них всплывет.  
Но церковь с низкой колокольней,  
Смиранный, набожный народ,  
Один другого богомольней  
В глуши затерянный приход,  
Две, три березы у кладбища,  
Позеленевший тиной пруд,  
Селенья, мирные жилища,  
Где бодрствует нужда и труд,  
Во мне не преданы забвенью!  
Их вижу, как в былые дни,  
И освежительною тенью  
Ложатся на душу они.*

Когда листаешь альбом рисунков Струкова, чувствуешь, как на твоих глазах воскресает прошлое. Именно в том, что это издание способствует укреплению исторической памяти, культурного ядра сразу двух государств и состоит в первую очередь его ценность. Оно не только делает акварели широко доступными. Этого мало. Полная аутентичность рисунков достигнута с помощью акварельной бумаги, передающей их тон, всю достоверность, подлинный цвет и подлинную любовь художника, ее тепло.

Мне довелось быть приглашенным на “круглый стол”, который прошел в сентябре в рамках выставки-ярмарки в пресс-центре “Российской газеты” и был посвящен проблемам сохранения духовной общности народов Беларуси и России. Верно заметила на нем доктор архитектуры Инесса Слюнькова об альбоме рисунков Дмитрия Струкова:

— Эту книгу можно назвать художественной летописью историко-архитектурного наследия Беларуси, созданной русским художником. Она помогает понять, кто есть литвины, белорусы, литовцы. Струков еще в молодые годы стал известен благодаря блестящей серии рисунков Нового Иерусалима — памятника, который реставрируется сейчас по программе Президента России. Выходит, что мы в долгу у Беларуси, в России нет ни одной серьезной работы, посвященной творчеству Струкова. Существует масса неразработанных тем, где культурное наследие России и Беларуси неразделимо, и это особенно важно сейчас, когда молодежь пытается найти ответы на современные проблемы именно в истории, и исследовать эти темы нужно совместно, нужно разрабатывать научные программы, наладить культурный обмен. А такая книга дает основание и обязывает больше внимания уделять темам, связанным с историей двух государств.

Мысль о необходимости укрепления культурных контактов, совместных научных мероприятий поддержала на “круглом столе” доктор филологических наук Людмила Сараскина, напомнив, что около пятисот лет назад одному из далеких предков Достоевского было пожаловано село Достоево, которое ныне относится к Брестской области. И хотя там, конечно, ничего не сохранилось, но есть школа имени Достоевского, а значит, и память о великом писателе — не пустой звук... В 2013 году планируется крупный симпозиум по Достоевскому в Москве. Но подобные мероприятия могут проводиться и в Беларуси.

Симпозиумы, посвященные творчеству великого писателя, проходят в Петербурге, в Старой Руссе, только что я вернулась с конференции в Дорожное, недалеко от Коломны, где было крохотное имение родителей Достоевского. Но есть еще одна нехоженная “тропа” — Достоево, и Белоруссия тоже может признать Достоевского своим писателем.

Альбом акварелей Дмитрия Струкова продолжает серию “Энциклопедия раритетов”, начатую белорусским издательством. В сентябре 2010 года ее первой книгой стал факсимильный альбом портретов XVIII–XIX веков “Радзивиллы”. Новое издание, выполненное в размере in folio (в полный печатный лист), включает в себя 165 черно-белых гравюр, рисунков с историческими комментариями. Тираж альбома разошелся за полгода. За его выпуск “Белорусская энциклопедия” была удостоена Гран-при VIII Международного конкурса “Искусство книги” государств-участников СНГ.

Радзивиллы – один из богатейших родов Великого княжества Литовского, ведущий свое начало с XV века. Его представители имели огромные земельные владения на территории современной Беларуси, замки, крепости, войско, играли значительную роль в политической жизни Речи Посполитой, прославились как меценаты, собиратели портретной галереи, основатели мануфактур.

– Когда мы делали презентацию “Радзивиллов”, из Польши приехали двое потомков этого рода, – рассказывает Татьяна Белова. – Мы путешествовали по Беларуси, посетили родовой замок. Мы пытаемся сохранить ту духовную широту, которая нам, белорусам, всегда была свойственна. Белорусов, например, отличало то, что прежде именовалось прекрасным словом дружелюбие, а сегодня называется толерантностью. Есть на Гомельщине древнее село Юровичи, старое, там еще ледниковый период свой след оставил. Там храм. До обеда молились православные, после – католики. Следующую неделю наоборот. Никто никому не мешал, каждый уважал другого.

... Было время, нынешняя Беларусь дала убежище спасавшимся от преследований старообрядцам. На рубеже XVII–XVIII веков они заселили Гомельскую область, эта местность получила название Ветка. Так назывался остров на реке Сож, а по нему и одно из самых крупных старообрядческих поселений. Ветка и другие слободы быстро превратились в крупные торговые центры. Как символ духовного рассвета, строились монастыри. На Ветку дважды (в 1735 и 1764 годах) направлялись царские карательные войска для “выгона” (выселения) старообрядцев в Россию. Ветка была разорена. Но сохранилась и развилась созданная здесь иконописная и книжная культура, традиции вышивки, резьбы по дереву, чеканки, “цветущий” стиль украшения рукописей, письма. Старообрядцы Ветки, высланные в Сибирь, в Забайкалье принесли сюда и свое искусство. Ветковская культура охватила огромные пространства, став своеобразным культурным мостом между Беларусью и Россией, сочетая в себе традиции обеих стран.

Другой художественно-научный фотоальбом, представленный “Белорусской энциклопедией” в серии “Энциклопедия раритетов”, называется “Живая вера. Ветка”. Он представляет собой обширный каталог предметов церковного назначения и одновременно научное исследование, подготовленное директором Ветковского музея народного творчества Галиной Нечаевой. В нем несколько разделов, посвященных иконописи, золоченой киотной резьбе, шитью жемчугом и бисером, искусству златокузнецов и древнему старообрядческому литью.

– За всеми нашими словами только тогда есть смысл, – считает Галина Григорьевна Нечаева, директор Ветковского музея, – когда есть кровная связь и та энергия, которую предки передают нам, а мы – будущему. Если такой преемственности не будет, никакие слова никого ни в чем никогда не убедят. Чем больше мы узнаем традиционную культуру, тем больше понимаем, что наше прошлое – большой, сложный организм, огромный музыкальный инструмент, и если ты два-три гармоничных созвучия извлекаешь, значит, правильно понял его законы... Мы работаем в простом, чуть ли не деревенском музее. У нас творческий, почти актерский, а потому нервный коллектив, едва поддающийся управлению. Нас объединяет любовь к тому, что мы делаем и храним. Ветка не хотела отказываться от радостей жизни. Один пример. Основатель музея Федор Григорьевич Шкляров учил нас ездить по деревням. Вот мы приехали в одну старообрядческую деревню. Вышла старенькая-старенькая бабушка. Тогда была традиция у старообрядцев: старики, чтобы детей не обременять, сами все готовили себе на смерть, включая гроб. Эта бабушка попросила его у Шклярова. Он был на все руки мастер, то ли сам сделал гроб, то ли заказал, но доставил ей. Прошло лет пятнадцать, гроб лежит на чердаке, а бабушка живет и живет. Шкляров был насколько талантлив, настолько и грубоват: “Что ты, Ирина, гроб заказала, пятнадцать годов прошло, а ты все жи-

вещь”. А она: “Мой-ка ты Федюшка, на том свете не вема, что будет, а здесь живешь, красуешься, са-мо-воль-ни-чаешь!” В другом доме спрашиваем: “Бабушка, а что вам эти иконы?” – “Детки мои, я ими только и красуюсь”. То же в третьем месте, в четвертом. Мы задумались над происхождением слова “красоваться”. И вдруг поняли: одно из доказательств правды – красота. По старым словарям нашли, что первое значение слова “красовать себя” – поглощать, впитывать красоту, поверять себя красотой и самое главное – радоваться. Ветковский музей – это музей, где икона “горит” – светом, красотой, радостью. Невероятные краски, золото, россыпь различных цветов.

В основу обложки альбома взята стертая, ушедшая икона. Фрагмент. Галина Нечаева так пишет о ней в альбоме: “В малом фрагменте иконы, среди сплошных утрат до доски, остались два лика от многолюдной композиции. Что за сюжет? Рождество Христово, волхвы, Покров, народ во храме? Но в любом случае чувствуется, что художник ощущал плотность и многолюдство сцены. Это было важно для мира Ветки, где “слободы, яко пресветлые города расставлены, где вместо древес людей умножение показася, а трава и тернии растущие – вертограды и садовия обратишася”.

Изданные в серии “Энциклопедия раритетов” альбомы призваны способствовать укреплению духовной, исторической, культурной общности Беларуси и России, но они не единственные издания, преследующие эту цель. Силами “Белорусской энциклопедии” и российского издательства “Армпресс” издана “Энциклопедия победы”. Эта книга, совместный проект Министерства информации Республики Беларусь и Правительства Москвы, рассказывает о белорусах, удостоенных звания Героя Советского Союза в битве за Москву, и москвичах, ставших Героями в боях за освобождение Белоруссии. Среди прочих совместных проектов – издание в новом русском переводе классика белорусской литературы Якуба Колоса и другие книги.

Переводы, кстати, особая тема для разговора. Когда-то Литературный институт имени А. М. Горького вел специальный набор в группу русско-белорусских переводчиков. Теперь же такой группы нет, а потребность в переводах – есть. Кстати, многие книги той же “Белорусской энциклопедии” изданы на двух языках.

Первый альбом, который предложила выпустить Татьяна Белова (ранее издательство ими не занималось), был посвящен 600-летию установления заповедного режима в Беловежской пуще. Он вышел в 2009 году. Статьи в нем написаны на белорусском, русском и английском. Проект такого масштаба и значимости был реализован в Беларуси впервые.

– Замысел был такой: 600 лет Пуще – 600 страниц в фотоальбоме, – продолжает Татьяна Белова, доставая эту массивную книгу из футляра, имитирующего кору дерева. – Причем это лишь 600 лет заповедности, когда стало ясно, что земля Пущи уникальна, ее надо охранять. Подключили творческий коллектив фотографов, определили задания. Разворотные каллиграфические страницы специально для этого издания выполнил художник, профессор Павел Афанасьевич Сетевого. Название определили по одной из легенд – “Земля силы”. Дело в том, что в Пуще есть места, выложенные лабиринтом из камней: человек входит, и его как будто пробивают маленькие иголки, а выходя, ощущает прилив силы, словно в него влилась некая энергия. Это в прошлом языческие места, здесь совершались обряды, дававшие силу воинам.

Мы переворачиваем одну из страниц альбома. Я вижу огромный дуб. От самых его корней тянется кверху огромное дупло, и чтобы были видны его размеры, внутри, не пригибаясь, стоит человек.

– Считается, если ты в безвыходном положении войдешь в это дупло, выйдешь с обновленной судьбой. Дубу 650 лет, соснам по 350. В альбоме собраны легенды, полотна, посвященные Беловежской Пуще, показана вся ее история и современность. Специально заказывали вертолётные съемки. Белоруссия вся лесистая. Здешний лес – легкие Европы. Выпущено было 4000 экземпляров фотоальбома, за два года заканчиваем его продажу.

– Будете переиздавать?

– Пойдем дальше. Если надо представить республику, не касаясь политики, то подобные книги – лучший способ. В то же время этот альбом – самая большая политика. Это народ, который сохранил природу. Человек теряет свою силу, если не интегрирован в природу. О чем жалеет человек, когда умирает? О том, что мало смотрел на небо, мало ходил по лесу, мало жил

в единстве с природой. Именно этот Божий свет начинает человек ценить. И в этом альбоме – то, что сохранил народ: свои леса и озера, уникальную культуру. По крупницам, какие бы войны ни прошли. Ведь Пуца и разорвалась, но всегда возрождалась, и живет.

На трех языках выпущены альбомы “Современное белорусское искусство. XXI век”. Первая книга – живопись, вторая посвящена скульптуре, третья – декоративно-прикладному искусству. Справка о художнике подается по всем канонам энциклопедии, далее представлены его работы. В альбом включены не только те, кто уже состоялся, имеет звание и титул, но и молодые художники, кто-то, может быть, авансом, но тем не менее уже о себе заявил. Издательство стремилось показать разные направления, жанры, стили, пластику. И то, что относится к классической школе живописи, и то, что называется модерном. Пусть кто-то не воспринимает, но это есть. Если у художника имеется свой сайт или электронная почта, эта информация указана в альбоме, это – возможность обратной связи и, в конце концов, найти себе клиента.

В этом году вышел третий том энциклопедии “Культура Беларуси”, подготовлена энциклопедия для школьников и студентов “Информационное общество. XXI век”. Так назван первый том, всего их будет тринадцать. По словам Татьяны Беловой, на полное завершение требуется пять лет. В книгах дана основная научная база, необходимая молодому человеку, чтобы ориентироваться в точных и гуманитарных науках. Завершающим томом станет “Молодежь Беларуси”.

В двух томах вышла “Археология Беларуси”, отразившая новые открытия, наработки, энциклопедия “Белорусское зарубежье” – книга, работа над которой началась еще в 1993 году.

– Фактически, с Первого съезда белорусов мира, когда мы впервые в стране собрали наше зарубежье и увидели, сколь многолики труды соотечественников и уникальна история белорусского зарубежья, сколько интересного создано белорусами, живущими за пределами страны, – поясняет составитель и автор, кандидат исторических наук, писательница Наталья Голубева. – Мы отметили во вступлении, что это проект открытый, первая попытка написать историю белорусского зарубежья. Хотели сделать книгу многонациональной. Под белорусским зарубежьем мы понимаем не только этнических белорусов, но всех, кто жил на территории республики, для кого Беларусь стала родиной. Это шесть с половиной тысяч соотечественников, внесших вклад в развитие мировой цивилизации – в экономику, науку, литературу и так далее. Вдумайтесь в эту цифру.

Книга разделена на несколько разделов. Первый дает общую информацию, отсюда можно почерпнуть сведения об истории формирования белорусского зарубежья, процессах, влиявших на миграцию, событиях, архивных документах. Ведь перемещались не только люди, но и культурные ценности. Только пять процентов культурных ценностей находятся в Беларуси. Все остальные – за пределами. По словам Татьяны Беловой, Беларуси принадлежит 4800 уникальных шедевров мирового уровня, и – так уж сложилась история! – многие из них ныне за пределами страны, как те же акварели Дмитрия Струкова. Понятно дело, вернуть их проблематично. Но сберечь, сохранить, описать, воспитывать с их помощью – дело государственной важности. Следующие разделы посвящены белорусам в России, на Украине, в Польше, странах Прибалтики, Великобритании, Канаде, Австралии, Аргентине и другим странах. В “Белорусском зарубежье” впервые опубликованы многие исторические документы, посвященные белорусской эмиграции, диаспорам.

В планах издательства – подготовка книги, посвященной известному белорусскому роду Ваньковичей, по содержанию своему близко стоящей к серии “Энциклопедия раритетов”. Род Ваньковичей берет начало с XV века, на его примере предполагается показать развитие страны. Род дал около двухсот представителей, это юристы, художники (самый известный – Валентин Ванькович, написавший знаменитый портрет Мицкевича на горе Аю-Даг), писатели, политические деятели, благотворители. Ваньковичи имели связи со всеми другими известными родами Беларуси. Эта книга – выход и на их историю. Готовится уникальное издание персональной энциклопедии поэта Максима Богдановича, посвященное его 120-летию, другие книги.

Беларусь – земля с традициями. С той духовностью, которая может возрасти лишь на чистой почве, из чистого зерна. Поэтому здесь востребованы такие книги.

ВЛАДИМИР ЕГОРЫЧЕВ

## ВОЙНА: ПОДВИГ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Великая Отечественная война принесла на белорусскую землю огромные бедствия, явилась трагедией для её жителей, поставила соотечественников перед выбором: что делать? Вступать в борьбу с захватчиками? Уклоняться от противоборства и как-то стараться выжить, занимая нейтральную позицию? Идти на сотрудничество с фашистами, в услужение им?

Эти вопросы стояли и перед интеллигенцией<sup>1</sup> оккупированной Беларуси. История свидетельствует: весьма значительное количество её представителей приняло самое активное участие в сопротивлении фашистам, партизанском движении, подпольной борьбе. И на этот счет имеется впечатляющая статистика [1].

Белорусская литература в этом плане имеет свои художественные обречения. Романы военного времени К. Чорного “Млечный путь”, “Поиски будущего”, “Великий день”, поэмы “Адплата”, “Суд у лесе” Я. Коласа, “Сцяг бригады” А. Куляшова, знаменитое стихотворение Я. Купалы “Беларускім партызанам”, повесть “У завіруху” И. Мележа – всё это произведения во многом разные по эстетическим особенностям. Но их объединяет сама идея человека, которого меняющиеся обстоятельства заставили по-новому и не откладывая задуматься над тем, что такое добро и зло, совесть и криводушие, правда и ложь, что такое суть человеческой ответственности в её наивысших проявлениях.

Однако в условиях оккупации проявилось и другое – склонность к коллаборационизму<sup>2</sup>, сотрудничество некоторой части белорусской интеллигенции с фашизмом. Понятное дело, что тотальная жестокость завоевателей, с одной стороны, и инстинкт “выжить любой ценой” – с другой, ставили перед оказавшимися в тех условиях людьми ряд вопросов.

Как быть? Идти сражаться в любом качестве и тем самым способствовать приближению Победы или тихо отсиживаться в тылу, в подвале, в тёплой хате. Или идти в пособники, предатели, полицаи, быть прислугой у проводников “нового порядка”, а потом, спустя годы, получить одобрение “продвину-

---

<sup>1</sup> Речь пойдет в основном о представителях в среде белорусских литераторов, для которых квалифицированный умственный труд является основным видом профессиональной деятельности и главным источником средств существования.

<sup>2</sup> Коллаборационизм (от франц. Collaboration – сотрудничество) – сотрудничество определенных лиц с германскими захватчиками в странах, оккупированных в годы Второй мировой войны.

тых” авторов: мол, молодцы, что выжили, несмотря на то, на чьей стороне воевали. Не читали, видно, подобные “философы” произведений нашего Василия Быкова, классиков белорусской советской литературы (последние примеры – публикация в газете “Народная воля” (апрель 2010 г.) статьи “Нябышына. Вайна”, материалы сайта “Белорусский партизан”).

Скользкая эта тема, тяжелая и неблагодарная: трудно избежать в дискуссии об оценке коллаборационизма политической ангажированности.

Значительной разработанности этого направления в белорусской исторической науке мы обязаны прежде всего заместителю заведующего отделом военной истории и межгосударственных отношений Института истории НАН Беларуси Владимиру Кузьменко, перу которого принадлежат 5 монографий и около 100 публикаций в печати. В то же время на повестке дня перед исследователями стоят многоаспектные вопросы деятельности интеллигенции, выявленные в годы войны в полной мере двумя течениями: коммунистически-просоветским и национально-пронемецким, “оба из которых в своих пропагандистских материалах считали себя патриотами” [2].

В изучении темы определенный интерес представляют труды изданных на Западе и у нас белорусских эмигрантов [3].

Скажем сразу: неприемлемо “новое прочтение” коллаборационизма в Великой Отечественной войне, когда из людей хитрых, лицемерных и алчных, добровольно ставших на службу к врагу, вдруг лепят “совесть нации”. Такая история никого и ничему хорошему не научит. Ведь время иуд и негодяев не прошло, а “демократизация” и “плюрализм” подвели к тому, что сегодня предателем быть не стыдно (по меркам “нового мышления” – дело обыкновенное).

Дело в том, что все, кто стал на путь реабилитации “своих” коллаборационистов, сотрудничавших в годы войны с вермахтом, гестапо и СС, дуют в одну примитивную дуду. Дескать, они – латышские, литовские, эстонские националисты – были на самом деле не убежденными фашистскими головорезами, а борцами за свободу, которые вместе с доблестными немцами сражались против “сталинского” СССР. К глубокому сожалению, такие же мотивы можно слышать и от “идейных борцов” против большевизма в Беларуси, где погиб каждый третий. Некоторые “новые” историки и публицисты красноречиво убеждают самих себя, что эсэсовец Франц Кушель тоже воевал против белорусов за... Беларусь. Потом, дескать, после победы идей Акинчица и Островского, он обязательно направил бы оружие против немцев. Оригинальный ход мысли...

По мнению М. И. Семиряги, “коллаборационизм советских граждан был порожден не столько симпатиями к фашистской идеологии и гитлеровской Германии, сколько теми социально-политическими и национальными условиями в СССР, которые были созданы сталинским режимом... При этом в поведении части коллаборационистов не исключались, разумеется, честолюбивые и карьеристские мотивы, а также чисто психологические причины: страх перед жестокостью фашистов, стремление защититься и спасти свои семьи, просто выжить в немыслимо тяжелых условиях оккупации. Именно в этом состоит специфика истоков коллаборационизма в Советском Союзе в отличие от других европейских стран, где часть населения поддерживала нацистские лозунги об их “расовой близости” (Дания, Норвегия), о “новой Европе” и некоторые другие” [4]. Выводы небесспорны. Но бесспорно, что изучение форм и проявлений коллаборационизма, борьбы против него будет способствовать успешному разоблачению и политической изоляции современных коллаборационистов.

Во главе белорусского коллаборационизма оказалась часть старой (не признавшей решений 2-й Белорусской национально-политической конференции о прекращении существования правительства БНР и признании Минска единым центром национально-государственного возрождения Белоруссии (Берлин, октябрь 1925 г.) – **В. Е.**) эмигрантской интеллигенции. С приходом в Германии к власти Гитлера определенные круги эмиграции сделали на него ставку, надеялись на немецкую поддержку в деле борьбы за белорусскую антикоммунистическую государственность. В июне 1939 г. в Данциге под опекой фашистов состоялась конференция представителей ряда белорусских эмигрантских центров. Решения, принятые на конференции, требовали усилить борьбу против СССР. В созданное “Беларускае бюро даверу” при Министер-

стве внутренних дел Германии вошли эмигрантские лидеры – Акинчиц, Шкеленок, Шкутко, Годлевский и др. Это было своего рода “белорусское правительство” в Берлине. При нём с лета 1940 г. начал действовать “Беларускі камітэт самапомачы” с филиалами в Варшаве, Праге, Вене, Лодзи<sup>1</sup>. Вскоре эта группа эмигрантской интеллигенции начала издавать в Берлине газету “Раніца” [5].

В помощь немцам готовились материалы о Беларуси – её истории, языке, культуре, быте, обычаях, данные об экономике, природных богатствах, путях сообщений, социальной и политической ситуации. Для немецких солдат и офицеров было выпущено несколько немецко-белорусских и белорусско-немецких словарей, справочников. Гитлеровцы, со своей стороны, привлекали эмигрантские кадры к спецподготовке для использования на захваченной территории. Так, в лагере Вустрау в Германии были организованы для белорусов курсы пропагандистов и переводчиков. Выпускники курсов предназначались для работы в оккупационном аппарате после захвата Беларуси [6]. Я. Найдюк так описал предвоенные контакты и взаимодействие белорусских нацистов с немецкими: “Перад самай вайной у 1939 г. у Бэрліне з’явіўся правадыр беларускіх нацыянал-сацыялістых Фабіян Акінчыц (один из лидеров Белорусской национал-социалистической партии, созданной в Западной Беларуси в начале 1930-х годов. – В. Е.) Ён шукаў у Нямецчыне помачы для беларусаў у змаганні супраць польскае і бальшавіцкае няволі і здзекаў. У выніку гэтага наладзілася супрацоўніцтва беларускіх нацыянал-сацыялістых з нямецкімі дзейнікамі. Супрацоўніцтва гэтае у часе намецка-польскай вайны выявілася ў тым, што шмат беларускіх нацыянал-сацыялістых памагалі немцам у змаганні з палякамі” [7]. Один из лидеров Белорусской Христианской демократии (БХДП) ксёндз Винцент Годлевский 22 июня 1941 г. выступил по радио из Берлина. Он призвал население Беларуси к борьбе против советского режима, поддержке вторгнувшихся немецких войск, “освобождению белорусской земли от большевизма”. И не только он один. И. Косяк в этой связи в книге “Беларусь учора і сёння” отметил: “Нямецкая радыёстанцыя “Вінэта” з Кёнігсбэргу, Усходняй Прусіі надавала радыёпраграмы да народаў СССР на іх мовах, заклікаючы да барацьбы з бальшавізмам. Беларускі ўдзел быў вельмі актыўны ў гэтай працы” [8].

Из статей, которые были опубликованы в конце 30-х годов в журнале “Беларускі фронт” – “О самоопределении народов”, “Народ и нация”, “О славянской идее”, “Потребность национальной идеи”, “Что такое национализм”, “На оси Токио – Берлин”, видно, что в кругах белорусской эмиграции широко пропагандировались основы белорусской государственности и независимости. Но, как показали дальнейшие события, **надежды эти были обречены на провал**. Тогда стоит ли в свете известных фактов утверждать, как считает нужным это сделать один из маститых историков Республики Беларусь, что “НИКТО ИЗ НИХ (борцов за независимое белорусское государство. – В. Е.) НЕ ЗНАЛ ИСТИННЫХ ПЛАНОВ ГИТЛЕРОВСКОГО РУКОВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НАРОДОВ СССР, КОТОРЫЕ БУДУТ ОККУПИРОВАНЫ ФАШИСТАМИ” (выделено нами. – В. Е.). И далее: “Не потому ли, помня немецкую оккупацию 1918 года, они надеялись использовать опыт Белорусской Народной Республики? Тем более, что многие из них были участниками тех событий” [9]. Резонный вопрос: опыт несостоявшейся БНР, без опоры на народ, в сотрудничестве тогда ещё с теми немцами, ничему не научил? Тем паче, что, по признанию учёного, “правительство третьего рейха имело свои виды на будущее устройство захваченных территорий”. Вызывает возражение и следующий пассаж: “Вопреки истине в советской историографии прочно закрепился миф о том, что, готовясь к войне против СССР, с первых дней войны немецкое руководство делало всё возможное, чтобы вбить клин между народами СССР, создать так называемую “пятую колонну” – “марионеточные правительства”.

На самом деле этому фактору гитлеровцы не придавали фактически никакого значения” [10]. Насчет “марионеточных правительств” можно согласиться. А вот по поводу “вбить клин между народами СССР” – документы и факты говорят сами за себя.

---

<sup>1</sup> Уже после войны Р. Островский признал в сообщении для одной из западных разведок, что работа этих “белорусских комитетов” финансировалась гестапо. В печати его признание было обнаружено американским исследователем Дж. Лофтусом, издавшим в 1982 г. в Нью-Йорке книгу “Секрет бригады “Беларусь”.

Среди лидеров белорусского национального движения, как свидетельствуют архивные документы, не было случайных персонажей. Вся его верхушка – в большинстве своём образованные люди, многие из которых имели хорошее дореволюционное или же европейское образование. Например, Борис Рогуля, который командовал белорусским эскадроном СС, закончил в Бельгии Лювенский университет; далее Радослав Островский, президент Белорусской Центральной Рады, с отличием закончил полный курс Петербургского университета; Наталья Арсеньева была студенткой гуманитарного факультета Виленского университета; Станислав Станкевич, заместитель президента БЦР по Барановичской округе, закончил Виленский университет, защитил диссертацию по польской и славянской филологии; руководитель отдела культуры БЦР Евгений Колубович, впоследствии из-за боязни быть выданным советским властям за активное сотрудничество с фашистским режимом сменивший фамилию на Кохановский, закончил Минский педагогический институт (с 1947 г. – премьер-министр и министр иностранных дел правительства БНР). И этот список можно продолжать.

Практически вся верхушка белорусского национального движения владела немецким языком. Это не оставляло сомнения в том, что *она была прекрасно информирована о планах Гитлера на оккупированных территориях*. И не только информирована. В архивах сохранились письма лидеров белорусского нацдвижения, адресованные лично Гитлеру. Так, в письме председателя Рады Белорусской Народной Республики Василя Захарки, датированном 20 апреля 1939 г., на имя его Превосходительства вождя немецкого народа от имени всего белорусского народа выражалась надежда на его всяческую поддержку: “... белорусский народ глубоко уверен в том, что скоро наступит такой момент, когда он получит помощь в своей борьбе. Будет ли эта поддержка в виде революции или войны или в виде помощи иностранных государств... белорусский народ всё равно с благодарностью примет”. И далее: “Будучи убежденным в том, что какие бы события ни разыгрались в Европе, Германская нация будет всегда играть в них первую роль, я покорнейше прошу Ваше Превосходительство соблагволишь иметь в виду законные стремления шестнадцатимиллионного (?! – В. Е.) белорусского народа” [11].

Вот ещё документ из личного дела председателя Комитета белорусской самопомощи в Праге Ермаченко, который так описывает реакцию белорусских организаций по поводу нападения Гитлера на СССР: “Пачатак вайны Нямецчыны з Саветамі горача сустрэлі беларускія арганізацыі. Д-р Ермачэнка інфармаваў прысутных аб вялікіх падзеях, што пачаліся ў гэты гістарычны дзень і выказаў “упэўненасць, што сіла нямецкае зброі зломіць бальшавіцкае ярмо”. А 27 июня 1941 г. белорусские организации, собравшиеся в Праге на свой сход, приняли специальную резолюцию: “Бачачы, што вялікі правадыр нямецкага народа Гітлер павёў сваю непераможную армію на ўсход Еўропы... мы, беларусы, на сваім агульным сходзе ў Празе 27.06.41 г. паставілі выказаць канцлеру Нямецкай імперыі і Яго непераможнай нямецкай арміі найлепшыя пажаданні ў справе знішчэння нашага агульнага ворага. Каб дапамагчы ёй у гэтай вялікай і адказнай працы, беларуская калёнія паставіла прынесці на алтар нашае супольнае справы тое, што яна ў сваіх скромных умовах можа зрабіць” [12].

Когда анализируешь документы, которые принимались белорусскими националистическими организациями по поводу нападения гитлеровской Германии на СССР, ощущаешь ту эйфорию, которая присутствовала в этой среде. В надежде на сотрудничество с нацистами эта категория белорусов, по всей видимости, пыталась вписаться в общую концепцию расового превосходства, которая лежала в основе фашистской идеологии. Она ощущала себя элитой по отношению к белорусским рабам. А то, что белорусский народ был обречен на уничтожение, а ограниченная его часть должна была быть обращена в рабов, лидеры так называемого национально-освободительного движения (как, впрочем, и их сегодняшние доморощенные адвокаты в лице историков “новой хвалі”) НЕ МОГЛИ НЕ ЗНАТЬ.

Ещё в конце 30-х годов белорусскими организациями велась работа, как свидетельствуют документы из личного архива того же Василя Захарки, по созданию “Галоўнага беларускага нацыянальнага цэнтра з мэтай узгаднення дзейнасці ўсіх беларускіх нацыянальных арганізацый за мяжой, таксама і з мэтай адпаведнага нацыянальнага ўзгадавання беларусаў”. С какой целью – ясно из вышеприведенных документальных свидетельств.

Американский юрист Джон Лофтус в уже упоминаемой нами монографии “Секрет бригады “Беларусь”, в которой расследует преступления коллаборационистов, приводит данные о том, что практически 90% верхушки “белорусской элиты” входило в состав айнзатцгруппы “Б”, т. е. карателей. ОНИ ЗНАЛИ, ЧТО ДЕЛАЮТ И В КАКИХ ЦЕЛЯХ, а главное – ЗА КАКУЮ ПЛАТУ. Для слабых памятью следует напомнить о получении “элитными” белорусами зарплаты не в оккупационных марках, а в рейхсмарках (каждая из которых равнялась 12 оккупационным маркам), которая соответствовала зарплате министерского чиновника в Германии; сказать о том, что господра Кушель, Арсеньева, Островский и иже с ними получали ежедневный паёк, куда входили хлеб, масло, бульоны, жир, соль, сахар, крупы и даже кофе – и он был больше, чем паёк советского офицера на передовой.

Из интеллигенции, лиц с образованием формировался контингент бургомистров, сотрудников городских управ, других учреждений вспомогательного управления, хозяйственных органов, подконтрольных оккупантам. Наверное, трудно сегодня до конца разобраться – что преобладало в верхушке коллаборации, организующей группе коллаборантских активистов: действительный национальный идеализм, фанатизм “белорусского дела” или всё же подконтрольность немецким спецслужбам, “зомбированность” ими. Но, думается, сделавшим ставку на фашистскую Германию хотелось попасть в её союзники и благополучно жить под её опекой в “Новой Европе”. Однако, повторимся, у верховных вождей рейха, у Берлина были свои соображения об устройстве захваченных территорий, и белорусскую коллаборацию они брать в союзники не торопились, несмотря на поражения на фронтах. Опираясь в “освобождении” своего народа от России и Польши, претендуя представлять весь белорусский народ, эта в целом немногочисленная интеллигентская группа “зашоренно не видела, что весьма значительная часть белорусского народа “заболела” и ещё “не переболела” советско-социалистической идеей, что БССР создавалась не только Москвой, но и порывом социальных низов Беларуси, местными социалистами, ставшими под коммунистические стяги (коллаборантами были позабыты или не упоминались Белнацком, Д. Жилунович с А. Червяковым, другие их соратники – белорусы, стоявшие у истоков государственности БССР), что коммунистическая идея (возвышенно поданная и возвышенно воспринятая) владела широкими слоями людей, сражавшихся против фашизма под оккупацией, на фронтах” [13].

В этой связи уместно привести саркастические наблюдения аналитиков из немецкой полиции безопасности и СД, сделанные в апреле 1943 г.: “К группе “правых”, которая предана Германии и без компромиссов видит своё будущее только в покровительстве со стороны Германии, принадлежит незначительная часть белорусской интеллигенции. Эта группа... уже так связала себя с немецкой политикой и кажется в глазах другого местного населения в такой степени падшей, что она должна связать свою судьбу с Германией на веки вечные. К ней присоединяется... небольшая группа интеллигенции, которая до сих пор объединялась в “Белорусской народной самопомощи” и которая в последнее время, используя сложившуюся обстановку, выражает свои претензии на автономию. Для этой последней... характерно, что она, несмотря на предполагаемое единство её взглядов и желаний, не является сплоченной руководящей группой всего белорусского народа, а является смешанным пёстрым объединением различных характеров, неудавшихся горе-политиков (отчасти эмигрантов) и идеалистов с демократическими склонностями... В то время как партизанское руководство имеет в своем распоряжении сильных сторонников, эти “антибольшевистские представители белорусского народа” до сих пор не могли установить связь с широкими массами” [14].

Чуть раньше, в январе 1943 г., этими же немецкими спецслужбами, анализировавшими деятельность “Белорусской народной самопомощи”, констатировалось: “Настроение местных кругов интеллигенции, работающих непосредственно в немецких учреждениях или находящихся под немецким контролем... с самого начала не оказывало никакого влияния на широкие массы населения, так как высшие слои и руководство БНС не пользуются уважением у белорусского населения. В самом руководстве БНС всё более заметны растущая неуверенность, взаимное недоверие и упреки в политической безответственности” [15]. Остряки из центрального аппарата БНС так расшифровывали название своей организации: “Бяры Найлепшае Сабел!”

Вполне очевидно, что влияние коллаборационистов среди населения не увеличивалось и в последующем, ибо оккупированный народ воспринимал их не иначе, как пособников завоевателей, с которыми, как и с основным врагом, следует бороться. Способствовала этому ФАШИЗАЦИЯ коллаборации. В своих изысках коллаборационистские теоретики, литераторы, публицисты тесно смыкались с нацизмом. В “Беларуской газэце” открыто высказывались мнения о том, что идеологическим фундаментом консолидации белорусов должен стать национал-социализм. Эти позиции широко пропагандировались. Вот что заявлял, обращаясь к своим соратникам, председатель профашистской БНС Иван Ермаченко: “Вы – прадстаўнікі беларускага народу не павінны ісці на паваду народа, а наадварот, весьці народ туды, куды вы гэта знойдзеце за найлепшае!” [16]. 5 октября 1941 г. некий А. Бульба писал в “Менской газэце”: “Наогул кажучы, нам не стае нацыянальнага фанатызму. Ня будзем палохацца гэтага слова, – толькі нацыянальная палкасць у змаганні, толькі нянавісьць да ворагаў могуць спарадзіць тую сілу, якая ў злучнасці з натхнёнай працай стварае будучыню”. “Вы занадта блізка бераце да сэрца чужое гора”, – воспитывал земляков этот автор.

В данном случае “нацыянальная палкасць” А. Бульбы преследовала вполне конкретную цель – склонить белорусский народ к одобрению развернувшейся в те дни гитлеровской кампании по уничтожению лиц еврейской национальности. А. Бульба декларировал: “Трэба назаўсёды ўясніць сабе, што жыд – ёсць жыд, і ў кожным жыдзе змяшчаецца ў патэнцыі ўсё тое агіднае, чым спрадвеку славіцца гэты народзец, будзе жыд камісарам, або шклярам, камуністам, ці не камуністам. Жыды – справдвечныя і заклятые ворагі арыійскіх народаў” [17].

Для авторов “белорусской” оккупационной прессы (а подобных изданий выходило до 50) была характерна поистине фанатичная ненависть к России и к русскому народу. Один из лидеров белорусской фашистской партии Владислав Козловский в статье “Хто з Менску гаворыць па-расейску” утверждал: “по-русски в Минске говорят только старики, замаскированные евреи и люди с рабской психологией”. Но это ещё не всё. По мнению Козловского, говорить и писать по-белорусски “не навучыўся той, хто быў і ёсць ворагам беларускага народу” [18].

Как и современные белорусские националисты, их коллеги из 40-х годов стремились доказать, что белорусский народ ничего общего не имеет с русским. Некий В. Аганёк в статье “Раса і народ” уверял, что белорусский народ принадлежит к арийской расе – расе господ. Этот опус опубликовала “Беларуская газета”, № 77 за 17 октября 1942 года.

“Арийская” оккупационная пресса была полна материалов, прославлявших Гитлера и гитлеровскую армию, призывавших белорусов сражаться за гитлеровскую “Новую Эўропу”: “Адольф Гітлер павінны быць пэўны, што да вытрывалое страннасці ўсіх творчых беларускіх сілаў... У сьвядомасці гэтага мы, беларусы, дня 20 красавіка ў гадавіну народзін Правадыра Адольфа Гітлера поўныя ўдзячнасці, становімся пры баку нямецкага народу”; “Моц слаўтай нямецкай арміі зламала бальшавіцкія краты. І народ наш вольна ўздыхнуў. Таму будзе вечна жыць слава і ўдзячнасць нашага народу – збаўцы ад уціску, вызвольніку народаў сусвету – Адольфу Гітлеру” [19].

Белорусские националисты – авторы оккупационных изданий – стремились создать и возвысить положительный образ полицейского-карателя, всячески клеветали на белорусских партизан, призывая к расправе над ними: “Ужо адважна змагаюцца з імі беларускія батальёны самааховы, беларускі батальён СС, батальёны беларускай паліцыі, беларускія чыгуначныя батальёны” (“Новы шлях”, № 1 за 1943 г.); “Шмат беларускіх сыноў пайшлі ў шэрагі аддзелаў СС, самааховы, 1-ай Добраахвотнай арміі, ахвяруючы сваё жыццё, весьці змаганне з агульным ворагам чалавечтва – бальшавізмам” (там же, № 22).

В газетах помещались панегирики в честь коллаборантских вооруженных формирований, победные репортажи об их “успешной” борьбе с партизанами. С. В. Жумарь, в частности, как пример этого отмечает серию очерков “З дзённіка беларускага СС” в газете “Голас вёскі”. Коллаборантских журналистов, редакторов изданий специально обучали. По приглашению А. Розенберга в мае 1943 г. был налажен визит делегации белорусских газетчиков в Берлин. В. Козловского, Н. Арсеньева, А. Сенкевича, Г. Козака, В. Шишко принимали на официальном уровне в “Немецком Иностранном Клубе” чинов-

ники из Министерства оккупационных восточных областей и Министерства пропаганды. Была налажена учёба, дано разрешение на публикацию путевых очерков каждым участником поездки [20]. Отдел пропаганды Генерального комиссариата “Беларусь” обычно раз в две недели издавал для коллаборационистских пропагандистов информационный бюллетень, содержащий материалы для докладов, тезисы и т. п. [21].

Только с немецкого разрешения можно было работать на ниве просвещения. Оккупационные власти с осени 1941 г. ввели обязательное школьное обучение и пригрозили, что “каждое большевистское влияние, которое исходит из школы, будет караться смертью”, ибо подрастающая молодежь Беларуси “должна быть возвращена в духе Новой Европы под руководством Адольфа Гитлера” [22]. В учебный процесс пытались внедрить переводные материалы из германских фашистских школьных учебников, в том числе фашистский расовый бред. Всю советскую учебную литературу предписывалось сдавать районному бурмистру. Нарушителей этого приказа Кубе (“О запрете использования советских и старых польских учебников в школе”. – В. Е.) ждало увольнение из школ и “другие наказания”. Для тех, кто сомневался, В. Кубе акцентировал в заключительной части своего распоряжения вышеуказанное наказание. Вот такая “беларушчына”, воспеваемая литературными коллаборантами тех грозных лет и их нынешними подголосками из числа “свьядомых”...

Примечательно, что борьбу против гитлеровских оккупантов и их пособников из числа белорусских националистов, которую вели советские патриоты, сами “спадары” именовали “антибелорусской деятельностью”. А нынешние?

Германия-“освободительница” пропагандой подавалась как опекунка муз, искусства, культуры. Тактической уловкой была и “пробелорусская деятельность” гауляйтера Кубе, не менявшая сути долговременных планов порабощения и истребления белорусского народа. Разрешалось литературное творчество, хотя политику привносили и сюда. “Управлять культурой” стремились через созданные специальные органы. Сначала была попытка организации “Беларуской культурной Рады”, так и не признанной официально немцами. В начале 1944 г. провозглашено создание “Беларускага культурнага згуртавання” во главе с Е. Колубовичем. Руководителями отделов БКЗ были назначены: музыки – Н. Щеглов-Куликович, пропаганды белорусской культуры – В. Дудицкий (Гутько), литературы – Н. Арсеньева, краеведения и музеев – А. Шукелойть, редактором организуемого толстого литературно-художественного журнала “Узвышша” – Ю. Витьбич (Щербаков) [23].

После гибели руководителя Генерального округа пришедший ему на смену К. Готтберг продолжил тактическую линию своего предшественника: с одной стороны – жестокие расправы с патриотами, а с другой – точно отмеренные уступки интересам государственников от белорусской коллаборации. Это встречало признание со стороны последних, что выражалось, в частности, в усилении печатной пропаганды со страниц коллаборационистских изданий.

Фашистские холуи упрямо продолжали связывать в своих “произведениях” судьбу белорусского народа с судьбой его поработителей. Так, в январском номере “Пагоні” была напечатана речь президента ЦБР Островского, где тот сказал, что в отношениях с немцами наступала “новая эра”, “няма больше” “нас” і “вас” – ёсць “мы” (“Пагоня”, 1944, 29 студзеня). Газета русских коллаборационистов “Новый путь”, издававшаяся в Барановичах, пытается обосновать необходимость союза с Германией той смертельной опасностью, какую будто несёт белорусскому народу Красная Армия. Чтобы это было убедительней, публикуется выступление некоего капитана Капоры на собрании в Барановичах. Название этого материала говорит само за себя: “Московский план истребления белорусов”. Абсурдность данных, содержащихся в нём, очевидна. Чего стоит утверждение, что все дети до 14 лет на освобожденных территориях Беларуси “отнимаются у матерей и помещаются в детдома НКВД” (“Новый путь”, 1944, 11 марта)<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> Тема нацистской антисоветской пропаганды на территории Беларуси подробно рассматривается в кандидатских диссертациях С. В. Жумаря и Г. А. Болсун, ряде статей в периодических изданиях. Исследователи приходят к выводу, что если немецкий агитпроп и мог выставить СССР в военном плане “колоссом на глиняных ногах”, то лишь на досталинградском этапе войны. В дальнейшем же и его ригидность и тенденциозность сослужили не лучшую службу в борьбе за сознание населения.

В периодических изданиях публиковались литературные произведения Н. Арсеньевой, Л. Гениюш, А. Соловья, М. Седнева, В. Клишевича, Л. Случанина, Т. Лебеды, начинающих авторов – даже в этих обстоятельствах, согласимся, способности и талант жили в людях [24]. Другое дело, на что они были направлены. Объясняя “литературный коллаборационизм” белорусских авторов, В. И. Кузьменко, ссылаясь на “суровую реальность войны”, которая привносила в “творчество свою окраску”, соглашается: “Н. Арсеньевой приходилось писать тексты для военных маршей коллаборантских формирований (“Беларусь – наша маці – краіна”, “У гушчарах”) [25]. По мысли С. В. Жумаря, в коллаборантской среде “как поэзия, так и проза представляли собой довольно пёструю картину, в которой соседствовали действительно художественные произведения с дешёвыми пасквилями и литературными агитками “на злобу дня”. Сосредоточиться на чисто литературном труде, интеллектуализме, “убеждать”, уклониться от политики, закрыться в творчестве, как в “башне из слоновой кости”, даже при желании в тех обстоятельствах было практически невозможно (выделено нами. – В. Е.). Пером водило не только вдохновение, но и память о пережитом и виденном, идеологическая закомплексованность, конформистские устремления, принадлежность к определенной среде, кругу. И пресловутый политический подтекст выплескивался, вырывался” [26]. Следует иметь в виду, что в среду работавших на немцев и коллаборантскую идею попадали разные люди – и с наивной национально-возвышенной направленностью, и авантюристы, и те, кто запутался, и хитрые приспособленцы, желавшие хорошо устроиться при любой власти.

Действительно, ушли недобрые времена, когда учителя, врача либо рабочего, оказавшегося на оккупированной территории и ради куска хлеба для детей пошедшего на работу, объявляли “врагом”. Но и сегодня не надо забывать про то, как писатель Седнев в 1944 году (!) перебрался в Белосток и издавал там вполне нацистскую газету, звавшую к крови и расплатам. Неправильно из него сегодня делают жертву обстоятельств. *Его выбор был вполне осознан*. Точно так же, как и Витьбича, и Акулы, и даже юного Кита, который с большой радостью пошел служить во вспомогательные части люфтваффе и подвешивал бомбы к “юнкерсам”, летавшим бомбить Лондон.

Сейчас, на склоне лет (100 уже!) о данной странице своей биографии этот американский пенсионер, надо думать, благоразумно помалкивает, поскольку удачно скрыл правду в 1945 году...

Фамилия Арсеньевой в особом конферансе не нуждается. Как и то, что пик её литературной деятельности пришелся на самые черные годы истории Беларуси, оккупации Минска немцами и т. д., а ренессанс, после многолетнего эмигрантского молчания в США, – на начало 90-х. Об этом написано очень много, вряд ли стоит повторяться. Достаточно прочесть статью “Без гнева и пристрастия” (без авторства. – “Советская Белоруссия”, 2010, 22 января). Читаем в ней же: “Важно понять другое. Как всего лишь за год до начала войны и своих последующих литературных, политических и жизненных перипетий сочувствовала тонкая поэтическая душа Наталья Арсеньевой “памяти Ленина”?

Но не спешите, друзья, бросаться на защиту Натальи Арсеньевой, выискивая затасканные “аргументы” вроде того, что её “заставили”, “принудили” или что-то в том же духе, – и тогда, и впоследствии Арсеньева тысячу и один раз гневно отвергала подобные домыслы и гордо заявляла, что “её Муза всегда свободна”... Тем более что она прекрасно знала нравы НКВД, тесно сотрудничала с “органами”, которые через несколько месяцев после написания стихов о Ленине и других “вождях”, несмотря на заступничество западно-белорусских коммунистов, сослали Арсеньеву в глухие края... Да и СД ничего не навязывала и ничего не обещала – даже не обеспечила в Минске безопасность сына... Такова участь этой песчинки, оказавшейся в эпицентре вулкана войны...

Но вряд ли уместно будет хватать булыжник и бросить его в бесплотную тень поэтессы...” [27].

Каково, читатель?! В общем – “Муза всегда свободна!” Вот такая “змаргарка за национальные адрадженне” в любой период творческой жизнедеятельности. Не ведала, что творила?! Не пример ли фарисейского, иезуитски изощренного либерального обмана – попытка поднять на щит пани-фрау Арсеньеву? К сожалению, и здешние национал-демократы, и их друзья из так

называемых белорусоведов Москвы и Санкт-Петербурга хотя превратили прислужницу гитлеровцев в белорусскую национальную героиню. Главного политического цензора Генерального комиссариата, награжденную фашистской медалью “За службу рейху для восточных народов” аж III степени. Ту, которая в июне 1942 г. на торжественном заседании “Белорусской Народной Самопомощи” как председатель женского комитета БНС от имени белорусских женщин вручала палачу белорусского народа гауляйтеру Кубе герб “Пагоня” и букет цветов...

Народный поэт Белоруссии Максим Танк, знакомый с Арсеньевой и её творчеством ещё в довоенное время, встретившись с нею в 1937 г. на одном из литературных вечеров, так описал свои впечатления: “Наогул я — не прыхільнік яе паэзіі, хоць некаторыя яе вершы, прачытаныя на гэтым вечары, мне спадабаліся сваім лірызмам, вобразнасцю. Трэба прызнаць, што са сваіх інтымных пацуючых яна ўмее вязаць прыгожыя карункі. Я заўважыў, што сярод прысутных шмат было сватоў, якім хацелася, каб паміж намі завязалася нейкая творчая дружба. Няўжо яны не бачаць, што мы — людзі рознага складу, розных поглядаў? Выпадкова сустрэліся і не ведаю, ці сустрэнемся больш калі. Дарогі нашы разыходзяцца ў праціглых напрамках” (М. Танк. Лісткі календара).

Писатель и литературный критик В. Колесник, один из авторов книги “Я з вогненнай вёскі” о зверствах фашистов и их белорусских пособников во время Великой Отечественной войны, говоря о литературе Западной Беларуси, называет Арсеньеву-Кушель талантливой поэтессой, которая “увасабляе... трагізм, зніжаны, замутнёны памылкамі і зігзагамі ў палітычнай арыентацыі ў гады вайны...”

“У 30-я гады, калі абвастрылася сацыяльная канфліктнасць, апалітычнасць Арсеньевой перастала ўспрымацца як нявіннае жаночае какецтва інтэлігенткі, а выглядала дэманстрацыяй ухілення ад праблем беларускага вызваленчага руху левых сіл еўрапейскай інтэлігенцыі”. Такую характеристику дает В. Колесник Арсеньевой довоенного периода, поэзия которой уже подвергалась категорической критике. И вот наступает 1941 год. В. Колесник пишет: “А далее сталася тое, пра што цяжка і гідка пісаць” (цит. по: Доморад К. Кому нужно такое наследство? — Советская Белоруссия, 1990, 14 сентября). Невольно вспомнились слова Иоанна Кронштадского, который ещё в 1906 г. говорил: “Не стало у интеллигенции любви к Родине, и она готова продать её инородцам, как Иуда продал Христа злым книжникам и фарисеям”.

Архивные документы свидетельствуют: именно Арсеньева выдала минского подпольщика Костю Немчика, который по приговору партизанского суда расстрелял гитлеровского холоуя, редактора “Беларуской газеты” антисемита Козловского. Костя Немчик был заживо сожжен в тюремной камере минской полиции. Известна и публиковалась в печати радиogramма партизанскому отряду “Мстители” с приказом захватить для суда Кушеля (муж литераторши; до войны — штатный и платный осведомитель НКГБ “по выявлению врагов народа среди писателей БССР”, при немцах — начальник полицейской школы. — В. Е.) и Арсеньеву как главных предателей, а в случае невозможности их захвата живыми — уничтожить [28]. Такова была гражданская и нравственная позиция поэтессы Арсеньевой — Кушель. И даже после разгрома Третьего рейха она, живя в Берлине, Регенсбурге, Алеберге, Мишельсдорфе, надеется ещё вернуться с кушелевской бандой в Белоруссию (“Не плачце”, “Мы вернемся дамоў з адкрытай галавой і з сонцам у душы”). Она остается верна себе, своим “идеалам”, идеалам БЦР.

Правительство БССР ещё в 1947 г. требовало выдачи фашистских преступников и их пособников, которые совершили преступления “на временно оккупированной территории Белоруссии” и скрывались в лагерях для перемещённых лиц. Представитель БССР при ООН располагал списком военных преступников, среди которых первым числился Ф. Кушель. Упоминалась там и его жена Н. Арсеньева.

Получив визы на въезд в США незаконным путем, Кушель, Арсеньева, воюки бригады “Беларусь” и другие преступники и отщепенцы не отказались от мечты вернуться на белорусскую землю в надежде “отомстить Советам”.

Некоторые же реабилитаторы Арсеньевой утверждают, что “памылковасць сваёй грамадзянскай пазіцыі паэтка усведамляла на эміграцыі”. Свежо предание. Не было и публичного искреннего покаяния...

К слову, Франтишек Кушель – автор статей по военной истории Беларуси, как сказано в энциклопедиях, весьма компетентный автор. Судите сами: в 1941-м руководил полицейской школой в Минске, потом курсами переподготовки офицеров-полицаяев. С марта 1944 г. он – шеф главного командования Белорусской Краёвой Обороны, той самой, где служил “писатель” Кастусь Акула (Аркадий Качан), герой 30-й гренадерской дивизии СС “Беларусь”, “осчастлививший белорусскую зарубежную литературу” толстенным романом. Именно Кушель командовал полициями, учинившими кровавую резню 7 ноября 1941 г. в Минском гетто. Ученики Кушеля вместе с немцами уничтожили тогда 8 тыс. евреев [29].

Герой национал-либералов – это кровавый прислужник оккупантов Борис Рогоуля, возглавивший карательный батальон на Новогрудчине и награжденный за заслуги перед рейхом железным крестом II класса. Когда понял, что “Гитлер капут” – драпанул на Запад. Оставил жизнеописание “Жыццё пад агнём” (по сути – анатомия предательства). Исполнял обязанности вице-президента БНР, расположенной на его кухне в Канаде. Не без “литературного” вклада в борьбу с собственным народом остался и Михась Ганько – руководитель профашистского “Союза Беларускай Моладзі”. Это и Ефим Киппель – верный соратник и “идеолог” оккупированного режима, с разрешения СД подготовивший специальную лекцию “Расовое учение”. А Юрка Витьбич – один из главных пропагандистов антисемитизма и верного служения “Новой Эўропе” во главе с Гитлером – чего стоит. “Шакалы бродят по лесам”, – писал он в статье о партизанах, требуя уничтожить всех антифашистов и евреев. И таких иуд пытаются канонизировать, публикуя хвалебные материалы в “демократических” журналах и газетах.

\* \* \*

Рассматриваемая проблема не только научная. Но и правовая, и морально-этическая. Долго можно развенчивать лжелитераторов и мемуаристов. Однако думается, что если равнодушно взирать на подобные околонучные и литературные описания, то в скором времени написанное будет ещё более циничным, абсурдным и бесстыдным, почвой для лучшего распространения лжи о нашем трагическом прошлом. Заслуживаем ли мы, белорусы, таких издевательских экспериментов над нами и нашими потомками?

Отпор злопыхателям должен давать каждый из нас. Мы, родившиеся после войны, как ни прискорбно признать, часто оказываемся бесчувственными и неблагодарными. А ведь это видят и перенимают наши дети. Неудивительно, что для многих нынешних подростков война – это лишь не очень интересный материал, который выучил, ответил и забыл.

Допустить этого нельзя.

Возьмем для наглядности недавний пример из жизни Америки – “цитадели демократии”. В 2001 г. высокопоставленного сотрудника ФБР Роберта Хансена окружной суд США признал виновным в шпионаже в пользу России. Вместо полагающегося в таких случаях смертного приговора осужденный получил пожизненное заключение без права помилования. Многолюдных пикетов и митингов с участием людей, осуждающих Хансена, прошло в Штатах немало. В глазах американцев Хансен – предатель, враг Америки и заслуживает смерти. А нам навязывают жить по Акуле, Кушелю, Езовитову?

Задумаемся над этим вопросом Германа Москаленко, обращенным к нашим соотечественникам в публикации под красноречивым названием “Имен иуд так мало сохранилось, но надо помнить и о них” [30], и отдадим должное логической и фактологической точности автора.

Может быть, в этом стоит поучиться у норвежцев? Гамсуна считают крупным писателем, но за то, что он воспел Гитлера, дружно презирают. А у нас кое-кто закрывает глаза на правду, не хочет замечать, каких дров наломали при немцах “пісьменнікі нацыянальнага адраджэння”. Так вот, с правовой стороны всё понятно, фашизм осужден Международным трибуналом в Нюрнберге, все, кто сотрудничал с фашистами – преступники. Всё остальное – опять же попытки выдать черное за белое.

Да и с морально-этической стороны вопроса тоже всё ясно. Просто отдельные взрослые дяди прикидываются детьми неразумными, пытаются узаконить то, что само поставило себя вне общества.

Да, мы знаем творчество норвежского писателя лауреата Нобелевской премии Кнута Гамсуна. Но мы тоже знаем, что Норвежский государственный трибунал осудил уже дряхлого старика на пожизненный домашний арест за *сотрудничество с гитлеровцами*. И тысячи норвежцев после суда несли к дому именитого коллаборанта его книги и с отвращением бросали их через забор. Поэтому судьба предателей у всех народов была одна – презрение, и никак по-другому, какими бы благовидными предложениями (в нашем случае – стремления возрастить и усилить зародыши белорусского самоуправления под немецкой оккупацией; построить основы белорусского административно-управленческого аппарата) преступные деяния ни прикрывались. Ведь в итоге – неизбежная фашизация, апологетика гитлеризма. Поэтому так мало имён иуд сохранилось в истории, ибо воспитывают на подвигах героев.

Продолжая тему, Наталья Голубева отмечает особенности отечественного коллаборационизма. “Когда анализируешь, что же удалось сделать борцам за национальную независимость в период немецкой оккупации, убеждаешься, сколь высокую цену должен был заплатить белорусский народ за те более чем скромные меры, которые позволило осуществить немецкое командование на оккупированной территории. В период с 1942-го по 1943 год на оккупированной территории начали создаваться четырёхлетние и семилетние белорусские школы. Всего их было создано в Минской округе – 642, Глубокской округе – 484, Барановичской округе – 425, Вилейской округе – 420, Лидской округе – 405. О высшем образовании вопрос вообще не стоял, да и сама система образования вскоре просто развалилась из-за её ненужности оккупационным властям [31].

Как свидетельствуют документы, лидеры “национального возрождения” оставались верными своей идеологии даже тогда, когда уже всему миру было ясно, что такое фашизм, тогда, когда его осудило всё цивилизованное человечество. Об этом свидетельствует и Второй Всебелорусский съезд, собравшийся в июне 1944 г. в Минске, тогда, когда советские войска находились уже у Минска, и письмо Василия Захарки, председателя рады БНР, который в 1943 г., будучи больным, передаёт свои полномочия Ларисе Гениюш – известной поэтессе, которую назначает секретарем Рады БНР и которую делает доверенной во всех своих делах, а также Николаю Абрамчику, назначая его председателем Рады БНР. Им двоим он завещает “...выконваць абавязкі ў духу беларускай дзяржаўнай незалежнасці” [32].

Сегодня возвращаются в отечественную культуру, искусство, литературу имена из эмигрантского зарубежья, патриотов своей родной земли. Это чаще всего люди с трудной судьбой, но и в лихие моменты не порывавшие с Родиной. Творчество эмигрантов-писателей требует объективного изучения и неискаженной оценки. Но, напомним, речь идет не просто о писателях, прямо или косвенно принадлежавших БНР – несбывшейся мечте белорусских буржуазных националистов в период оккупации Беларуси кайзеровской Германией в 1918 г., или БЦР – марионеточному “правительству” белорусов, сформированному генеральным комиссаром “Белорутении” Готтбергом и двумя его помощниками в 1943 г., теперь уже в период оккупации Беларуси гитлеровской Германией. Во время Великой Отечественной войны известная группа литераторов “плодотворно” сотрудничала с захватчиками белорусской земли (по убеждению “съядомых” – коллаборантов – “освободителями”). “Апраўданыя людзям з таго боку фронту Вялікай Айчыннай вайны не можа быць. Міласэрнасць і дараванне яны могуць заслужыць публічным шчырым пакаяннем. Праўда ў той вайне належыць і вечна павінна належыць нам адным”, – такое мнение высказывает В. Колесник (См.: Советская Белоруссия, 1990, 14 сентября), и с этим мнением трудно не согласиться. Впрочем, был некогда опубликован один замечательный документ, адресованный коллаборантам, под названием “Не вам беларусамі звацца” за подписями:

Рыгор Барадулін, Генадзь Бураўкін, Васіль Быкаў, Анатоль Вярцінскі, Ніл Гілевіч, Іван Пташнікаў, Барыс Сачанка, Іван Чыгрынаў.

(См.: Политика, позиция, прогноз. Выпуск № 2 (18), 1992 г.)

Следует также отметить, что в СССР по сравнению с другими европейскими странами отношение к коллаборантам было достаточно лояльным. Например, в Норвегии на 4,5 млн жителей за сотрудничество с фашистами было осуждено 100 тыс. человек, 1 тыс. расстреляно. Во Франции всех, кто прислуживал фашистам, лишили гражданства. Аналогичные меры были приняты

в Дании, Голландии [33]. В СССР же степень вины определялась по принципу причастности к репрессиям в отношении мирных жителей. Поэтому многие из тех, кто славил фашистский режим, понеся различные наказания, продолжали вынашивать мечту о национально независимом белорусском государстве в духе прежних концепций, которая через десятилетия возвратилась к нам в призывах к признанию национальной исключительности белорусской нации, к государственному устройству по принципу доминирования титульной нации, иными словами, к национализму и шовинизму. И в этой ситуации, как не раз бывало в истории, *белорусская нация проявила политическую зрелость и мудрость, оставаясь верной принципам интернационализма и толерантности.*

В заключение скажем: “Сделавшие ставку на Германию, фашизм, вооруженную борьбу против СССР в своих расчетах и намерениях ошиблись. Большая часть белорусского народа не восприняла ни их организационные усилия, попыток претендовать на роль национальных лидеров, ни их идей, пропаганды. Весьма широкие слои населения Беларуси проявили себя в это время сторонниками советского строя, “советской идеи”, вели эту борьбу. В глобальном масштабе бесперспективность и крах коллаборации определялись развитием событий на фронтах войны” [34]. Под такими словами ученого-историка В. И. Кузьменко, на наш взгляд, подпишется любой здравомыслящий исследователь. Для подавляющего большинства образованных людей чувство Родины, принадлежности к земле, где родился и вырос, оказалось сильнее личных обид и позволило сделать выбор, единственно правильный для всего уважающего себя народа.

Память – понятие скорее не материальное, а оттого более хрупкое. Если разрушенный временем или людьми памятник можно отреставрировать, то злонамеренные слова и писания, целеустремленно и методично разрывающие души, сталкивают между собой целые народы, и противостоять этому можно лишь, повторимся, всем вместе. Мы не можем забыть того, что в период Великой Отечественной войны уничтожали наших людей физически и морально не только немецко-фашистские захватчики, но и их приспешники разных национальностей. История подобного не прощает! И поэтому помнить об этом надо: “Никто не забыт и ничто не забыто!”

## Литература

1. См.: Кузьменко В. И. Интеллигенция в агитационно-массовой работе советского партизанского движения на оккупированной территории Беларуси (1941–1944 гг.) / В. И. Кузьменко // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі. Вып. 2. Мн., 1998, с. 190–216.
2. См.: Литвин Алексей. Белорусская Краёвая Оборона. К вопросу о создании белорусского национального войска в годы Второй мировой войны / Алексей Литвин // Нёман, 1994, № 4 (спецвыпуск), с. 176.
3. См.: Ostrowski R. Fragments from historie Byelorus. London, 1957; Другі Усебеларускі Кангрэс, сабр. і апр. на падставе пратакол., запісаў каміс. БЦР пад рэд. Р. А. Астроўскага. Мюнхен, 1954; За Дзяржаўную Незалежнасць Беларусі: Дакументы і матэрыялы сабраны і падрыхтаваны для публікацыі і. Касяком. Лёндан, 1960; Акула К. Дорогами борьбы: Фрагм. романа “Змагарныя дарогі”: Гитлеровская оккупация Беларуси в 1941–1944 гг. // Нёман. 1993. № 2. С. 22–66; Акула К. Змагарныя дарогі. Мн., 1994; Вініцкі А. Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадах. Мн., 1994; Геніюш Л. Сповідзь. Мн., 1993; Калубовіч А. Крокі гісторыі: даследаванні, артыкулы, успаміны. Беласток; Вільня; Менск, 1993; Кіпель Я. Эпізоды. Нью-Ёрк, 1998; Кіпель В. Беларусы у ЗША. Мн., 1993; Кушаль Ф. Спробы арганізацыі беларускага войска пры нямецкай акупацыі Беларусі // Беларускі гістарычны агляд. 1994. Т. 1. Сш. 1; 1995. Т. 2. Сш. 2; 1997. Т. 4. Сш. 1–2; 1998. Т. 5. Сш. 1 (8); Кушаль Ф. Спробы стварэння беларускага войска. Мн., 1999; Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння: папулярны нарыс з гісторыі Беларусі. Мн., 1993, и др.

Понятно, что данные работы требуют внимательного, критического подхода. Эти авторы, потерпевшие поражение в схватке (со всем своим жизненным кредо), естественно, не могут не лгать – их ложь хоть как-то приподнимает их над своим позором. Тем не менее мы должны учитывать и то, что отдельные факты

- и сообщения, которые имеются в мемуарах бывших участников событий, не только в значительной степени дополняют архивные, но подчас являются, пожалуй, разве не единственным источником.
4. Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология, проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. – М.: РОССПЭН, 2000, с. 471.
  5. См.: Кузьменко В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.) / В. И. Кузьменко // Беларусь у гады Вялікай Айчыннай вайны: стан і перспектывы даследавання праблемы. Матэрыялы “круглага стала”. – Мінск, 22 лістапада 2002 г. – Мінск, інстытут гісторыі НАН Беларусі, 2005, с. 124.
  6. Там же, с. 125.
  7. Найдзюк Я., Касяк І. Беларусь учора і сёння. Папулярны нарыс з гісторыі Беларусі / Я. Найдзюк, І. Касяк // Мн., 1993, с. 237–238.
  8. Там же, с. 258.
  9. Литвин Алексей. Белорусская Краёвая оборона..., с. 173.
  10. Там же.
  11. Цит. по: Егорычев В. Е. История в событиях и лицах. Взгляд через призму времени / В. Е. Егорычев. – Гродно, 2006, с. 66.
  12. Там же.
  13. См.: Кузьменко В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.)..., с. 130.
  14. Там же, с. 130–131.
  15. Там же, с. 131.
  16. Цит. по: Егорычев В. Е. Что-то с памятью нашей стало... Критические заметки по вопросам отечественной истории / В. Е. Егорычев; науч. ред. В. А. Неделько. – II изд. – Лида: Лид. тип., 2005, с. 120.
  17. Там же, с. 121.
  18. Там же.
  19. Там же, с. 121–122.
  20. Жумарь С. В. Оккупационная периодическая печать на территории Беларуси в годы Великой Отечественной войны (на материалах белорусскоязычных изданий). Дисс... канд. ист. наук. Мн., 1996, с. 65.
  21. См.: Кузьменко, В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.)..., с. 132.
  22. Там же.
  23. См.: Сачанка Б. Белорусская эмиграция / Б. Сачанка // Мн., 1991, с. 50.
  24. См.: Юрэвіч Л. Літаратурны рух на эміграцыі / Л. Юрэвіч // Мн., 2002; Пашкевіч, А. Зваротны дарогі. Проза беларускай эміграцыі XX стагоддзя / А. Пашкевіч // Беласток, 2001; Туронак Ю. Беларуская кніга пад нямецкім кантролем (1939–1944) / Ю. Туронак // Мн., 2002.
  25. См.: Кузьменко, В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941–1945 гг.), с. 135.
  26. См.: Без гнева и пристрастия / Советская Белоруссия. – 2010. – 22 января.
  27. См.: Степаненко Олег. Лакеи в чужом предбаннике / Олег Степаненко // Правда. – 2001. – 10–11 июля.
  28. См.: Егорычев В. Е. История в событиях и лицах: (Взгляд через призму времени) / В. Е. Егорычев. – Гродно, 2006, с. 73.
  29. Москаленко Герман. Имён иуд так мало сохранилось, но надо помнить и о них / Герман Москаленко // 7 дней. – 2004. – 8 мая.
  30. Голубева Наталья. Коллаборанты. За какую “дзяржаўную незалежнасць” они ратовали? / Наталья Голубева // Рэспубліка. – 2004. – 14 ліпеня.
  31. Егорычев В. Е. История в событиях и лицах: (Взгляд через призму времени) / В. Е. Егорычев. – Гродно, 2006, с. 74–75.
  32. Там же.
  33. Кузьменко В. И. В сотрудничестве с фашизмом: интеллигенция в белорусской коллаборации (1941 – 1945 гг.)..., с. 139.

## ПОДВОДЯ ИТОГИ...

“Наш современник” не раз освещал в последнее время положение дел в Международном Литературном фонде, а сейчас есть повод подвести итог почти детективной истории.

Три с половиной года, прошедшие со дня проведения V отчётно-выборной конференции МЛФ (апрель 2008 г.), стали тяжелейшим временем в жизни нашего литературного сообщества. Сразу же после V конференции группа писателей из бывшего руководства МЛФ, возжелавших оформить долгосрочные договора аренды с правом приватизации дач и земельных участков в Переделкино, развязала оголтелую судебную войну с новым руководством МЛФ. Их главная задача заключалась в том, чтобы все наши конференции, начиная с 5-й, были признаны незаконными, что возвращало их во власть и открывало прямой путь к превращению общеписательской собственности в частную. За эти три с половиной года, отбиваясь от их судебных исков и клеветнических обвинений, нам пришлось пройти через десятки судебных процессов в судах всех уровней, объясняться в самых разных прокуратурах, следственных комитетах, отделах по борьбе с экономическими преступлениями, в отделениях милиции, в Минюсте, в администрации президента и т. п. Сотни часов драгоценного времени, сотни тысяч рублей, истраченных на плату юристам, сотни заявлений и писем во всевозможные органы власти – вот цена нашей победы, которой мы завершили весь этот юридическо-бюрократический кошмар, после недавних решений Верховного Суда РФ и Московского городского суда, на заседании которых наши сутяги и клеветники наконец-то потерпели окончательное поражение. Теперь мы можем сказать писательскому сообществу, что переделкинская общеписательская собственность спасена от хищных планов разграбления, которые были весьма реальными. Теперь наконец-то все решения наших конференций стали легитимными, теперь мы можем начать жизнь по новому уставу, теперь мы можем осуществлять реальные планы развития Переделкино и Комарово и заниматься творческими проектами, что мы и доказали, проведя недавно первое наше литературное совещание молодых писателей... Обещаем писательскому сообществу, что в ближайшие времена мы оправимся от всех финансовых потрясений, навязанных Литфонду приватизаторами, и заживём настоящей творческой литературной жизнью.

**Ст. Куняев**

**Комментирует всё вышеизложенное Иван ПЕРЕВЕРЗИН, председатель исполкома МСПС.**

– Иван Иванович, 17 июня этого года Верховный Суд РФ признал V отчётно-выборную конференцию Международного Литературного фонда законной и вынес новое определение об отказе в удовлетворении исковых требований Зайцева Г. В. и региональной общественной организации “Союз писателей Москвы”, возглавляемой Сидоровым Е. Ю. Тем самым был подведён итог более чем трёхлетней борьбы между группой писателей, арендующих в Переделкино творческие мастерские, и Международным Литературным фондом. Что вы скажете по этому поводу?

– Прежде чем ответить на вопрос, углубимся в историю, а именно в 2003 год.

3 февраля 2003 года прошла IV конференция МЛФ, на которой был принят новый устав этой организации. Следующая, V конференция, в соответствии с уставом, должна была состояться не менее чем через пять лет, то есть не позднее 3 февраля 2008 года. В рамках подготовки к ней 15 ноября 2007 года было проведено заседание бюро, принявшее решение о созыве президиума, 21 ноября президиум МЛФ под председательством Кузнецова Ф. Ф. состоялся. В ходе его работы между председательствующим и мной возникли разногласия. Моя позиция заключалась в том, чтобы провести конференцию согласно уставу не позднее 3 февраля 2008-го. Но Феликс Федосьевич настоял на переносе её на 15 апреля, мотивируя это неготовностью МЛФ к созыву конференции в начале февраля, – что, если называть вещи своими именами, было неправдой.

Как и определил президиум, конференция состоялась 15 апреля 2008 года. Однако ни сам Ф. Ф. Кузнецов, тогдашний председатель МЛФ, ни другие члены бюро МЛФ, а именно Сидоров Е. Ю., Кондакова Н. В., Ерёменко В. Н., Зайцев Г. В., Куницын В. Г., не явились. Истинная причина переноса конференции с 3 февраля на 15 апреля была в том, что указанные лица, принявшие на заседании бюро два документа: Положение о Договоре долгосрочной аренды и Договор о долгосрочной аренде, – никак не могли уговорить меня заключить, в соответствии с этими документами, конкретные долгосрочные договоры с ними.

Отказывался я это делать потому, что два вышеуказанных документа, принятых на бюро МЛФ, шли вразрез с уставом МЛФ и с законодательством Российской Федерации об аренде. В прописанных в Положении о Договоре долгосрочной аренды и Договоре о долгосрочной аренде особых условиях была предусмотрена возможность выкупа дач с последующей приватизацией, причём средства, потраченные на ремонт дач, учитывались бы при оплате за них. Иначе говоря, больше на бумаге, а не на деле проведя некие ремонтные работы, писатели-арендаторы имели бы право претендовать на получение в собственность не только арендуемых творческих мастерских, принадлежащих Международному Литературному фонду, но и земли, на которой дачи располагались. Если б я подписал договоры долгосрочной аренды, как просили г-да Куницын, Зайцев, Ерёменко, Кондакова, Поляков и пр., то к сегодняшнему дню, то есть четыре года спустя, мы бы Переделкино потеряли в угоду группе частных лиц и в ущерб 15-тысячному отряду писателей-членов МЛФ. А ещё через несколько лет, учитывая возраст приватизаторов, дачи перешли бы по праву наследования к их детям, внукам и родственникам, и городок писателей Переделкино превратился бы в дачный посёлок банкиров, менеджеров, полицейских, бизнесменов и других мошенников.

На апрельской конференции делегатам было доложено о незаконных действиях руководства Международного Литературного фонда; в итоге оно не было избрано в руководящие органы на новый срок, а несколько человек из МЛФ были исключены.

Почти сразу после конференции, 19 апреля 2008 года Зайцев Г. В. подал в Савёловский районный суд иск о незаконности V конференции. К иску присоединились “Союз писателей Москвы” во главе с Сидоровым Е. Ю. и Кузнецов Ф. Ф. На протяжении многих месяцев истцы всячески затягивали судебный процесс, что, в принципе, в гражданском судопроизводстве несложно. А делалось это с целью подготовить сфальсифицированные документы, такие

как заключённые задним числом двухсторонние соглашения и различные документы бюро МЛФ. На основе последних, то есть, по сути, на основе подложных доказательств, Савёловский суд признал V конференцию МЛФ незаконной. Мы подали документы в кассационную инстанцию — но она решение Савёловского суда оставила в силе. Нам пришлось обратиться в Верховный Суд Российской Федерации, и в сентябре 2009 года его определением решения нижестоящих судов были отменены с возвращением дела на новое рассмотрение в Савёловский суд. Однако при новом рассмотрении он, проигнорировав указания высшей инстанции, опять вынес решение о незаконности V конференции.

В связи с этим мы вынуждены были вновь повторить весь путь судебных обжалований. Эпопея закончилась лишь 17 июня 2011 года, когда Верховный Суд России не только отменил решения Савёловского районного и Московского городского судов, но и отказал в иске Зайцеву Г. В. и Сидорову Е. Ю.

Борьба за признание законности V конференции, длившаяся в течение трёх лет, завершилась. Вскоре то же самое произошло и в Мосгорсуде, признавшем и VI, и VII конференцию МЛФ легитимными.

Казалось бы, я, как один из руководителей МЛФ, должен быть удовлетворён. Однако я не только не радуюсь, но и огорчён в крайней степени. Потому что несколько писателей, игнорируя устав, противопоставили себя 15-тысячной организации, а Савёловский районный суд принял не взвешенное решение, как требует закон, а решение, основанное на вопиющих фальшивках.

Иными словами, Савёловский районный суд решал не по закону, но “по понятиям”. Страшнее для подрыва государственной судебной системы трудно придумать!

И вот что ещё. Писательское большинство, к великому сожалению, вынуждено было вступить в судебные тяжбы с другими писателями, обрушившими на противников приватизации всю мощь продажных СМИ, в связи с чем наша распря широко освещалась. Как результат, в глазах читателей России и сопредельных стран авторитет имени российского писателя был подорван. Ведь борьба шла не за то, чтоб в меру данного Богом таланта мастера слова соревновались в отображении сложной российской социальной, политической и духовной действительности, что и является писательским долгом. Вместо этого вышеуказанные литераторы предпочли поставить свой дар на службу корыстным целям личного обогащения за счёт собратьев по перу. Кроме моральных потерь для всего писательского цеха, мы понесли и невосполнимый материальный урон, если учесть, какие суммы шли на оплату услуг адвокатов, вместо того чтоб направить их на помощь нуждающимся литераторам.

Думаю, писательской общественности ещё предстоит дать оценку антиуставным действиям вышеперечисленной группы приватизаторов писательской собственности.

## СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 2011 ГОД

---

### Проза

---

АНИСИМКОВА Маргарита. **Дровокол Гоша**. Рассказ (№ 8)  
БЕЛОЗЁРОВ Андрей. **Бендерский снайпер**. Рассказ (№ 3)  
БОРОВИКОВА Раиса. **Метеоритное железо**. Рассказ (№ 12)  
БУЗМАКОВ Сергей. **Одинокая игра**. Рассказ (№ 1)  
БУТЕНКО Владимир. **Девочка на джипе**. Повесть (№ 10)  
ВОРОНЦОВ Андрей. **По ту сторону жизни**. Рассказы (№ 3)  
ВТОРУШИН Станислав. **Женщина в чёрном**. Рассказы (№ 11)  
ГАГАРИН Антон. **Первое свидание**. Рассказ (№ 7)  
ГОРБУНОВ Анатолий. **Земная красота**. Рассказы (№ 10)  
ГОРДЕЙ Виктор. **Федора**. Рассказ (№ 12)  
ЖДАН Олег. **Гений**. Повесть (№ 12)  
ЗАМЛЕЛОВА Светлана. **Счастье**. Рассказ (№ 3)  
ИВАНОВ Александр. **Счастливые**. Рассказ (№ 12)  
ИВАНОВ Николай. **Тот, кто стреляет первым**. Рассказы (№ 2)  
ИВЕНШЕВ Николай. **За кудыкины горы**. Повесть (№ 9)  
ИГУМНОВ Дмитрий. **Улица родная**. Рассказы (№ 2)  
КАРЫШЕВ Альберт. **Змеиный взгляд**. Этюды (№ 11)  
КИЛЯКОВ Василий. **Балагур**. Повесть (№ 11)  
КОЗЛОВ Сергей. **Отцы**. Рассказ (№ 5); **Время любить**. Роман (№ 8)  
КРЕЙДИЧ Анатолий. **Чёрная белка**. Рассказ (№ 6)  
КРУПИН Владимир. **Жертва вечерняя**. Рассказы (№ 1); **Было дело под Полтавой**. Рассказы (№ 10)  
ЛИСНЯК (о.Алексий). **Церковное солнце**. Рассказы (№ 4)  
ЛИХОНОСОВ Виктор. **Не даёт покоя история** (№ 4)  
ЛУЦКИЙ Сергей. **Бальзаковский возраст**. Рассказы (№ 8)  
МАЛЬКОВ Виталий. **Ильич**. Рассказ (№ 10)  
МАНУЙЛОВ Виктор. **В небе следов не остается**. Повесть (№ 2)  
МАРЧУК Георгий. **Давид-Городокские каноны** (№ 12)  
МИХЕЕНКОВ Сергей. **Высота смертников** (№ 5)

ПАНКРАТОВА Светлана. **Разлучница**. Рассказ (№ 6)  
ПРОНСКИЙ Владимир. **Вкус терентьевки**. Рассказ (№ 10)  
РОГОВ Анатолий. **Китайская ваза**. Рассказ (№ 3)  
РУДОВИЧ Мария. **Старый дом**. Рассказы (№ 12)  
СЕГЕНЬ Александр. **Московский Златоуст**. Повесть (№ 1)  
СМОРОДИНЫ Анна и Константин. **Объяснение в любви**. Рассказы (№ 9)  
СОЧАЛИН Олег. **Больше, чем игра**. Повесть (№ 10)  
ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **Зелёный свет**. Рассказы (№ 4); **Безымянная вода**. Рассказы (№ 9)  
ТРАПЕЗНИКОВ Александр. **Люди и призраки**. Повесть (№ 3)  
ТРАХИМЁНОК Сергей. **Родная кровинка**. Рассказ (№ 12)  
УБОГИЙ Андрей. **Новая жизнь**. Рассказ (№ 2)  
УНТИЛА Александр. **Нога**. Рассказ (№ 11)  
ХАЙРЮЗОВ Валерий. **Путь в космос** (№ 4)  
ЧИКАРНЕЕВА Виктория. **Окно на пятом этаже**. Рассказ (№ 3)  
ШЕВЦОВ Виталий. **Любимая книга**. Рассказы (№ 12)  
ШИШКИН Евгений. **Правда и блаженство**. Роман (№ 6–7)  
ЮЖАНИНОВ Леонид. **Володька**. Рассказ (№ 5)

---

### Поэзия

---

АВРУТИН Анатолий. **Но Отчизна ни в чём не повинна...** (№ 12)  
АНДРЕЕВ Владимир. **Мне по нраву** (№ 8)  
БАЛАШОВ Эдуард. **С Родиной не разминуться...** (№ 1)  
БАЛАШОВА Елена. **Живая!** (№ 3)  
БЕРЯЗЕВ Владимир. **Тобук**. Поэма (№ 2)  
БОРИСЕВИЧ Елена. **Родина и любовь** (№ 12)  
БРОНШТЕЙН Виктор. **Не слышно русского народа** (№ 4)  
БРЯХОВЕЦКИЙ Виктор. **Пройдём над грядущею бездной** (№ 10)  
ВЕРСТАКОВ Виктор. **Очертания русской тоски** (№ 3); **Протянем огненные руки** (№ 12)  
ВОЛКОВЕЦ Владимир. **Север** (№ 8)

ГЛОБУС Адам. **Дышится легко** (№ 8)  
ГЛУШНЁВ Григорий. **Времени ход**  
(№ 11)  
ГОРБОВСКИЙ Глеб. **Глоток надежды**  
(№ 10)  
ГРЕБНЕВ Анатолий. **По вечной реке**  
(№ 3)  
ДАГАНОВ Абдулла. **Поздний визит**  
(№ 7)  
ДЖГУБУРИЯ Мурман. **Родные люди**  
(№ 4)  
ДОНБАЙ Сергей. **Стихи варвара** (№ 4)  
ЕВСЕЕВА Светлана. **Самосознание  
родства** (№ 12)  
ЕГОРОВА Наталья. **Ниоткуда, как  
чудо, приходят слова...** (№ 10)  
ИСАЕВ Валерий. **Где твоя родина?**  
(№ 6)  
КАЗАРИН Дмитрий. **В потаённом саду**  
(№ 2)  
КЛИМЕНКОВ Александр. **Россия –  
моя колея...** (№ 11)  
КОВДА Вадим. **Всё равно я люблю**  
(№ 9)  
КОВРИЖНЫХ Виктор. **Народная тропа**  
(№ 6)  
КОЗЛОВ Денис. **Ещё один шаг на  
вершину жизни...** (№ 11)  
КОРНЕЕВ Вадим. **Другого-то народа  
нет...** (№ 9)  
КОРОБОВ Владимир. **Души ранимые  
прозренья...** (№ 7)  
КРАСНОВА-ГУСАЧЕНКО Тамара. **То  
лесом, то полем** (№ 12)  
КУВАЕВА Наталья. **С тобой и без тебя**  
(№ 8)  
ЛАПУЗИН Борис. **Здесь Россия...**  
(№ 11)  
ЛАПШИН Виктор. **И мигом дождя  
каждым...** (№ 5)  
ЛОГВИНОВ (о. Андрей). **С пасхаль-  
ной свежестью земли** (№ 4)  
ЛОЩИЦ Юрий. **Воды Галилейские**  
(№ 7)  
МАТВЕЕВА Новелла. **Песнь осенних  
дней** (№ 3)  
МЕТЛИЦКИЙ Никола. **Целить их ду-  
ши песней и стихом** (№ 12)  
МИЗГУЛИН Дмитрий. **В нашей жизни  
всё предельно просто** (№ 8)  
НАМЕСТНИКОВ Николай. **Позволь  
показать тебе Родину...** (№ 12)  
ОЖЕРЕЛЬЕВ Константин. **Горит оте-  
чество...** (№ 11)  
ПАРКАЕВ Юрий. **У памяти в плену**  
(№ 2)  
ПАШКОВ Геннадий. **Заблудись в си-  
ренивом тумане...** (№ 12)  
ПЕЛЕНЯГРЭ Виктор. **Крутить любовь  
напропалую** (№ 3)  
ПЕРЕВЕРЗИН Иван. **Осенним днём**  
(№ 9)

ПОЗДНЯКОВ Михаил. **Входя в поряд-  
док мировой...** (№ 12)  
ПОЛИКАНИНА Валентина. **А мне бы  
здесь и жить** (№ 12)  
РАЧКОВ Николай. **Чем душу лечить?**  
(№ 9)  
РУМЯНЦЕВ Андрей. **Волнистая до-  
рога до небес** (№ 1)  
САЛТУК Олег. **Сыновнее слово** (№ 12)  
СЕЙДАМЕТОВА Карина. **Мы восста-  
нем из пепла** (№ 11)  
СИРОТИН Борис. **“Мы загадали на  
звезду...”** (№ 8)  
СКИФ Владимир. **Моих печалей  
горький дым** (№ 9)  
СКОРИНКИН Андрей. **Любовь в об-  
лаках** (№ 2); **Приходит время от-  
вечать за зло...** (№ 12)  
СОРОКИН Валентин. **Звезда проща-  
ния** (№ 10)  
СТРУЖ Василий. **Я не уеду...** (№ 7)  
СТРУКОВА Марина. **Грозовая чаша**  
(№ 11)  
СУРНИНА Ирина. **И стужею пахнут  
берёзы** (№ 11)  
СУХАНОВ Пётр. **Песня сына Югры**  
(№ 8)  
СЫРНЕВА Светлана. **Никто не хотел  
умирать...** (№ 9)  
ТАРХАНОВ Андрей. **Душа и сердце**  
(№ 8)  
ТЮЛЕНЕВ Игорь. **Однокашники рус-  
ских равнин** (№ 5)  
УРУСОВ Владимир. **Нам Родина –  
бездна** (№ 6)  
ХАРИС Ренат. **Протрите глаза** (№ 5)  
ХРУЩ Нина. **Легко ли жить в моей  
России?..** (№ 3)  
ЧЕРНОВ Николай. **Нас воспитала  
правда улиц...** (№ 11)  
ШАМСУТДИНОВА Марина. **Две тыся-  
чи семнадцатый** (№ 11)  
ШАЦКОВ Андрей. **Отразились звёз-  
ды в Иордане** (№ 11)  
ШЕЛЕХОВ Михаил. **Имена на грани-  
те** (№ 12)  
ШИПИЛОВ Николай. **Мы великой  
России одоная...** (№ 12)  
ШТЫРОВ Анатолий. **“Кому я душу  
исповедую...”** С комментариями  
Ст. Куняева (№ 4)  
ЩЕРБАКОВ Александр. **Но всё же  
был счастлив вполне...** (№ 1)  
**ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА**  
АНИЩЕНКО Михаил (№ 5)  
АНТОНОВ Виктор (№ 5)  
БАЛАЧАН Владимир (№ 2)  
БУЛАТОВ Юмилъ (№ 5)  
ВОЕВОДИН Вадим (№ 2)  
ГЕРАСИМОВ Пётр (№ 5)  
ГУРЧЕНКО Леонид (№ 5)

ЖУТИКОВ Михаил (№ 9)  
ЗАПРЯГАЕВ Анатолий (№ 2)  
ИВАНОВА Елена (№ 5)  
КАТКОВ Александр (№ 5)  
КОЗЫРЕВА Екатерина (№ 6)  
КУЗНЕЧИХИН Сергей (№ 6)  
КУЛИКОВ Георгий (№ 9)  
ЛЕВЧЕНКО Валерий (№ 8)  
ЛУКЬЯНОВ Игорь (№ 6)  
МАКСИН Юрий (№ 5)  
МУКОВОЗОВА Елена (№ 5)  
НЕСТРУГИН Александр (№ 2)  
НИКАНДРОВ Николай (№ 5)  
ОБОЛОНСКИЙ Николай (№ 6)  
ОБЪЕДКОВ Анатолий (№ 6)  
ПАСТУХОВ Виктор (№ 5)  
ПЕРЕЯСЛОВ Николай (№ 5)  
ПОТАПОВА Виола (№ 5)  
ПОШЕХОНОВ Александр (№ 2)  
ПРОХОРОВ Виктор (№ 5)  
РЯБЕНЬКИЙ Константин (№ 9)  
РЯБИЙ Ирина (№ 8)  
САВОСТЬЯНОВ Валерий (№ 5)  
ФАЛЬКО Николай (№ 5)  
ФАНКИН Юрий (№ 9)  
ФРОЛОВ Андрей (№ 9)  
ХОМЯКОВ Владимир (№ 5)  
ЧЕРКАШИН Павел (№ 8)  
ШЕВНИН Владимир (№ 2)  
ЩЕРБЕНИНА Татьяна (№ 9)  
ЭРАСТОВ Евгений (№ 9)

---

### Парнас смеется

---

СЛАВЯНИН С. “Бьют женщин...” (№ 7)  
ШТЫРОВ Анатолий. Сон в зимнюю  
ночь (№ 10)

---

### Дневник современника

---

КАЗИНЦЕВ Александр. 30 лет без  
права передышки (№ 1); Поезд  
убирается в тупик (№ 2, 3, 6, 7, 10)

---

### Очерк и публицистика

---

АРЦИБАШЕВ Александр. Вверх по  
Нейве-реке (№ 2); Споткнуться –  
не значит упасть (№ 12)  
БОБРОВ Александр. Книга как зер-  
кало (№ 9)  
БОЙКО Александр. Все болезни от  
докторов? (№ 4)  
БРОНШТЕЙН Виктор. Бизнес и куль-  
тура – вещи совместимые (№ 12)  
БРУШЛИНСКИЙ Константин. Строи-  
тель советской науки (№ 2)  
ВАСИЛЬЕВ Алексей. “Слушай голос  
Ат-Тохрира!” (№ 12)

ВУЛЬФОВ Алексей. “Какая жизнь от-  
ликовала...” (№ 7)  
ГАНИЧЕВ Валерий. Итак, о русском  
(№ 3); Сражаясь за Родину (№ 6)  
ГЛАЗЬЕВ Сергей. Последний шанс  
на “экономическое чудо” (№ 10)  
ГОДИН Юрий. Как сохранить здоро-  
вье нации? (№ 7)  
ГОЛОСОВ Рудольф. За Россию  
обидно (№ 5)  
ГРЕКОВ Владимир. Кто ответит за  
Ливию? (№ 10)  
ДЕЛЯГИН Михаил. “Новые кочевни-  
ки” по-старому рвут Россию  
(№ 5); Конец европейской меч-  
ты (№ 9); Непубличный аспект  
кризиса демократии (№ 11)  
ДЕНИСОВ Владимир. Северное сия-  
ние для опорного края (№ 7)  
ДЗАРАСОВ Солтан. “Грюндерство”  
на пошехонской почве (№ 4)  
ЕМЕЛЬЯНОВ Юрий. Суд времени  
(№ 2)  
ЗАРЕЦКАЯ Юлия. Русский саморо-  
док (№ 12)  
ЗЮГАНОВ Геннадий. Время требует  
новой политики (№ 11)  
ИЛЮХИН Виктор. Последнее письмо  
президенту (№ 9)  
КАЛЁНОВА Тамара. Записки инспек-  
тора (№ 5)  
КЛЮЧНИКОВ Борис. Ислам в Европе  
(№ 2); Исламофобия (№ 6); За-  
кат Евросоюза? (№ 10)  
КОМАРОВА Наталья. “Мне спокой-  
нее, когда я говорю правду”  
(№ 8)  
КУНЯЕВ Станислав. Воздух Эльбы  
(№ 4); “Племя младое, незнако-  
мое” (№ 6)  
ЛАВРЁНОВ Павел. Камчатка: рус-  
ский край (№ 5)  
ЛУКАШЕНКО Александр. Народ  
прежде всего (№ 5); Строить со-  
юз на равных (№ 12)  
ЛЫНЁВ Руслан. Расскажи, расска-  
жи, профессор (№ 5); Кого счи-  
тать евреем? (№ 8)  
МАЛИНОВСКИЙ Александр. Один год  
из жизни директора (№ 11)  
МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татья-  
на. Необъявленный маршрут (№  
1); Старые песни на новый лад  
(№ 3); “Ненаказанный сын –  
бесчестье отцу” (№ 8); Цунами в  
стакане (№ 10)  
МИЗГУЛИН Дмитрий. Нужно любить  
людей (№ 9)  
МЯЛО Ксения. В зеркале юбилея  
(№ 6)  
МУСТАФИН Ямилъ. Не для того мы  
освобождали Курилы... (№ 9)

НИКИТИН Валентин. **Культ и культура в деле сохранения межнационального согласия** (№ 4)  
НИКОЛАЕВ Михаил. **На полях великой реформы** (№ 3)  
НОВИК Виталий. **Образ и личность Ломоносова** (№ 11)  
ОВЧИНСКИЙ Владимир. **Дракон побеждает коррупцию** (№ 2)  
ОСИПОВ Валентин. **Неудобный Закон** (№ 2)  
ПАХОМОВ Юрий. **Вьетнам: от Ханоя до Камрани** (№ 11)  
ПОЛТОРАНИН Михаил. **Лев Рохлин, или открой, стучится Сталин!** (№ 1)  
ПОЛЯЧЕНКО Георгий. **“Не навреди”** (№ 4)  
ПОПОВ Владимир. **Кавказ подо мною...** (№ 1); **Россия: модернизация или утилизация?** (№ 3); **Моя Россия** (№ 11–12)  
ПРОЛЕСКОВСКИЙ Олег, КРИШТАПОВИЧ Лев. **Импортозамещение идей** (№ 12)  
РАЧИН Евгений. **Миф о футболе** (№ 2)  
САВЧЕНКО Евгений. **Экономика знаний и реформа образования** (№ 6)  
СВЕРДЛОВА Ольга. **Не хлебом единым** (№ 3)  
СЕЛИВАНОВ Александр. **ИНСОР: радикальный либерализм в псевдонаучной оболочке** (№ 12)  
СЕМАНОВ Сергей. **Погибоша аки обрере** (№ 1); **Тюрьма народа** (№ 10)  
СЕРГЕЕВ Сергей. **Первенцы русского национализма** (№ 1)  
СОВЕТНАЯ Наталья. **“Горе миру от соблазнов”** (№ 12)  
УБОГИЙ Андрей. **Горы и горе** (№ 1); **Русские реки** (№ 6)  
**Уроки Манежной. Обсуждение декабрьских выступлений молодежи** (участвуют К. Мяло, В. Овчинский, Ю. Голик, А. Фефелов, А. Казинцев) (№ 1)  
ФУРСОВ Андрей. **Десталинизация-2011: скрытые шифры (мотивы, цели, интересы)** (№ 6)  
ХАТУНЦЕВ Станислав. **Константин Леонтьев: жизнь и судьба** (№ 11)  
ШВЕД Владислав. **“Двойная бухгалтерия” Катюны** (№ 1); **Литовский лабиринт** (№ 8–9)

---

### Память

---

АБРАМЫЧЕВ Алексей. **“Кто к знамени присягал...”** (№ 8)  
АРТЮХОВИЧ Юлия. **Гудермесский базар** (С предисловием Ст. Куняева) (№ 8)

БУРЛЯЕВ Николай. **Летопись “Золотого Витязя”** (№ 8)  
ВАСИЛЬЕВ Владимир. **Нахимовцы первого призыва** (№ 2)  
ГРОДЕЦКАЯ Анна. **Вспоминая отца** (№ 3)  
ГУСЕВ Геннадий. **“Трудовичком не отделаешься!”** (№ 3); **Стояние на Комсомольском. Москва. 1991 год** (№ 8); **Дом, который построил Лондон** (№ 12)  
ГУСЛЯРОВ Евгений. **Закон Достоевского и “фуриозная эманципантка”** (№ 11)  
ЗОТОВ Станислав. **Истина Евгения Родионова** (№ 5)  
КАЛЮЖНЫЙ Григорий. **Третья оборона Севастополя** (№ 2)  
КОЖЕМЯКО Виктор. **Уроки русского** (*Беседа с В. В. Кожиновым*) (№ 1)  
КУНЯЕВ Сергей. **“Ты, жгучий отпрыск Аввакума...”** (№ 1, 3–7, 9–11)  
НЕПОБЕДИМЫЙ Сергей. **Русское оружие** (№ 9)  
ПЕРЕВЕРЗЕВ Олег, СУББОТИН Сергей. **На голой грани бытия** (№ 12)  
СЕРГУНЕНКОВ Борис. **Приметы души** (№ 2)

---

### Русские судьбы

---

ДЕСЯТНИКОВ Владимир. **Дневник русского человека** (№ 2)

---

### Свет разума

---

ШЕВКУНОВ (Архимандрит Тихон). **“Вы даже не представляете, что такое – монастырь!”** (№ 4)  
НИКОДИМ, Митрополит. **Жребий Божий** (№ 4)

---

### Критика

---

АБСАВА Георгий. **Против антилермонтоведения** (№ 7)  
БАЖЕНОВА Александра. **Портрет на фоне сельского пейзажа** (№ 1)  
БАЗАНКОВ Михаил. **Заветный жемчуг поэта** (№ 5)  
БОНДАРЕВ Юрий. **Анатолий Владимирович** (№ 1)  
БОНДАРЕНКО Владимир. **Русский вызов** (№ 2); **Палёная литература** (Со вступительной статьёй Ст. Куняева) (№ 11)  
БОЧЕНКОВ Виктор. **Из чистого зерна** (№ 12)

ВОДОЛАГИН Александр. **Центральная фигура в истории русского самосознания** (№ 10)  
ГАНИЧЕВ Валерий. **Анатолий Софронов. Человек-крепость** (№ 1); **Нам надо знать свою Россию** (№ 9)  
ГОЛУБЕВ Александр. **Россошанские яблоки** (№ 5)  
ДВОРЯШИН Юрий. **М. А. Шолохов в переписке с современниками** (№ 5)  
ДОНЦОВ Сергей. **Неслучайность “византийских” повестей в творчестве Н. С. Лескова** (№ 2)  
ЕГОРЫЧЕВ Владимир. **Война: подвиг и предательство** (№ 12)  
ИЗУМРУДОВ Юрий. **Сергей Клычков и Борис Садовской** (№ 7)  
ИЛЬИНСКИЙ Игорь. **Белая правда Бунина** (№ 3)  
КАЛЮЖНЫЙ Григорий. **Завещание Ломоносова** (№ 12)  
КАТАЕВА Нина. **Юбилей на фоне беспредела** (№ 3)  
КЛЮЧНИКОВ Юрий. **Метеор, взлетевший в небо** (№ 4)  
КОРОСТЕЛЁВА Валентина. **Как вольная сильная птица...** (№ 1)  
КРАСНИКОВ Геннадий. **На горней стороне Паскаля** (№ 9)  
КУНЯЕВ Станислав. **Пилигримы** (№ 1); **Живущий в своём народе** (№ 5); **Душа России** (№ 6); **Самая жгучая связь** (№ 9)  
КУРКИН Борис. **Оперативное дело “Ревизор”** (№ 11)  
ЛАГЕРЕВ Сергей. **По следам ушедшего времени** (№ 1)  
ЛОБАНОВ Михаил. **Оплот русского сопротивления** (№ 4)  
ЛОЩИЦ Юрий. **Поэт и богема** (№ 5)  
МОНАХОВА Ирина. **Белинский и Гоголь** (№ 6)  
МОРОЗОВ Геннадий. **Гений чистого бельканто** (№ 9)  
НЕБОЛЬСИН Сергей. **Чайка и буревестник** (№ 7); **Опасаясь русских вопросов** (№ 11)  
НЕПОМНЯЩИЙ Валентин. **Личность Пушкина: современное понимание?** (№ 10)  
НЕЧАЕНКО Дмитрий. **“Двенадцать” как сновидческая мистерия** (№ 8–9)  
**О Союзе писателей ныне и в будущем** (№ 10)  
ПАПКОВА Елена. **Вожди, критики, читатели...** (№ 3)  
ПЛОТНИКОВ Виталий. **Непреходящее** (№ 1)  
ПОЛЁТОВА Майя. **Во Вьетнаме знают и любят поэта Рубцова** (№ 1)

ПОТАПОВА Альбина. **“Когда моей душе сойдёт успокоенье...”** (№ 5)  
РАЗУМИХИН Александр. **Из лучших побуждений** (№ 12)  
РАЧКОВ Николай. **Колокола Михаила Чванова** (№ 5)  
РУДНЕВ Александр. **“Углы” профессора Дурылина** (№ 10)  
РУМЯНЦЕВ Андрей. **Вечные письма** (№ 3)  
РЯБИЙ Михаил. **Размышления над строчками Сергея Козлова** (№ 11)  
СЕГЕНЬ Александр. **Аристократ духа** (№ 2)  
СЕМАНОВ Сергей. **Мистика!** (№ 7);  
СТРУКОВА Марина. **Певец русской удали** (№ 9)  
ТАТАРИНОВ Алексей. **Шарль Бодлер и Юрий Кузнецов: декаданс и его преодоление** (№ 2)  
ТКАЧЕНКО Пётр. **После неистового Виссариона** (№ 10)  
ЧЕРКЕСОВ Валерий. **“Поэзия моя проста, как хлеб с водой...”** (№ 11)  
ЧЕРНОМЫРДИН Андрей. **“Тихий Дон” XXI века** (№ 2)

---

### Книжный развал

---

АЛЕКСАШИНА Виктория. **Где обитает душа Черногории...** (№ 9)  
КОТЮКОВ Лев. **Единственный путь** (№ 3)  
КУЗНЕЦОВ Геннадий. **“Стеклолестница в небо”** (№ 9)  
СЕРКОВ Виталий. **“И прошла земная ось через сердце это”** (№ 3)  
ШИШКИН Евгений. **Люди-призраки Юрия Козлова** (№ 9)

---

### Патриотика

---

АНАШКИН Эдуард. **Тоска по героям** (№ 8)  
ЗОТОВ Станислав. **Записки счастливого человека** (№ 10)  
КОМАРОВ Илья. **Мой старинный друг** (№ 7)  
ПАВЛОВ Юрий. **“Несостоявшаяся революция” или несостоявшееся открытие** (№ 4)  
СЕВАСТЬЯНОВ Александр. **“Вопросы национализма” побуждают думать об ответах** (№ 2)  
СЕВЕРИКОВА Нина. **Город, который остановил Гитлера** (№ 2)  
СЕРЯКОВ Альберт. **“Отец смотрит на меня...”** (№ 2)  
ТИТОВ Кирилл. **Странная презентация** (№ 1)

ФИЛАТОВ Сергей. **Русский взгляд** (№ 5)  
ХАТУНЦЕВ Станислав. **Хроника приближения к Мальстриму** (№ 4)  
ЧВАНОВ Михаил. **Поэт-алкаш выразитель алкаша-народа?** (№ 1)

---

### **Среди русских художников**

---

ПЕТРОВА Марина. **Мастер русского портрета** (№ 10)  
СЫЧЁВА Лидия. **Сила таланта** (№ 7)

---

### **Наша Москва**

---

РУГА Владимир, КОКОРЕВ Андрей.  
**Будочники** (№ 10)

---

### **Полемика**

---

КУНЯЕВ Станислав. **“За базар отвечать надо...”** (№ 4)  
**Обращение представителей русской общественности** (№ 4)  
**Подводя итоги...** (№ 12)

---

### **Письмо в номер**

---

**А судьи – кто?** (№ 3)  
**Главному редактору Куняеву Ст. Ю.** (№ 8)  
ЕРШОВ Максим. **Письмо Редактору** (№ 11)  
НИКАНДРОВ Николай. **Есенинский призыв** (№ 10)

---

### **Слово читателя**

---

**«Народным духом и неистощимой надеждой...»** (№ 9)  
**Родина – это страна и люди, которые ею гордятся** (№ 5)

**«Только ваш журнал...»** (№ 5)  
**Трудиться и уважать свой народ** (№ 9)  
**Читатель продолжает разговор** (№ 3)

---

### **Венок Тукаю**

---

МАГДЕЕВ Мухаммет. **“Путник! Возвести нашим гражданам в Спарте...”** (№ 4)  
МАЛИКОВА Мадина. **Когда луна на ущербе.** Рассказ (№ 4)  
МИННУЛЛИН Туфан. **Проклятый.** Рассказ (№ 4)  
МУСТАФИН Рафаэль. **Встреча с этим** (№ 4)  
ТУКАЙ Габдулла. **Думай о народном благе** (№ 4)  
ХАРИС Ренат. **О поэтическом мире Тукая** (№ 4)

---

### **ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА** (№ 4)

РАХИМ Гарай  
МИРЗА Мухаммат  
ГАЛИЕВ Шаукат  
ГАРАЕВА Салисэ  
МИННУЛЛИН Роберт  
МУСЛИМОВА Файруза  
СОЛТАН Фавзия  
ФАЙЗУЛЛИНА Марзия  
ШАЕХ Ленар  
МИНГАЛИМ Рустам  
РАШИТОВ Ахмет  
МАНСУРОВ Зиннур  
АЛЕШКОВ Николай  
ЗАЙДУЛЛА Ркаиль  
ЛЕВАДНАЯ Ольга  
ГАЗИЗОВА Лилия

**Годовое содержание** (№ 12)

.....

*Информируем читателей, что в номерах 1–12 за 2011 год редакцией реализован разработанный ею социально значимый проект “Как живёшь, Россия?” (проза, поэзия, публицистика, литературная критика).*

*Выпуск проекта осуществлён при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям.*